АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

О.В. ОРЛИК

Декабристы И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Ответственный редактор
академик
А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА. 1984

западе и со стремлением контрреволюционного Священного союза европейских монархов подавить революционные выступления народов против феодально-абсолютистских порядков, отстоять незыблемость основ, на которых зиждилась «венская система» международных отношений. В 20-х годах XIX в. разразился Восточный кризис, в который оказались втянутыми все великие европейские державы. Его начало было положено греческим восстанием 1821 г. под руководством А. Ипсиланти в зависимом от Порты княжестве Молдавии и обострением отношений России с Турцией.

Хронологически работа охватывает период со времени Венского конгресса — от создания на нем новой системы международных отношений, от Священного союза и до Адрианопольского мира 1829 г., подписанием которого успешно завершилась русско-турецкая война 1828—1829 гг., разрубившая силой русского оружия «восточный узел», крепко затянутый в период Восточного кризиса.

Так, центральное место в работе занимает анализ взглядов и позиций декабристов по внешнеполитическим вопросам в период декабристского движения — во время формирования их идейно-политических воззрений, революционной политической программы переустройства старого строя, подготовки открытого вооруженного выступления против царизма.

Освещение взглядов декабристов после 1825 г. на внешнюю политику царизма и важнейшие международные события, современниками которых были сосланные на долгую каторгу в Сибирь и на Кавказ многие участники декабристского движения и восстания против самодержавия, не входит в задачи настоящей монографии. С высоты своего опыта и новой эпохи, в которой оказались ссыльные декабристы, они подходили к рассмотрению внешнеполитических событий той поры, когда действовали их тайные организации, анализировали внешнюю политику царизма и других европейских монархов. Как и в период декабристского движения взгляды ссыльных декабристов выражали разную степень радикальности мысли их авторов; главное, они свидетельствовали о дальнейшем развитии процесса формирования революционной идеологии в России. Это большая и самостоятельная тема, которая еще ждет своего исследователя.

В работе в целом не рассматриваются воззрения ссыльных декабристов на события прошлых лет, но вместе с тем нами изучается отношение к кавказским делам и их роли в политике России, к национально-освободительной борьбе народов Кавказа второй половины 20-х годов XIX в. тех декабристов, которые после подавления царизмом восстания 1825 г. и осуждения их царским судом были отправлены в действующую армию на Кавказ. Там они стали непосредственными свидетелями событий, которые в основном завершили Восточный кризис 20-х годов. Участвуя в русско-иранской (1826—1828 гг.) и русско-турецкой (1828—1829 гг.) войнах, они внесли свою лепту в освобождение Восточной Армении и вхождение ее в состав России, что стало

большим историческим событием в жизни армянского народа. Тогда же некоторыми из декабристов были высказаны интересные соображения относительно путей дальнейшего освоения Кавказа и упрочения связей между русским и кавказскими народами, даны оценки политики России в период Восточного кризиса и ее объективно-прогрессивных последствий для народов Балкан и Кавказа. Взгляды декабристов — участников русско-иранской и русско-турецких войн второй половины 20-х годов — одно из первых ярких свидетельств того, что хотя поражение восстания декабристов и нанесло удар по процессу формирования в России передовых для своего времени внешнеполитических взглядов, но оно не прервало их дальнейшее развитие.

Поскольку в ликвидации самодержавно-крепостнического строя были заинтересованы прежде всего самые широкие слои населения страны, то внешняя политика, направленная на защиту нового социального строя, более прогрессивного по сравнению с феодальным, объективно могла выражать в определенный исторический период общенациональные интересы. В России в первой четверти XIX в. такой взгляд на задачи и цели внешней политики складывался у декабристов. Декабристы не были представителями нового класса — буржуазии. Как дворянские революционеры, они выдвинули лозунги революционной борьбы против самодержавия и крепостничества, которые отвечали интересам всей страны, ее национальным интересам. И если сформулированные ими задачи были объективно задачами буржуазной революции, которая в перспективе расчищала путь господству буржуазии, то сами декабристы ставили своей целью добиться благоденствия для всего народа, устранить условия для возникновения роста новых социальных несправедливостей, пример чему они находили в утверждавшемся на Западе буржуазном строе. Исходя из своих революционных задач, они намечали проекты внешнеполитических планов, которые разрабатывали на основе новых внешнеполитических принципов.

Декабристы понимали, что отстоять свою независимость в борьбе с внешними контрреволюционными силами, оказать помощь в освободительной борьбе другим зарубежным народам революционная Россия сможет только при условии подъема экономики, укрепления обороноспособности, упрочения престижа на международной арене. Поэтому отнюдь не случайно, что наряду с другими в проектах политических программ декабристами большое место отводилось внешнеполитическим задачам: укреплению границ государства, налаживанию и развитию политических и экономических отношений со странами Европы, Азии, Америки. Это определялось необходимостью решения ряда важных для России задач в политико-экономическом и военно-стратегическом отношениях. Постановка таких задач свидетельствовала о хорошей ориентации декабристов во внешнеполитических вопросах; она основывалась на анализе международной обстановки в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, учитывала основные результаты по-

литики России на Кавказе, характер отношений со среднеазиатскими государствами и Китаем, с Соединенными Штатами Америки.

Освещение внешнеполитических взглядов декабристов дает возможность полнее представить процесс формирования политических воззрений декабристов, их проектов политической программы, раскрыть идейную жизнь декабристских тайных антиправительственных обществ, истоки их непримиримости к царизму, а также международное значение их революционных планов.

Представляется целесообразным освещение взглядов и позиций по намеченным нами выше вопросам и тех представителей русской общественности, которые тогда были идейно близки декабристам, а некоторые из них были тесно связаны и с самим декабристским движением. Прежде всего это относится к А. С. Грибоедову, А. С. Пушкину, кн. П. А. Вяземскому, С. И. Тургеневу, Н. Н. Муравьеву и др. О росте оппозиционности в разных кругах русского общества к царскому самодержавию, к проводившемуся им курсу внутренней и внешней политики ярко свидетельствуют слова участника восстания 14 декабря 1825 г. поэта Александра Бестужева: «Впрочем, хотя и не в оправдание себе скажу: что едва ли не треть русского дворянства мыслила почти подобно нам, хотя была нас осторожнее» [1].

Методологической основой изучения всех этих проблем, как и вообще всей истории внешней политики России, является марксистско-ленинское наследие по вопросам внешней политики и международных отношений, указания основоположников марксизма-ленинизма о неразрывной связи внешней политики с внутренней, о ее классовой направленности. В. И. Ленин подчеркивал, что «выделять „внешнюю политику“ из политики вообще или тем более противополагать внешнюю политику внутренней, есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль» [2]. В конечном итоге характер внешней политики определяется базисом, так как «политика есть концентрированное выражение экономики» [3], но механически прямолинейно экономическая основа и внешняя политика связаны быть не могут. На нее оказывают влияние международная обстановка, определенные исторические традиции и другие факторы. Разумеется, без учета их невозможен глубокий и всесторонний анализ внешнеполитических проблем.

Советские историки уделяют серьезное внимание теоретическим вопросам исследования истории внешней политики и международных отношений [4]. Ими вскрыты социальная сущность и классовые основы внешней политики России на разных этапах ее исторического развития, в том числе в первые десятилетия XIX в.; показано, что характер и цели внешней политики царизма определялись классовой природой самодержавия.

В настоящей монографии дается краткий обзор основных направлений внешней политики России, раскрываются ее классовые основы, характеризуются субъективные цели политики царизма и объективно-прогрессивные последствия ее политики на Востоке,

рассматриваются оценки этой политики основоположниками марксизма-ленинизма.

В. И. Ленин создал цельную концепцию декабристского движения, показал специфику революционности декабристов, определив ее как дворянскую революционность, охарактеризовал историческое значение движения декабристов, его место в российском революционном движении. В идейно-теоретическом наследии В. И. Ленина содержатся ценные методологические указания для понимания существа дворянской революционности и ее исторической ограниченности[5]. Понятие дворянской революционности, как показали советские историки, не является какой-то специфически «русской» и даже «декабристской» проблемой. «Дворянская революционность — категория общеисторическая, а не только российская»[6]. Такой подход к раскрытию сущности дворянской революционности, исторических условий, ее породивших, открывает большие возможности «для более глубокого анализа соответствующего круга явлений как во всеобщей, так и в отечественной истории»[7].

Изучение внешнеполитических воззрений декабристов, прежде всего разрабатываемых ими вопросов теории внешней политики, дает возможность глубже понять существо дворянской революционности как исторической категории, возникшей в эпоху буржуазных революций. Там, где в силу конкретно-исторических условий буржуазия не стала революционной силой, революционную борьбу против старого феодального строя возглавили дворянские революционеры. «Лучшие люди из дворян», по определению В. И. Ленина, стали зачинателями освободительного движения в России. Во внешнеполитических концепциях дворянских революционеров разных стран проявлялись многие общие черты, которые характеризуют понятие дворянской революционности и ее историческую ограниченность. Вместе с тем в них проступали и существенные специфические черты, определяемые конкретно-историческими условиями и конкретными задачами той или иной страны в области решения внешнеполитических проблем.

В. И. Ленин неоднократно отмечал важность международных связей передовой России, идей солидарности народов, которые отстаивали русские революционеры[8]. В славной когорте российских революционеров В. И. Ленин не случайно назвал декабристов: заложенные ими идеи революционного единения народов, ярко проявившиеся в их отношении к национально-освободительному движению в Европе, а также их критика контрреволюционной политики царизма, развитые и упроченные последующими поколениями революционеров, помогали в борьбе за сплочение европейских революционных сил.

Одной из центральных проблем исследований советских декабристоведов является процесс формирования идейных воззрений декабристов. Среди широкого круга глубоко разработанных вопросов этой проблемы, тем не менее имеются вопросы, в целом еще довольно мало изученные. К ним можно отнести внешнеполитические взгляды и планы декабристов, их взгляды по вопросам

международных отношений, поиски декабристами путей революционного единения народов. Поскольку в настоящей работе рассматривается широкий круг вопросов, то, как нам представляется, целесообразно давать анализ научных трудов по отдельным проблемам темы, а оценки состояния их разработанности — непосредственно в главах настоящей монографии, т. е. там, где эти вопросы освещаются. Поэтому во «Введении» мы останавливаемся только на характеристике некоторых основных работ по теме нашего исследования, на важнейших вехах в развитии советского декабристоведения. Подробный анализ историографии темы вплетен в канву отдельных глав книги.

Комплексно внешнеполитические взгляды и позиции декабристов еще не рассматривались ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Хотя, конечно, отдельные вопросы, как, например, отношение декабристов к балканской проблеме, к западноевропейским революциям и к некоторым другим вопросам, находили отражение в работах. Методологической основой исследований о декабристах советских ученых является ленинская концепция освободительного движения в России, концепция первой, довольно всесторонне разработанной идеологической системы дворянских революционеров,— декабризма. Становление советского декабристоведения тесно связано с отмечавшимся в 1925 г. столетним юбилеем восстания. Тогда появилось значительное число работ, посвященных декабристам, созданных историками старшего поколения и молодыми учеными. В некоторых из них были затронуты и вопросы внешнеполитических воззрений декабристов. В 1923 г. была опубликована статья А. Н. Шебунина «Декабристы и вопросы внешней политики». В этой, в целом интересной и содержательной работе автору, однако, как нам представляется, не удалось полно раскрыть подлинное достижение декабристской мысли в разработке внешнеполитических проблем, оценить значение поисков ими путей революционного единения народов[9]. В 1927 г. вышла в свет монография академика М. В. Нечкиной о наиболее демократическом крыле декабристского движения — «Обществе соединенных славян», остававшемся вне поля зрения дореволюционных историков; в книге был поставлен вопрос об идеях славянской федерации, создание которой мыслилось членами этого общества на демократической основе, после освобождения славянских народов революционным путем от гнета феодально-крепостнического строя. Широкий круг вопросов, в том числе об идейных источниках формирования политических воззрений декабристов, был поднят в книге академика Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев» (М., 1933).

В дальнейшем успешно продолжалась разработка основных проблем движения декабристов, была дана глубоко научная оценка взглядов декабристов, в том числе и по внешнеполитическим проблемам. Так, в фундаментальном труде М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (М., 1955, т. 1, 2) проанализирован процесс разработки декабристами политической программы действия,

вскрыта органическая связь внутриполитических планов декабристов с внешнеполитическими задачами, освещены важные аспекты внешнеполитических планов. Новую страницу декабристоведения открывают исследования Е. А. Прокофьева, посвященные военным взглядам декабристов[10]. В трудах М. В. Нечкиной, Б. Е. Сыроечковского, П. Н. Ольшанского, И. С. Достян и других авторов анализировались декабристские планы создания славянской и балканской федераций[11]. Но, как справедливо отметил один из видных исследователей этих вопросов — Сыроечковский, «балканский вопрос являлся лишь частью общей выдвинутой декабризмом внешнеполитической программы... Отдельные части этой широкой и смелой программы смыкались в революционной концепции Пестеля в цельную систему»[12].

Только в некоторых трудах, и прежде всего академика А. Л. Нарочницкого[13], подчеркивалась важность изучения всей системы внешнеполитических взглядов декабристов, рассмотрения значения разрабатываемых ими внешнеполитических планов своей страны после ее освобождения от пут старого строя для европейского революционного движения, для подрыва влияния в Европе Священного союза, для развития на новой основе взаимоотношений с народами Европы.

Глубокое обоснование важности изучения отношения декабристов к международным проблемам их времени, к внешней политике России сделано известным советским историком А. В. Фадеевым. В 50-х годах XX в. он начал исследование некоторых вопросов этой темы, но безвременная кончина оборвала его большие творческие замыслы. А. В. Фадеев писал: «Задумываясь над судьбами своей Родины, русские дворянские революционеры не могли не реагировать на жизненно важные для России проблемы внешнеполитического порядка... И пусть они не выражали официальной точки зрения на актуальные проблемы международной политики. В конечном счете не царские министры и дипломаты, а именно те передовые русские люди, которые в глухую ночь реакции подняли знамя восстания против царизма, именно они представляли в то время подлинную Россию, ту Россию, которой принадлежало будущее и которая уже тогда действительно играла прогрессивную роль в мировой истории»[14].

Отношение декабристов к рассматриваемым в настоящей монографии проблемам внешней политики — одно из ярких свидетельств этого.

Подготовка к 150-летию восстания декабристов, отмеченному в 1975 г., значительно активизировала исследовательскую работу, способствовала подведению итогов достигнутого и определению дальнейших перспектив изучения декабризма. Известные достижения были отмечены и в области изучения взглядов декабристов на внешнюю политику и международные отношения. Эти вопросы затронуты в работах академика Академии наук Армянской ССР М. Г. Нерсисяна, О. В. Орлик, М. И. Ковальской, Н. Н. Болховитинова и других историков[15].

В ряде исследований последних лет, в том числе изданных к 150-летию присоединения Восточной Армении к России, глубже раскрыты участие ссыльных декабристов в освобождении армянского народа от чужеземного гнета, роль декабристов в развитии дружественных связей между передовыми представителями русского и кавказских народов[16].

Настоящая работа представляет первую попытку освещения широкого круга вопросов, относящихся к взглядам декабристов на внешнюю политику России и важнейшие международные события времени формирования декабристского движения[17].

В монографии нами привлечен большой документальный материал, как опубликованный, так и архивный. Использованы следственные дела декабристов, изданные в многотомной документальной публикации «Восстание декабристов» (издание начато в 1925 г.). По своим масштабам, широте охвата материалов и их ценности это издание является среди многочисленных публикаций по движению декабристов поистине уникальным. Оно ведется Институтом истории СССР АН СССР совместно с Главным Архивным управлением при Совете Министров СССР. Научным редактором большинства томов является М. В. Нечкина. Важное значение для раскрытия темы имеют оригинальные труды декабристов, в том числе их многочисленные статьи в журналах, изданные до восстания декабристов, а также и те, которые создавались тогда, но вышли в свет значительно позднее. Основная масса этих документов была опубликована советскими исследователями во многих исторических журналах, в тематических сборниках, а также в изданиях, посвященных отдельным представителям этого движения.

Ценным источником является русская и зарубежная пресса, материалы которой дают представление об информации в России о важнейших международных событиях того времени, прежде всего о подъеме революционных выступлений в Западной Европе и на Балканах, а также о ходе русско-иранской и русско-турецких войн второй половины 20-х годов и по другим вопросам внешней политики России. Малоизученный источник — путевые дневники, записки, письма декабристов, а также других прогрессивно настроенных представителей русской интеллигенции, близких по своим воззрениям к декабристам, которые приняли участие в дипломатических миссиях в некоторые европейские и восточные страны, а также в торговых экспедициях в Иран, Хивинское и Бухарское ханства.

В монографии использованы материалы, раскрывающие более широко отношение передовой России — помимо декабристов,— их единомышленников, формально не входивших в тайные декабристские общества,— к внешней политике царской России и ее дипломатии, к политике других европейских держав.

Много новых материалов о взглядах декабристов на национально-освободительную борьбу кавказских народов, на значение для армянского народа присоединения Восточной Армении к России дают письма и записки Е. Е. Лачинова, И. Г. Бурцова,

В. Д. Вольховского и других участников русско-иранской и русско-турецкой войн.

Большое значение для исследования темы имеют документы по внешней политике России, и прежде всего фундаментальная многотомная публикация «Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел». Работу возглавляет Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР во главе с А. А. Громыко. Редактором всех вышедших к настоящему времени 13 томов [М., 1960—1982, т. 1—8, серия I (1800—1851 гг.), т. 1 (9) — 5 (13), серия II (1815—1830 гг.)] является А. Л. Нарочницкий.

Использованные в монографии новые материалы из московских и ленинградских архивов позволяют полнее осветить некоторые аспекты темы, углубить представление о взглядах на внешнюю политику России и на международные отношения П. И. Пестеля, М. Ф. Орлова, А. О. Корниловича, Е. Е. Лачинова, И. Г. Бурцова, А. А. Жемчужникова, С. И. Тургенева и других, а также об отражении в идейной жизни тайных обществ декабристов важнейших внешнеполитических проблем.

Среди привлеченных нами архивных материалов значительную группу составляют официальные документы, раскрывающие военную, дипломатическую деятельность ряда декабристов и лиц, близких к ним по идейным воззрениям. Очень важны для освещения темы документы о настроениях в прогрессивных кругах России в связи с подъемом освободительной борьбы на Балканах, в Западной Европе, а также в связи с борьбой армянского народа против угнетения. Эти и другие вопросы нашли отражение в документах ЦГАОР СССР: в архивных фондах III Отделения с.е.и.в. канцелярии, Следственных дел декабристов (ф. 48), Библиотеки Зимнего дворца (ф. 728); в ЦГИА СССР: в фондах архива Н. С. Мордвинова (ф. 994), «Бумаги Сперанского» (ф. 1251), С.-Петербургского цензурного комитета (ф. 777), с.е.и.в. канцелярии (ф. 1409); в АВПР: в фондах Канцелярии министерства иностранных дел и Главного архива (ГА, I — 9); в ЦГВИА СССР: в фондах Военно-ученого архива (ф. 492), Канцелярии военного министерства (ф. 1, 29), Канцелярии начальника Главного штаба е.и.в. (ф. 35), Канцелярии дежурного генерала Главного штаба е.и.в. (ф. 36), Главного штаба 2-й Армии (ф. 14057) и Главного штаба Кавказской армии (ф. 14719).

Наряду с документами официального характера в фондах названных выше архивов имеются личные материалы декабристов, в том числе завершенные рукописи работ и черновые наброски по отдельным внешнеполитическим вопросам. (Следует особо отметить фонд № 48 в ЦГАОР СССР, фонд Канцелярии в АВПР, а также фонды ВУА и № 35 в ЦГВИА СССР, фонд П. Д. Киселева (ф. 958) в ЦГИА СССР).

Документы личных фондов углубляют представления о внешнеполитических взглядах и позициях декабристов, шире раскрывают их непримиримость к контрреволюционной политике

царского правительства и других европейских монархов. Нами привлечены материалы из: фондов А. И., Н. И., С. И. Тургеневых (ф. 309), братьев Бестужевых (ф. 604), П. Д. Киселева (ф. 143) и др. в ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом); фонда Г. С. Батенькова (ф. 20) в ОР ГБЛ; фондов Г. С. Батенькова (ф. 49), В. А. Жуковского (ф. 286), Д. И. Завалишина (ф. 289), М. М. Сперанского (ф. 731), историка А. Н. Шебунина (ф. 849) в ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Исследование темы затруднено большой разобщенностью источников, необходимостью изучения огромного круга различных документальных материалов, в том числе дипломатических. Критическое использование разнообразных источников, изучение работ по отдельным проблемам темы дает возможность раскрыть ее многие аспекты, ярче представить подлинный вклад зачинателей освободительного движения в России, внесенный ими в разработку передовой общественно-политической мысли и прогрессивных для своего времени внешнеполитических концепций.

[1] Восстание декабристов: Документы. М.; Л., 1925, т. 1, с. 430. Далее: Восстание декабристов.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 278.

[4] *Фадеев А. В.* О некоторых чертах внешней политики царской России в период разложения крепостнической системы.— Вопросы истории, 1958, № 1; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968, т. 2; *Нарочницкий А. Л.* О теории и методологии истории международных отношений.— Вопросы истории, 1976, № 2; Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС: Дооктябрьский период. М., 1978. Вып. 2; Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. М., 1981; Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 356; т. 21, с. 261—262; т. 25, с. 93—94; т. 30, с. 315, 318.

[6] *Нечкина М. В.* В. И. Ленин — историк революционного движения в России.— В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, с. 48; *Дьяков В. А.* Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М., 1979, с. 8—9.

[7] *Дьяков В. А.* Указ. соч., с. 9.

[8] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 107—108.

[9] *Шебунин А. Н.* Декабристы и вопросы внешней политики.— В кн.: Русское прошлое: Исторические сборники. Пг.; М., 1923, т. 4, с. 21—35. Подробнее о взглядах Шебунина см.: *Сироткин В. Г.* А. Н. Шебунин — историк общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в.— В кн.: История и историки: Историографический ежегодник. 1973. М., 1975, с. 113—127.

[10] *Прокофьев Е. А.* Военные взгляды декабристов. М., 1953; *Он же.* Борьба декабристов за передовое военное искусство. М., 1953.

[11] *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955, т. 1, 2; *Сыроечковский Б. Е.* Балканская проблема в политических планах декабристов.— В кн.: Очерки из истории движения декабристов. М., 1954; *Медведская Л. А.* Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество.— Там же; *Ольшанский П. Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959; *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980.

[12] *Сыроечковский Б. Е.* Указ. соч., с. 272.

[13] *Нарочницкий А. Л.* Международные отношения европейских госу-

дарств с 1794 до 1830 г. М., 1946, с. 66—68.

[14] *Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, с. 6.

[15] *Ковальская М. И.* Движение карбонариев в Италии. М., 1971; *Нерсисян М. Г.* Декабристы в Армении. Ереван, 1975; *Орлик О. В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975; *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения 1815—1832 гг. М., 1975; и др.

[16] *Нерсисян М. Г.* Освобождение Еревана от ханского ига: (К 150-летию присоединения Восточной Армении к России.— Ист.-филол. журн. АН Арм.ССР, 1977, № 3; *Агаян Ц. П.* Роль России в исторических судьбах армянского народа: К 150-летию присоединения Восточной Армении к России. М., 1978; *Парсамян В. А.* Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение: (К 150-летию). Ереван, 1978.

[17] Датировка событий в России дана по старому стилю. События, имеющие международное значение, а также корреспонденция, приходившая в Россию из европейских стран, как правило, датируется по новому или по двойному стилю.

Глава первая

Взгляды декабристов на западноевропейские революции 20-х годов XIX в. и контрреволюционную политику Священного союза

1. Отношение к «венской системе» и созданию Священного союза

Движение декабристов зародилось и развивалось в ту эпоху, когда решительное уничтожение феодально-крепостнических отношений, абсолютизма было главной задачей мировой истории. Старый строй стал тормозом исторического развития. Социально-экономическое развитие России шло хотя по темпам и медленнее, но в целом по тому же пути, который проходили другие государства Европы. Надвигавшийся кризис крепостничества в России раскрыл объективную необходимость ликвидации феодального строя. Выросшее на российской почве движение декабристов отражало насущную потребность страны в решительной ломке феодально-крепостнических порядков.

Первые десятилетия XIX в. стали временем грандиозных событий в жизни Европы. Возникла и рухнула обширная наполеоновская империя, против которой поднялись задавленные ею европейские народы. Победоносный исход Отечественной войны 1812 г. оказал огромное воздействие на рост национального самосознания не только русского, но и других европейских народов. «Уничтожение огромной наполеоновской армии при отступлении из Москвы послужило сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе»[1],— так оценивал Ф. Энгельс всемирно-историческое значение победы русского народа в 1812 г.

Национально-освободительные войны против Наполеона со всей глубиной раскрыли значение народных масс в истории. «Вся история освободительных войн,— писал В. И. Ленин,— показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро»[2].

Социальный протест, который не только не затухал, но, наоборот, поднимался в народах в ходе развертывания национально-освободительной борьбы, свидетельствовал о том, что шло даль-

нейшее развитие всемирно-исторического процесса, содержанием которого была смена феодализма капитализмом. Росло общее стремление народов к освобождению от социального угнетения. Однако тогда оно не переросло в мощное выступление. Социальная база национально-освободительных движений была разнородна. К тому же для сплочения сил против Наполеона поднявшиеся народы вынуждены были идти на союз с монархами; в значительной степени национально-освободительные движения подпали под их контроль. Народы, заплатившие кровью за освобождение Европы от ига Наполеона, еще надеялись на милости своих монархов, ждали от них радикальных реформ.

А европейские правители между тем ставили совершенно иные цели, которые они хотели осуществить силами своих народов. В решениях Венского конгресса, в первых же акциях Священного союза проявились истинные намерения европейских монархов. Все это позволило К. Марксу сказать, что «всем войнам за независимость, которые велись против Франции, свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности»[3]. Основным результатом национально-освободительных войн против Наполеона была не временная победа феодальной реакции, а завоевание национальной независимости европейскими странами, ставшее необходимым условием для победы в них буржуазного строя.

Новый подъем борьбы народов за свое национальное и социальное раскрепощение начался уже в первые послевоенные годы. Необходимость замены старых общественных порядков новыми остро ощущалась во всех странах Европы, в том числе и в России. Отечественная война и особенно ее последствия еще туже завязали узел всех противоречий феодально-крепостнического строя России, еще больше обнажили его подгнившие устои.

Передовым людям России невыносимо было видеть свой народ, победивший в войне, задавленным самодержавно-крепостническим гнетом. С болью в душе писал об этом один из просвещеннейших людей своего времени, будущий активный деятель декабристского движения Н. И. Тургенев. «Можно ли мне будет привыкнуть еще раз смотреть на такие вещи, которые бы я и в аду не хотел видеть, но которые на всяком шагу в России встречаются?.. Можно ли будет без сердечной горести видеть то, что я всего более люблю и уважаю, русской народ, в рабстве и унижении?»[4].

Признавая большую роль народа в освобождении России и Европы, передовые люди проникались мыслью, что народ русский, так же как и другие европейские народы, способен «к самостоятельным действиям и, следовательно, и к самоуправлению».

Непосредственное участие многих будущих декабристов в освободительных походах 1813—1814 гг., пребывание в первые послевоенные годы за границей полнее раскрыли перед ними общие пути исторического развития европейских народов, надвигавшийся кризис феодального строя. Такие выводы, конечно, еще больше развивали их интерес к жизни европейских народов, особенно к опыту национально-освободительной борьбы в Европе. Как писал

Н. И. Тургенев, «происшествия 1812, 13, 14 и 15 года сблизили нас с Европою... И никакая человеческая сила не может уже обратить нас вспять»[5]. Тургенев обращал внимание и на тот факт, что люди из России не только стремятся больше узнавать о жизни Запада, но и «хотят ныне участвовать в судьбе просвещенной Европы; хотят знать не только о ее благополучии, о ее бедствиях, но также и о причинах сего благополучия и сих бедствий».

Особенность эпохи, в которую развивалось движение декабристов, насыщенность ее большими международными событиями, которые не только вызвали интерес у передовых русский людей, но и оказали определенное воздействие на формирование их политических взглядов, ярко и образно раскрыл глава Южного общества П. И. Пестель. Заключенный после поражения восстания декабристов в Петропавловскую крепость в Петербурге, незадолго до казни Пестель в одном из своих ответов на вопросы Следственного комитета писал: «Произшествия 1812, [18]13, [18]14 и [18]15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен, показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных... столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии произшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобностями оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противуположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать»[6]. Подъем революционной борьбы против старого строя, о котором писал Пестель, был порожден объективным развитием исторического процесса. Этот процесс вызвал к жизни революционные явления разные по форме, но общие в главном — в своей направленности против феодального строя. Старый строй шел к упадку, разлагался, в его недрах развивался новый, более прогрессивный в тот период строй — капиталистический.

Из приведенных высказываний Н. Тургенева и Пестеля, сделанных в разное время (одно — в период, когда декабристское движение только начинало формироваться, а другое — уже после поражения восстания 1825 г., когда руководитель Южного общества мысленно анализировал путь развития декабризма), видно, что само декабристское движение им представляется составной и неотъемлемой частью европейского (и даже шире — мирового) освободительного движения против феодального строя. Подобные взгляды выражали и другие участники тайных антиправительственных обществ декабристов. Так, С. И. Муравьев-Апостол, М. Ф. Орлов, С. П. Трубецкой подчеркивали, что в историческом развитии России отражается процесс европейского исторического развития и что «состояние России таково, что неминуемо должен в оной последовать переворот, со временем»[7]. В связи с этим

декабристы дело борьбы с царизмом расценивали не только как внутреннюю задачу страны, но и как важный фактор в общей цепи борьбы народов против абсолютистско-феодальных порядков старого строя; а при анализе источников формирования своей революционной идеологии, как это емко представил Пестель, указывали также и на роль внешних факторов — связи с передовой мыслью Запада, с опытом и уроками революционной борьбы европейских народов. По оценке декабристов, внешние связи, опыт и уроки важнейших международных событий обогащали процесс поисков собственных решений политических проблем в России, которые были вызваны к жизни необходимостью освобождения страны от пут феодально-крепостнического строя.

Вполне естественно, что будущие декабристы с неослабевавшим вниманием следили за всеми современными им международными событиями, и прежде всего за ростом революционной, национально-освободительной борьбы народов, которая год от года (на рубеже 10 и 20-х годов XIX в.) все решительнее сотрясала старый строй. Начало 20-х годов ознаменовалось революциями в ряде стран Западной Европы. Защиту старого феодального строя в Европе была призвана осуществлять система международных отношений, оформившаяся после Венского конгресса 1814—1815 гг. Инструментом насаждения и поддержания «венской системы» стал Священный союз европейских монархов.

Дипломатия Александра I в период конгрессов Священного союза, контрреволюционная политика, проводимая им и другими европейскими монархами во время подъема освободительной борьбы в Европе, изучались декабристами. Критическая оценка деятельности Священного союза, роли в нем Александра I оказала влияние на формирование революционных воззрений декабристов. Выражая свое негативное отношение к идеологическим основам и к самой сущности «венской системы» международных отношений, к действиям Священного союза, декабристы противопоставляли им свои взгляды на внешнюю политику и международные отношения. Это нашло отражение в их оценках международной политики, проводимой европейскими монархами, в разрабатываемых ведущими деятелями движения декабристов внешнеполитических концепциях, в проектах внешнеполитических планов «новой России» [8].

Взгляды декабристов, а также некоторых представителей русской общественности, тесно связанных с этим движением, на Священный союз и «венскую систему» международных отношений мало изучены советскими исследователями [8a]. Освещение этих вопросов важно для изучения процесса формирования внешнеполитических взглядов декабристов. Оно имеет актуальное значение и потому, что в современной буржуазной историографии, как правило, односторонне трактуется роль России в международных отношениях того времени, подчеркивается только реакционный характер политики царизма и почти полностью игнорируется борьба против него передовых деятелей России. Ею не раскрываются объ-

ективно-исторические последствия восточной политики России для народов Балканского полуострова и Кавказа, для развития и упрочения их связей с народами Российского государства.

Венский конгресс открыл новый этап во внешней политике европейских монархов, в международных отношениях XIX в. Его действия были направлены не только на создание гарантий против возможного повторения агрессии со стороны Франции, но также на искоренение в Европе последствий Французской буржуазной революции конца XVIII в., на удовлетворение территориальных притязаний со стороны держав-победительниц. Вся Европа, если не считать европейских владений Османской империи, оказалась связанной системой общих договоров, которые создали основу для временного политического равновесия на континенте. Такой характер этого равновесия определялся прежде всего тем, что оно зиждилось на феодально-абсолютистских основах, которые со временем все больше вступали в противоречие с объективным процессом исторического развития.

Перекраивая карту Европы без учета национальных интересов народов, монархи, воевавшие против Наполеона, стремились юридически закрепить свои завоевания. Они надеялись приглушить, а то и вовсе уничтожить воздействие идей Французской революции в Европе, заменяя эти идеи контрреволюционной идеологией легитимизма. Являясь идеологической реакцией на Великую Французскую революцию, легитимизм вобрал в себя некоторые просветительские идеи, превратно их истолковав и приспособив к своим классовым целям. Так, был использован принцип «естественного закона» для обоснования жизнеспособности основ государственного строя феодальной монархии. Значительную роль в теории легитимизма играл религиозно-нравственный аспект. Решения Венского конгресса, мѐтко названного Ф. Энгельсом конгрессом «крупных и мелких деспотов»[9], означали реставрацию во многом дореволюционных порядков, преимущественно в политической области. Однако реставрировать все «легитимные» династии, восстановить повсеместно абсолютизм оказалось невозможным. Это свидетельствовало о необратимости многих изменений, которые произошли в Европе со времен Великой французской революции. Поэтому царское и некоторые другие правительства иногда были вынуждены даже вводить конституционные порядки или мириться с их существованием.

В историю европейской дипломатии Священный союз европейских монархов вошел как «организация с резко очерченной монархически-клерикальной идеологией, созданная на основе подавления революций и политического и религиозного свободомыслия, где бы они не проявлялись»[10]. Александр I облекал идею создания союза монархов в мистически-религиозную оболочку. Он афишировал свою убежденность «в божественном освящении» власти законных монархов, во что он, якобы, окончательно уверовал после победы над Наполеоном в 1812 г. К концу антинаполеоновских войн царь все больше выражал желание объединить монар-

хов в особом, «братском союзе», который бы следовал «христианским заповедям», что должно было исключить применение силы друг против друга[11]. Этими расплывчатыми религиозно-мистическими идеями, веру в которые поддерживали в русском самодержце один из создателей реакционной идеологической системы Жозеф де Местр и баронесса В.-Ю. Крюденер, Александр I пытался обосновать возможность установления «вечного мира» на феодальной основе[12]. Идеологическое оформление легитимизма в первой четверти XIX в. и обоснование политики Священного союза связаны с именами Луи-Габриеля Бональда, Жозефа де Местра, Людвига Галлера, Адама Мюллера, Н. М. Карамзина[13].

Политическая сущность «мистицизма» в Священном союзе раскрывается из использования его Александром I и другими европейскими монархами как идеологического средства для прикрытия попыток некоторого лавирования и приспособления к новым буржуазным социально-экономическим условиям, для давления на народы, при неизменности главной и основной цели — сохранения в незыблемости основ феодального строя[14]. По справедливому замечанию академика Н. М. Дружинина, Александр I и другие европейские монархи, обосновывая идеологические принципы деятельности Священного союза, его борьбы с революциями, не только вырабатывали тактические приемы, но и разрабатывали стратегию, рассчитанную на длительный период. Это было им необходимо, так как идеи просвещенного абсолютизма были развенчаны Великой Французской революцией XVIII в.: «В Западной Европе и в России после Французской революции жизнь ушла далеко вперед и от умеренных взглядов Вольтера и Монтескье, и от веры в непобедимое влияние разумных законов...»[15].

И если европейские монархи вопреки урокам истории брали на вооружение догмы легитимизма, то передовые умы человечества подвергали их обоснованной критике, показывали их теоретическую слабость и нежизненность.

Акт о создании Священного союза был подписан в Париже в сентябре 1815 г. Александром I, Францем I и Фридрихом-Вильгельмом III. Затем в него вошли монархи других государств. Важнейшей задачей Священного союза была борьба против буржуазных революций и национально-освободительных движений, за сохранение в Европе феодально-абсолютистских устоев. В то же время внутренние разногласия между членами Священного союза показывали, что у каждого из них были и другие цели, а именно борьба за упрочение своего престижа на международной арене, удовлетворение территориальных притязаний и т. д. Возникали различные комбинации политических сил и блоков, создание которых нередко определялось стремлением оказать дипломатическое давление на Россию, не допустить усиления ее влияния на Балканах. Царизм вплоть до Крымской войны возглавлял европейскую реакцию. Его роль верно определена как роль «жандарма Европы». Но царизм был не единственным исполнителем этой роли. Австрийский император и проводник его политического кур-

са К.-Л. Меттерних в еще большей степени были вдохновителями контрреволюционных походов, душителями освободительных устремлений народов, и прежде всего тех, которые находились под непосредственным гнетом самой Австрийской империи. Другие партнеры Священного союза тоже активно участвовали в поддержании реакционных режимов, хотя британские дипломаты подчас искусно скрывали свои истинные устремления, захватнические цели под маской либерализма. Многие из этих вопросов освещены в отдельных работах советских исследователей, а также в «Истории дипломатии» (2-е изд. М., 1959, т. 1), в многотомном документальном издании «Внешняя политика России XIX и начала XX в.»[16]

В деятельности Священного союза различается несколько периодов. В начальный период его существования наблюдалась некоторая сдержанность в проявлении истинных намерений, направленных на сохранение и упрочение политического равновесия на феодально-абсолютистской основе. Это было время попыток со стороны отдельных его участников в той или иной мере использовать в своих целях либеральные настроения, усилившиеся в Европе после падения наполеоновской диктатуры[17], и даже сделать некоторые уступки буржуазному правопорядку.

Позиции и действия Священного союза в начале 20-х годов XIX в. во время западноевропейских революций, восстания греков на территории зависимого от Османской империи княжества Молдавия обнажили его истинные цели. Усилиями внутренних и внешнеполитических реакционных сил на целый ряд лет были укреплены реакционные порядки меттерниховщины в Западной Европе и аракчеевщины в России. Вся политика Священного союза была враждебна освободительным устремлениям народов. Реакционные порядки, насаждаемые Священным союзом, становились тормозом для национальной консолидации народов, сопровождавшей процесс капиталистического развития. Ломка старых феодально-абсолютистских порядков была насущной исторической необходимостью.

Реакционная политика Священного союза вызывала активное противодействие европейских народов, их передовых сил. Русская общественность также внимательно следила за всеми событиями на международной арене, за действиями Священного союза. Исходя из своих идейно-политических воззрений, представители различных кругов русской общественности по-разному оценивали и европейские революции, и политику Священного союза, а также по-разному понимали пути и методы борьбы с самодержавными порядками в России. Смелость и радикальность суждений (конечно, в рамках идеологии дворянских революционеров) проявили декабристы при рассмотрении важнейших международных проблем. Вполне естественно, что определенная зрелость их внешнеполитических воззрений выявилась не сразу. Изучение идейных воззрений отдельных декабристов, а также концепций декабристских организаций раскрывает сложную картину идейной борьбы, трудный путь поисков средств ликвидации самодержавно-крепостниче-

ского строя, разработки политической программы действия, в которой внешнеполитические вопросы заняли значительное место.

Сложной была внутриполитическая и международная обстановка, в которой зарождалось движение будущих декабристов, создавались их первые тайные общества: Союз спасения (1816—1818 гг.) и Союз благоденствия (1818—1821 гг.). Примерно до конца второго десятилетия XIX в. она характеризовалась определенным лавированием Александра I в осуществлении своего политического курса. Еще в начале Отечественной войны 1812 г. Александр I широковещательно заявил, что «это последняя война за независимость против порабощения, либеральных идей против тирании»[18]. Используя «общественное мнение» народов в целях внешнеполитических, он с 1815 г. до начала европейских революций 20-х годов стремился представить Священный союз инструментом выполнения надежд народов.

Александр I, учитывая «дух времени» и в то же время исходя из своих основных стратегических задач — сохранение незыблемости основ феодального строя, следовал в проведении внутреннего и внешнеполитического курса своим тактическим приемам. Так, в письме от 21 марта (2 апреля) 1816 г. министру иностранных дел Великобритании лорду Кестльри он подчеркнул, что «есть страны, где упорно пытаются сразу же возродить институты, изжившие себя. Там слишком мало считаются с новым мировоззрением народов, которые надлежит постепенно привести к устойчивому порядку и миру»[19]. Считая такую политику опасной из-за возможных вспышек народного недовольства, царь предлагал постепенное приведение народов «к устойчивому порядку и миру». Какой в действительности оказалась впоследствии его политика, раскрывает его позиция на конгрессах Священного союза, созванных во время подъема европейского освободительного движения[20].

Элементы двойственности прослеживаются и во внутренней политике Александра I. Так, в 1818 г. на открытии сейма в Варшаве царь, хотя и в весьма неопределенной форме, пообещал установление конституционных порядков в России. Н. Н. Новосильцеву было поручено составить «Уставную грамоту» для России, а А. А. Аракчееву — проект отмены крепостного права. Но в эти же годы принимались законодательные меры по охране того же крепостного права, против которого в стране поднималась волна крестьянских выступлений. В 1820 г. была закончена «Уставная грамота», но она не была принята царем.

Как уже отмечалось выше, в известной мере политику лавирования проводил тогда и Священный союз.

В. И. Ленин в работе «Задачи пролетариата в нашей революции», анализируя «всемирный опыт буржуазных и помещичьих правительств», подчеркнул, что ими выработано «*два* способа удержания народа в угнетении. Первый — насилие... Но есть другой способ... Это — способ обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грошовых подачек, уступок неважного, сохранения важного»[21].

В тех кругах России, которые жаждали прогрессивных социально-политических преобразований, вначале возлагались немалые надежды на либеральные обещания Александра I, а также на действия европейских монархов на международной арене. Эти настроения и надежды ярко обрисовал в своих воспоминаниях декабрист Н. В. Басаргин. Он подчеркивал, что европейские монархи, чтобы с успехом использовать силы народов в борьбе с Наполеоном, «должны были обратиться к инстинктам народным и, если не обещать положительно, то по крайней мере породить в массе надежды на будущие улучшения в ее общественном быте. Император Александр по заключении мира, в Париже, в Лондоне, на Венском конгрессе, говорил и действовал согласно этим правилам и тем подал надежду в самой России на будущие преобразования в пользу народа»[22].

Однако двойственность политики европейских монархов в отношении национальных интересов народов, их политических требований проявилась уже в ходе войны 1813 и 1814 гг., так как, с точки зрения монархов, дело шло «не столько о независимости народов, сколько о дальнейших судьбах европейского континента». Для Александра I это означало возвращение России политического влияния в Европе; другие монархи также стремились укрепить свои позиции. Конечно, эти цели тогда маскировались идеей объединения всех «друзей человечества и либерализма» против «варварства и порабощения»[23]. Основная причина этого заключалась в огромном энтузиазме народов, широте освободительных движений. В ходе освободительных войн выросло стремление народов и к социальному раскрепощению, усилилась борьба за политические преобразования.

Весьма явственно подлинная сущность отношения европейских монархов к народам и их требованиям проявилась уже во время шведско-датско-норвежского конфликта 1814 г. в связи с требованием норвежским народом национальной независимости. Согласно Кильскому договору 1814 г. между Швецией и Данией, последняя (как бывшая союзница Наполеона) теряла свою власть над Норвегией, которая теперь должна была перейти «в полную собственность» Швеции. Норвежский народ, который в 1807 г. добился провозглашения собственного правительства (в составе Дании), отказался подчиниться решениям Кильского договора и выступил на борьбу за свои национальные права. Во главе движения встал датский наследный принц, бывший наместник Дании в Норвегии Христиан-Фредерик. События 1814 г. в Норвегии определены в марксистской историографии как незавершенная буржуазная революция.

17 мая Учредительное собрание в местечке Эйдсволль приняло конституцию и избрало Христиана королем. Для своего времени эта конституция была прогрессивной. Регент Швеции Карл-Юхан (Ш. Бернадот) не принял ее основные положения, обратился за помощью к европейским державам, начал наступление на права и требования норвежского народа. Политическая и дипломатиче-

ская борьба, ведшаяся вокруг норвежского вопроса, довольно обстоятельно исследована[24]. Особенно полно она предстает в связи с публикацией новых документов[25]. Вместе с тем отношение русской общественности к этому вопросу исследовано слабо. До последнего времени сравнительно мало было известно и о дипломатической миссии в 1814 г. в северные страны будущего декабриста М. Ф. Орлова.

Молодой генерал гр. М. Ф. Орлов, прославившийся не только в сражениях, но и своим дипломатическим талантом, ярко раскрывшимся при составлении им и подписании Акта о капитуляции Парижа (19(31) марта 1814 г.)[26], был направлен Александром I в Данию для урегулирования мирным путем возникшего конфликта. Он должен был по инструкции царя добиться безоговорочного выполнения норвежцами решений Кильского договора. Однако М. Ф. Орлов, несмотря на намерения Александра I[27], в важных вопросах занял свою, отличающуюся от царской, позицию и стремился провести ее в жизнь.

Ход дипломатических переговоров, которые осуществлял Орлов, раскрывается полнее на основании его переписки с гр. К. В. Нессельроде, тогда являвшимся фактически министром иностранных дел. Она осуществлялась регулярно с 12 мая по 16 августа (н. ст.) 1814 г.: М. Ф. Орлов отправил в российское Министерство иностранных дел 12 официальных донесений из Копенгагена, Уддеваллы, Гётеборга, Стокгольма и других городов. После завершения дипломатической миссии в Данию, Норвегию и Швецию 16 августа 1814 г. в Стокгольме он составил отчет. Дипломатическая переписка Орлова с Нессельроде, с министром иностранных дел Дании Нильсом Розенкранцем, с представителями дипломатических миссий других европейских держав, направленных для урегулирования вопроса о судьбах Норвегии, и другие документы, проливающие дополнительный свет на ход переговоров и позиции отдельных держав, хранятся в АВПР[28].

Многие документы, прежде всего относящиеся к деятельности М. Орлова в 1814 г., еще полностью не опубликованы. Частично они появились в норвежских и шведских изданиях, в работах советских историков, вошли в корпус документальных материалов многотомника «Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы российского Министерства иностранных дел»[29].

Дипломатический талант помог М. Орлову убедить в правоте своих действий представителей Англии, Австрии и Пруссии, также направленных в северные страны. Его обстоятельные, умные записки в Министерство иностранных дел России заставили признать правильность проводимой им политики, сдержали гнев царя. Новые исследования и новые документы позволяют полнее раскрыть большую и положительную роль М. Орлова в урегулировании конфликта и в оказании им посильной помощи норвежскому народу. В период пребывания в Дании М. Орлов выразил убежденность в том, что требования норвежцев справедливы и законны и что король Дании, от которого Александр I требовал выполне-

ния Кильского договора, не в состоянии принудить Норвегию стойти под власть Швеции, так как «она не подчиняется никому»[30]. Обосновывая причины этого, М. Орлов подчеркивал, что «расположение Норвегии географически совершенно независимо от Дании» и что подчинение ей только ущемляло национальные интересы Норвегии[31].

Попав в Норвегию и став очевидцем широкого народного протеста против угрозы присоединения к Швеции, М. Орлов еще более убедился в правильности избранного им курса. Он стремился заставить Швецию отказаться от военных действий против Норвегии, так как последней могло угрожать поражение и, следовательно, безоговорочное подчинение шведской власти, а главное, выработать такие условия создания унии, при которых была бы сохранена «как можно бóльшая независимость» Норвегии. В реально сложившейся международной ситуации М. Орлов не мог ставить вопроса о полной независимости Норвегии, что заранее было бы обречено на провал. Как справедливо отмечает Л. Я. Павлова, «в данном случае», разрабатывая основы создания унии между Норвегией и Швецией, М. Орлов «действовал, исходя из собственных убеждений, проявляя необычную энергию, и сумел повлиять в этом на уполномоченных других держав»[32]. Основные положения проекта создания унии были одобрены Христианом, но вызвали бурное негодование Карла-Юхана, даже жаловавшегося на Орлова Александру I. Однако в итоге Карл-Юхан принял веские доводы М. Орлова и решил не начинать военных действий против Норвегии без согласования этого вопроса с представителями европейских держав, на которых М. Орлов сумел оказать значительное влияние. Так, наследный принц и регент Швеции сначала сообщил русскому посланнику в Стокгольме Г. А. Строганову, что, «если граф Орлов сможет заставить принца Христиана согласиться с намерением союзных держав, я подожду еще две недели, перед тем как действовать, и выступлю лишь тогда, когда он сообщит мне свое мнение об исходе переговоров, которые ему доверены»[33]. Затем ему пришлось пойти на большие уступки и компромисс.

Убедительные доводы Орлова, что России не следует спешить со вступлением в военные действия на стороне Швеции (на основании ее договора 1812 г. со Швецией), в итоге были приняты царем. От военного вмешательства воздержались и другие союзные государства. Опасаясь изоляции, Швеция должна была пойти на уступки, подписать в августе 1814 г. Москую конвенцию, согласно которой между Норвегией и Швецией заключалась уния и сохранялись основные статьи Эйдсволльской конституции.

Так удачно закончилась миссия Орлова в Данию, Швецию и Норвегию, во время которой он сумел внести свою положительную лепту в отстаивание требований норвежского народа.

Взгляды М. Ф. Орлова на норвежский вопрос, основная линия его действий раскрыты им в «Секретном мемуаре». В нем он писал: «Система, которой генерал Орлов считал должным следовать

в Норвегии, была следствием первой конфиденциальной инструкции[34]. Твердость убеждений должна была с самого начала показать принцу Христиану опасность его позиции и положения Норвегии... Вслед за этим должна была последовать перспектива более обнадеживающая — обусловить неприкосновенность прав норвежского народа... Он использовал также последнее средство, чтобы согласовать интересы России с выполнением статей договора (со Швецией.— *О. Ор.*).

Эти побудительные мотивы были предложены и одобрены коллегами. Генерал Орлов внушал принцу Христиану идею, обусловливающую сразу перемирие и основы унии. Он старался его убедить, что статьи договора о перемирии должны благоприятствовать Швеции, а основы унии должны полностью благоприятствовать норвежцам»[35].

Позиция Орлова по норвежскому вопросу — одно из первых проявлений отношения будущих декабристов к национально-освободительной борьбе европейских народов, к политике европейских монархов. Она получила положительную оценку декабристов. О ней с уважением отзывались (даже спустя много лет) ссыльные декабристы в Сибири. Так, И. Д. Якушкин в своих «Записках», названных М. А. Бестужевым «лучшими из всех записок наших товарищей», писал в 1854 г.: «В 15-м году (ошибка памяти — это произошло в 1814 г.— *О. Ор.*), при отчуждении Норвегии от Дании, Орлов был послан с тем, чтобы убедить норвежцев совершенно присоединиться к Швеции и иметь с ней вместе один сейм. Но Орлов сблизился с тамошними либералами и действовал не согласно с данными ему предписаниями. Норвегия, присоединенная к Швеции, но имея свое собственное представительство, осталась во многих отношениях землею от нее отдельною»[36].

Весьма бурную реакцию в общественных кругах России вызвал Венский конгресс, его решения, в том числе и по национальному вопросу, которые особенно разочаровали многих будущих декабристов и поколебали надежды относительно возможности улучшения положения народов самими же монархами.

Позиции русского общества в связи с Венским конгрессом и его решениями, несмотря на предпринятые попытки исследования этого вопроса Л. А. Заком[37], в целом еще всесторонне не освещены.

Представители передовой России, с вниманием следившие за Венским конгрессом, сразу же не приняли легитимистско-монархическую основу системы политического равновесия. Прежде всего это проявилось в том, что идею политического равновесия они понимали как возможную защиту от новых захватнических войн, как направленную против наполеоновских завоеваний, а не против социально-политических завоеваний народов, достигнутых в результате Великой французской революции и национально-освободительной борьбы. Будущим декабристам было странно видеть, что европейские монархи начинают идти «к старому варварству»[38].

Одними из первых интересные оценки конгресса и его основных решений дали кн. С. Г. Волконский и Н. И. Тургенев, находившиеся тогда в Вене. Они позволяют полнее раскрыть идейные настроения передовых представителей России того времени, их воззрения на внешнеполитические проблемы.

26-летний блистательный генерал, кавалер многих боевых наград, С. Г. Волконский вскоре после возвращения с европейских полей сражений в Россию получил в Петербурге разрешение вновь отправиться за границу, но теперь уже как «частное лицо». Волконского влекло стремление «узнать Европу — не с обзора казачьего седла или с этапного маршрута, а... с подробным изучением ее быта». Это желание, особенно распространившееся среди «всей молодежи», было связано прежде всего с мыслями о будущем России, о судьбах других народов.

Отнюдь не случайно поэтому местом первой длительной остановки в заграничном маршруте Волконского была названа Вена: он «принял путь в Вену, тогда занимавшую все умы соединением в оной европейского конгресса»[39]. Волконский попал в Вену в конце осени 1814 г. В то время «конгресс был в полном разгаре: царей, владетельных князей, государственных лиц, дипломатов всех стран и степеней «несть бо числа»; князьков, смещенных Наполеоном, порядочная груда, а не смотрящих во владетельные приезжих всех наций тоже «несть бо числа»»[40].

Мишурный блеск бесконечных празднеств, которые сменяли друг друга в Вене, не скрыл от проницательного Волконского интриги политиков ведущих держав на конгрессе, в том числе против России (Меттерниха и лорда Кестльри), противоречия внутри придворного окружения царя. А главное, Волконский видел, что конгресс не в состоянии положительно, с его точки зрения, решить важнейшие проблемы, связанные с судьбами народов. Не случайно, Волконский, уехав из Вены, где он был представлен царю, но, по его словам, постоянно испытывал неловкость и обиду из-за пренебрежительного отношения царя к русским офицерам и проявления им «полной учтивости к каждому прапорщику, не носившему русскому мундира». Волконский писал из Парижа 2(14) января 1815 г. генералу П. Д. Киселеву: «Вы сообщаете мне, что в Вене картины заступили место балов. Браво! Это по меньшей мере утешительно. Кто-то сказал, что конгресс танцует, но не продвигается вперед, а теперь, когда стали заниматься перспективой, надо думать, что конгресс отодвигается назад...»[41].

Н. И. Тургенев, находившийся в Вене в течение нескольких месяцев,— начиная с 19(30) сентября 1814 г.,— и участвовавший в работе конгресса, свое отношение к конгрессу и его решениям выразил в ряде официальных бумаг и личных писем, а также в дневнике. Обобщая свои наблюдения, он писал о них барону К.-Г. Штейну, прусскому государственному и общественному деятелю, под начальством которого тогда служил в Ликвидационной комиссии Центрального департамента по управлению немецкими

землями, освобожденными от Наполеона. Он отмечал также в дневнике: «Всем королям и императорам потому весьма трудно знать состояние народов, различных планов оного и так называемое общее мнение, что они живут совершенно в другой сфере, нежели народ...»[42]. В составленном в конце 1814 г. отчете о деятельности Ликвидационной комиссии для министра финансов России Н. Тургенев подчеркивал важность защиты интересов народов, которые он отделял от интересов монархов. Эту свою мысль он проиллюстрировал на примере Франции, подчеркнув, что недавно отгремевшие в Европе войны следует понимать как войны, направленные не против французского народа, а против наполеоновской тирании. А поэтому, писал Н. Тургенев, нельзя разорять народ репарациями, податями, поставками[43]. Этот отчет был одобрен Штейном, нашедшим, что «в нем есть много пунктов, которые должны быть решены министрами союзных держав». Более полно свои взгляды Тургенев выразил в связи с оценкой им решений конгресса по немецкой проблеме, что показано нами ниже.

Как позднее заметил К. Маркс, решения Венского конгресса представляли собой «одну из самых чудовищных фикций международного права, когда-либо известных в летописях истории человечества»[44]. Это явственно проявилось в решении конгрессом германского, польско-саксонского и итальянского вопросов.

В дебатах по саксонскому вопросу главой французской делегации министром иностранных дел Людовика XVIII кн. Талейраном и Меттернихом широко была использована легитимистская фразеология как средство дипломатической борьбы со своими противниками, как орудие создания антирусского блока. В то же время идеи легитимизма были явно непригодны для требований прусского короля Фридриха-Вильгельма III присоединить Саксонию, что предусматривало лишение трона «законного» монарха — саксонского короля Фридриха-Августа. В результате сложной и длительной дипломатической борьбы, сопровождавшейся созданием блоков и распадением их, Пруссия все же получила часть Саксонии, владения саксонского короля были значительно урезаны.

На конгрессе Александр I добился признания присоединения к Российской империи занятых в 1814 г. его войсками польских земель, которые составили территорию конституционного Королевства Польского.

Отношение русских современников, в том числе и людей прогрессивных по своим политическим воззрениям, к польскому вопросу было сложным и противоречивым. Даже в среде будущих декабристов проявлялись взгляды на целесообразность присоединения Польши к России. Наиболее это проявилось в наметках программы «Ордена русских рыцарей» (создан на рубеже 1814—1815 гг. и просуществовал по 1817 г.), составленной его основателем М. А. Дмитриевым-Мамоновым. Тогда эти идеи разделял и другой участник ордена — М. Ф. Орлов, который испытал некото-

рое влияние идей Жозефа де Местра, ведшего с ним переписку[45]. Находясь в России на посту чрезвычайного посланника и полномочного министра короля Сардинии Виктора-Эммануила I, де Местр в 1812 г. принимал участие (по предложению Александра I) в составлении проектов присоединения Польши к России, что отвечало интересам его короля, не желавшего усиления Австрии за счет присоединения к ней польских земель[46]. Отношение М. Ф. Орлова к польскому вопросу — одно из свидетельств того, что формирование идейных воззрений декабристов, в том числе их внешнеполитических взглядов, прошло сложный путь развития. Однако следует заметить, что другой участник «Ордена русских рыцарей» — Н. И. Тургенев не разделял взглядов Дмитриева-Мамонова на польский вопрос, одобрял идею независимой Польши с конституционно-монархическим политическим строем. Появление иных взглядов определялось многими причинами, в том числе и представлениями, что в тех конкретно-исторических условиях выбор шел не между независимостью Польши или ее подчинением России, а между угрозой нового раздела польских земель или объединением их путем включения в состав России.

Впоследствии взгляды большинства членов тайных декабристских обществ на польский вопрос претерпели существенное изменение. Вопрос о предоставлении Польше национальной независимости был поставлен и решен положительно в программных документах Северного и Южного общества, в «Обществе соединенных славян». Более конкретно он разрабатывался в «Русской Правде» П. И. Пестеля и в ряде документов, связанных с подготовкой проектов договора между Южным обществом и польским Патриотическим обществом. Декабристы при рассмотрении вопроса о будущем польского народа стремились исходить из его национальных интересов, анализировали планы польских тайных обществ.

Одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся на Венском конгрессе, был германский. Вернее, это был целый комплекс вопросов с ним связанных: о взаимоотношениях между немецкими государствами, об отношениях с другими европейскими странами, о территориальном составе немецких государств, об объединении их в союз, о принципах этого объединения, о полномочиях нового органа союза — «германского сейма» и т. д. Создание Германского союза входило в планы общей реконструкции Европы, предусматривавшейся державами—победителями Наполеона.

В результате длительной дипломатической борьбы между участниками конгресса было вынесено решение о создании Германского союза. В него вошли Австрия, получившая преобладающее влияние, Пруссия и все остальные германские государства. Правда, европейским монархам не удалось полностью воссоздать все многочисленные монархии в германских землях. Они должны были признать законным существование 38 немецких государств,

созданных при Наполеоне I. Акт о Германском союзе от 8 июня 1815 г. был подписан представителями всех германских государств и включен в Заключительный акт Венского конгресса[47]. Создание Германского союза не решало проблемы объединения немецкого народа. Актом о создании этого Союза закреплялись на многие годы раздробленность и сохранение мелких феодальных монархий.

Критическое отношение к итогам обсуждения германского вопроса сразу же проявилось в среде немецкой и русской общественности. Известный германский государственный деятель К.-Г. Штейн, сторонник умеренных реформ, тоже оценил Акт о Германском союзе как не отвечающий «ожиданиям нации». 24 июня 1815 г. он даже обратился с письмом к русскому правительству, прося его «высказаться по поводу несовершенств акта и необходимости его улучшения». При этом Штейн ссылался на то, что Россия определила свою позицию по германским делам в декларации от марта 1813 г. и в ноте от 11 ноября 1814 г.[48]

Н. И. Тургенев поддержал позиции Штейна на Венском конгрессе, его оценку созданного Германского союза. Так, еще 10 февраля 1815 г. он записал в своем дневнике: «Деяния Штейна, споспешествуя к достижению главнейшей и ближайшей цели германцев, не оставались без важнейшего и непосредственного влияния на Германию»[49]. В то же время Тургенев критически оценивал деятельность К.-Л. Меттерниха, Р. С. Кестльри и К. В. Нессельроде, которые, по его справедливому убеждению, выступали против позитивного решения германского вопроса.

Итоги решения этого вопроса на конгрессе разочаровали Н. Тургенева, так как реально созданный «немецкий союз не может в полной мере удовлетворять желаниям немецких патриотов», явившись половинчатым «сотворением в Венском конгрессном акте»[50]. В то же время Тургенев указал и на сепаратистские тенденции феодальных правителей немецких государств, на то, что они «не показывают большой охоты хотя из сего малого количества способов к благосостоянию Германии извлечь возможную пользу» (т. е. из Германского союза.— *О. Ор.*)[51]. «Грустно, однако, для друга человечества, в особенности для друга немецкой нации, видеть теперь, что правительства, восстановленные в некоторых немецких странах, вместе с возвращением старой форменной одежды и водворением старых обычаев приносят с собой и старые предрассудки, и старые злоупотребления. Право, а следовательно, и правосознание ими уничтожаются»,— писал он 15 февраля 1815 г. из Вены. Особенное негодование Н. Тургенев выразил по поводу того, «что совершенно отобрали у столь полезного класса крестьян права представительства»[52].

Венский конгресс закрепил также политическую раздробленность Италии. На Апеннинском полуострове были восстановлены старые абсолютистские монархии. Главной задачей их внутренней политики было укрепление пошатнувшихся сословно-абсолюти-

стских порядков. Зависимость Италии от Франции сменилась в период Реставрации зависимостью от Австрии. Как писал один из виднейших итальянских демократов Луиджи Анджелони, решения «проклятого Венского конгресса... полностью подчинили итальянцев австрийскому государству»[53].

Сочувствие передовых представителей России положению итальянского народа сочеталось с резким осуждением австрийского владычества и политики Священного союза. Так, будущий декабрист М. А. Фонвизин отмечал, что Италия находится под «ненавистным ей австрийским владычеством». Н. И. Тургенев 22 января (4 февраля) 1816 г. писал из Франкфурта: «А бедная Италия! О сей земле нельзя говорить без горести»[54]. Он же определил Ломбардо-Венецианское королество (эти итальянские земли были решением Венского конгресса отданы Австрии) как «уродливое произведение, посредством коего догадливые австрийцы хотели утешить северных итальянцев сохранением их национальности». Тургенев верно также заметил, что «итальянцы еще более, нежели немцы, несчастные в политическом отношении»[55].

По меткому определению Ф. Энгельса, тогда «народы покупались и продавались, разделялись и соединялись, исходя только из того, что́ больше отвечало интересам и намерениям их правителей»[56].

Тяжелое положение русского народа, задавленного самодержавно-крепостническим гнетом, национальное и феодальное угнетение, которым подвергались другие народы, способствовали активизации свободолюбивых настроений будущих декабристов. Являясь современниками, а некоторые и очевидцами воцарения во Франции Людовика XVIII со свитой эмигрантов-роялистов, наблюдая возраставшую угрозу восстановления абсолютистско-феодальных порядков, они находили в политике французского правительства много общего с реакционной политикой правящих кругов России. П. И. Пестель критиковал современный политический строй во Франции и Англии, при котором «конституции суть одне только покрывала, никак не воспрещающие министерству в Англии и королю во Франции делать все, что они пожелают». В то же время невозможность полной реставрации дореволюционных порядков во Франции, что показало «возвращение Бурбонского дома на французский престол», было целой «эпохой» в его «политических мнениях, понятиях и образе мыслей»[57]. Недовольство английского народа правительственной политикой, в том числе и внешней, отразил в своих письмах того времени из Лондона П. Д. Киселеву в Вену С. Г. Волконский[58]. Обобщая свои наблюдения в связи с международной обстановкой в Европе, положением русского и других народов и их первыми выступлениями против наступления реакции, Волконский подчеркивал: «Зародыш сознания обязанностей гражданина сильно уже начал высказываться в моих мыслях и чувствах, причиной чего были на-

родные события 1814 и 1815 гг., которых я был свидетелем, вселившие в меня вместо слепого повиновения и отсутствия всякой самостоятельности мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественные...»[59].

В дошедших до нас программных документах первых декабристских тайных обществ — Союза спасения и Союза благоденствия — внешнеполитические вопросы не нашли существенного отражения. В них подразумевалось, что вслед за изменением курса внутренней политики в России, сбросившей иго самодержавия, будут изменены принципы внешней политики. Взгляды отдельных представителей этих обществ по вопросам международной политики позволяют полнее представить идейную жизнь обществ, а также раскрыть достижения творческой мысли декабристов по внешнеполитическим проблемам в последующий период развития движения декабристов. Документальные материалы декабристов и их единомышленников, относящиеся к первым годам эпохи Реставрации, в основном содержат оценки тех или иных международных событий, и прежде всего решений Венского конгресса, отдельных акций Священного союза. Обобщающие характеристики и оценки Священного союза, «венской системы» отношений между государствами, теоретических основ, на которых она зиждилась, были даны декабристами в основном позднее, когда возросла зрелость их политических взглядов и когда наиболее выпукло проявился реакционный характер Священного союза. Но и в первые годы эпохи Реставрации в России делались попытки проанализировать социальную сущность «венской системы», обосновать причины ее внутренней шаткости.

Несомненный интерес представляют еще неизданные работы и дневники С. И. Тургенева, в которых нашли отражение его взгляды по этим вопросам. С. Тургенев был одним из образованнейших и радикально настроенных представителей русского общества александровской поры. Формально он не входил в тайные антиправительственные общества, не был участником восстания декабристов. Но идейно С. Тургенев был тесно связан с декабристами, был близким другом многих из них. Воздействие передовых идей и современных политических событий отразилось на формировании взглядов многих представителей русского общества, особенно тех, кто находился в тесном общении с будущими декабристами.

Прежде всего это относится к А. С. Грибоедову, С. Д. Полторацкому, С. И. Тургеневу, Н. А. Старынкевичу, кн. П. А. Вяземскому, Н. Н. Муравьеву и, конечно, к А. С. Пушкину.

В этой среде складывалось близкое к декабристскому отношение к Священному союзу, росли внимание и интерес к освободительной борьбе народов. При взаимном общении членов тайных обществ и их единомышленников, при обсуждении ими животрепещущих внутри- и внешнеполитических проблем обогащалась мысль, формировалось отношение передовых кругов общественно-

сти России к современной им международной обстановке в Европе.

Сергей Тургенев, как и его брат Н. И. Тургенев, в первые послевоенные годы находился на дипломатической службе за границей. По 1818 г. он служил во Франции под начальством гр. М. С. Воронцова, а затем был направлен в русское посольство в Константинополь. Хорошо осведомленный о международной обстановке, С. Тургенев попытался дать свою трактовку «венской системы». Одним из непосредственных поводов к изложению С. Тургеневым своих воззрений на сложившуюся в послевоенной Европе новую систему международных отношений стало его знакомство со статьей статс-секретаря по иностранным делам И. А. Каподистрии «Замечания об истинных интересах России», опубликованной сначала в правительственном официозе в Петербурге[60], а затем перепечатанной в ряде зарубежных периодических изданий. Внимание к этой статье проявил Н. И. Тургенев, который сразу же после ее прочтения написал из Петербурга брату Сергею Ивановичу: «Прочти в № 18 „Observations sur les véritables intérêts de l'Europe". Эта статья написана Каподистрием»[61].

Защищая внешнюю политику России от критических нападок некоторых зарубежных газет, Каподистрия заявлял об охране российской дипломатией всеобщего мира в Европе. Он проводил идею о том, что сейчас, когда «международный мир покоится на твердой базе венских и парижских договоров», он якобы прочен, как никогда ранее. И в то же время Каподистрия не мог умолчать о том, что «многие этому не верят, как не верят в устойчивость мира вообще». Основные идеи этой статьи были изложены Каподистрией еще в начале 1817 г. в докладе Александру I. Они сводились главным образом к проектам улучшения существовавшей системы дипломатических отношений, создания «великого союза». В июне 1818 г. в связи с подготовкой Ахенского конгресса, Каподистрия составил новый доклад. В нем он развивал мысль о преимуществах всеобщего союза перед Четверным союзом * как гарантирующего прочность «международного мира», писал о целесообразности улучшения политической системы, обеспечивавшей мир в Европе, но отнюдь не об ее изменении[62].

В ту пору Н. И. Тургенев тоже внимательно изучал внешнеполитические вопросы, готовил материалы для задуманного им издания нового журнала. Позднее, в марте 1819 г., он сообщал С. И. Тургеневу, что «начал писать „Обозрение теперешнего состояния государств европейских". Но я вижу, что я час от часу делаюсь более неспособным к такого рода спекулятивным занятиям»[63]. В действительности же большие знания, умение аналитически мыслить и творчески излагать свои идеи позволили Н. Тургеневу создать интереснейший труд «Теория политики», вторая часть которой посвящена проблемам внешней политики и международных отношений.

Важность упрочения мирных отношений в Европе, недавно пережившей столь драматические события, связанные с наполеоновской агрессией, порабощением империей Наполеона многих государств, отмечали не только государственные деятели европейских стран, но и представители прогрессивных европейских общественных кругов, с иных политических позиций рассматривавшие этот вопрос, связывавшие его решение с интересами народов. С. Тургенев, находившийся в 1817 г. во Франции, и его брат Н. Тургенев из России не случайно обратили внимание на статью И. Каподистрии и попытались изложить собственные соображения по поводу существовавших международных отношений в Европе. Дело в том, что передовых представителей России, как, впрочем, и других европейских стран, не убедили основные выводы автора — о незыблемости «венской системы», покоящейся на феодально-крепостнической основе.

В 1817 г. С. И. Тургенев фактически создал самостоятельную работу о современных международных отношениях, в которой большое место заняло изложение теоретических вопросов. Но она не была оформлена автором в виде отдельного труда, а сохранилась в его дневниковых записях. На многих страницах дневника за июнь 1817 г. С. Тургенев развивает свои взгляды. Кстати сказать, он, как и его братья (декабрист Н. И. Тургенев, а также близкий к декабристским кругам известный общественный деятель А. И. Тургенев), вел дневник на протяжении очень многих лет. Эти дневники являются одним из ценнейших источников по изучению не только истории движения декабристов, но и всей той эпохи в целом[64]. «Всеобщий мир существует,— писал С. Тургенев 4 июня 1817 г.— Да, внешний мир, но вглядитесь внимательно, и вы найдете, что нет ничего менее мирного, чем внутреннее положение многих европейских государств. Даже видимый покой некоторых из них есть не что иное, как минутная дремота; пробуждение там будет грозным...»[65] С. И. Тургенев видел основные причины непрочности новой системы отношений в том, что «народы не получили надежных гарантий хорошего отдыха. Их не успокоят более словами и прокламациями после того, как слишком часто бросалось в глаза противоречие между ними и последовавшими фактами»[66]. Вспоминая недавние обещания монархов, которые они расточали, поднимая народы на борьбу с Наполеоном I, С. Тургенев подчеркивал: «Положение Европы менее всего спокойно, и государи сами потрясли умы. Вы провозгласили принципы: почему же факты им не соответствуют... Или сегодня называют мечтой, что сами третьего дня представляли осуществимым? Или хотят наказать за доверие, которое они (народы.— *О. Ор.*) имели к своим государям, отчасти ими же спасенными?»[67].

Наблюдения и выводы С. И. Тургенева относительно перспектив развития революционного движения в Европе, непрочности устоев «венской системы» свидетельствуют о большом расхождении его взглядов с официальными, раскрывают зрелость его по-

литических суждений. «Не говоря об Испании и о Франции, где семена раздоров, положенные их правительствами, начинают уже давать свои пагубные плоды, посмотрите на Германию... — писал С. Тургенев.— При павшем режиме там надеялись на перемену: теперь немцам даже надеяться не на что. Непостижимая теория легитимности уничтожает их надежды, их государи узурпируют только права народов. Они действуют незаконным образом, но их считают законными, и европейские государи объединились для поддержки их. Эта непонятная система, обеспечивая троны одних, нападает на другие...»[68] Так, вопреки официальной точке зрения на «венскую систему» как гарантию прочного мира С. И. Тургенев видит в ней скрытые противоречия, которые грозят подорвать «незыблемый союз монархов», мир в Европе.

Обосновывая и развивая свою мысль о внутренней противоречивости «этой непонятной системы», С. Тургенев подчеркивал: «Она питает смуты в Швеции. Почти не слышно разговоров о Дании; хотелось бы верить, что эта страна счастлива, если бы не было известно, что ее ограбили извне и что огромное количество бумажных денег изнуряет ее внутри. Либеральная конституция, данная Нидерландскому королевству, обещала многое, но королевство это составлено из двух стран с совершенно противоположными интересами»[69].

И несмотря на то, что международное положение Австрийской империи, пожалуй, еще никогда не было столь прочным, как после Венского конгресса, когда эта империя стала одним из главных оплотов феодально-монархических порядков в Европе, С. И. Тургенев, исходя из своего общего отношения к «венской системе» и ее основам, сумел увидеть и вскрыть разъедающие ее внутренние противоречия, которые в перспективе грозили ее престижу на международной арене, вели к новым международным противоречиям. Классовую основу меттерниховского режима в стране составляли крупные землевладельцы, к которым примыкали представители денежной аристократии. Этот режим был враждебен прежде всего народным массам, многомиллионному крестьянству; не отвечал он интересам и развивающейся буржуазии. Стремясь сохранить старый порядок, господствующие классы в Австрийской империи, напуганные подъемом национально-освободительной борьбы народов против порабощения наполеоновской империей, полностью поддерживали созданную Меттернихом систему правления, сущность которой состояла в стремлении держать в повиновении один угнетенный народ империи с помощью других. Анализируя внутреннее положение Австрийской империи, С. Тургенев приходит к выводу, что в «Австрии все поддерживается только по традиции, сохраненной при помощи олигархии». У него возникает закономерный вопрос: «Достаточно ли этого, чтобы сделать покой устойчивым?». Тургенев отвечает на него отрицательно, акцентируя при этом внимание еще и на сложности национального вопроса в Австрийской империи: «Впрочем, части, из которых составлена эта империя, имеют различные интересы, и правитель-

ство не может покровительствовать одним, не задевая других». В качестве примера Тургенев приводит политику австрийского правительства на Севере Италии: «Оно грабит Ломбардско-Венецианское королевство, и никогда нищета не была там так велика»[70].

Рассматривая положение в итальянских государствах, во Франции, С. И. Тургенев приходит к выводу, что недалеко то время, когда огонь революционной борьбы вспыхнет и разгорится вновь. Политическая реакция, установившаяся после венского конгресса в Италии, особенно тяжелым бременем легла на плечи народа: восстанавливались старые династии, вводились таможенные барьеры между итальянскими государствами, возрождалась феодальная пестрота законодательств, росли многочисленные налоги на население, усиливался религиозный гнет. Почти во всех итальянских государствах фактически бесконтрольно хозяйничала Австрия. Проанализировав состояние всей Италии, С. Тургенев отметил, что оно чрезвычайно трудное не только в Ломбардо-Венецианском королевстве. «Состояние остальной Италии менее всего успокоительно,— писал Тургенев.— Форма правления, только что установленная папой в его владениях, которую некстати назвали Конституцией 1816 г. .... это не средство для обеспечения покоя. В Неаполе, как и везде, восстановленные старые династии с трудом держатся. Это в особенности относится к королю Сардинии...» Изучение истории и современного положения Франции позволило Тургеневу подчеркнуть: «Во Франции началась великая революция; во Франции же она должна была бы кончиться. И, однако, мне не скажут всерьез, что она действительно там кончилась»[71].

Не остались обойденными вниманием С. И. Тургенева политика британского кабинета и внутриполитическое положение Англии: «И посреди всего этого хаоса (так он охарактеризовал международную обстановку в Европе.— *О. Ор.*) Англия, заинтересованная в его поддержании за пределами своих границ и сама угрожаемая извнутри»[72].

Завершая свои размышления по поводу современного политического состояния Европы, «прочности» новой системы международных отношений, созданной решениями монархов европейских держав на Венском конгрессе, С. И. Тургенев пришел к убедительному выводу, что новая система международных отношений отвечает лишь интересам государей и расходится с интересами народов. Этот вывод он аргументировал содержанием заключенных и заключаемых между государями договоров, которые далеко не всегда отражали «подлинные интересы Европы» и не всегда являлись надежным обеспечением мира на европейском континенте. «Что могут сделать в подобных обстоятельствах одни договоры? — писал Тургенев.— Договоры здесь бесполезны и могут быть вредны, обязывая дворы запаздывать... с принятием больших мер для установления покоя Европы». По справедливому заключению Тургенева, эта новая «венская система» не могла

быть прочной потому, что она предусматривала отношения между правителями государств, но не между самими государствами, учитывала интересы монархов, но не народов. «Что касается отношений, то между государствами их нет,— подчеркивал автор,— они существуют самое большее между правительствами... Между нациями были бы значительно лучшие отношения, если бы этому не препятствовали правительства» [73].

Во взглядах С. И. Тургенева на возможные пути изменения сложившейся международной обстановки в Европе, изменения самих принципов, на которых зиждилась «венская система», проявились известные иллюзии, присущие в тот период многим представителям оппозиционно настроенной, прогрессивно мыслящей русской ителлигенции, в отношении возможности достижения благополучия народов, мира в Европе действиями европейских монархов. Не случайно С. И. Тургенев писал: «Изучая великие события последних лет и моральное положение, в которое они поставили каждое государство, приходишь к убеждению в необходимости для правительств переменить политику, без чего мы увидим еще много других событий, как только народы почувствуют себя менее усталыми, чем сейчас. В наших храмах раздаются молитвы о вашем благополучии, а в ваших дворцах слышны только глухие звуки заговоров против свободы народов!» [74]. Эти последние фразы показывают, что иллюзии Тургенева не были непоколебимыми, что основные надежды он возлагал на силу и действия народов. Надежды на перемену монархами политики, изменение отношения к нуждам и требованиям народов со временем рассеялись.

К концу второго десятилетия XIX в. действия монархов стали все меньше приукрашиваться либеральной фразеологией, а с начала 20-х годов приобрели открыто реакционный характер. Как писал Ф. Энгельс, характеризуя международную политику европейских монархов, сначала защита принципа легитимизма осуществлялась «под прикрытием таких сентиментальных фраз, как „Священный союз“, „вечный мир“, „общественное благо“... , а затем и без всякого прикрытия, при помощи штыка и тюрьмы» [75].

Ахенский конгресс 1818 г. Четверного союза показал, что, несмотря на все широковещательные декларации, он, как и Священный союз, в действительности игнорировал интересы народов, разумел под государствами только государей, а под провозглашением «народного права» подразумевал главным образом противодействие принципам революции. С наибольшей откровенностью это проявилось в Секретном протоколе, подписанном в Ахене 3(15) ноября 1818 г. уполномоченными держав Четверного союза. Его подписание было вызвано обеспокоенностью членов Четверного союза, а также ультрароялистов во Франции возможностью дальнейшего развития в стране антиправительственных выступлений, особенно после вывода из нее союзных войск. В Секретном протоколе были подтверждены обязательства этого

союза выступать за меры, наиболее способствующие «предупреждению гибельных следствий нового революционного потрясения, которое будет угрожать Франции»[76].

Принятые Ахенским конгрессом меры, в том числе подписание 3(15) ноября уполномоченными России, Австрии, Франции, Великобритании и Пруссии декларации, предназначенной для печати, были направлены на сохранение в Европе дворянско-абсолютистских режимов, подавление революционного движения. Эти решения Ахенского конгресса были неодобрительно встречены передовыми представителями России. Среди них росло недовольство и позициями Александра I на конгрессе, усилением давления на него Меттерниха. Это недовольство ярко отразил в стихотворной форме А. С. Пушкин. В сатирических рождественских «Ноэлях», приуроченных к возвращению царя из Ахена в Петербург в декабре 1818 г., поэт назвал Александра I «кочующим деспо́том», чем развенчивал его ореол «освободителя народов», раскрывал истинный смысл его участия в решениях международных дел. В этом же стихотворении Пушкин едко высмеивал усиление зависимости политики Александра I от австрийской и прусской политики[77].

Против интервенционистских идей Ахенского конгресса выступил также С. И. Тургенев, который по предложению И. Каподистрии принял участие в его работе. В переписке с братьями (А. И. и Н. И. Тургеневыми), в разговорах со своими соотечественниками, приезжавшими во Францию, он неоднократно выражал несогласие как с идейной мотивировкой подписания Ахенских соглашений, так и с их содержанием. С. Тургенев считал секретное решение конгресса «отправить снова союзные войска во Францию, как только это мероприятие будет признано необходимым», нарушением суверенных прав государства, антинародным актом; он вполне обоснованно полагал, что «можно, однако, оспаривать право союзников занимать Францию, когда в ней нет больше Бонапарта»[78]. В следующем году он написал несколько работ, в которых затрагивались вопросы положения в Германии и во Франции. Среди них «Письмо к господину барону де М*** о моральном состоянии Германии» и «О современном положении Франции» (на французском языке)[79]. Наряду с конкретной политикой глав европейских держав на международной арене, С. И. Тургенева весьма интересовали теоретические вопросы внешней политики, и прежде всего проблемы войны и мира. Особенно большой интерес к ним был проявлен в кругу декабристов в 20-е годы в связи с подъемом революционной борьбы народов и усилением контрреволюционной политики Священного союза.

После завершения работы Ахенского конгресса Меттерних развернул кампанию за применение на практике, в международных делах идей легитимизма и принятых на конгрессах договоров о подавлении вооруженным путем освободительной борьбы народов. События, происходившие в германских государствах, убийство в 1819 г. студентом К. Зандом реакционного драматурга А. Ф. Ко-

цебу, доносы которого Александру I об антиправительственных настроениях студенчества послужили толчком к усилению репрессивных мер, доставили Меттерниху удобный случай. Он и ранее не одобрял некоторых монархов Германского союза, которые казались расположенными дать своим подданным некоторые гражданские свободы. Теперь же Меттерних, с согласия австрийского монарха усилил нажим на прусского короля, требуя решительного наступления на либералов. Уполномоченные союзных немецких государств, собравшиеся в 1819 г. в Карлсбаде, фактически санкционировали применение права вмешательства в дела государств союза. Так, предусматривалось военное вторжение Австрии и Пруссии в государство, положение в котором (по представлению германского сейма) будет угрожать спокойствию остальных. Было принято также решение о введении общей цензуры над немецкой печатью, усиливалось давление на университеты и т. д.

Передовые представители русской общественности, как и ряда других европейских стран, увидели в этих карлсбадских решениях новое свидетельство упрочения политической линии Меттерниха, основой которой являлось право силы, а целью — безопасность европейской политической системы, базирующейся на феодально-абсолютистских порядках. В кругах будущих декабристов карлсбадские решения были расценены как реакционные, породившие «политическую инквизицию и цензуру»[80]. Передовые люди России справедливо связывали усиление политической реакции в государствах Германского союза с достижением полного преобладания в нем Австрии, с попытками насаждения меттерниховской системы, господствовавшей в империи. Подчинив Пруссию, добившись проведения ряда реакционных мер на Карлсбадском съезде уполномоченных союзных немецких государств, Австрия совместно с Пруссией усиливала давление на южные государства Германии, на их конституционный строй. 25 ноября в Вене под председательством Меттерниха открылось заключительное заседание этого немецкого сейма, на котором предполагалось выработать заключительный акт германской конфедерации, основным содержанием которого должна была стать фиксация преобладающего влияния Австрии в делах Германского союза, урезки конституционных прав отдельных государств союза, а также пресечение возможности вмешательства России, которая исходя из своих политических целей в Европе, покровительствовала южным немецким государствам. Меттерниху не удалось осуществить все намеченные задачи. Южные немецкие государства проявили известное сопротивление планам Меттерниха, так как их конституционный строй в какой-то мере стал как бы символом независимости этих государств от Австрии и Пруссии. Но в итоге их конституционные права оказались весьма урезанными, ибо были провозглашены почти полная независимость внешнеполитических действий государей — членов конфедерации от своих конституционных учреждений и их фактическая безоговорочная подчиненность диктату Австрии. Антинародная, реакционная сущность решений 1819 г.

была вскрыта Н. И. Тургеневым (особенно внимательно в связи со своей бывшей дипломатической деятельностью в Германии), следившим за политической жизнью государств Германского союза и за его дипломатией. 2 октября 1819 г. он записал в своем дневнике: «Нельзя было придумать ничего глупее Карлсбадского конгресса... Не знаю, чему более дивиться: глупости ли немецких правительств, или терпению немецкого народа!» [81].

Так передовая Россия в лице участников движения декабристов и их единомышленников выражала свое негативное отношение к «венской системе» международных отношений, к начавшемуся усилению политической реакции в Европе, которую осуществляли Священный союз европейских монархов и другие политические объединения европейских монархических сил. Либеральные разглагольствования, политика компромиссов, характерные для первых лет деятельности Священного союза, не скрыли от передовых представителей России подлинные классовые цели политики и дипломатии европейских монархов. Еще более выпукло эти цели проступили в 20-х годах XIX в., в период подъема западноевропейских революций и национально-освободительного движения греческого народа.

2. Опыт и уроки западноевропейских революций в оценке декабристов. Критика контрреволюционной политики Священного союза

Первая революционная волна, прокатившаяся по Европе после падения наполеоновской империи, достигла своего высшего уровня в 20-х годах XIX в. Это время было ознаменовано небывалым в истории всей Европы подъемом и территориальным размахом освободительной борьбы. Тогда произошли революции в Испании, Португалии и в Италии, усилилось национально-освободительное движение на Балканах. В 1825 г. в России на открытую вооруженную борьбу против самодержавия поднялись декабристы. Восстание декабристов, начавшееся выступлением в Петербурге, показало возраставшее значение революционного пути свержения феодально-абсолютистских порядков в тех странах, в которых они еще сохранялись.

Объективно все европейские революции 20-х годов XIX в. наносили удар по старому строю, расчищали дорогу для упрочения буржуазных отношений. Будучи одной из «волн», которая, по определению В. И. Ленина, «бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций» [82], европейский революционный подъем 20-х годов стал прологом новых революций в Европе — начала 30-х годов, а затем — 1848—1849 гг.

Европейские революции привлекли большое внимание российской общественности, нашли отражение в общественной жизни

страны, оказали определенное воздействие на складывание дворянской революционности, на ход дальнейшего идейно-политического размежевания. В этот период шло активное развитие декабристского движения в России: завершалась деятельность Союза благоденствия, начинали действовать другие тайные общества. С возникновения ранней весной 1821 г. в Тульчине Южного общества и с организационного оформления осенью 1822 г. в Петербурге Северного начался новый этап в декабристском движении, который характеризовался дальнейшей разработкой конкретных планов революционного переворота, а также подготовкой проектов революционной конституции. Южное общество возглавила Директория, в которую были избраны П. И. Пестель, генерал-интендант 2-й армии А. П. Юшневский и «северянин» Никита Муравьев, избранный заочно. Основателями Северного общества стали Никита Муравьев, С. П. Трубецкой, М. С. Лунин, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский, Н. И. Тургенев и др. Новые общества, ставя общие задачи, считали свою деятельность тесно связанной. «Оба круга,— говорил Пестель,— имели твердое намерение не иначе действовать, как вместе».

До осени 1825 г. существовала и развивалась самостоятельно от Северного и Южного обществ другая тайная антиправительственная организация — «Общество соединенных славян». В сентябре оно соединилось с Южным обществом и приняло в основном программу южан, но, в свою очередь, оказало и на них свое идейное влияние. Во главе Славянского общества стояли братья П. И. и А. И. Борисовы. Основную его часть составляли представители младшего офицерства, обедневшего дворянства, что нашло отражение в идейных настроениях «славян».

Признание тактики военной революции направляло мысль участников декабристского движения на разработку конструктивной социально-политической программы. Идея создания проектов революционной конституции была высказана Пестелем еще на петербургском совещании Коренной управы Союза благоденствия. Свое подтверждение она получила на Московском съезде, а развитие и реализацию — в основном в период деятельности Южного и Северного обществ, когда шла подготовка к открытому вооруженному выступлению против самодержавного режима. Тогда же острее встал вопрос о защите будущих революционных завоеваний в России от внешних реакционных сил, о поисках путей революционного единения европейских народов.

В Северном обществе в течение ряда лет создавался программный документ, известный как Конституция Никиты Муравьева. Три варианта этой Конституции отражают развитие взглядов ее автора, влияние на него политических взглядов других членов общества, а также П. И. Пестеля — руководителя Южного общества. «Русская Правда» — конституционный проект южан, над которым работал Пестель, явился тоже отражением идейной эволюции Южного общества. Эти программные документы декабристов выросли на основе осмысливания важнейшей национальной зада-

чи — освобождения страны революционным путем от самодержавно-крепостнического строя.

При подготовке конституционных проектов декабристы критически анализировали и старались учесть опыт передовой Европы, в том числе опыт европейских революций начала 20-х годов, который наглядно показал, что одна из причин слабости этих революций, их поражений коренилась в неразработанности революционными деятелями социально-экономической программы, а также в неподготовленности к защите своих завоеваний от посягательств Священного союза европейских монархов. Как пишет академик М. В. Нечкина, «западноевропейские революционные события являются крупным слагаемым той общей обстановки, в которой происходило дальнейшее созревание и развитие движения декабристов» [83].

Европейские политические события начала 20-х годов были разными по своему значению, по тому резонансу, который они вызвали во всем мире. Главнейшими, центральными, конечно, стали европейские революции. Но в то же время большой отзвук получили выступления французских карбонариев против ультрареакционного правительства Людовика XVIII, сформированного им в 1821 г., проявления оппозиционных настроений в Германии и в других европейских странах.

Из большого круга вопросов, встающих перед исследователем настоящей темы, правомерно, на наш взгляд, выделить и попытаться осветить прежде всего те из них, которые отражают непосредственные отклики декабристов на европейские революции, а также те, которые связаны с критическим изучением ими опыта этих революций в период подготовки к свержению революционным путем самодержавного строя, разработки революционной программы социально-политического переустройства России, формирования новых принципов внешней политики.

Русская и зарубежная печать довольно много писала о всех проявлениях освободительной борьбы в Европе, особенно о европейских революциях начала 20-х годов. «Что почта, то революция!» — так образно охарактеризовал Н. И. Тургенев и особенность той эпохи и специфику новостей, сообщаемых прессой. Если раньше, по словам Тургенева, при разговорах на зарубежные политические темы в кругу передовых людей России возникал вопрос: «Нет ли еще конституции?», то теперь «можно спрашивать... Нет ли еще революции?».

Русская пресса стала одним из важных источников информации о революционных событиях в Западной Европе, хотя и источником весьма специфическим, требовавшим подчас критического подхода к ее оценкам опыта и уроков этих революций. Во многом изменившиеся со времени Отечественной войны 1812 г. интересы читателей способствовали расширению круга вопросов, освещавшихся в отечественной печати. Газеты и журналы стали уделять больше внимания современной зарубежной общественно-политической тематике, как и раньше, подробно освещали между-

народную обстановку в Европе. Теперь пресса, подчеркивал Н. И. Тургенев, «больше прежнего занималась тем, что происходило в других странах»[84]. «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Дух журналов», «Северная почта», «Русский инвалид» и другие издания, исходя из своих идейно-политических позиций, по-разному интерпретировали и оценивали важнейшие международные события. Официальную точку зрения отражали прежде всего «Северная почта», «Русский инвалид» и «Санкт-Петербургские ведомости».

Среди журналов, выходивших тогда в России, наибольшей популярностью пользовался «Вестник Европы». Журнал «Сын Отечества» (издавался с 1812 г.), благодаря воздействию на него будущих декабристов К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева, Ф. Н. Глинки, Н. И. Тургенева, В. К. Кюхельбекера, ставших его постоянными авторами, тогда в большей степени, нежели «Вестник Европы», отражал гражданское свободолюбие.

В 1820 г. внимание русской печати было привлечено к политическим процессам во Франции и в Германии в связи с покушением Пьера Лувеля на ненавистного народу герцога Беррийского, а Карла Занда — на реакционного драматурга и политического провокатора Коцебу. Процесс К. Занда был освещен в печати довольно кратко. Не разбирая мотивов покушения, русская пресса тем не менее намекала, что ими могли стать «разные, весьма недавно случившиеся в немецких университетах происшествия»[85]. Внимательный читатель мог понять, что такими «происшествиями» стали наступление реакции после Карлсбадских решений на университеты и ответное сопротивление студенчества. В журналах появилось сообщение о казни К. Занда. Причем, как писал «Сын Отечества», время казни было намеренно изменено из-за боязни массовых студенческих выступлений в связи с прибытием в Мангейм «великого числа студентов из соседствующих университетов»[86].

Гораздо подробнее был освещен процесс П. Лувеля. «Вестник Европы» из номера в номер печатал материалы процесса, которые раскрывали перед читателем побудительные мотивы террористического акта, совершенного Лувелем, его ненависть к правлению Реставрации. В № 12 за 1820 г. журнал сообщил, что «Петр-Людовик Лувель, 37 лет — родом из Версаля, ремесленник-седельщик»[87]. В ответ на вопрос председателя суда о причине покушения на герцога Беррийского Лувель с решительностью отвечал: «Я лишил его жизни в намерении истребить род Бурбонов, который, по моему мнению, пагубен для нации»[88]. Ненависть Лувеля к воцарившимся Бурбонам была настолько велика, что и в последнем слове, ни в чем не раскаиваясь, он отстаивал идею цареубийства, призывал бороться против Бурбонов. Эта его речь была столь резкой, что «Вестник Европы» уже не осмелился ее привести, заметив лишь, что «ужас и негодование запрещают нам повторить слова его». Выступления тираноборцев не прошли мимо внимания передовых людей России.

В русской печати за 1821 г. появились заметки о подготовке карбонариями выступлений во Франции, об активном участии в этом С.-А. Базара и Ф. Бюше, призывавших революционным путем установить республиканский строй в стране. Так, «Вестник Европы» писал даже, что «будто бы в Париже надета трехцветная кокарда и обнародована конституция 1791 года»[89].

Первое известие о назревании революции в Испании опубликовала 13 января 1820 г. ежедневная газета «Русский инвалид», перепечатав его из мадридских газет. Она сообщила, что в испанской армии растет недовольство политикой Фердинанда VII; оно еще в 1814—1819 гг. проявилось в виде отдельных антиправительственных заговоров и выступлений. 29 января 1820 г. газета сообщила о начале новой революции в Испании, о том, что ее инициаторами стали «в самый день Нового года... войска Экспедиции, расположенные в окрестностях Кадикса, Гренады и Севильи». Непосредственно центром первых революционных выступлений стал Лас-Кабесас, их руководителем — подполковник Рафаэль Риего, провозгласивший перед солдатами восстановление конституции 1812 г. По отзывам газеты, это событие потрясло правящие круги Испании. «Вестник Европы» тоже сообщил о развитии событий в Испании, подчеркнул военный характер революции, возглавленной офицерами армии. Журнал писал, что «дух неудовольствия распространился не столько между народом, как в войске. Испанские офицеры — просвещеннейшие люди изо всей нации; они душою преданы конституции кортесов»[90]. На военный характер испанской революции указывали и другие периодические издания России, в том числе «Сын Отечества», который черпал сведения из французских газет. По определению «Сына Отечества», «мятеж произошел единственно между войсками»[91].

Разные, в том числе и весьма противоречивые известия зарубежной прессы (при отсутствии официальных сообщений русского правительства), на которых в основном сначала базировались сообщения отечественной печати, отражались на характере информации. Так, в ряде номеров «Русский инвалид» то писал о больших успехах восставших, объединившихся в «Национальную армию» под руководством полковника Квироги (Кироги), то сообщал, что будто бы он «посажен в темницу»[92].

Однако успех борьбы становился все более очевидным. Русская пресса привела сведения о распространении революции по стране, о росте авторитета Риего и Квироги. «Корпус полковника Риего беспрепятственно ходил по Андалузии... — писал мартовский „Вестник Европы“.— Отряды инсургентов ходили по разным направлениям и во многих городах учреждали свое правительство. При таком положении дел в государстве его величество король испанский признал за нужное 3-го числа марта (н. ст.) обнародовать рескрипт...»[93] Он содержал довольно-таки неясные обещания улучшить положение народа. Под давлением народных выступлений Фердинанд VII вынужден был 7 марта восстановить конституцию 1812 г., а 9 марта народ заставил его присягнуть

конституции. Об этой победе восставшего народа Испании русская пресса с разрешения правительства сообщила только в начале апреля. Если «Русский инвалид» в сообщениях от 1 апреля (ст. ст.) пытался представить восстановление в Испании конституции как милостивый акт короля, то «Вестник Европы» осмелился раскрыть действительные причины, заставившие короля восстановить конституцию 1812 г.,— Фердинанд VII спешно, «вняв общему желанию народа, решился... присягнуть в сохранении конституции, обнародованной государственными и чрезвычайными кортесами в 1812 году»[94]. Журнал подчеркнул, что фактически ранее, 7 марта, «конституция была уже принята во многих местах королевства», она была введена силой революции. Об этом же писал и «Сын Отечества».

Пока испанская конституция формально признавалась Александром I, российская пресса писала о ней в спокойных тонах, не одобряя в основном новые требования и предложения, которые были высказаны наиболее радикально настроенными участниками революции. Так, «Вестник Европы», сообщив в апреле о созыве в Мадриде «временной Юнты», которая «действовать будет до созвания кортесов», выделял ее требования смотреть «на будущее собрание кортесов, как на твердейший оплот народной свободы и на единственное средство к прекращению внутренних несогласий». Журналу импонировали призывы хунты «дружелюбно соединиться под крылом правительства», ее предостережения избегнуть «бедствий, с которыми сопряжена была французская революция»[95]. Но и он должен был отметить проявление антироялистских настроений в стране[96]. «Сын Отечества» одобрил кортесы, которые, по его мнению, «свято хранили уважение к особе короля»[97]. Но в то же время русская печать не могла обойти молчанием распространение в ходе испанской революции республиканских идей, она также не могла не отметить, что эти взгляды рождались вне стен кортесов, прежде всего в революционных клубах[98]. Распространение республиканских идей в Испании вызвало в целом отрицательную реакцию русской прессы.

Передовая общественность России, прежде всего декабристы, очень внимательно следили за социально-экономической программой испанской революции. Вполне понятно, что ее весьма интересовало решение аграрной проблемы, которая столь же остро стояла и в России. Русская печать давала материал для размышлений. Из приводимых сведений было видно, что испанские крестьяне не удовлетворены земельными реформами и что часть крестьян, к тому же постоянно подстрекаемая католической церковью к борьбе с революцией, приняла участие в мятежах роялистско-клерикальной реакции. Из сообщений русской печати вырисовывалась вообще сложная обстановка в Испании — рост народных выступлений, усиливавшиеся противоречия между сторонниками левых и правых сил. Уже в конце 1820 г., как сообщал 5 декабря «Русский инвалид», «при закрытии заседаний кортесов произошли значительные беспорядки», сопровождавшиеся криками: «Да

здравствует Риего!». Весной 1821 г. эта же газета, отражая растущую тревогу правящих кругов России в связи с испанскими делами, отмечала господство «в здешней столице» «партии неумеренных либералистов»[99]. Положение еще более обострилось в связи с образованием летом 1822 г. правительства левых сил, которое начало предпринимать ряд решительных мер, но остановилось в своих действиях на полпути, особенно после решения Веронского конгресса Священного союза о подавлении революции.

Вслед за Испанской революцией произошли революции в Италии и Португалии. Эти революции, как и Испанская, имели триумфальное начало и трагический конец. Неаполитанскую революцию (1820—1821 гг.) возглавили итальянские карбонарии. Умеренное крыло карбонариев во главе с генералом Г. Пепе ставило главной задачей введение конституции, которая бы только несколько ограничила королевскую власть и упрочила силы военной верхушки. Но развернувшиеся события внесли в эти планы свои коррективы: под руководством карбонариев вскоре произошли восстания во всех провинциях Неаполитанского королевста. Повстанцы шли с лозунгами: «Да здравствуют крестьяне!», «Да здравствует свобода и конституция!». В ряде провинций обсуждался вопрос о форме будущей конституции: по образцу испанской или американской? На сторону восставших перешел генерал Пепе с полками неаполитанского гарнизона. Так в несколько дней победила бескровная революция, которая по сути дела не встретила сопротивления королевской армии; была провозглашена испанская конституция 1812 г.

В июльских—сентябрьских номерах российских газет и журналов обстоятельно сообщалось о развитии революции в Италии. И это несмотря на то, что было принято правило для печати, которое, по определению министра внутренних дел В. П. Кочубея «предписало со всей строгостью и запрещало входить в детали, относящиеся к этой революции»[100]. Вести о победе новой революции в Европе были встречены враждебно царским правительством, которое тем не менее вынуждено было признать ее первые успехи. Это отмечал, например, К. В. Нессельроде 27 июля в докладе Александру I, подчеркивая, что новая «военная революция, к сожалению, делает стремительные успехи», что провозглашена конституция «под давлением мятежников, которыми продиктованы эти меры»[101].

Впервые о начале неаполитанской революции сообщил 25 июля «Русский инвалид». Он подчеркнул, что к войскам присоединились крестьяне, что «каждый крестьянин, который только имел у себя ружье или какое-нибудь другое оружие, последовал их примеру» и что «сии смешанные вооруженные толпы двинулись к Неаполю». Излагая дальнейший ход событий, он отмечал, что восставшие требовали «свободную конституцию на основании той, которая принята ныне в Испании».

Король Обеих Сицилий Фердинанд I, державшийся на троне в основном силой иностранных штыков, быстро капитулировал

перед восставшими и удовлетворил их требования. «При сих обстоятельствах король рассудил за благо уступить всеобщему желанию,— сообщал „Русский инвалид“.— Сего дня поутру 6 июля отправлены уже курьеры к войскам с известием о сей перемене. В самом городе прибиты печатные листы, в коих объявляется о намерении короля обнародовать в течение недели свободную конституцию»[102]. Газета выразила тревогу в связи с возможностью дальнейшего развития этой революции, возбуждающего воздействия на народы других европейских стран. Не случайно газета писала, что «мудрено сказать, какие последствия имело бы сие дело, если бы правительство не приняло сей решительной меры»[103].

Провозглашение конституции свидетельствовало о значительном влиянии в начале революции радикального крыла карбонариев. Революция углубляла противоречия между представителями радикального и умеренного крыла карбонариев, имевшими значительное численное превосходство в карбонарских вентах. Руководители неаполитанской революции провозглашением конституции и избранием на ее основе парламента, в основном состоявшего из буржуазии и либерального дворянства, сочли свою миссию выполненной. Они не поставили задачей дальнейшую разработку политической и социально-экономической программы, проведение реформ в интересах народных масс. Не было уделено должного внимания аграрному вопросу, сформулированному к тому же крайне туманно: «Для поощрения почетного занятия сельским трудом... будет оказана поддержка предпочтительно тем, кто нуждается в ней»[104]. Между тем радикальное разрешение этой острой проблемы, а также восстановление национальной независимости страны были тем главным и насущным, ради чего поднимались на борьбу широкие массы населения Италии.

Нерешенность важных задач привела к обострению классовых противоречий. Об этом сообщала итальянская печать[105], материалы из которой попадали на страницы зарубежной, в том числе русской прессы. Даже «Русский инвалид» должен был признать, освещая положение в Италии, что именно «непомерная земельная такса» стала «главною причиною мятежнических движений»[106], во главе которых становились некоторые наиболее радикально настроенные карбонарские венты[107]. Но в то же время официальные органы печати пытались доказать, что якобы революции не в состоянии принести освобождение народу, а лишь ухудшают его положение, ведут к обострению противоречий в стране[108]. Народный протест в Италии был вызван, конечно, не самой революцией, а прежде всего ее незавершенностью, нерешенностью важнейших социально-экономических проблем в интересах народных масс. Как раз это ослабило революцию, облегчило ее подавление военными силами реакционного Священного союза. При начавшейся иностранной интервенции народные массы не стали активными борцами за сохранение нового режима, который фактически не удовлетворил их социально-экономических требований.

В августе 1820 г. началась новая революция — в Португалии. Военное восстание в Порту (Опорто) и Лиссабоне против жестокого режима английского генерала У. Ч. Бересфорда (в качестве регента, управлявшего страной) завершилось победой — была провозглашена конституция[108a]. Однако, согласно данным русской печати, часть представителей португальских кортесов, созванных на основании «прокламации Регентства» от 1 сентября, была настроена весьма радикально и требовала не только введения конституции по образцу испанской, но и дальнейшей демократизации[109]. Вот что писал 9 декабря 1820 г. «Русский инвалид»: «Третьего дня, 11 ноября, и вчера происходили здесь в Лиссабоне довольно значительные мятежнические движения. Члены обеих юнт не согласны меж собою насчет новой конституции. Члены портской юнты желают немедленно провозгласить конституцию испанских кортесов, между тем как лиссабонская предлагает совсем другую». Многие страницы «Вестника Европы», начиная с сентябрьских номеров, были тоже посвящены «делам португальским». Конституционный строй в Португалии продержался почти три года. В 1822 г. он был задушен контрреволюционными силами, восстановившими в стране абсолютизм.

Интересные заметки печатала русская пресса и о растущей солидарности передовых людей Европы, особенно ярко проявившейся в годы европейских революций начала 20-х годов XIX в. Так, печать сообщала не только о большой симпатии со стороны итальянских карбонариев к Испанской революции, о ее влиянии на подъем освободительной борьбы в Италии, но и о стремлении испанских революционеров помочь Итальянской революции, выступить против иностранной контрреволюционной интервенции. Как сообщал «Вестник Европы», уже в начале 1821 г., когда угроза иностранного вторжения в Италию стала реальной, испанские кортесы решили взять «сторону неаполитанского правительства, если начнется война в Италии»[110]. И только сложность внутриполитической обстановки в Испании помешала реализовать планы активной помощи итальянскому народу.

Итак, русская пресса довольно обстоятельно информировала читателей о ходе революций на Западе. Несмотря на сдержанный тон и официальные оценки большинства очерков на внешнеполитические сюжеты, объективно печать давала вдумчивому читателю ценный материал для изучения и анализа вопросов, связанных с революционными событиями в Европе. Трагический исход европейских революций привлекал внимание к причинам их поражения, что вело к пониманию нерешенности ими социально-экономических проблем в интересах народа, а также неразработанности внешнеполитической программы, в которой важнейшее место должна была занять защита революционных завоеваний от реакционных сил Священного союза.

Сообщения прессы о ходе революций в Европе дополняли различные неофициальные источники, в том числе письма и рассказы русских людей, ставших очевидцами этих событий. Интересные

сведения сохранились, например, в переписке многих художников из России — стипендиатов Академии художеств, находившихся в начале 20-х годов в Италии. Очень ценными являются отклики на революции участников движения декабристов, которые стали их очевидцами. Все эти сведения пристально изучались декабристами и критически анализировались.

Если в правящих кругах России сначала царила уверенность в быстром подавлении революционного очага, вспыхнувшего в Испании, а также в полном безразличии в России к начавшимся революциям на Западе, то уже вскоре такая уверенность пошатнулась, а затем и исчезла вовсе. Это ярко проявилось, например, в взволнованном письме царского генерал-адъютанта кн. И. В. Васильчикова П. М. Волконскому, написанном в марте 1821 г., когда революционная волна захлестнула Италию. «Известие о пьемонтской революции произвело здесь сильное впечатление,— писал Васильчиков.— Люди благоразумные в отчаянии, но большая часть молодежи в восторге от всего того, что происходит, и не скрывает своего образа мыслей. Обстоятельства более чем затруднительны. Замалчивать правду или обманывать себя было бы преступлением... Недовольство всеобщее. Революция в умах совершилась, единственное средство не опрокинуть корабля — не натягивать паруса сильнее, чем позволяет ветер» [111].

Огромным, незабываемым событием стали европейские революции в жизни передовых кругов России, прежде всего декабристов.

Высказывания будущих декабристов тех лет, их дневники, записки, письма, а позднее — ответы на многочисленные вопросы Следственного комитета дают огромный материал об их откликах на революции. Они позволяют также увидеть, что́ более всего привлекало декабристов в этой борьбе, проследить за ходом критического анализа опыта европейских революций, и особенно их последствий [112]. Характеризуя общее настроение членов тайных обществ в России, доносчик Грибовский сообщал царю в 1821 г. в своей «Записке о тайных обществах», что «они не могли скрыть глупой радости при происшествиях в Испании и Неаполе и готовы были бы на все, чтобы принудить государя... не допустить иметь близкое деятельное участие к успокоению Европы» [113]. В этом довольно примитивно составленном доносе вместе с тем были верно отражены большой энтузиазм декабристов в связи с подъемом революционной борьбы в Европе, их солидарность с европейскими революционерами.

Большой интерес представляют наблюдения тех декабристов, которые в начале 20-х годов находились в странах Запада. Известно, что, например, в 1820—1821 гг. в Германии, Италии, Франции побывал В. К. Кюхельбекер. Перед отъездом в сентябре 1820 г. из России он написал стихотворение «Прощание», которое хранилось у А. С. Пушкина в рукописном сборнике стихотворений Кюхельбекера. Перед глазами поэта встает грозная картина «вооруженной Свободы, борьба народов и царей». Действительно,

пребывание в Западной Европе сделало его очевидцем развивавшихся политических событий в ряде стран. Так, находясь в Германии, он заметил обострение классовых противоречий: «Германцы доказали в последнее время, что они любят свободу и не рождены быть рабами...» [114].

В Ницце, которая, как и Пьемонт, входила тогда в состав Сардинского королевства, Кюхельбекер узнал о революции в Пьемонте. В написанном в ту пору стихотворении «Ницца» он отразил и радость по поводу революции, и страх за ее судьбу. Кюхельбекер предчувствовал подавление выступления австрийскими контрреволюционными силами — «ненавистными тудесками» — и в то же время не хотел дальнейшего развития революции, превращения ее из военной в народную. 16 марта 1821 г., покидая Ниццу, он писал «об движении пьемонтских карбонариев». «Бунт Алессандрии и ропот армии» усилили его опасения народных волнений. В подобных размышлениях Кюхельбекера по поводу пьемонтской революции уже отразились противоречивость его взглядов, ограниченность его дворянской революционности. И позднее он остался на этих же позициях (даже тогда, когда был в рядах восставших на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.).

Весной 1821 г. в Париже, бурлившем после процесса над П. Лувелем (после политических манифестаций 1820 г.), Кюхельбекер установил контакты с некоторыми французскими либеральными и революционными деятелями, активно вникал в политическую жизнь страны. Тогда же в Париже он прочел публичную лекцию о России, о ее истории, о ее будущем. «Для нас наступило время, когда для всех народов существенно взаимное знакомство»,— так начал это свое выступление Кюхельбекер. Связывая дальнейшее развитие родины со всем ходом исторического развития Европы, он подчеркивал, что новый «дух времени» не могут задушить ни насилие, ни принуждение, что «опыт и история подтверждают эту великую истину» и недалек тот день, когда народ России, как и все угнетенные на земле, победит деспотизм и варварство [115].

Смелая речь оратора из России произвела большое впечатление на французов. Иначе реагировали на речь Кюхельбекера представители российского посольства: ему было запрещено дальнейшее чтение лекций и вскоре он был выслан из Франции. В России над Кюхельбекером собиралась гроза. С помощью друзей он был направлен к генералу А. П. Ермолову на Кавказ, что тогда спасло его от репрессий.

Очевидцами испанских событий стали моряки из России, которые во время плавания заходили в эту страну. Накануне революции там находились военные моряки, прибывшие на одном из купленных Испанией у России военных кораблей. Среди моряков был лейтенант русского флота В. П. Романов, опубликовавший свои впечатления о плавании в «Отечественных записках» (1820, № 3). Впоследствии он привлекался по делу декабристов. В 1824 г., уже после поражения Испанской революции, в Испании побывали

моряки фрегата «Проворный». В их числе были декабристы «лейтенант Бестужев в качестве историографа» фрегата и А. П. Беляев — младший офицер. «Проворный» в начале августа подошел к г. Гибралтару — английской крепости на юге Испании. Несмотря на поражение революции, на юге страны еще живо чувствовались ее отзвуки. Декабрист Беляев это отразил в своих «Воспоминаниях», увидевших свет только много десятилетий спустя, но работа над которыми началась уже там, у берегов революционной Испании.

Несомненно, что свои впечатления и наблюдения он излагал в кругу друзей. Многие из них, так же как и он сам, стали участниками восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге. Беляев писал: «Утром вступили в Гибралтарский пролив, прошли город Тарифу, перед которым стоял французский фрегат и бомбардировал город. Нация, которая во имя свободы и человечества пролила столько крови и явила миру столько чудовищного извращения разума и всего человеческого, теперь с ожесточением расстреливала восставших за свою свободу испанцев и снова поработила страну, только что начавшую возрождаться».

Русские моряки стали свидетелями продолжения сопротивления испанского народа контрреволюционным силам, посланным в страну по решению Священного союза. У Беляева есть очень интересное замечание, которое свидетельствует о том, что русские моряки не считали Испанскую революцию подавленной, верили в ее продолжение. Так, описывая одну из встреч в Гибралтаре с английскими моряками, автор замечает: «Под окном играл оркестр музыки, и когда заиграли марш Риего, то энтузиазм был всеобщий. *В это время испанской революции* преследуемые испанские инсургенты жили в лодках на гибралтарском рейде. Лорд Чатам, военный губернатор, старший брат Пита, не дозволял им жить на берегу, и многие из офицеров и жителей им помогали» [116].

Беляев был проникнут чувством огромного уважения к испанским революционерам и восхищался их мужественной борьбой в тяжелые дни 1824 г. «После нашего плавания в Испанию в 1824 г.,— писал Беляев,— где мы видели подвижников испанской свободы... где слушали марш Риего и с восторгом поднимали бокалы в его память, мы, конечно, сделались еще большими энтузиастами свободы». Он откровенно превозносил дело испанских революционеров, выступивших против феодально-клерикальной реакции». «Революция в Испании с Риего во главе, исторгнувшая прежнюю конституцию у Фердинанда, приводила в восторг таких горячих энтузиастов, какими были мы и другие...» [117].

С большим вниманием следили из России декабристы за ходом европейских революций и восторженно о них отзывались. Огромное впечатление произвели на участников движения декабристов революция в Испании, мужественная длительная борьба испанского народа против внутренней и внешней реакции. «Еще величайшая, всемирная новость» [118], так определил член Союза благоденствия П. Я. Чаадаев значение известий о начале Испанской

революции. Образно, ярко писал об этом времени близкий к декабристским кругам А. С. Пушкин:

Тряслися грозно Пиренеи,
Волкан Неаполя пылал...

Снова и снова обращаясь к революционным событиям тех дней, поэт раскрывал поистине грандиозную картину размаха революционных выступлений в Европе:

Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода,
И самовластие лишь север укрывал? [119]

Особенно много заметок по поводу революций на Западе мы находим у Н. И. Тургенева. Из его писем, дневников, записок видно, как велик был интерес к революциям в Европе у передовых представителей русской общественности, какие надежды зажигала их победа у самого Тургенева и у людей, близких к нему по своим политическим настроениям. О начале революции в Испании много записей в его дневнике за февраль—март 1820 г. Недостаток достоверной информации о ходе испанских событий сказался на его первоначальных размышлениях по поводу перспектив начавшейся революции. Так, 13 февраля он писал: «В Гишпании восстало несколько полков. Опять ли все погибнет? И надолго ли?» Но 24 марта уже радостно отмечал: «Вчера получили здесь известие, что король гиспанский объявил конституцию кортесов. Слава тебе, славная армия гиспанская! Слава гиспанскому народу! Во второй раз Гишпания доказывает, что́ значит дух народный, что́ значит любовь к Отечеству». Н. Тургенев замечал, что «нынешние инсургенты ... сколько можно судить по газетам, вели себя весьма благородно. Объявили народу, что хотят конституции, без которой Гишпания не может быть благополучна; объявили, что, может быть, предприятие их не удастся, они погибнут все жертвами за свою любовь к Отечеству, но что память о сем предприятии, память о конституции, о свободе будет жить, останется в сердце гиспанского народа ... Может быть, Гиспания покажет возможность чего-нибудь такого, что по сию пору мы почитали невозможностию» [120]. Вполне очевидно, что Н. Тургенев намекал на опыт военной революции. Им же была высоко оценена испанская конституция 1812 г., восстановленная революцией. Сама идея военной революции интересовала Н. Тургенева и раньше. Весной 1818 г. он встречался в Петербурге с испанским революционером Хуаном Ван Галеном, говорил с ним на политические темы. От него Н. Тургенев мог узнать подробности о тактических позициях испанских революционеров. Замысел активного военного переворота под руководством революционных вождей обсуждался на петербургском совещании Коренной упра-

вы. Революция в Испании только упрочила веру некоторых членов «Союза благоденствия» в идею совершения революции военной, «наподобие испанской».

Считая, что Испанская революция закончилась восстановлением конституции, П. Я. Чаадаев писал брату, М. Я. Чаадаеву, 25 марта 1820 г.: «Весь народ восстал, революция совершилась в три месяца, и не пролито ни капли крови. Не было никакой резни, никакого потрясения, никаких излишеств. Это прекрасный аргумент в пользу революций. Но *во всем этом есть кое-что, очень близко нас касающееся*. Сказать ли, что именно? Должен ли я довериться этому листку, который может оказаться нескромным. Нет, я предпочитаю помолчать...»[121]. Чаадаев сознательно не продолжил свою мысль, посылая письмо по почте. Но известно, что тогда Чаадаев отходил от идеи лишь «исправить старый мир». Значительное влияние на него оказали приезд П. И. Пестеля в Петербург на совещание Коренной управы Союза благоденствия, подъем политической активности Н. И. Тургенева.

В 1822 г. по политическим мотивам был арестован и заточен в крепость член Южного тайного общества В. Ф. Раевский. Наряду с другими обвинениями ему предъявили и то, что он проповедовал и прославлял имя Квироги при обучении солдат, что «вместо данных от начальства печатных литографических прописей и разных учебных книг» приготовил свои, с крамольными мыслями: «Свобода, равенство, конституция». В 1823 г. по политическим мотивам фактически был отстранен от военной службы генерал М. Ф. Орлов, который еще в 1819 г. высказывался в поддержку идеи военной революции, ставил задачу усиления влияния декабристов в армии, выступал в поддержку революций и греческого восстания 1821 г. под руководством А. Ипсиланти.

Формирование отношения передовой русской интеллигенции к перспективам развития Европы, к судьбам России было связано с восприятием одной из важнейших проблем века — революции и ее значения в истории развития человеческого общества. Огромную роль в привлечении внимания к этой проблеме сыграла Великая французская революция конца XVIII в., большое значение имели и революции 20-х годов XIX в.

Далеко не просто и не сразу признали некоторые прогрессивно настроенные русские современники положительное значение как Французской буржуазной революции, так и революционных методов борьбы вообще. Их пугал размах Французской революции, связанный с участием в ней широких народных масс. Внутриполитическая обстановка в России постепенно разрушала иллюзии части русской интеллигенции относительно возможности раскрепощения народа силами правительств. Большой материал для таких заключений давал также анализ событий в Западной Европе.

Падение власти Наполеона I, которую многие современники считали следствием будто бы якобинской диктатуры, «оцарствования революционного начала», послужило толчком к изменениям

оценки Французской революции конца XVIII в. В то же время «разочарование» этой революцией способствовало и формированию либерализма, который, с одной стороны, выступал против идеологического обоснования реставрации феодально-клерикальных порядков в Европе, с другой — выражал нежелание буржуазии встать на путь последовательного решения острых социально-политических проблем, отражавших интересы прежде всего широких демократических слоев населения. Одним из видных идеологов либерализма первых десятилетий XIX в. стал Бенжамен Констан.

Наблюдения декабристов над судьбой революционных завоеваний в послевоенной Франции, стремление к революционным преобразованиям в других странах, по их свидетельствам, послужили новым толчком для изменения оценки революции, утверждения в мысли, что главная заслуга этой революции — в начале непримиримой борьбы народов с царями. Как показал Пестель, анализируя впоследствии причины зарождения революционных настроений в среде передовых русских людей, наряду с главной причиной — необходимостью решительной борьбы с гнусной крепостнической действительностью — определенное значение имел и тот факт, что основные завоевания Французской революции, несмотря на все нападки европейской реакции, показали жизненность. Пестель писал: «От сего суждения породилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна». Далее он добавлял, что те государства, «в коих не было революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений»[122]. В то же время Пестель более явственно, нежели многие другие передовые современники, улавливал незавершенность Французской революции. В своих оценках ее конечных результатов он поднялся выше французских буржуазных историков первой четверти XIX в., которые выступали апологетами нового социального строя[123].

В период подъема революционной борьбы в Европе декабристы укрепились в мысли о необходимости совершения в России переустройства старых порядков революционным путем, освобождения народа от пут феодально-крепостнического строя, но не путем народной революции, а революции военной. Это определялось не только тем, что в России, как и в Испании, было слабо третье сословие, поднявшееся на борьбу во Французской буржуазной революции конца XVIII в., что было задавлено, опутано цепями феодального гнета крестьянство. Одна из причин принятия идеи военной революции была связана с реакцией на Великую французскую революцию, вернее, на движущие силы этой революции в период якобинской диктатуры. Боязнь народной революции — одно из главных проявлений классовой ограниченности дворянских революционеров. Опыт западноевропейских революций 20-х годов помог декабристам конкретизировать идею военной революции, которая была сформулирована и принята Союзом благоденствия на рубеже 1819—1820 гг. Так, восприятие идей военной

революции революционерами ряда европейских стран было связано с особенностями как их внутриполитического развития, так и той исторической эпохи в целом.

Брожение в царской армии, особенно явственно проявившееся в выступлении солдат гвардейского Семеновского полка в октябре 1820 г., свидетельствовало о реальной возможности использования армии при революционном перевороте. Будучи в основном военными, декабристы были хорошо осведомлены о настроениях в войсках. Многие из них, в том числе кн. С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин, И. И. Пущин, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, Ф. П. Шаховской, М. П. Бестужев-Рюмин и другие, служили в Семеновском полку. О растущем недовольстве в армии становилось известно различным кругам русского общества.

Испанская революция привлекла столь большое внимание декабристов не только тем, что она ярко продемонстрировала возможность достижения победы путем военной революции, но также и тем, что революция в Испании продолжалась несколько лет (с 1820 по 1823 г.) и что она была подавлена внешними контрреволюционными силами, направленными Священным союзом. Опыт и уроки этой революции были учтены декабристами при разработке в их политических документах вопросов ведения внешней политики, при поисках путей единения революционных сил, а также при дальнейшем анализе политики Александра I в Священном союзе.

Ярко раскрыл значение Испанской революции для передовых европейских сил академик Е. В. Тарле. Он писал: «Успех Испанской революции, ее относительная длительность, наконец, тот факт, что сломлена была власть революционеров исключительно иностранным (французским) военным вмешательством,— все это нанесло страшный удар всей идеологии Священного союза и теоретиков церковно-политической реакции. Впервые обнаруживалось с непререкаемой ясностью, что идеи Великой французской революции нисколько не убиты и не похоронены, а, напротив, обнаруживают удивительную живучесть; впервые с самого конца Французской революции демонстрировалось, как, в сущности, шатки троны и алтари, как мало уверены в себе их защитники, как неустойчив созданный Священным союзом порядок вещей»[124].

Декабристы подчеркивали нарастание энтузиазма в их среде в связи с расширением региона революционных преобразований в Европе. Во всех их высказываниях о революционных выступлениях зарубежных народов они оцениваются как наиболее действенная форма борьбы с феодально-абсолютистскими порядками, ставшими тормозом на пути прогрессивного развития народов. Образно раскрыл настроения того времени Н. И. Тургенев: «Мы дышим новостями европейскими. Ими только у нас и занимаются... Во Франции открыт новый заговор. Но по сие время известия о нем сбивчивы и неполны. Здесь прошел слух о каких-то арестациях в Берлине, но несправедливо. Все говорят, что будет кон-

гресс, но неизвестно где. В „Монитере" помещено рассуждение о различиях революций гишпанской и неаполитанской»[125].

Все декабристы отмечали немаловажную роль итальянских революций в формировании их мировоззрения. Об этом сохранились высказывания П. И. Пестеля, А. В. Поджио, М. Ф. Орлова, В. Ф. Раевского, В. И. Штейнгеля, Н. И. Тургенева и многих других. В 1820 г. революционным событиям уделялось особенно большое внимание в Кишиневской управе, объединявшей наиболее радикально настроенных членов Союза благоденствия. М. Ф. Орлов отмечал, что «американский федерализм, гишпанские происшествия и неаполитанская революция играли большую роль во всех их разговорах». Позднее, во время следствия, член этой управы В. Ф. Раевский обвинялся также в том, что «восхищался итальянскими происшествиями и изъявлял желание такие же новости завести в России»[126]. Вполне понятно, что под этими «новостями» царский суд подразумевал стремление ввести в России революционным путем конституционное устройство. Действительно, политическая программа европейских революционеров обстоятельно обсуждалась декабристами, внимательному разбору была подвергнута испанская конституция 1812 г., ставшая как бы эталоном для конституционных проектов во время революций начала 20-х годов. Она была напечатана в России еще в 1812—1813 гг., имелась в личных библиотеках многих декабристов наряду с трудами выдающихся французских просветителей XVIII в. и передовых мыслителей начала XIX в.

Очень эмоционально переживал подъем революционной борьбы в Италии декабрист-итальянец А. В. Поджио, много лет проживший в Одессе, где он часто общался со своими соотечественниками. Он заявил в ответах Следственному комитету, что «Испания, Неаполь, Пьемонт, Греция вслед одни за другими приняли образ свободного правления; с тех пор журналы с рук моих не сходили»[127]. Размышляя над причинами возникновения своего свободомыслия, Поджио раскрывал воздействие на него прежде всего окружающей российской действительности, особенно выделял тяжелое положение крестьян. Вместе с тем он отмечал и большое значение европейских революций, которые активизировали у него, как и у других декабристов, стремление видеть свою страну освобожденной от самодержавно-крепостнического гнета. «Впал в сравнения,— писал он в ответе на вопросы Следственного комитета,— и тут стал убеждаться в необходимости видеть и свое Отечество... наряду с просвещеннейшими народами...»

В целом одобряя политику испанских и итальянских карбонариев, проводимую ими в ходе революций, Поджио в то же время высказывался о несовершенстве строя конституционной монархии, который утвердился в этих странах, и поддерживал идею республики. Он же был решительным противником доверия монархам, которое оказывали революционеры в Испании и Италии и которое было этими монархами использовано во вред революции. Несмотря на поражение революций, Поджио горячо верил в то,

что это явление временное, ибо «там стоит в запасе сил необоримый карбонаризм, который обратился в кровь и плоть народа!»[128] Он считал, что революционный переворот в России, который замыслили декабристы, будет иметь важное значение для нового подъема революционной борьбы в Европе, и приложил много усилий для его подготовки. Не случайно в заключении Следственной комиссии он был охарактеризован как один из деятельнейших членов Каменской управы Южного общества: «Подполковник Поджио признался, что он принят в Южное тайное общество в 1823-м году; и был пламенным членом оного... находился при совещании Южного общества с Северным о принятии общею целию водворить республиканское правление с истреблением всей царствующей фамилии... По арестовании Пестеля, Поджио решался начать возмущение в войсках...»[129].

Итак, признавая, как это подчеркивал Е. В. Тарле в своей работе «Военная революция на западе Европы и декабристы», что среди всех западноевропейских революций Испанская получила наибольший отзвук в декабристской среде, нельзя не учитывать значительного воздействия на нее и итальянских революционных событий. Новые исследования советских (М. И. Ковальской, М. А. Додолева и др.) и итальянских авторов (особенно Ф. Вентури и Дж. Берти) позволили намного расширить представления об откликах декабристов на революции в Италии, осветить их роль в идейной жизни декабристских тайных обществ.

К опыту европейских революций 20-х годов декабристы обращались на протяжении всей их деятельности, при дальнейшей разработке революционных планов, вплоть до восстания 14 декабря 1825 г.

Испанская революция, в которой роль армии — решающая, утверждала декабристов в возможности проведения военной революции в России и потому находилась в центре их внимания. Некоторым декабристам, в том числе Н. И. Тургеневу, импонировали в этой революции прежде всего ее якобы «праздничность, бескровный характер». Однако большинство декабристов понимало невозможность такого хода событий в России. Они представляли, что государственный переворот может быть осуществлен только в результате военного вооруженного восстания (по словам Пушкина, «в дыму, в крови, сквозь тучи стрел»), и пытались даже активизировать участие солдат, сделать его более осознанным.

Солдатским массам в восстании декабристы не отводили роли самостоятельной активной силы, но тем не менее они предполагали ведение политической пропаганды в армии, просвещение солдат о целях восстания. Разные материалы тех лет показывают, что в начале 20-х годов в России среди солдат проявился определенный интерес к европейским революциям, и реакция на них. Декабристами был написан ряд агитационных произведений, обращенных «к воинству и народу». Некоторые из них были составлены в манере испанского катехизиса. Н. М. Муравьев в 1820 г. работал над текстом «Любопытный разговор», В. Ф. Раевский в

1822 г. писал «О солдате». Составленный С. И. Муравьевым-Апостолом в форме вопросов и ответов «Православный катехизис» был зачитан 31 декабря 1825 г. солдатам восставшего Черниговского полка. Этот документ — свидетельство стремления декабристов просветить солдатские массы в отношении целей восстания. Он носил ярко выраженный антисамодержавный характер[130].

Однако попытки агитации среди солдат тогда еще только начинали предприниматься. Основное значение при проведении военной революции отводилось роли офицерского состава. Поэтому не случаен такой большой интерес декабристов к именам Риего, Квироги, Пепе и других военных руководителей революций.

Вместе с тем в среде декабристов возникали и сомнения относительно целесообразности проведения чисто военного восстания. «Ежели переворот сделается военною силою, то власть и останется в ее руках, и это весьма ненадежно; сейчас можно сделать контрреволюцию... Надлежит, конечно, иметь военную силу на своей стороне,— отмечал, например, К. Ф. Рылеев,— но переворот должен быть сделан гражданским состоянием, тогда он только будет прочен... Власть в руках военных, соединенная с силою, опасна»[131]. Эти идеи звучали в «Обществе соединенных славян». Однако на практике в своей тактике (и это отчетливо показало восстание 14 декабря на Сенатской площади) декабристы не вышли за рамки идей военной революции.

В. И. Ленин, подчеркивая военный характер восстания декабристов в 1825 г. и разбирая его специфику, писал: «Особенно интересно сравнить военные восстания в России 1905 года с военным восстанием декабристов в 1825 году. Тогда руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам; они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн. Масса солдат, состоявшая тогда еще из крепостных крестьян, держалась пассивно»[132]. Итак, действия декабристов были отмечены печатью классовой ограниченности. Исход восстания декабристов в России, как и других военных революций 20-х годов XIX в. в Европе, способствовал выдвижению перед последующими поколениями революционеров в число важнейших теоретических и практических вопросов революционной борьбы вопрос, поставленный еще Великой французской революцией,— о роли народа в революции.

С начала 20-х годов декабристы очень внимательно разбирали вопрос о центрах будущего военного восстания в России. При этом изучались опыт Испанской, Португальской, Итальянской революций, а также ход событий 1821 г. в Молдавии и Валахии, маршруты революционных полков Риего, Квироги, Пепе, Ипсиланти. В ходе самого обсуждения вопросов о месте сосредоточения революционных сил и начале восстания были выдвинуты два варианта плана: так называемый столичный и периферийный. Вопрос стоял о нанесении решающего удара или в столице, чтобы

сразу парализовать весь государственный аппарат, или сначала на периферии, где это было легче совершить, особенно используя, например, военные маневры, приезд на них царя.

Эти варианты активно обсуждались в Южном и Северном обществах. Они стояли в центре внимания декабристов при разработке большого «Плана действий». Напомним только, что в ходе разработки планов восстания в Северном и Южном обществах в 1824—1825 гг. было вынесено решение действовать совместно, разрабатывался общий план выступления из Петербурга.

Развитие событий: смерть Александра I, приведение населения к присяге Константину, а затем «переприсяга» Николаю — все это поставило вопрос о необходимости немедленного революционного выступления в столице. 14 декабря 1825 г. произошло открытое вооруженное выступление против самодержавия. Это восстание стало сигналом для восстания Черниговского полка на юге (оно длилось с 29 декабря 1825 г. по 3 января 1826 г.).

С разработкой планов выступлений был тесно связан вопрос о необходимости ликвидации царствующей династии. Декабристы знали о печальном опыте испанских, итальянских революционеров. Вопросы, связанные с европейскими революционными событиями, горячо обсуждались в кругу декабристов, особенно членами Северного и Южного обществ, вызывали споры и разногласия.

«Испанцы сделали глупо, что понадеялись на слова, выпустили из рук короля»,— считал, например, член Северного общества Д. И. Завалишин. В то же время С. П. Трубецкой идею цареубийства «отвергал с ужасом», полагая, что подобные действия противны дворянской этике и подрывают доверие к сторонникам этой идеи в обществе. В осторожной форме высказывал в начале 20-х годов свое возмущение предательством испанского и неаполитанского королей Н. И. Тургенев. Он осуждал их политику, однако не был сторонником цареубийства. В своем дневнике 28 марта Н. Тургенев писал: «Гишпанский народ показал себя столь почтенным, столь благоразумным, правительство же гишпанское показало себя столь глупым и гнусным, что, может быть, такая только конституция может спасти государство». Эти оценки правительства Фердинанда VII были сделаны Тургеневым в связи с размышлениями о политике испанского короля, который, лавируя, то признавал конституцию при победе революционных сил (как это было в период первой Испанской революции), то отменял ее, опираясь на поднимавшиеся силы реакции. Передовые люди России справедливо оценивали короля Фердинанда VII как злого, жестокого преследователя свободы во всех ее проявлениях. Н. И. Тургенев, разделяя эти воззрения, называл его даже машиной «подлости и злобы».

24 ноября 1823 г. в Каменке на совещании декабристов Южного общества тоже рассматривались причины поражения Испанской революции. Присутствовавшие на этом заседании П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, С. Г. Вол-

конский, В. Л. Давыдов сделали выводы — не следовать «дурному примеру Испании и оградить себя от возможности неудачи». По планам Южного общества ликвидация царя или арест, а затем вывоз его на военном судне за границу должны были стать прологом революции. Одновременно был поставлен вопрос об изоляции всей царствующей династии, дабы оградить страну от контрреволюционных заговоров вокруг претендентов на престол.

Не сразу, но тем не менее принял эту идею К. Ф. Рылеев. Настроениями тираноборчества проникнуты многие его стихотворения. В них постоянно присутствуют образы Брута, Катона, Риего. Так, в стихотворении «Гражданин» Рылеев призывает делами доказать свою любовь к отечеству и осуждает колеблющихся. «...Я должен сознаться,— отмечал Рылеев,— что после того, как я узнал о намерениях Якубовича и Каховского, мне самому часто приходило на ум, что для прочного введения нового порядка вещей необходимо истребление всей царствующей фамилии»[133]. В то же время Рылеев допускал изоляцию императорской фамилии путем вывоза ее на военных судах за границу[134].

П. Г. Каховский в письмах из Петропавловской крепости в 1826 г. резко обличал короля Фердинанда VII, который предал героя Испании Рафаэля Риего, спасшего в июне 1823 г. короля от смерти. Каховский имел в виду конкретный случай, происшедший в то время, когда контрреволюционные силы Франции, направленные в страну Священным союзом, заняли значительную часть Испании и кортесами был поставлен вопрос о переводе правительства в Кадис. Фердинанд VII, мечтавший о скорейшем переходе на сторону контрреволюционных сил, отказался переехать в Кадис, за что был приговорен кортесами к смерти. Однако Риего способствовал урегулированию конфликта, жизнь короля была спасена. Но после победы контрреволюции в стране Фердинанд VII жестоко с ним расправился. «Риего приказанием его схвачен, арестован, отравлен и полумертвый святой мученик, герой, отрекшийся от престола, ему предлагаемого, друг народа, спаситель жизни короля, по его приказанию на позорной телеге, ослом запряженной, везен был чрез Мадрид и повешен как преступник. Какой поступок Фердинанда! Чье сердце от него не содрогнется?»[135].

Острая ситуация сложилась и в период революционных событий в Италии. Король Обеих Сицилий Фердинанд I, получив возможность поехать на Лайбахский конгресс Священного союза для урегулирования отношений с Австрией, сразу же на конгрессе поддержал контрреволюционную интервенцию в Италию. Его вероломство немало способствовало укреплению тираноборческих настроений среди декабристов, утверждению многих из них в идее необходимости изоляции царствующей династии в России.

Разногласия по вопросам судьбы царской фамилии сохранились и накануне 14 декабря 1825 г., что отразилось на планах восставших. Одна из причин разногласий была связана с разным представлением деятелей движения декабристов о возможных

формах правления в России после государственного переворота. Известно, что наиболее радикально настроенная часть декабристов во главе с П. И. Пестелем отстаивала идею республиканского правления; большинство же членов Северного общества считали более приемлемой для России форму конституционной монархии. Конституция Никиты Муравьева, намечавшая круг полномочий императора, власть которого значительно ограничивалась новыми законами, специально зафиксировала запрет выезда императора за границу, ограничивала возможность его действий в сфере внешней политики. Это был своего рода и учет уроков европейских революций начала 20-х годов XIX в.

Все более реально ощущавшаяся потребность ликвидации насильственным путем самодержавно-крепостнического режима в России определяла становление дворянской революционности декабристов. Она вызывала их большой интерес к революциям на Западе, ставила вопрос о целесообразности изучения их опыта, который в известной мере мог быть учтен и использован при низвержении феодально-абсолютистского строя революционным путем и создании нового общественно-политического устройства. Большой заслугой декабристов стала вполне самостоятельная оценка исторической роли западноевропейских революций 20-х годов XIX в.

При разработке конституционных проектов декабристы опирались на исторический опыт своей страны, исходили из тех важнейших задач, которые стояли перед ней. Они использовали идейное наследие передовых мыслителей России. В то же время декабристы испытывали влияние передовых идей других стран.

Значительная работа по выявлению идейных источников социально-политических воззрений декабристов, а также тех законодательств, которые анализировали декабристы в процессе подготовки своих социально-политических проектов, была проделана В. И. Семевским. В его книге «Политические и общественные идеи декабристов» (СПб., 1909) поднят широкий круг вопросов, в том числе и о зарубежных связях декабристов. Собранный им богатейший материал не потерял своего значения, хотя приводимые автором оценки декабристского движения уже давно подвергнуты советскими историками глубокой научной критике. Является ошибочной и точка зрения В. Семевского, искавшего в зарубежных идеях не один из источников формирования воззрений декабристов, а основные условия их зарождения и развития. Так же подходил автор и к освещению процесса разработки декабристами своих основных программных документов — Конституции Никиты Муравьева и «Русской Правды» Пестеля.

Советские исследователи дали объективное освещение этих вопросов. Академик Н. М. Дружинин в монографии «Декабрист Никита Муравьев» (М., 1933) раскрыл уже черты идейной общности в декабристской идеологии, связующей ее с современной ей передовой идеологией Западной Европы и Америки. Анализируя процесс создания Конституции Муравьевым, автор показал некоторые

общие черты этого социально-политического проекта с другими конституционными актами и в то же время вскрыл его своеобразие, а также выявил причины общности и особенностей. При этом Н. Дружинин исходил прежде всего из тех конкретно-исторических условий, в которых создавались конституции разных стран, из тех первоочередных задач, которые стояли перед странами и нашли отражение в законодательстве, в конституционных проектах. Исследование этих вопросов нашло продолжение и развитие в трудах академика М. В. Нечкиной, а также в работах Б. Е. Сыроечковского, С. М. Файерштейна, Н. В. Минаевой, В. В. Пугачева, С. С. Ланды и др. Обобщенная характеристика декабризма дана в ряде коллективных изданий, в том числе «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в.» (Л., 1969) и «История политических учений» (М., 1971, ч. 1).

Политические программы современных декабристам европейских революций, особенно испанской конституции 1812 г., стали как бы первым пробным камнем жизнеспособности, действенности декабристских программ, которые разрабатывались в тайных политических обществах. Вместе с тем они еще более оттенили оригинальность декабристских конституционных проектов, которые отражали насущные задачи ликвидации самодержавия и крепостничества в России.

Вопросы разработки новых принципов внешней политики в Конституции Н. Муравьева и в «Русской Правде» П. Пестеля специально нами рассматриваются ниже (см. гл. 5 книги). Поскольку задача настоящей работы — рассмотреть отношение декабристов к важнейшим международным событиям в Европе прежде всего сквозь призму формирования их внешнеполитических воззрений, то здесь не представляется возможным детально и глубоко осветить критическое восприятие декабристами зарубежных политических идей и конституционных документов в процессе работы над всей социально-политической революционной программой. Поэтому, отсылая читателя к специальным исследованиям советских декабристоведов, кратко остановимся только на главнейших завоеваниях политической мысли декабристов и их международном значении. Наиболее ярко они проявились в «Русской Правде».

Политическая программа П. И. Пестеля была глубоко оригинальной, в целом весьма радикальной для той исторической эпохи и особенно для той среды, в которой она возникла. Она в большей степени, чем другие современные ей конституции, провозглашала идеи суверенности народа, идеи народоправства. Революционная Россия провозглашалась республикой. Поэтому не случайными были такие жаркие споры по поводу основных положений «Русской Правды» в декабристской и околодекабристской среде.

Республиканские взгляды декабристов высоко оценил В. И. Ленин. Отмечая важную роль республиканских традиций вообще для современного европейского революционного движения, В. И. Ле-

нии указывал на декабристов как на продолжателей традиций Французской буржуазной революции в общеевропейском масштабе и как на носителей республиканских идей в России[136].

В проекте социально-экономических преобразований, разработанных декабристами, и прежде всего «Русской Правдой» Пестеля, к моменту вооруженного выступления не только нашло отражение блестящее знание европейских социальных трактатов и даже социальных утопий XVIII в., но и с наибольшей полнотой проявилась самобытность и оригинальность их теорий.

Пестель и его сторонники, разрабатывая программу политического и социального переустройства России, уже пытались искать, согласно «Русской Правде», такую форму будущего строя, которая бы включала рациональные достижения западной цивилизации и помогла бы избежать господства «аристократии богатств». По их представлению, претворение в жизнь их республиканской программы могло привести к развитию таких порядков в России, при которых царствовали бы «пламенная любовь к Отечеству, свобода, ничем и никем не ограниченная, кроме закона, полное благосостояние народа». В действительности решительная ломка самодержавно-крепостнических отношений в России, намеченная Пестелем, освобождала основную массу населения страны — крестьянство — от гнета крепостничества, объективно расчищала путь для капиталистического развития России.

Западноевропейские революции 20-х годов и особенно их исход — подавление контрреволюционными силами Священного союза — раскрыли подлинную, реакционную сущность этого политического объединения европейских монархов, в действиях которого в начальный период его существования проявлялись элементы либерализма, допускались некоторые уступки утвердившимся ранее новым правопорядкам. Уроки революций, контрреволюционная политика Священного союза, активная роль в нем Александра I острее поставили перед участниками тайных антиправительственных обществ декабристов, особенно перед их руководителями, задачу разработки новых внешнеполитических принципов, планов защиты революционных завоеваний своей страны и народов других стран.

Растущие противоречия между членами Священного союза и, прежде всего, новые европейские революции показывали, что система международных отношений, зафиксированная в актах Венского конгресса, не была прочной и устойчивой. Не раз съезжались на конгрессы участники Священного союза, чтобы разработать планы совместных действий против освободительной борьбы народов. В те годы отчетливо выступила и вся реакционность внешнеполитического курса Александра I. В «Циркулярной депеше статс-секретаря К. В. Нессельроде дипломатическим представителям за границей», которая была составлена 28 апреля (10 мая) 1821 г. в Лайбахе, излагались позиции царя в связи со всеми западноевропейскими революциями, а также с началом революционной борьбы греческого народа. Поступавшие к царю до-

носы о существовании в России тайных антиправительственных обществ и, конечно, прежде всего, нарастание массового антикрепостнического движения в стране привели к усилению внутренней репрессивной политики, к росту ненависти Александра I к освободительной борьбе народов других стран.

В реакционных европейских кругах, прежде всего среди монархических правителей, было распространено представление о существовании в Европе якобы какого-то революционного центра, который организует революционные выступления разных народов. Поэтому, борясь против западноевропейских революций, стремясь искоренить возможность новых революций на Западе, Александр I надеялся на ограждение России от революционных влияний извне, предполагал, что будто бы сама российская действительность не может стать причиной для зарождения освободительной борьбы. Эта мысль отчетливо прослеживается во многих его высказываниях тех лет. Так, в беседе 19 июля 1821 г. с французским послом в Петербурге гр. П.-Л.-О. Лаферронэ царь заявил о своей уверенности в «сообщении» всех тайных обществ между собой, в «общем заговоре», исходящем будто бы из одного революционного центра. «Поверьте мне, дорогой граф,— говорил Александр I,— нельзя ни питать надежды, ни заключать сделку с революционерами всех стран, центр которых у вас. Они хотят падения всех тронов и разрушения общественного порядка»[137]. В этом проявилось непонимание многими европейскими реакционными правительствами связи революционных движений с внутренней почвой, желание представить их поверхностными и наносными. В то же время на появление таких представлений оказали влияние наблюдения действительного расширения рамок революционных движений, развития международных революционных связей.

Троппау-Лайбахский конгресс (с 20 октября 1820 г. по 12 мая 1821 г.) принял особую конвенцию о «законности» права вмешательства во внутренние дела стран, в которых происходили революции. Весной 1821 г. австрийские войска вторглись в Италию и подавили неаполитанскую и пьемонтскую революции. Против Священного союза в защиту итальянских борцов за свободу и национальную независимость выступила европейская прогрессивная печать, бурлила общественность разных стран. Многие передовые люди горели желанием встать в ряды итальянских повстанцев. Особое место среди них принадлежит Д. Байрону, заявившему неаполитанским повстанцам о своем стремлении «разделить судьбу отважного народа, сопротивляющегося так называемому Священному союзу, который сочетает лицемерие с деспотизмом». Он принял самое активное участие в движении карбонариев Папского государства, стал одним из руководителей народного отряда «Американских стрелков»[137a].

В России большой отзвук итальянские революции получили в прогрессивных кругах русской общественности, прежде всего среди участников движения декабристов. Подавление этих револю-

ций контрреволюционными силами Священного союза активизировало их поиски путей революционного единения народов.

В 1823 г. после санкции Веронского конгресса (1822 г.) королевские французские войска задушили Испанскую революцию. В этих странах были насаждены насильственным путем реакционные порядки, власть легитимных монархов. На этих конгрессах Александр I, поколебавшись вначале, поддержал в итоге предложение Меттерниха реализовать «законное» право вооруженного вторжения. Идея вооруженного вступления французских войск в Испанию была поддержана также представителем Пруссии. И только герцог Веллингтон, исходя из стремления сохранить английское экономическое и политическое влияние в Испании и не допустить усиления в ней позиций Франции, высказался против. Действительные причины такой политики Англии и ее истинное отношение к революциям не остались неизвестными общественности России. О них писали русские газеты, ссылаясь на сообщения английской печати. Так, «Русский инвалид» 27 августа 1820 г. привел выдержки из «Лондонского курьера», заявлявшего, что «было бы непростительно взирать на оные (события в Испании, Италии.— *О. Ор.*) с равнодушием» и что «почти во всех землях Европы составились секты, горестные плоды французской революции. Оные имеют одну общую цель: ниспровержение всех нынешних правительств и существующих установлений».

После подписания в ноябре 1820 г. в Троппау уполномоченными России, Австрии и Пруссии предварительного протокола о принципах применения «принудительной силы» для подавления революций» Александр I отдал секретное распоряжение о подготовке части русских войск к переброске к западным границам для оказания помощи Австрийской империи в подавлении неаполитанской революции. А 3(15) марта 1821 г. в Лайбахе царь подписал указы великому князю Константину, командовавшему Литовским корпусом, главнокомандующим 1- и 2-й армиями, в которых отмечалось, что конечным пунктом маршрута выделенных для похода войск должна стать австро-сардинская граница. Общая численность войск превышала 100 тыс. чел. Поспешность в подготовке войск к передвижению Александр I обосновывал расширением революционных выступлений, угрозой «общего восстания всей Италии».

Однако ряд внутренних и внешнеполитических обстоятельств осложнял возможность активного участия царизма в контрреволюционных походах начала 20-х годов против революционных народов. Определенную роль сыграло восстание Семеновского гвардейского полка в Петербурге в октябре 1820 г., которое царь связывал с ростом внутренней напряженности в стране, с действиями тайных антиправительственных обществ в России и за рубежом. По его убеждению, этим обществам было «весьма неприятно соединение наше (Священный союз.— *О. Ор.*) и работа в Троппау». Он полагал, что в России есть силы, которые являются решительными противниками участия в контрреволюционных походах Свя-

щенного союза. В связи с подавлением пьемонтской революции Австрией Александр I указом от 9(21) апреля 1821 г. отменил поход русских войск[138].

Проникавшие в разные круги русского общества сведения о намерениях царя участвовать совместно с Австрией в контрреволюционном походе в Италию, начавшаяся дислокация выделенных военных частей вызывали недовольство даже представителей русских консервативных политических кругов. Не случайно министр внутренних дел В. П. Кочубей в письме от 26 ноября 1820 г. к Александру I просил его отказаться от этой затеи. А командир Гвардейского корпуса генерал-адъютант И. В. Васильчиков откровенно сообщал начальнику Главного штаба П. М. Волконскому, что участие в подавлении Итальянской революции принесет России одни лишь беды: «Настроение умов не хорошо. Неудовольствие всеобщее и неизбежность жертв, сопряженных с ведением войны, необходимость которой непонятна простым смертным, должны, несомненно, произвести дурное впечатление»[139]. В этом письме особенно подчеркивалось, что офицеры «не желают идти против неаполитанцев». Как известно, тогда деятели тайных антиправительственных обществ в России принадлежали в основном к военным кругам, ядро этих обществ составляли кадровые военные. Несомненно, что прежде всего именно их отрицательное отношение к задуманному царем контрреволюционному походу и отразилось в письме Васильчикова.

Если некоторые представители правящих кругов, выступая против участия России в контрреволюционных походах, исходили главным образом из опасения их последствий для самодержавного строя в России, то позиции передовых представителей русской общественности определялись прежде всего их положительным отношением к революциям на Западе, желанием упрочения там революционных завоеваний. Вместе с тем они понимали также, что участие России в контрреволюционных походах не отражает ее национальных интересов, потребностей страны, что это обрушит новое тяжелое бремя на страну, прежде всего на крестьянство. Так, выражая мнение прогрессивной России, П. А. Вяземский, служивший тогда в Варшаве под начальством российского комиссара при Административном совете Царства Польского Н. Н. Новосильцева, писал: «Война с Неаполем была бы злодейство... Неужели на то Петр Великий пустил Россию в Европу, чтобы преемникам его было всегда в чужом пиру похмелье...». И далее он совершенно четко выразил свои взгляды: внешняя политика должна служить важнейшей внутренней задаче своей страны, ее прогрессивному развитию — и содействовать осуществлению таких же задач и в других странах. «Дострой свой дом, а потом иди чинить чужие дома,— утверждал Вяземский.— Образуй, просвети, разреши Россию, и тогда она сама, не суясь ни в Троппау, ни в Лайбах, существенною, нравственною силою своею будет безапелляционным посредником европейских судеб»[140]. Сама реальная действительность России способствовала прибли-

жению П. А. Вяземского к позитивной оценке переустройства старого строя революционным путем. Не случайно, П. Вяземский, исходя из оценки внутреннего положения в стране, зная о настроениях в войсках, в тайных антиправительственных обществах декабристов, раскрыл возможность революционного выступления и в России: «Может ли государь убежден быть в Лайбахе и Россию знающий по своей дорожной карте, что не найдется в тех полках, кои он в поход посылает, несколько людей, отказывающихся от послушности и могущих увлечь в непослушность целые батальоны. Знала ли Главная императорская квартира накануне, что в Петербурге есть гвардейский полк (Семеновский.— *О. Ор.*), который дает пример, невидимый в армейских летописях России... В тихую погоду легко погасить пламень: при сильном ветре малейшая искра разносит пожар. В наше время поднялся ветр в Европе» [141].

Особый интерес Вяземского к конгрессам Священного союза и роли Александра I в нем обостряли его критику самодержавия. Общаясь с декабристами во время приезда в Москву и Петербург в 1819 и 1820 гг., он участвовал в составлении записки о проекте освобождения крестьян, поданной Александру I. Взгляды и позиции Вяземского по проблемам внутри- и внешнеполитического курса царя, ставшие известными царю, послужили причиной отставки Вяземского весной 1821 г. со службы и учреждения за ним тайного политического надзора. Известный руководитель партизанского движения в 1812 г. Д. В. Давыдов тоже подчеркивал нежелание этой войны в России: «Я прошу бога о мире и клянусь, что не хочу войны!» [142].

Отечественная и зарубежная печать много писала о подавлении революции в Неаполе, о начавшихся репрессиях, в том числе о фактах уничтожения контрреволюционерами произведений известных мыслителей. Факты вандализма отметил даже отличавшийся консервативностью политических позиций журнал «Вестник Европы»: «В Неаполе публично сожжены книги и рукописи; в числе первых было 45 томов сочинений Вольтера, 7 — из сочинений Руссо, 4 — Джорджио Баффо, 18 — Даламберта...» [143]. Такие и им подобные сообщения усиливали критическое отношение к политике Священного союза в прогрессивных кругах России.

Отношение передовых представителей России, и прежде всего участников движения декабристов, к контрреволюционным акциям Священного союза, к вооруженному вмешательству реакционных сил во внутренние дела европейских государств определялось и их воззрениями на социальную сущность системы политического равновесия, на характер войн, на идеи «вечного мира». Эти идеи обсуждались декабристами, в том числе и в связи с вопросами современной международной обстановки в Европе. Те или иные вопросы нашли отражение в работах М. Ф. Орлова, П. И. Пестеля, Н. М. Муравьева, И. Г. Бурцова, Н. И. Тургенева, Ф. Н. Глинки и других видных деятелей движения декабристов. В большом, но неоконченном труде Н. И. Тургенева «Теория

политики» (ч. II), написанном в 1820 г., были подняты вопросы теории международных отношений, сформулированы принципы политического равновесия в Европе.

По мнению Н. Тургенева, система межгосударственных европейских договоров, существовавшая уже около 300 лет, в известной мере сдерживала завоевательные тенденции сильнейших государств, создавала условия для политического равновесия в Европе. Однако по справедливому заключению автора, «сие равновесие было далеко от совершенства, ибо основывалось единственно на том, что один меч удерживал в ножнах другой, одна рука другую». Международные события конца XVIII и начала XIX в., среди которых автор называет разделы Польши, привели к крушению прежней системы равновесия и затем к созданию новой, которая также не является устойчивой. Одну из причин этого он видел в возрождении народов «к новой жизни», в их возросших требованиях, что не нашло отражения в современной системе европейских договоров, призванных обеспечить стабильность международных отношений в Европе [144].

Н. И. Тургенев высказывает соображения по поводу самой системы политического равновесия, раскрывает ее преимущества и недостатки, намечает пути к устранению последних. Он пишет: «Главнейшие выгоды политического равновесия суть: 1) усовершенствование и обеспечение способов сообщения между европейскими народами; 2) окончание всех распрей, между малыми владельцами существовавших; 3) стремление к более совершенному праву народному. Невыгоды политического равновесия: 1) непомерное распространение, или, так сказать, всеобъемлемость войн: при малейшем нарушении общего равновесия почти все силы, к оному споспешествовавшие, приходили в движение для восстановления прежнего порядка вещей; 2) постоянные армии, непомерное увеличение и размножение оных и, наконец, 3) постоянные посольства» [145].

Тургенев полагал, что только заключение подлинно «дружественных союзов», на «взаимных выгодах договаривающихся сторон» [146], могло гарантировать стабильность политического равновесия, отвести угрозу войны. Вполне понятно поэтому, что «венская система» не удовлетворяла Тургенева. Он, как и другие декабристы, считал, что она чревата потрясениями и новыми революционными взрывами.

Основные выводы Н. Тургенева свидетельствуют, насколько с более радикальных позиций рассматривали декабристы эти вопросы (даже в своих легальных произведениях) по сравнению с другими, тоже прогрессивно мыслившими их современниками, взгляды которых не выходили за рамки либерализма. Это, в частности, относится к трудам и лекциям профессора К. Ф. Германа. Его слушателями были некоторые декабристы, в том числе П. И. Пестель, учившийся в 1810—1814 гг. в Пажеском корпусе. Герман читал в Петербургском университете курс политических наук, в котором большое место занимали вопросы теории международ-

ных отношений. В 1821 г. за преподавание «во вредном духе» он вместе с известными экономистом К. И. Арсеньевым и юристом А. П. Куницыным был уволен со службы[147]. И это несмотря на то, что Герман в общем-то не критиковал политику Священного союза, считал, что при сложившихся международных отношениях якобы ни один народ «не может быть обижен»[148].

Деятели тайных антиправительственных обществ не только выражали свое отношение к международным акциям Александра I и других европейских монархов, но и пытались, насколько позволяла обстановка, воздействовать на политику царя, а также на общественное мнение русского общества. Об этом, например, свидетельствует рассмотренная нами выше дипломатическая миссия М. Ф. Орлова в северные страны, деятельность Н. И. Тургенева в Ликвидационной комиссии, успешное выполнение П. И. Пестелем дипломатических поручений во время восстания Т. Владимиреску в Валахии и греческого восстания под руководством А. Ипсиланти в Молдавии. Для пропаганды своих идей декабристы использовали отечественную печать. Насколько это было возможно в условиях цензурных ограничений, они писали по внешнеполитическим и военным вопросам[149]. Так, Ф. Н. Глинка и Н. М. Муравьев, подчеркивая справедливый характер освободительных войн, что они иллюстрировали на примерах Отечественной войны 1812 г. и освободительных походов 1813 г., ставили вопрос о необходимости создания истории этих войн. Глинка писал в «Сыне Отечества», что скоро наступит время, когда «люди захотят узнать все подробности сей единственной брани народов... когда кровь и слезы обливали смятенную землю, когда тряслися престолы и когда трепетали цари!»

В отличие от идеологов Священного союза декабристы и их единомышленники использовали понятую ими связь — зависимость войны от целей государственной политики — для критики контрреволюционных походов Священного союза, определяемых ими как несправедливые, не отвечающие интересам и потребностям народов. Передовые люди России резко высказывались по поводу провозглашенного Священным союзом права «законности» вмешательства во внутренние дела народов, поднявшихся на борьбу за свое освобождение. Они осудили вторжение контрреволюционных сил Священного союза в Италию и Испанию, подавление ими революций в этих странах. Декабристы подвергли критике как саму контрреволюционную политику Священного союза, так и его теоретические основы.

Глубоко антинародная, реакционная сущность Священного союза была раскрыта в работе «О повиновении вышней власти, и какой власти должно повиноваться», принадлежавшей перу прогрессивно настроенного русского современника. В. И. Семевский, готовивший эту работу к изданию, напечатал ее в 1916 г. в журнале «Голос минувшего» под заглавием «Записка декабриста 1823 года». Он сделал предположение, что ее автором мог быть М. А. Фонвизин. Сама Записка была обнаружена внуком декаб-

риста И. Д. Якушкина Е. Е. Якушкиным, тоже предполагавшим, что она вышла из среды декабристов. Современные исследователи этого вопроса продолжают поиски, считают возможным включить в круг предполагаемых авторов Записки представителей русской общественности из околодекабристской среды [150].

Видимо, Записка была составлена в 1823 г., вскоре после Веронского конгресса. «Из взгляда на действия сих союзов и конгрессов европейская нынешняя политика представляется в самом печальном и пасмурном виде... — подытоживал результаты политики Священного союза автор.— Право народное потеряло свою силу и достоинство. Нет постоянной системы, определяющей и обеспечивающей достояние каждой нации. Посредством разделов расторгнуты древние узы единоплеменных народов и национальность доведена до крайнего уничтожения. Сильные угнетают слабых и хотят даже наложить оковы на мысли и общее мнение». Вмешательство во внутренние дела народов, борющихся за свое национальное и социальное освобождение, было определено автором как «главнейшее зло» [151].

Священный союз декабристы рассматривали как «уродливое произведение новейшей политики», основная цель которого — порабощение народов, усилиями которых была только что низвергнута наполеоновская империя, а Европа освобождена от ее власти. «Оскорбленные народы потребовали обещанного им принадлежащего (намек на обещания в первые послевоенные годы европейскими монархами политических реформ.— *О. Ор.*), —и цепи и темницы стали их достоянием» [152],— писал П. Г. Каховский.

Деятели декабристского движения осудили позицию Александра I, занятую им на конгрессах Священного союза. «В этих предпринятых походах против заявления прав народных Александр как член союза, в посмеяние названного Священным, записывался волонтером,—писал, например, А. В. Поджио,— и, таким образом, этот охотник *в чужом деле для России* вносил имя свое в список тех притеснителей, которых история не замедлит заклеймить позорным приговором!» [153]. Гневно обличал лживые обещания Александра I, его политическое лицемерие декабрист П. Г. Каховский: «Некоторое время император Александр казался народам Европы их миротворцем и благодетелем; но действия открыли намерения, и очарование исчезло! Сняты золотые цепи, увитые лаврами, и тяжкие, ржавые железные давят человечество» [154].

Контрреволюционная направленность внешней политики царизма определялась характером самодержавия как феодально-абсолютистской власти. Поэтому не случаен был поворот царя от либеральных обещаний и некоторого лавирования при проведении своего политического курса к открытой реакции. Это относится и к внутренней, и к внешней политике Александра I. В памяти русского народа этот период остался как черная пора «аракчеевщины». Передовые представители России верно поняли, что «прекратилось в нем (Александре I.— *О. Ор.*) раздвоение; и в

Европе, и в России политические его воззрения были одни и те же»[155]. В то же время декабристы верно отмечали, что наряду с царизмом контрреволюционную политику в Европе проводили монархи других стран, прежде всего Австрии и Пруссии. Сближение Александра I с Меттернихом вызывало вообще большое недовольство в прогрессивных кругах русского общества, потому что рассматривалось как показатель роста реакции и внутри страны. По словам участника восстания 14 декабря 1825 г. А. П. Беляева, «имя Меттерниха произносилось с презрением и ненавистью» среди передовых людей России[156]. Декабрист Г. С. Батеньков в ответах на вопросы Следственного комитета заявлял, что он, как и другие члены Северного общества, «соглашался с тою мыслью, что Тройственный союз ограничивает в некоторой мере самостоятельность России»[157]. Мысль о зависимости внешней политики России от Австрии, которая явно ощущалась в начале 20-х годов XIX в., как справедливо заметил академик А. Л. Нарочницкий, «оскорбляла национальное чувство декабристов»[158].

Отставка с поста статс-секретаря по иностранным делам И. Каподистрии, выступавшего за усиление русского влияния на Балканах, и утверждение позиций К. В. Нессельроде, преклонявшегося перед Меттернихом, были одним из внушительных свидетельств усиления влияния австрийской политики на политику Александра...»[159]. Однако укрепление меттерниховских позиций в 1821 г., отмечая углубление своего давления на царя, Меттерних с упоением писал из Лайбаха: «Мы ведем за собой императора Александра...»[159]. Однако укрепление меттерниховских позиций в Священном союзе отнюдь не свидетельствовало о том, что канцлеру удалось сплотить вокруг себя его участников. По-прежнему самой серьезной силой, с которой приходилось считаться, оставалась Россия. И это вынужден был признать не только Меттерних, но и Дж. Каннинг, новый статс-секретарь по иностранным делам Великобритании, который начал в 1823 г. лобовую атаку против дипломатии партнеров по Священному союзу. Восточный вопрос был одним из тех острых вопросов, который способствовал то объединению, то разъединению европейских монархов, боявшихся усиления позиций России на Балканах. Он же был одной из причин, приведших в дальнейшем к фактическому распаду Священного союза.

Анализируя политику Священного союза, подлинные задачи и цели европейских монархов в отношении народов, будущие декабристы все явственнее ощущали, «что с царями народам делать договоров невозможно»[160]. Этот вывод — свидетельство понимания декабристами неизбежности дальнейшего роста национально-освободительной, революционной борьбы в Европе. Многие из них неоднократно утверждали, «что не они (народы.—*О. Ор.*) существуют для правительства, а правительства для них должны быть устроены»[161].

Такие взгляды передовой русской общественности — одно из ярких проявлений подъема национального самосознания, активизировавшегося в период Отечественной войны 1812 г. и освободительных движений европейских народов последующего периода, одно из свидетельств продолжения развития радищевской традиции понимания истории в целом. Утверждение основ передовой исторической мысли [162] наносило удар по консервативной и реакционной дворянской историографии, в том числе по откровенно монархической концепции Н. М. Карамзина, проповедовавшего со страниц «Истории государства Российского» «мудрое единодержавие» и примиримость «с несовершенством видимого порядка вещей» [163].

Исходя из своего понимания задач государственной власти, конечно в рамках классовой ограниченности своих политических воззрений, дворянские революционеры вели разработку внешнеполитических планов. Декабристы выдвигали и отстаивали принцип ведения внешней политики, отвечающей задачам и потребностям нации. Они считали, что внешняя политика должна стать национальной в смысле обеспечения возможностей прогрессивного развития страны. Декабристы верили в то, что победа революции в самодержавной Российской империи будет способствовать новому подъему освободительной борьбы европейских народов. Они размышляли о путях и формах помощи этим народам. Принцип «покровительственной системы» должен был стать одним из главных внешнеполитических принципов России. Исходя из него, П. И. Пестель и его единомышленники намечали перспективы отношений с борющимися за свое социальное и национальное освобождение народами; основываясь на этом, они провозгласили идею единения славянских народов, создания балканской федерации, которая должна была прежде всего помочь народам укрепить их революционные завоевания, уберечь от внешней реакции.

Взгляды декабристов и их сторонников на международные отношения в Европе, отношение к Священному союзу и «венской системе» показывают, что передовые силы России выступали против внешнеполитического курса Александра I и других монархов, направленного на насаждение реакции в Европе. Декабристы разрабатывали новые принципы ведения внешней политики, взаимоотношений между народами. Все это свидетельствует о том, что в борьбе передовых сил Европы против реакционной политики Священного союза передовые представители русского освободительного движения заняли достойное место.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 30.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 23—24.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 436.

[4] Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936, с. 198.

[5] Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921, т. 3, вып. 5. Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 гг., с. 370.

[6] Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. 4, с. 105.

[7] Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. 1, с. 9. Специально этот вопрос рассмотрен М. В. Нечкиной. См.: *Нечкина М. В.* Декабристы во всемирно-историческом процессе.— Вопросы истории, 1975, № 12, с. 11.

[8] Так назвал революционную Россию Джузеппе Гарибальди во время одной из встреч с А. И. Герценом. Он верил в «новую Россию, которая, раз одолев Россию царскую, будет, очевидно, в своем развитии иметь огромное значение в судьбах мира!» (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1959, т. 18, с. 116).

[8a] Некоторые из этих вопросов поставлены или рассматриваются в работах: *Шебунин А. Н.* Декабристы и вопросы внешней политики.— В кн.: Русское прошлое: Исторические сборники. Пг.; М., 1923. Т. 4; *Нарочницкий А. Л.* Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г. М., 1946; *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1, 2; *Додолев М. А.* Россия и испанская революция 1820—1823 гг.— История СССР, 1969, № 1; *Орлик О. В.* Взгляды декабристов на Священный союз и «венскую систему» международных отношений.— Исторические записки, М., 1979, т. 104.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 568.

[10] История дипломатии. 2-е изд. М., 1959, т. 1, с. 526.

[11] Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1972, т. 8, с. 502—504, 516—517, 692—697. Далее: ВПР.

[12] *Степанов М.* Жозеф де Местр в России.— В кн.: Литературное наследство. М., 1937, т. 29/30, с. 626—726; *Пресняков А. Е.* Александр I. Пг., 1924, гл. 6; *Ley F.* Bernardin de Saint-Pierre, madame de Stael, Chateaubriand, Benjamin Constant et madame de Krudener: (D'après des documents inédits). Paris, 1967.

[13] *Bonald L.* Theorie du pouvoir politique et religieux. Paris, 1966; *Минаева Н. В.* Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н. М. Карамзина.— История СССР, 1982, № 5.

[14] *Сироткин В. Г.* А. Н. Шебунин — историк общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в.— В кн.: История и историки. Историографический ежегодник. 1973. М., 1975, с. 126.

[15] Абсолютизм в России: Сб. статей. М., 1964, с. 457.

[16] ВПР. М., 1972—1976. Т. 8—10; *Нарочницкий А. Л.* Вступительная статья.— В кн.: Дебидур А. Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814—1878). М., 1947, т. I. Священный союз; *Тарле Е. В.* Талейран.— Соч. М., 1961, т. 11; *Зак Л. А.* Монархи против народов. М., 1966; *Киняпина Н. С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1965; *Фадеев А. В.* Россия в системе международных отношений 1815—1849 гг.— В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12-ти т. М., 1967, т. 4, гл. 10.

[17] *Манфред А. З.* Общественно-политические идеи в 1815 г.— Вопросы истории, 1966, № 5.

[18] *Шильдер Н. К.* Имп. Александр I: его жизнь и царствование. 2-е изд. СПб., 1905, т. 3, с. 499.

[19] ВПР. М., 1974, т. 9, с. 110.

[20] Австрийский министр иностранных дел и фактический глава государства К.-Л. Меттерних с самого начала создания Священного союза стремился придать ему реакционный характер. Это отчетливо проявилось уже в австрийских поправках к Акту о Священном союзе, составленному в сентябре 1815 г. Александром I. Эти поправки были внесены официально имп. Францем I, фактически же они были сделаны Меттернихом (ВПР, т. 8, док. 225). Поправки были согласованы также и с прусским королем. См.: *Näf W.* Zur Geschichte der Heiligen Allianz. Bern, 1928, S. 28. В редакции Меттерниха в Акте более откровенно и четко провозглашались незыблемость принципов легитимизма и «непогрешимость» монаршей власти во всех ее проявлениях (ВПР, т. 8, примеч. 268). Впоследствии это активно было использовано главами Священного союза в борьбе против освободительных движений европейских народов.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 158.

[22] *Басаргин Н. В.* Записки. Пг., 1917, с. 6.

[23] *Дружинин Н. М.* Освободительная война 1813 года и русское общество.— В кн.: Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства: Сб. статей. М., 1965, с. 61.

[24] *Кан А. С.* История Скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1971, с. 118—120; *Павлова Л. Я.* Шведско-датско-норвежский конфликт 1814 г. и Россия.— Новая и новейшая история, 1972, № 1, с. 138—148; История Швеции. М., 1974, с. 327—337; *Коваленко Г. М.* Русско-шведский союз 1812 года.— В кн.: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974, с. 153—158; *Бескровный Л. Г.* Из истории внешней политики России с конца XVIII века до Венского конгресса.— В кн.: Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976, с. 356—361; *Рогинский В. В.* Швеция и Россия: Союз 1812 года. М., 1978, с. 131—134, 138—140, 154—158.

[25] ВПР. М., 1970, т. 7, док. 8, 9, 37, 48, 58, 69, 86, примеч. 16—18, 54, 80, 100, 121; т. 8, док. 4, 19, 26, 33, 41, 156 и др.

[26] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М., 1963.

[27] ВПР, т. 7, док. 264.

[28] АВПР, ф. Канцелярия министра иностранных дел, оп. 468, 1814 г., д. 1598, л. 1—136 об.

[29] *Павлова Л. Я.* Шведско-датско-норвежский конфликт..., с. 144—147; *Она же.* Декабрист М. Ф. Орлов. М., 1964, с. 20—22 и след.; ВПР, т. 8, док. 4, 26, 33, аннот. с. 54, 55, 67, 91, примеч. 3, 25, 45.

[30] АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1814 г., д. 1598, л. 3; *Павлова Л. Я.* Шведско-датско-норвежский конфликт..., с. 141.

[31] Письмо М. Ф. Орлова гр. К. В. Нессельроде, 13 мая 1814 г.— АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1814 г., д. 1598, л. 5.

[32] *Павлова Л. Я.* Шведско-датско-норвежский конфликт..., с. 144.

[33] ВПР, т. 8, с. 622, примеч. 25.

[34] В действительности, как показывают факты, М. Ф. Орлов далеко не всегда выполнял требования этой инструкции. Официальность «Секретного мемуара» заставляла его акцентировать внимание на этом вопросе.— *О. Ор.*

[35] АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1814 г., д. 1598, л. 123.

[36] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, с. 38.

[37] *Зак Л. А.* Указ. соч., гл. 9. Венский конгресс и русское общество.

[38] *Вишницер М.* Барон Штейн и Николай Иванович Тургенев: По неизданным документам.— Минувшие годы, 1908, № 10, с. 274.

[39] Записки С. Г. Волконского. СПб., 1901, с. 327.

[40] Там же, с. 328.

[41] Письма С. Г. Волконского к П. Д. Киселеву (1814—1815 гг.).— Каторга и ссылка, 1933, № 2, с. 99.

[42] *Вишницер М.* Указ. соч., с. 255.

[43] Там же.

[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 682.

[45] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа, с. 55 и след.

[46] *Степанов М.* Указ. соч., с. 603—606.

[47] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1876, т. 3, с. 427—448.

[48] ВПР, т. 8, с. 387.

[49] Архив братьев Тургеневых. СПб., 1913, т. 2, вып. 3. Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1811—1816 гг.

[50] Там же, т. 3, вып. 5, с. 66.

[51] Там же.

[52] *Вишницер М.* Указ. соч., с. 257.

[53] *Angeloni L.* Dell'Italia uscente il settembre del 1818. Parigi, 1818, vol. 1, p. 138—139.

[54] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, № 2617, л. 90об. Отношение представителей прогрессивных кругов русского общества к положению итальянского народа, к его национально-освободительной борьбе специально рассмотрено в кн.: *Ковальская М. И.* Движение карбонариев в Италии. М., 1971, с. 175—245.

[55] Архив братьев Тургеневых, т. 2, вып. 3, с. 317; т. 3, вып. 5, с. 218.

[56] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 568.

[57] Восстание декабристов, т. 4, с. 90, 91.

[58] Письма С. Г. Волконского к П. Д. Киселеву (1814—1815 гг.), с. 106—107.

[59] Записки С. Г. Волконского, с. 387.

[60] Le Conservateur impartial, 1817, le 2(14) mars, № 18, p. 99—101.

[61] Декабрист Н. И. Тургенев, с. 216.
* Союзный договор между Россией, Австрией, Пруссией и Англией, заключенный 8(20) ноября 1815 г. для окончательного утверждения режима Людовика XVIII во Франции и предотвращения возможности государственного переворота в пользу Наполеона. Этот договор и мирный договор с Францией были подписаны державами в один и тот же день. Статья VI союзного договора заложила основу для последующего созыва конгрессов союзных держав, главной целью которых стала координация усилий для защиты легитимизма и подавления освободительной борьбы европейских народов. В 1818 г. на Ахенском конгрессе к Четверному союзу примкнула Франция. См.: ВПР, т. 8, док. № 226, 273, примеч. 321.
[62] ВПР, т. 10, с. 409—423.
[63] Декабрист Н. И. Тургенев, с. 277.
[64] Рукописи хранятся в: ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309. Некоторые из них изданы.
[65] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 21, л. 31 об.
[66] Там же.
[67] Там же, л. 34.
[68] Там же, л. 31об.
[69] Там же, л. 32об.
[70] Там же.
[71] Там же, л. 32об., 34.
[72] Там же, л. 33—33об.
[73] Там же, л. 33об.
[74] Там же, л. 34об.—35.
[75] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 567.
[76] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1885, т. 7, с. 314—318.
[77] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М., 1956, т. 1, с. 342.
[78] Дневник С. И. Тургенева, запись от 6(18) июля 1818 г.— ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 23, л. 80—80 об.
[79] ОР ГПБ, ф. 286, оп. 2, д. 334, 336.
[80] Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 214.
[81] Там же.
[82] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 247.
[83] *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 276—277.
[84] *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 1915, т. 1, с. 60; *Теплова В. А.* Дискуссия о формах правления в русской журналистике 1814—1820 гг.: По страницам «Сына Отечества» и «Духа журналов».— Учен. зап. Горьк. ун-та. Сер. ист.-филол., 1964, вып. 65, с. 326—346.
[85] Вестник Европы, 1820, № 2, ч. 109, с. 139.
[86] Сын Отечества, 1820, № 22, ч. 62, с. 137.
[87] Вестник Европы, 1820, № 12, ч. 111, с. 294.
[88] Вопрос о влиянии покушения Лувеля и процесса по его делу на декабристов специально рассмотрен В. В. Пугачевым. См.: *Пугачев В. В.* Луи-Пьер Лувель и декабристы.— В кн.: Освободительное движение в России. Саратов, 1978, № 7, с. 3—12. Освещение процесса Лувеля в русской печати автором не рассмотрено.
[89] Вестник Европы, 1821, № 8, ч. 117, с. 293.
[90] Там же, 1820, № 3, ч. 109, с. 231.
[91] Сын Отечества, 1820, № 6, ч. 59, с. 284.
[92] Русский инвалид, 1820, 5 февр.
[93] Вестник Европы, 1820, № 6, ч. 109, с. 149.
[94] Там же, с. 151.
[95] Там же, № 7, ч. 110, с. 234.
[96] Об этом писал даже официоз российского МИД «Le Conservateur impartial» (1820, le 16(28) juil.). Он же отмечал рост популярности Квироги (Ibid., p. 279—280).
[97] Сын Отечества, 1820, № 47, ч. 66, с. 43.
[98] Вестник Европы, 1821, № 4, ч. 116, с. 317.
[99] Русский инвалид, 1821, 26 мая.
[100] Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1902, вып. 11, с. 364.
[101] АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., № 2992, л. 237.
[102] Русский инвалид, 1820, 25 июля.
[103] Там же.
[104] *Берти Дж.* Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965, с. 182.
[105] *Ковальская М. И.* Движение карбонариев в Италии. М., 1971, с. 111—113, 129—131 и др.
[106] Русский инвалид, 1820, 31 июля.
[107] Там же, 24 сент.
[108] Там же, 31 июля.

[108a] Новые ценные сведения об обстановке в Португалии дают материалы ВПР. См.: ВПР. М., 1979, т. 11, док. 18, 169 и след., примеч. 225.
[109] Сын Отечества, 1820, № 40, ч. 64, с. 329.
[110] Вестник Европы, 1821, № 2, ч. 116, с. 152.
[111] Русский архив, 1875, кн. 3, с. 401.
[112] *Орлик О. В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975.
[113] Русский архив, 1875, кн. 3, с. 426.
[114] *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1969, с. 301.
[115] Литературное наследство. М., 1954, т. 59, с. 374.
[116] Русская старина, 1881, янв., № 1, с. 8, 9. Курсив мой.— *О. Ор.*
[117] Там же, с. 23; № 3, с. 488.
[118] *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов, СПб., 1909, с. 244.
[119] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М., 1956, т. 2, с. 176.
[120] Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 223, 225—226.
[121] *Семевский В. И.* Указ. соч., с. 244. Курсив мой.— *О. Ор.*
[122] Восстание декабристов, т. 4, с. 90.
[123] *Волк С. С.* На путях исторического познания.— В кн.: Декабристы и русская культура. Л., 1975, с. 70.
[124] *Тарле Е. В.* Военная революция на Западе Европы и декабристы.— Соч. М., 1958, т. 5, с. 10.
[125] Декабрист Н. И. Тургенев, с. 312—313.
[126] *Раевский В. Ф.* Соч. Ульяновск, 1961, с. 281.
[127] Восстание декабристов. М., 1954, т. 11, с. 37.
[128] *Поджио А. В.* Записки декабриста. М., Л., 1930, с. 88.
[129] Восстание декабристов, т. 11, с. 87—88.
[130] Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906, с. 85—88.
[131] Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. 3, с. 371.
[132] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 318.
[133] Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. 1, с. 188.
[134] *Шешин А. Б.* «Морская управа» Северного общества.— Вопросы истории, 1979, № 2, с. 118, 123—125.
[135] Из писем и показаний декабристов, с. 13.
[136] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 319.
[137] *Николай Михайлович,* вел. кн. Имп. Александр I: Опыт исторического исследования. СПб., 1912, т. 2, с. 375.
[137a] *Байрон Дж.* Избранные произведения. М., 1953, с. 445; *Ковальская М. И.* Итальянские карбонарии. М., 1977, с. 71.
[138] ВПР, т. 11, с. 590; М., 1980, т. 12, с. 47, 66, 108, примеч. 18; *Ермолов А. П.* Записки. М., 1868, ч. 2, 1816—1827, с. 137; Русская старина, 1870, янв., с. 63—64.
[139] *Шильдер П. К.* Имп. Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898, т. 4, с. 192, 542—544.
[140] Письмо кн. П. А. Вяземского московскому почт-директору А. Я. Булгакову от 31 дек. 1820 г. (12 янв. 1821 г.) — Русский архив, 1879, № 4, с. 520.
[141] *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 61. (Запись 13 марта 1821 г.).
[142] Цит. по кн.: *Додолев М. А.* Указ. соч., с. 119. (Письмо к А. А. Закревскому от 5(17) октября 1820 г.).
[143] Вестник Европы, 1821, № 13, ч. 119, с. 71—72.
[144] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 1117, л. 17—18. Эта работа с некоторыми разночтениями (по сравнению с архивным экземпляром рукописи) опубликована в кн.: Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 383—398.
[145] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 1117, л. 18об.—19; Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 393.
[146] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 1117, л. 25; Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 396.
[147] *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957, с. 337—339.
[148] *Сыроечковский Б. Е.* Из истории движения декабристов. М., 1969, с. 47.
[149] *Глинка Ф.* Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года.— Сын Отечества, 1816, ч. 27, № 4; *Муравьев Н.* Рассуждение о жизнеописаниях Суворова.— Там же, № 6; *Бестужев Н.* Записки о Голландии 1815 года.— Соревнователь просвещения и благотворения, 1821, ч. 15.
[150] *Мироненко С. В.* Был ли М. А. Фон-

визин автором записки «О повиновении вышней власти» 1823 г.? — В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки: Сб. статей. М., 1981, с. 29—39.

[151] Голос минувшего, 1916, № 10, с. 146, 149.

[152] *Каховский П. Г.* Из писем.— В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. 1, с. 503.

[153] *Поджио А. В.* Указ. соч., с. 89. Курсив мой.— *О. Ор.*

[154] *Каховский П. Г.* Указ. соч., с. 505.

[155] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, с. 50.

[156] Русская старина, 1881, март, № 3, с. 488.

[157] Восстание декабристов. М., 1976, т. 14, с. 83.

[158] *Нарочницкий А. Л.* Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г., с. 67.

[159] *Шильдер Н. К.* Указ., соч., т. 4, с. 471.

[160] *Каховский П. Г.* Указ. соч., с. 504.

[161] Там же, с. 502; Восстание декабристов. М., 1958, т. 7, с. 114.

[162] См. подробнее: *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.: Л., 1958.

[163] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892, т. 1, с. XVII; *Он же:* Записка о древней и новой России. СПб., 1914, с. 47.

Глава вторая

Декабристы и национально-освободительное движение на Балканах. Поиски путей революционного единения народов

1. Роль Балкан во внешней политике России. Основы развития связей между русским и балканскими народами

Пожалуй, ни к одному региону Европы не было проявлено столь длительного и широкого интереса со стороны представителей разных кругов русского общества, как к Балканам. Ближневосточное направление во внешней политике России со времени возникновения Восточного вопроса стало одним из наиболее важных. Международная проблема середины XVIII — начала XX в., получившая условное название Восточный вопрос [1], была порождена разложением феодальной Османской империи, проявившимся в упадке ее прежнего могущества, в росте национально-освободительного движения порабощенных ею народов, экономически и культурно более развитых, чем завоеватели, и возникшим в этих условиях стремлением европейских держав к преобладающему влиянию на рынках Ближнего и Среднего Востока, особенно к укреплению позиций на Балканах. В основе этих процессов и явлений лежало разложение феодального и развитие нового, буржуазного строя. С процессом утверждения капитализма связан процесс национальной консолидации балканских и других народов. В XIX в. в Восточный вопрос оказались втянутыми все крупнейшие европейские державы. Тогда основным узлом международных противоречий в Восточном вопросе становится вопрос о судьбах европейских владений Османской империи (точнее,— о разделе их в исторической перспективе). Именно так определяли главную сущность Восточного вопроса в XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс в трудах, написанных ими, начиная с 50-х годов. Задачи экономического проникновения на Балканы, установления политического господства в этом стратегически важном регионе Европы обостряли отношения между крупнейшими европейскими державами, придавали балканской проблеме большую остроту. Это усугублялось развитием в XIX в. широкого национально-осво-

бодительного движения балканских народов (греков, южных славян, албанцев, молдаван и валахов) против угнетавшей их Османской империи, за создание самостоятельных национальных государств.

Переплетение политических расчетов, военно-стратегических целей и экономических интересов господствующих классов России определяло политику российского правительства в Восточном вопросе. В отличие от других европейских государств, втянутых в борьбу вокруг Восточного вопроса, Россия была Черноморской державой. Ее стремление к урегулированию отношений с Турцией, интересы к Проливам были связаны прежде всего с потребностями обезопасить южные и юго-восточные границы и, шире, прилегающие к ним земли Российской империи, которые играли все более существенную роль в процессе экономического развития страны. Господствующий дворянско-помещичий класс и нарождающаяся буржуазия были заинтересованы в расширении внешней торговли, в том числе через Черное и Каспийское моря, в создании новых морских портов и новых стратегических опорных пунктов, которые бы обеспечивали не только безопасность границ, но и могли стать базой для развития экспансионизма. Интересы господствующих классов стимулировали рост активности царизма на Ближнем, а затем и на Среднем Востоке, стремление к установлению выгодного для России режима Черноморских проливов, к утверждению влияния на Балканах и на Кавказе.

После установления «венской системы» международных отношений и создания Священного союза европейских монархов во внешней политике царской России стали усиливаться реакционные тенденции, открыто проявившиеся в период подъема европейского революционного движения в 20-х годах XIX в. В 30—40-е годы царизм стал одним из столпов политической реакции в Европе. Основоположники марксизма с беспощадностью разоблачали реакционность царизма, экспансионистскую сущность его внешней политики, раскрывали связь внешней политики с внутренней. В то же время они подчеркивали, что по отношению к Востоку Россия продолжала играть прогрессивную роль [2]. В первые десятилетия XIX в. это проявлялось в объективно-прогрессивных последствиях ее политики на Балканах и в Закавказье.

Основоположники марксизма-ленинизма разоблачали политику западноевропейских правительств, которые в своих экономических и политических интересах стремились сохранить «status quo» на Балканах, что означало для «христианских подданных Порты» «увековечение их угнетения Турцией» [3]. А это, по словам Ф. Энгельса, вынуждало «десять миллионов православных христиан в Европейской Турции обращаться за помощью к России» [4]. Конечно, балканские народы отнюдь не были пассивным орудием в политике российского правительства. Они руководствовались своими интересами и намеревались достичь их с помощью России. В своем внешнеполитическом курсе царизм использовал национально-освободительные устремления и чаяния народов лишь в

той степени, в которой это помогало осуществлению его собственных внешнеполитических планов.

Процесс политического переустройства Юго-Восточной Европы был активизирован развитием национально-освободительных движений балканских народов, национальными революциями в Сербии и Греции. Традиционное покровительство России балканским народам, ее отношения с европейскими державами в связи с их позициями по отношению к судьбам балканских народов, подвластных Порте, русско-турецкие войны составляли важную часть российской политики в Восточном вопросе. Политика России на Балканах, ее войны с Турцией являлись весомым внешним фактором, влиявшим на процесс складывания самостоятельных национальных государств. Россия оказала немалую помощь Первому (1804—1813 гг.) и Второму (1815 г.) сербскому восстаниям. Русско-турецкая война 1806—1812 гг. повлияла на дальнейшее развитие и углубление Первого сербского восстания. Несмотря на трудную международную обстановку кануна войны Наполеона против России, в подписанном в мае 1812 г. Бухарестском договоре, завершившем войну с Турцией, русская дипломатия во главе с М. И. Кутузовым добилась предоставления Сербии широкой внутренней автономии. Россия получила право контроля за исполнением султанскими властями статей договора относительно Сербии. Не достигнув своей основной цели в войне — присоединения Дунайских княжеств, российская дипломатия сумела обеспечить их автономное устройство, что в дальнейшем способствовало подъему в них освободительной борьбы, упрочению влияния России.

В первые годы после окончания войны 1812 г. и Венского конгресса балканская политика имела в основном подчиненное значение в общем комплексе внешнеполитических задач российского правительства. Тогда главные усилия дипломатии были направлены на упрочение престижа России в Западной и Центральной Европе, на перекройку карты послевоенной Европы и на укрепление Священного союза. В период Восточного кризиса 20-х годов, начало которому положило греческое восстание 1821 г. под руководством Александра Ипсиланти, значение Балкан во внешней политике России значительно возросло. В 1821—1823 гг. конкретным проявлением этого кризиса явилось ухудшение русско-турецких отношений в связи с греческим вопросом, а более широко — в связи с нарушением султанской Турцией статутов о режиме Проливов и черноморской торговли России, а также в связи с нарушением статута о положении Дунайских княжеств. Тогда же усилились реваншистские притязания султана на отдельные земли Закавказья.

Западноевропейские революции, подъем национально-освободительных движений упрочили стремление правящих классов укрепить единство государей—членов Священного союза. Сохранение «статус-кво» на Балканах было одним из условий выполнения такой задачи. Поэтому Александр I старался в своих действиях не выходить в отношении балканских народов за пределы прав, за-

крепленных договорами с Турцией в XVIII — начале XIX в. Российская дипломатия активно защищала христиан — подданных султана — от жестоких репрессий в Дунайских княжествах, Константинополе и в собственно греческих землях после начала греческого восстания 1821 г., ставшего прологом революции 1821—1829 гг. Пытаясь разрешить греческий вопрос и урегулировать вопрос о Проливах путем объединенных усилий европейских монархов, мирными средствами, Россия надеялась на поддержку своих предложений европейской дипломатией. Это весьма отчетливо проявилось на Веронском конгрессе 1822 г., прозвучало в заявлениях уполномоченного на конгрессе Д. П. Татищева. Сообщив условия русской стороны по восстановлению дипломатических отношений с Портой, которые были прерваны летом 1821 г. (уважение прав греков, вывод турецких войск из Дунайских княжеств, снятие ограничений на торговлю и мореплавание в Черном море), Татищев обратился с призывом к союзным державам содействовать «достижению поставленной таким образом цели»[5].

Александр I выразил в целом удовлетворение обещанием союзных держав дать своим дипломатическим представителям в Константинополе указания содействовать побуждению Порты принять условия России восстановить с ней дипломатические отношения. Еще до созыва конгресса, а затем и на конгрессе он подчеркнул приверженность принципам Священного союза, что определяло его отрицательное отношение к революционному выступлению греческого народа: «Я никогда не отделюсь от монархов, моих союзников. Нужны открытые союзы государей для защиты против тайных обществ»[6]. Эти позиции Александра I определились еще раньше — в связи с началом Испанской революции и другими революциями в Западной Европе. Греческое восстание 1821 г. усилило его подозрения насчет существования будто бы революционного центра в Париже, от которого могли расходиться нити заговоров в разные страны. Эту мысль царь проводил в упомянутой нами ранее беседе 19 июля 1821 г. с французским послом Лаферронэ. Стремясь к тому же затушевать вопрос о том, что руководитель восстания А. Ипсиланти осуществлял его подготовку из России и что он сам находился на русской службе, Александр I обрушивался на мифический революционный центр, заявляя, что якобы революционеры этого центра «возбудили восстание в Греции: оно разразилось гораздо раньше, чем должно было, потому что руководители думали, что это будет средством придти на помощь их братьям в Италии... Возникла мысль, что греческое восстание создаст союзным государям затруднения, выгодные для революционеров всех стран... Они думали, что я буду вынужден высказаться в пользу греческого восстания, и что, нарушив таким образом исповедуемые мною принципы, я потеряю доверие моих союзников»[7].

В то же время, продолжая традиционную политику покровительства балканским народам, российское правительство на протяжении всего времени развития Восточного кризиса 20-х годов

оказывало поддержку и помощь греческому населению, подвергавшемуся жесточайшим репрессиям со стороны султанских властей и их ставленников. После того как началось восстание в Морее, к России с просьбой о помощи обратились представители греческого духовенства г. Патраса (Патры). 26 марта (7 апреля) 1821 г. несколько епископов подписали и направили письмо русскому генеральному консулу в Патрасе И. Н. Власопуло. Они писали, что «христианская греческая нация перед лицом усиливающегося с каждым днем угнетения ее османами, стремящимися уничтожить греков если не одним, то другим путем, твердо решила умереть или сбросить с себя его. С этой целью все мы взялись за оружие, чтобы потребовать своих прав. Мы уверены, что все христианские державы, признавая правоту нашего дела, не будут ни в чем препятствовать и, напротив, соблаговолят способствовать этому делу и вспомнят о том, какую пользу человечеству принесли наши выдающиеся предки». Посланцы г. Патраса особенно надеялись на «благоволение и покровительство» со стороны России[8]. Число таких обращений умножалось в ходе развития освободительной борьбы греческого народа, которую пытались задушить чудовищными зверствами поработители.

Большой новый материал об обращениях греков с просьбой о помощи к России в период развития греческой революции, о защите российской дипломатией прав христианских подданных султана, об оказании материальной помощи греческим беженцам и по другим вопросам содержится в фундаментальной публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел» (М., 1980, 1982, т. XII—XIII).

После Веронского конгресса существенно изменилась расстановка сил в борьбе европейских держав по Восточному вопросу. Российское правительство бесплодно пыталось решить греческий вопрос мирным путем, коллективным сговором европейских держав. Не принесла желаемого результата и отставка в 1822 г. с поста статс-секретаря по иностранным делам И. Каподистрии, явно симпатизировавшего своим соотечественникам и стоявшего за проведение Россией более жесткого курса в отношении Порты (в 1827 г. он был избран первым президентом Греции). С утверждением на посту статс-секретаря по иностранным делам Англии Джорджа Каннинга к весне 1823 г. определился отход английской политики от протурецкого курса, начались интенсивные поиски путей укрепления позиций Англии в Средиземноморье. Греции в планах Каннинга отводилась значительная роль. Внешнеполитический курс английского кабинета вызвал ответную реакцию царского правительства. Спад революционного подъема в Западной Европе способствовал активизации внимания Александра I к греческому вопросу. Отношения между Россией и Англией становились более напряженными из-за стремления играть главную роль в решении греческих дел. По инициативе русской и австрийской сторон был намечен созыв в Петербурге конференции союзных держав для нахождения пути «восстановления мира на Востоке».

Несмотря на сложную внутреннюю и международную обстановку, греческий народ продолжал борьбу за государственную самостоятельность и *за полную независимость* от Порты.

В 1825 г. продолжились переговоры по греческим делам в Петербурге, куда съехались послы ряда европейских стран. Россия заявила о необходимости проявления большей активности в греческих делах, что свидетельствовало прежде всего об ухудшении ее отношений с Портой, о назревании нового военного конфликта. Однако до конца своих дней Александр I не преодолел колебаний по поводу способов ликвидации Восточного кризиса. Новый царь, Николай I, сразу же дал понять европейской дипломатии, что он также считает греков бунтовщиками и не может объявить себя покровителем греческой революции. Но вместе с тем он также дал понять, что не допустит возможности разрушения Оттоманской империи революционным путем и что ее позиции по отношению к России требуют более решительных акций со стороны последней.

С середины 20-х годов в сферу Восточного кризиса стали втягиваться Египет, Восточная Анатолия и Иран, что обострило международную обстановку на Среднем Востоке. В частности, тогда осложнилась кавказская проблема и события на Кавказе начали оказывать значительное влияние на дальнейшее развитие кризиса. Вторжение шахских войск в Закавказье привело к русско-иранской войне 1826—1828 гг. Дальнейшее развитие Восточного кризиса связано с ростом противоречий по греческому вопросу: постоянным саботажем западной дипломатией всех начинаний российского правительства, а также фактическим отказом Порты от выполнения условий Аккерманской конвенции 1826 г. Последнее стало непосредственной причиной русско-турецкой войны 1828—1829 гг., закончившейся Адрианопольским миром (1829 г.). В результате настойчивости российской дипломатии было предотвращено вмешательство Англии и Австрии в обсуждение условий Адрианопольского мирного договора и достигнуты наряду с другими значительные результаты в отношении улучшения политического положения отдельных народов Балканского полуострова. Прежде всего это относится к провозглашению широкой внутренней автономии Греции, которая в 1830 г. стала официально независимым государством.

Подчеркивая роль внешних факторов, способствовавших провозглашению независимости греческого государства, Ф. Энгельс выделял большую роль России. Он писал, что Россия «сделала Грецию независимой», обеспечила ее самостоятельность силами русской армии[9]. По Адрианопольскому мирному договору были подтверждены и значительно дополнены права Дунайских княжеств, расширилась автономия и территориальные пределы Сербии. Выполняя условия мира, Порта издала в 1830 г. указ (хатти-шериф), провозглашавший самоуправляющееся Сербское княжество под ее верховной властью.

Ближневосточная политика России в период Восточного кризиса 20-х годов XIX в. была направлена прежде всего на защиту

собственных интересов на Балканах, в Проливах и на Черном море. В период решающего этапа Восточного кризиса, связанного с русско-турецкой войной и подписанием Адрианопольского мира, Россия приобрела значительный перевес в борьбе великих держав за политическое влияние на Балканах. Результаты ее политики имели объективно-прогрессивные последствия для балканских народов.

Традиционная политика покровительства России балканским народам, результаты русско-турецких войн, улучшавшие политическое положение отдельных народов Юго-Восточной Европы, создавали определенные условия для роста взаимного интереса, для упрочения и расширения общественных и культурных русско-балканских связей в XIX в. Исторические корни этих связей уходят в глубь веков. Османское владычество на Балканах не смогло прервать тяготение балканских народов к России. Издавна русский народ и южные славяне считали себя «единоплеменниками» и «единоверцами», стремились к взаимному узнаванию и более тесному общению. Сознание этнического родства, языковой близости и конфессиональной общности служило идеологическим обоснованием общественных и культурных русско-балканских связей. Догматы православия, обосновывавшие взаимопомощь единоверцев, продолжали играть важную роль и в XIX в., что нашло выражение в мотивах поддержки в первые десятилетия этого века освободительной борьбы сербского и греческого народов представителями разных политических кругов русского общества. В XVIII — начале XIX в. русская общественность из всех балканских народов более других выделяла греков, внесших величайший вклад в историю европейской цивилизации, занимавших ведущее место в связях России с Балканами. Тогда эллинофильство получило широкое распространение в разных кругах русского общества, в правительственных сферах, оказывало влияние на характер политики России на Балканах.

Русско-южнославянские общественно-политические и культурные связи в XVIII в.[10] имели важное значение для их дальнейшего развития в последующем столетии. В XIX в. они не только значительно выросли и расширились, но, что особенно важно, стали наполняться новым идейным содержанием[11]. Это было связано с подъемом национального самосознания русского и балканских народов. Проявлением национального самосознания отдельных славянских народов явилось их стремление найти и определить не только свое место в истории (что особенно характерно для народов в период складывания наций и буржуазных национальных государств), но и славянского мира в целом.

Большое значение в славянском мире отводилось России, ее моральному долгу по отношению к христианским народам, подвластным Османской империи. Эти идеи, возникшие раньше, в XIX в. получили значительное распространение как среди балканских народов, так и в России. Определенное воздействие на появление и развитие идей политической перестройки Балкан,

роли в этом России оказывали внешнеполитические события, международная обстановка в Юго-Восточной Европе. Как известно, идеи этнической и конфессиональной общности народов брались на вооружение российским правительством при проведении своего политического курса на Балканах. Основываясь на них, выражали свое отношение к балканскому направлению внешней политики России, к отдельным конкретным внешнеполитическим акциям российского правительства, а также к национально-освободительной борьбе балканских народов и к их дальнейшим судьбам представители консервативных и передовых кругов русской общественности. Однако выводы, к которым они приходили относительно путей достижения балканскими народами государственной самостоятельности и национальной независимости, относительно социально-экономических основ независимых государств, а также содержания русско-балканских связей, имели различное политическое звучание. Весьма отчетливо это стало проявляться в России со времени зарождения русского революционного движения, у истоков которого стояли декабристы.

Обострение Восточного вопроса, позиции европейских держав в связи с подъемом национально-освободительной борьбы на Балканах, а также большие и давние симпатии «турецких славян» и других балканских народов к России, к русскому народу[12] сыграли значительную роль в формировании взглядов декабристов на Балканский вопрос, в поисках ими путей освобождения и единения народов.

2. *Начало Греческой революции 1821 — 1829 гг. и позиция декабристов*

Важным международным событием, вызвавшим широкий резонанс в России и усилившим интерес русского общества к Балканам, стало греческое восстание 1821 г. на территории зависимого от Порты княжества Молдавии. Поднимая в начале марта 1821 г. восстание, его руководитель, Александр Ипсиланти, наметил широкие задачи: освобождение сначала Дунайских княжеств, Греции, а затем и всего Балканского полуострова от власти Османской империи. Явившееся прологом Греческой революции 1821—1829 гг., оно было вызвано необходимостью осуществления для народа жизненно важных задач — национального освобождения, ликвидации феодальных оков, которые препятствовали консолидации наций, тормозили социально-экономическое развитие страны. В связи с тем что чудовищный гнет Османской империи проявлялся и в форме религиозных притеснений, в греческом национально-освободительном движении звучали религиозные лозунги. Задачи освобождения православной веры от гонений со стороны мусульман переплетались с главной целью — освобождением народа от национального и феодального угнетения.

С большим сочувствием относились в России к тяжелому положению греков, оказавшихся под властью завоевателей-османов.

Поэтому начавшееся греческое восстание сначала вызвало одобрительное отношение разных кругов русского общества, надежды на военную помощь со стороны России. Даже в среде сановной знати и военачальников, близких к Александру I, возникали планы военной поддержки греков в их освободительной борьбе. Не только давние симпатии к греческому народу определяли в этой среде такие помыслы и настроения. Немаловажное значение имели экономические интересы господствующего класса, а также политические цели, преследуемые разными группировками в правительстве России, которые они надеялись реализовать в ходе победоносной войны против Османской империи. В целом отношение правящих кругов России к греческим делам было непоследовательным.

Революционный взрыв назревал в Греции уже давно, тайно готовился греческими революционерами, членами «Филики Этерии» («Дружеское общество»). Эта тайная греческая организация возникла в 1814 г. в Одессе — одном из центров греческих переселенцев, издавна устремлявшихся на Юг России. В Одессу постоянно приходили греческие суда, приносившие выходцам из Греции вести с их родины. В начале XIX в. в связи с обострением русско-французских отношений, Александр I, стремясь усилить свое влияние на Грецию, особенно поощрял переселение греков в Россию. Их поселения расширялись в Одессе, Керчи, Таганроге, а после присоединения в 1812 г. Бессарабии — в Измаиле, Аккермане и других местах. Греки принимали активное участие в черноморской торговле, способствовали экономическому развитию края. Немало представителей греческого народа служили в русской армии (в специальном Греческом корпусе) и флоте, стали участниками и героями Отечественной войны 1812 г. Традиционная покровительственная политика России на Балканах вселяла в передовых представителей греческого народа надежды на помощь с ее стороны освободительной борьбе против османского ига.

В 1820 г. «Филики Этерию» возглавил генерал А. Ипсиланти, находившийся тогда на русской службе и отличившийся во время Отечественной войны 1812 г. В военной среде он искал общения прежде всего с прогрессивно настроенными офицерами, которые разделяли его думы о греческом народе, стремились к освобождению от самодержавного гнета народа своей страны. Ипсиланти знал многих передовых людей России, в том числе декабристов М. Ф. Орлова, П. И. Пестеля, С. Г. Волконского, С. П. Трубецкого, Н. М. Муравьева и др. Общение с ними укрепляло его передовые взгляды, способствовало формированию освободительных идей.

Если раньше руководители «Филики Этерии» основной упор делали на просветительную работу, идейную подготовку восстания, то теперь в центре внимания общества стали разработка конкретного плана восстания, объединение революционных сил, сбор средств и приобретение оружия. Большое внимание уделялось

связям с национально-освободительным движением в самой Греции, в Болгарии, в Сербии. Ипсиланти направлял своих представителей для ведения переговоров с сербским князем Милошем Обреновичем, с сербским революционером Стефаном Живковичем, находившимся в 1820 г. в России, и в княжество Молдавию — для усиления связей с этеристами. В Кишинев в конце 1820 — начале 1821 г. к Ипсиланти приезжали революционеры из Греции, из него направлялись эмиссары в разные государства. А. Ипсиланти надеялся, например, получить помощь от Америки и рассчитывал даже на содействие реакционного правительства Людовика XVIII во Франции. Особенно же большие надежды Ипсиланти тогда возлагал на Александра I. Используя его интересы в Восточном вопросе и учитывая традиционную политику покровительства России балканским народам, Ипсиланти надеялся на выступление русских войск против турецкой армии в поддержку греческих повстанцев.

При разработке планов восстания между этеристами существовали разногласия: были сторонники поднять революционное выступление непосредственно на территории Греции или в Константинополе, но в основном превалировала идея начать восстание в Дунайских княжествах. В ее основе лежала ориентация на помощь со стороны России, на привлечение к революционной борьбе угнетаемых Портой других народов Балкан — сербов, черногорцев, болгар, албанцев, молдаван и валахов. Выступления в Дунайских княжествах должны были отвлечь силы турок от Греции, где тоже готовилось восстание.

Начав восстание, А. Ипсиланти двинулся в глубь княжества Молдавии; поднялись этеристы в Валахии. На помощь восставшим приходили сербы, болгары, молдаване, албанцы, русские, украинцы и представители других национальностей[13]. Вскоре после получения первых известий об успехах греческих повстанцев в Дунайских княжествах (патриоты сначала действовали совместно с антифеодальным движением валашских крестьян под руководством Тудора Владимиреску) произошло восстание в Морее. Началась Греческая национально-освободительная революция. Продолжавшееся несколько месяцев восстание под руководством А. Ипсиланти было только частью долгой и героической борьбы греческого народа. Само восстание в июне 1821 г. было подавлено османскими войсками. Одна из причин неудач Ипсиланти коренилась в слабости социально-политической программы этеристов, в непрочности связей с антифеодальным движением Т. Владимиреску. Это позволило османам сосредоточить свои силы против частей Ипсиланти и нанести ему поражение.

Борьба греческого народа способствовала серьезным изменениям в международной обстановке. Обострение Восточного вопроса свидетельствовало о невозможности сохранения европейской дипломатией прежнего положения на Балканах. В январе 1822 г. национальным собранием в Эпидавре была провозглашена самостоятельность Греции и принята конституция — Эпидаврский ор-

ганический статут. Летом 1822 г. в Морее была разгромлена 30-тысячная османская армия. Обострение противоречий между разнородными силами революции привело к гражданским войнам (1823—1824 и 1824—1825 гг.). В феврале 1825 г. султан привлек армию своего египетского вассала, которая вместе с османскими войсками вторглась в Морею и опустошила значительную ее часть.

Европейская общественность, выступая в поддержку освободительной борьбы греческого народа, стремилась оказать ему моральную и материальную поддержку. На помощь греческим революционным войскам отправлялись добровольцы из разных стран, в них возникали филэллинские комитеты. Начавшиеся в 1821 г. сборы пожертвований в России в пользу беженцев из Дунайских княжеств в последующие годы освободительной борьбы греков значительно возросли. Немалые суммы в Комиссии помощи греческим беженцам поступали и от казны.

Подробные сведения о сборах пожертвований на греческих беженцев и о распределении средств среди них дают Отчеты специальных комиссий, созданных в 1821 г. в ряде городов Южной России. Так, только из «Отчета учрежденной в Кишиневе вспомогательной комиссии о пожертвованных суммах, присланных из разных мест и ассигнованных г-ном министром финансов из Бессарабского областного казначейства на вспоможение прибывших в Бессарабию неимущих заграничных пришельцев» видно, какими значительными были суммы пожертвований «с ноября 1821 г. по 1 октября 1822 г.», что они поступали из разных губерний России, включали в том числе и суммы, ассигнованные правительством. В переводе на турецкие деньги они составили 501 099 левов[14]. Из них 497 846 левов были выданы к 1 октября 1822 г. «разным неимущим лицам на содержание помесячно»[15].

Во время обострения Восточного кризиса усилилось наступление османских властей на сербскую автономию. Вероломное нарушение Портой обязательств по Бухарестскому миру в отношении Сербии, потопление в 1813 г. в крови Первого сербского восстания вызвали вскоре новый революционный взрыв. В результате Второго сербского восстания была введена ограниченная внутренняя автономия Сербии. Верховный князь Сербии Милош Обренович, а также представители сербской общественности не раз обращались к России за помощью и поддержкой. Так было, например, и в 1825 г., когда в Сербии начались новые волнения в связи с требованиями освободить находившихся в Константинополе под стражей более трех лет депутатов, направленных туда с жалобами на притеснения турецких властей. О просьбах сербов о заступничестве со стороны России сообщал 22 марта (3 апреля) 1825 г. поверенный в делах в Константинополе М. Я. Минчаки в Петербург К. В. Нессельроде.

Так, с весны 1821 г. значительно усилилось освободительное движение на Балканах. Конечно, центральное место в 20-х годах занимала революционная борьба греческого народа, которая и нашла наибольший отклик в кругах передовой общественности европейских стран.

Александр Ипсиланти после перехода границы и обнародования воззвания к греческому народу счел необходимым поставить об этом в известность Александра I. 8 марта (24 февраля) он сообщал в Лайбах, что «по просьбе греческой нации» он возглавил борьбу против османского ига и просил царя помочь делу освобождения греков. По-видимому, Ипсиланти к этому времени более отчетливо, нежели раньше, представлял возможную отрицательную реакцию царя на выступление греков. Отношение Александра I к Испанской революции подкрепляло такое предположение Ипсиланти. По мнению греческого историка И. Филимона — современника восстания 1821 г., царское правительство, подозревая о подготовке революционного выступления греков и догадываясь о роли в этом Ипсиланти, даже «намеревалось арестовать его и наказать».

В действительности, как показали исследования современных советских историков, царское правительство не успело принять такого решения, так как было недостаточно информировано о революционных планах «Филики Этерии» [16]. Но какие-то подозрения существовали, и слухи о них могли стать одной из причин столь поспешного перехода Ипсиланти границы и прибытия в Яссы. Направляя свое послание Александру I, Ипсиланти руководствовался также понятием и долга, и личной чести, поскольку он находился на русской службе, был генералом царской армии.

Как показали первые же заявления Александра I на Лайбахском конгрессе и ответ Ипсиланти от 14 (26) марта, царь отрицательно отнесся к предпринятой попытке освобождения Греции революционным путем, решительно отказал в военной помощи греческим повстанцам. В ответе Ипсиланти царь подчеркнул, что не будет помогать греческим революционерам, «так как было бы недостойно его подрывать устои Турецкой империи позорной и преступной акцией тайного общества» [17]. Известно, что на этих позициях Александр I оставался и в последующие годы развития Восточного кризиса 20-х годов.

Развитие национальной Греческой революции и международные противоречия по греческому вопросу нами выше были очерчены только в общей форме. Вопросам формирования греческого освободительного движения, особенно этеристского в России, греческому восстанию 1821 г. и Греческой революции 1821—1829 гг., а также балканской проблеме в политике европейских держав посвящен ряд специальных исследований, в том числе книги Г. Л. Арша, И. Ф. Иоввы, А. В. Фадеева, О. Б. Шпаро, И. С. Достян и других историков [18]. Анализ важнейших трудов по российской политике в Восточном вопросе дан в коллективной монографии «Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография» (М., 1981). На основные выводы советских балкановедов мы опирались, характеризуя греческую революцию и международные отношения на Балканах в период развития Восточного кризиса 20-х годов.

Национально-освободительная борьба греческого народа наряду с западноевропейскими революциями оставила глубокий след в декабристском движении. В центре Северного общества, в Петербурге, а особенно в центрах Южного общества, таких, как Кишинев и Тульчин, шло живейшее обсуждение греческих дел, опыта революционного выступления Ипсиланти — тактики и программы, международного значения; обсуждались пути создания на Балканах самостоятельных государств и их защиты от контрреволюционных монархических сил. Близость нового революционного очага к декабристским центрам на Юге России, а также смелость и дерзость самого поступка А. Ипсиланти — генерала царской армии, возглавившего ряды революционеров, личные контакты декабристов с ним и другими членами «Филики Этерии» — все это особенно воодушевило декабристов и их единомышленников, усилило их надежды на дальнейшее расширение региона революционной борьбы в Европе, на возможность переустройства старого строя в России революционным путем.

Первые вести о начале освободительной борьбы греческого народа против османского ига попали к декабристам не из русской печати, которая довольно долго замалчивала революционное выступление греков в княжестве Молдавии. Они поступали в основном от греческих повстанцев, тесно связанных со своими соотечественниками, проживавшими на Юге России. Начав публикацию сообщений о мартовских революционных событиях только с 6 апреля, печать и в дальнейшем сообщала весьма нерегулярно о ходе греческого восстания, о подъеме национально-освободительной борьбы других балканских народов. Это было связано прежде всего с необходимостью точного согласования оценок, даваемых прессой балканским событиям, с правительственными оценками. «Русский инвалид», который в целом подробнее других периодических изданий России осветил эти события, только 17 мая поместил небольшую заметку «С молдавской границы, 18 апреля». В ней сообщалось о переправе через Дунай 5 тыс. греков и об образовании в Яссах временного правительства. 21 мая очень коротко сообщалось о стремлении Порты покончить «с беспорядками на полуострове Морее» и о «раздражении турок» по отношению к константинопольским грекам. Первое подробное сообщение о греческом восстании, о подъеме национально-освободительной борьбы в Греции, а также сведения о поддержке его болгарами и сербами появились на страницах «Русского инвалида» 25 мая.

В начале июня эта газета напечатала «Депешу российско-императорского двора к посланникам и министрам своим при иностранных державах», которая была составлена 28 апреля (10 мая) в Лайбахе. Документ излагал позицию царя в связи с западноевропейскими революциями, а также с началом революционной борьбы греческого народа, подчеркивал отказ российского правительства помогать грекам, а выступление Ипсиланти определял как мятеж. «В Молдавии и Валахии произошли мятежи,— заявлялось в депеше,— но как торжественные объяснения, так и по-

ступки России очевидно доказали, что мы свято наблюдаем предписания народного права и трактаты наши с турецким правительством»[19].

«Вестник Европы» в одном из своих майских номеров тоже довольно подробно остановился на балканских событиях, особенно отметив подъем и развитие национально-освободительной борьбы народов. Так, анализируя ход восстания под руководством Ипсиланти, журнал писал: «По новейшим известиям видно, что 10 000 булгаров и сербов помогли сему предводителю инсургентов переправиться через Дунай при Систове и с ним соединились; что вся Булгария взбунтовалась; что Епирская армия проникла в Фесалию; что высланный 30 000 корпус разбит и уничтожен греками; что Сули, Парга, Превеза и все крепкие места Епира находятся в руках инсургентов; и что, наконец, вся Морея объявила себя независимою от Порты. В Смирне и на всем берегу Малой Азии видны явные признаки близких смятений»[20]. Этот же журнал подчеркнул революционные идеи восставших греков: «11 марта в Яссах освящены боевые знамена. На одном из них надпись: „Сим да победим! Да здравствует свобода!" — и изображен вылетающий из пепла Феникс»[21]. Летом 1821 г., уже после полученных известий о поражении Ипсиланти, «Вестник Европы» снова указал на революционный характер его выступления и даже объединил его с западноевропейскими революциями. Он писал о сходстве «возникших в Греции движений со вспыхнувшими мятежами в других государствах», о том, что руководители борьбы балканских народов действовали «с тем же намерением и по тем же правилам», что и «преступные нарушители общественного порядка в Неаполе и Пиемонте».

На общем фоне критических отзывов о западноевропейских революциях, восстании Ипсиланти, которые были даны русской печатью, как-то весьма неожиданно прозвучали одобрительные оценки этих событий в номерах «Русского инвалида» за 16, 19, 21 июня 1821 г. Газета опубликовала без всяких купюр перевод большой статьи из мюнхенской «Allgemeine Zeitung». В ней положительно оценивались героическая борьба не только греческого, но и других европейских народов. Революции начала 20-х годов были названы «великими происшествиями в Европе», которые «подали случай грекам обратить внимание на существеннейшие их потребности и на ближайшие способы к избавлению своего Отечества». За публикацию таких оценок революционной борьбы народов последовала расплата: в течение двух недель газета не смогла напечатать ни строчки о политических событиях, а с июля 1821 г. раздел о новейших зарубежных событиях был вообще изъят цензурой и заменен разделом «Ученые и художественные известия».

В целом же, несмотря на весьма стесненные цензурные условия, в которых находилась русская печать, она приводила ценные сведения о положении дел на Балканах, о Греческой революции.

Следует, однако, отметить, что в некоторых сообщениях русской и западноевропейской печати того времени вкрапливались и элементы преувеличения размаха действий греческих повстанцев в самой Греции. Это было связано с трудностью быстрого получения конкретного материала с мест событий. Так, на основании распространившихся слухов многие этеристы в России были склонны преувеличивать подлинные успехи вассала султана — Али-паши Тепелены (Янинского), который еще в 1820 г. вел против него вооруженную борьбу, а также его действия в пользу греческих повстанцев. Строя планы развертывания национально-освободительной борьбы в Греции, этеристы первоначально придавали немалое значение его роли в общебалканском движении.

Вместе с тем в России, особенно в Бессарабии, распространялись непосредственные свидетельства греков — участников восстания под руководством А. Ипсиланти, сообщения о ходе событий руководителей повстанцев из Мореи. Эти сведения подчас были не только самыми новейшими, но и значительно более достоверными по сравнению с теми, которые публиковались в прессе. Они оказывали большое воздействие на настроения передовой России, прежде всего южных декабристов.

Множество греков, проживавших в Одессе, Кишиневе, Таганроге, Феодосии — крупнейших городах Юга России, создавали там атмосферу приподнятости, даже праздничности. Находившийся тогда в Кишиневе А. Ф. Вельтман писал: «На каждом шагу загорался говор о делах греческих, участие было необыкновенно, новости распространялись как электрическая искра по всему греческому миру Кишинева». А. С. Пушкин, раскрывая настроения, царившие тогда в Одессе, отмечал: «Восторг умов дошел до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету — к независимости древнего отечества... В лавках, на улицах, в трактирах — везде собирались толпы греков, все продавали за ничтó свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты... все шли в войско счастливца Ипсиланти» [22]. С помощью П. И. Пестеля, побывавшего в 1821 г. по делам службы в Бессарабии, на границе с Молдавским княжеством, декабристы смогли ознакомиться со многими прокламациями Ипсиланти. Они были собраны Пестелем и переданы «для перевода с греческого языка на российский» генералу П. С. Пущину.

Первые воззвания А. Ипсиланти «К грекам!», «К народу Молдавского края!», призывавшие к борьбе за освобождение («Время уже сложить с себя сие ненавистное иго и освободить Отечество! К оружию, друзья, Отечество нас призывает!»), вскоре после их обнародования руководителем восстания стали известны декабристам Южного тайного общества. Идеи борьбы с тиранией воспринимались ими не только как национальные, греческие. Они способствовали упрочению национального самосознания у передовых представителей России, росту формирования революционных воззрений, поискам путей единения революционных сил. Так, революционные идеи раздвигали рамки отдельных стран, выходи-

ли за их пределы, становились главными идеями века. Не случайно, что в передовых кругах России восстание под руководством Ипсиланти было воспринято и оценено как событие большой международной значимости. Это ярко проявилось в высказываниях многих декабристов, а также лиц, близких им по своим идейным воззрениям [23]. В первой половине марта 1821 г., вскоре после получения первых вестей из-за Прута, А. С. Пушкин писал из Кишинева (предположительно) декабристу В. Л. Давыдову: «Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы. Греция восстала и провозгласила свою свободу... Первый шаг Александра Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — и, мертвый или победитель, отныне он принадлежит истории...» [24]. Руководитель Северного общества Никита Муравьев, поддерживая борьбу греческого народа, подчеркивал, что режим Оттоманской империи — это «власть беспредельная», которая является к тому же примером для всех правителей, стремившихся к самодержавию. Об этом он писал в начале 20-х годов в прокламации «Любопытный разговор», предназначавшейся для распространения в народе. П. Г. Каховский, И. Д. Якушкин, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер не только приветствовали восстание, но и готовы были отправиться в Грецию — «в страну героев и богов» — бороться за ее освобождение. Эти настроения отражены в стихотворении Кюхельбекера «К Ахатесу», явившемся его поэтическим откликом на греческое восстание. Арестованный в начале 1822 г. и заключенный в Тираспольскую крепость, член Южного общества В. Ф. Раевский написал стихотворение «К друзьям в Кишинев», в котором намекал на важные последствия революционной борьбы греков для народов других стран (там, в Греции, «волкальный звон... пробудил народный сон и гидру дремлющей свободы!» [25]).

С неослабевавшим вниманием следил за развитием событий на Балканах Н. И. Тургенев. Приветствуя выступление греческих повстанцев в княжестве Молдавии, он в то же время тревожился за дальнейший ход восстания, за судьбу выступлений в Морее. Отношение Тургенева к борьбе греков, сложность чувств и переживаний раскрывают его дневник, письма к брату Сергею, находившемуся с июня 1820 г. в составе русской миссии в Константинополе. Из них видно также, с каким нетерпением ждали в России вестей о греческих событиях и как сильно ощущался в начале восстания А. Ипсиланти недостаток печатных новостей. «О Константинополе и о делах Молдавии и Валахии, об Али (турецкий паша.— *О. Ор.*) и об Ипсиланти здесь ежедневно проносятся слухи, один страннее другого...— писал Н. Тургенев из Петербурга.— Все вести могут только приходить из Одессы. Прямо же из Царьграда ничего неизвестно... Из газет иностранных также ничего неизвестно» [26]. В письме к брату от 1 мая 1821 г. он снова сетовал: «Получено здесь известие, что в Царьграде начались самые ужасные беспокойства ко вреду христиан и что сии послед-

ние находят только убежище в домах различных иностранных министров. Пишут даже, что и миссия наша не вне опасности... О происшествиях в Греции мы не имеем здесь никаких основательных известий».

Действительно, как мы показали выше, русская печать с большим опозданием начала публикацию сообщений о греческом восстании в княжестве Молдавии и о международных противоречиях в связи с ним, о позиции и действиях Порты.

Декабристов, как, впрочем, и представителей других кругов русского общества, весьма волновал вопрос о том, какую внешнеполитическую линию будет проводить российское правительство. Разные по своим политическим взглядам, представители русской общественности, прежде всего военные, понимали важность поддержки освободительной борьбы греческого народа силой русского оружия. Об этом в 1821 г. неоднократно заявляли либерально настроенные генералы П. Д. Киселев, А. А. Закревский, А. П. Ермолов и многие другие[27]. Находясь в Петербурге летом 1821 г. и наблюдая отношение разных общественных кругов к освободительной борьбе греческого народа, Ермолов приходил к решительному убеждению, что возможная война России против Турции понималась как необходимость, без чего невозможно было защитить греков, добиться от Порты удовлетворения их требований, а также упрочить престиж России среди балканских народов. «Многие думают, что выгодно избежать войны (видимо, имелись в виду прежде всего заявления Александра I и Нессельроде.— *О. Ор.*), и не видят, чего избежать невозможно. Я со стороны немиролюбивых и даже наступательных»[28]. П. Д. Киселев — начальник штаба 2-й армии, находясь в расположении армии и зная о царивших в ней настроениях в связи с возможной войной в защиту борющихся за свое освобождение греков, считал, что «так называемое возмущение греков законно». Будучи человеком осторожным, он не решался даже в своих личных письмах откровенно критиковать внешнеполитический курс Александра I по греческому вопросу. Но он, как и многие другие представители русской армии, стоял за оказание Россией военной поддержки грекам. Так, 12 апреля Киселев писал из Тульчина в Петербург А. А. Закревскому: «Надо здесь жить, чтобы знать, в каком унижении находятся подданные турецкого правительства... Мы судим как люди частные; политика государств судить инаково... но со всем тем участь единоверцев наших достойна сожаления и, как человек, я их искренно жалею»[29].

Правда, со временем, когда стало совершенно ясно, что Россия не вступит в войну с Турцией, острота суждений по поводу греческих дел у одних стала притупляться, а у других даже возникла потребность заявить о своем осуждении повстанцев. Это весьма отчетливо проявилось, например, в поведении гр. А. Ф. Ланжерона. 4 марта он в восторге писал Киселеву, что «выдал более 300 паспортов молодым и старым, знатным и безвестным»,— тем, которые отправлялись вступить в отряды Ипси-

ланти. Но 26 апреля он уже просил Киселева оказать «одну очень важную дружескую услугу, рассказав государю, что, когда группа греков требовала паспорта... отказал... просто-напросто» [30].

Иными были позиции деятелей тайных антиправительственных обществ. Они вопреки официальному отношению к греческим революционерам и после подавления греческого восстания 1821 г. продолжали активно поддерживать революцию в Греции, выступать за единение революционных сил. Особенно ярко это проявилось во взглядах и позициях декабристов Южного общества и «Общества соединенных славян». В конце 1820 — начале 1821 г. важным центром декабристского движения стал Кишинев. Деятельность Кишиневской управы связана прежде всего с именами генерала М. Ф. Орлова, В. Ф. Раевского, К. А. Охотникова, А. Г. Непенина и др. Многие декабристы-южане служили во 2-й армии, которая имела назначение охранять южные границы России. В 1821 г. в Кишинев по делам службы несколько раз приезжал П. И. Пестель. Он был направлен командованием 2-й армии в Бессарабию для сбора сведений о ходе событий в Дунайских княжествах. 1821 год — время большой активности действий М. Ф. Орлова, которого впоследствии некоторые исследователи несправедливо считали якобы отошедшим после Московского съезда от декабристского движения. Высказывания Орлова по поводу греческого восстания, его переговоры с Ипсиланти, намерение выступить с 16-й пехотной дивизией в защиту требований греческого народа свидетельствуют об обратном. Советские исследователи единодушно сходятся во мнении, что М. Ф. Орлов не только знал о подготовке Александром Ипсиланти выступления против османского ига, о его надеждах на военную помощь со стороны России, но и активно их поддерживал. В то же время отдельные исследователи, опирающиеся в целом на один и тот же круг источников, приходят к разным выводам относительно того, каким образом предполагал Орлов включение его 16-й дивизии в борьбу против турок, в поддержку греческой освободительной войны. Сравнительно недавно этот вопрос вновь был рассмотрен в монографии И. С. Достян [31].

Действительно, М. Орлов после получения в июне 1820 г. 16-й пехотной дивизии и прибытия в Кишинев осенью того же года встречался с А. Ипсиланти, участвовал в разработке этеристами плана выступления греков в Молдавии и даже вел с Ипсиланти переговоры относительно военной помощи восставшим грекам. Сначала предполагалось организовать выступление греков в ноябре 1820 г. Однако разногласия внутри этеристов, а затем болезнь Ипсиланти сорвали этот план. «У нас большие известия, и отовсюду что-то возгорается, похожее на предвозвещание общего пожара»,— писал М. Орлов А. Н. Раевскому из Кишинева в октябре 1820 г., в то время, когда прошли слухи, будто бы новый «бунт возгорелся» в Сербии и что, видимо, будет война между Россией и Турцией. В распространявшихся тогда в Бессарабии слухах было и много преувеличенного. Но в них верно улавливались

симптомы нового подъема национально-освободительной борьбы на Балканах, выражались надежды на развитие освободительной борьбы в самой России.

Намеки на совместное выступление с греками были сделаны М. Орловым в письме к его невесте — Е. Н. Раевской вскоре после начала восстания: «Он (А. Ипсиланти.— *О. Ор.*) не один, и его покушение не презрительно ни по намерению, ни по средствам. Из моих писем Вы все знаете, но прошу Вас их не разглашать, особливо сие последнее и предыдущее. То есть те вещи, которые не требуют разглашения, как, например, образ действия и создание тайного общества и участие наших вельмож в оном» [32]. Можно предположить также, что М. Орлов знал о разработке военного устава «Филики Этерии». Его готовил осенью 1820 г. Николай Ипсиланти, устав был введен в конце того же года. Во всяком случае, требования строгой дисциплины от всех этеристов, обязательного подчинения решению верховной власти общества глубоко разделялись М. Орловым и отстаивались им на Московском съезде 1821 г. Ряду участников съезда это показалось ненужным, да и просто невозможным. Они не поддержали М. Орлова и в его намерении перейти к развертыванию активной революционной деятельности. Тогда М. Орлов заявил о своем уходе со съезда и о разрыве с Союзом благоденствия. Революционные замыслы М. Орлова, изложенные им на Московском съезде, становятся более понятными и реальными в связи с освещением его переговоров с А. Ипсиланти. В 1821 г. Кишиневская управа стала одной из ведущих в Южном обществе декабристов.

Весьма отрывочные сведения о сотрудничестве М. Ф. Орлова с А. Ипсиланти в период разработки плана выступления в Молдавии, сохранившиеся в России, добавляет греческий историк И. Филимон, знакомый лично со многими этеристами, в том числе с братом А. Ипсиланти — Дмитрием. Впоследствии Филимон изучал материалы архива «Филики Этерии». На основании этих новых документов историк сделал очень ценные сообщения о связях М. Ф. Орлова с этеристами, с А. Ипсиланти. На эти сведения обратил внимание румынский исследователь К. Арическу, который, ссылаясь на сведения И. Филимона, писал: «Во время своего пребывания в Кишиневе Ипсиланти пытался уговорить генерала Орлова, который командовал авангардом русских войск у Прута под командованием маршала Витгенштейна, принять участие с его корпусом в греческой революции» [33].

Видимо, А. Ипсиланти, надеясь на поддержку царским правительством борьбы греческого народа против Порты, особенно хотел привлечения дивизии М. Орлова, посвященного в его планы, известного своими выдающимися военными способностями. Хотел этого и М. Орлов. Еще в 1820 г., размышляя по поводу перспектив освободительной борьбы на Балканах и русско-турецких отношений, он отмечал: «Ежели б 16-ю дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить. Полки славные,

все сибирские кремни. Турецкий булат о них притупился»[34]. Несомненно, что в начале 1821 г., и особенно после выступления Ипсиланти, такие намерения Орлова усилились. В обстановке большого подъема и симпатий к освободительной борьбе греков, проявляемых во 2-й армии, генерал М. Орлов не скрывал своих настроений.

Царское правительство, обеспокоенное брожением в русской южной армии, открытой симпатией к греческим повстанцам, потребовало от командующего армией П. Х. Витгенштейна усиления надзора и дисциплинарных строгостей. Впервые это прозвучало в письме из Лайбаха от 14(26) марта К. В. Нессельроде к Витгенштейну, в котором на основании царского повеления предписывалось «удвоить бдительность в отношении армейской полиции» и «развернуть большую наблюдательную деятельность». Критическое отношение М. Орлова к позициям царского правительства, не поддержавшего греческое восстание, его либеральные начинания в дивизии, в ланкастерских школах, созданных при ней, послужили одной из основных причин его фактического отстранения от командования дивизией.

Не только М. Орлов, но и многие другие декабристы Южного и Северного обществ открыто проявляли недовольство по поводу осуждения Александром I вооруженного выступления греков, считали важным как для решения греческого вопроса, так и для отстаивания интересов России на Балканах войну с султанской Турцией. Как писал позднее в своих «Записках» декабрист Н. И. Лорер, анализируя настроения того времени, «более всего воспламенило молодежь известие о восстании Греции. Все были уверены, что государь подаст руку помощи единоверцам и что двинут наши армии в Молдавию». Лорер подчеркивал, что тогда «многие офицеры гвардии стали проситься в полки армии, думая тем приблизиться к имеющемуся в виду походу на помощь грекам»[35]. И. Г. Бурцов 6 мая 1821 г. с большой досадой отмечал в письме из Одессы к Н. Н. Муравьеву в Тифлис (вскоре после поражения греческих повстанцев в Молдавии), что «отношения нашего двора к Порте не определительны». И тогда он, выражая настроения 2-й армии, замечал, что «мы со дня на день ожидаем приказаний или двинуться с громом в Молдавию, или прекратить меры осторожности, которые всю армию содержат в сборе»[36]. Его солидарность с освободительной борьбой греков проявилась в сохранявшейся уверенности в необходимости вооруженной поддержки этой борьбы Россией. «Войну желаю я неизъяснимым образом, и без нее не вижу впереди для себя постоянного щастия...»[37] — подчеркивал он 14 ноября 1821 г.

С большой страстностью декабристы обличали жестокость султанских властей по отношению к христианскому населению в Константинополе, массовые репрессии в Морее и континентальной Греции. Особенно много писал об этом Н. И. Тургенев, внимательно следивший за всеми сообщениями о событиях в Греции русской и зарубежной прессы. Резкими оценками действий османских

войск и султанских властей полны страницы его дневника 1821—1823 гг. и других лет. По словам Н. Тургенева, нельзя было без ужаса «читать в газетах описание того, что́ делают турки с греками и в Хиосе, и в Салонике, и в Константинополе... Надежда на освобождение греков, кажется, начинает вообще ослабевать. Что сталось с Хиосом, то может статься и с другими островами, а с твердою землею и подавно»[38]. Эти строки он писал 25 июня 1822 г. в связи с известиями о хиосской резне. Зимой в стране развернулся сбор пожертвований «как среди живущих в России греков, так и среди наших соотечественников» с целью выкупа попавших в турецкий плен «жителей острова Хио, Кассандры и Сидонии». Основанием для решения о сборе средств стало прошение руководителей греческого духовенства, подписанное ими в Кишиневе 3(15) июля 1822 г.[39] Русская общественность, в том числе декабристы, откликнулись на новые бедствия греческого народа, принимали участие в сборе пожертвований. Но они понимали ограниченность таких мер, выступали за активную помощь грекам со стороны России и других европейских стран. Так, 14 сентября, снова обращаясь «к несчастиям Греции» и порицая политику европейских держав в греческом вопросе, Н. Тургенев уже категорически утверждал, что «существование турков в Европе делает вечный стыд образованности государств, которые терпели это существование»[40].

Как событие большой значимости для греческой освободительной борьбы было оценено Н. Тургеневым назначение видного деятеля «Филики Этерии», руководителя восстания 1821—1822 гг. в Морее Т. Колокотрониса на пост главнокомандующего греческими войсками. «Вчерашние газеты утешили нас лучшими новостями из Греции,— подчеркивал Тургенев 22 сентября 1822 г.— Сенат вверил военную власть одному лицу, Колокотрони, и он одержал уже над турками победу!»[41]

Возвращаясь к началу Греческой революции, положенному восстанием под руководством А. Ипсиланти, необходимо отметить интенсивную деятельность руководителя Южного общества П. И. Пестеля по выполнению им ряда ответственных поручений командования 2-й армии, результаты которой сыграли немалую роль в улучшении положения беженцев из Дунайских княжеств. Изучение им хода греческого восстания и причин его поражения наряду с анализом опыта и уроков западноевропейских революций начала 20-х годов полнее раскрыло важность задачи объединения сил революционных народов, организации совместного отпора контрреволюционным монархическим силам.

Пестель, как и другие декабристы, поддерживал оказание военной помощи восставшим грекам, стоял за более твердый курс политики России на Балканах. Такие позиции Пестеля определялись как его стремлением помочь справедливому делу греческого народа, так и его надеждами на то, что русско-турецкая война приведет к ослаблению Священного союза, взорвет его изнутри и тем самым будет способствовать дальнейшему развитию европей-

ских революций, совершению революционного переворота в России. В то же время Пестель понимал важность последствий войны для укрепления границ послереволюционной России, а также для разрешения ряда актуальных для страны экономических проблем.

Во время греческого восстания 1821 г. Пестель по служебным делам трижды приезжал в Бессарабию, был в Кишиневе, укрепил связи с М. Ф. Орловым, с другими декабристами Кишиневской управы. Естественно, что с ними Пестель обменивался мнениями по поводу всех зарубежных революционных событий (и, конечно, по поводу греческих дел). Пестель располагал чрезвычайно ценными сведениями о ходе греческого восстания, об общей обстановке на Балканах, весьма обстоятельно был информирован и о политике царского правительства в Восточном вопросе. От него узнавали многие важные неофициальные сведения о балканских событиях члены Тульчинской управы Южного общества, а также члены Северного общества в Петербурге. Официальные донесения Пестеля получили отзвук и в петербургском свете. Так, по свидетельству кн. П. М. Волконского, «на сих днях (в июне 1821 г.— *О. Ор.*) в одном доме в С.-Петербурге видели и читали донесение подполковника Пестеля о греческих делах, которое прислано к нам было от Киселева в Лайбах». Весной и летом 1821 г. в связи со служебными командировками Пестель составил ряд рапортов и записок о событиях в Молдавии и Валахии. На основании его материалов и при его участии были подготовлены обзоры о состоянии дел в этих княжествах.

Выдающиеся способности подполковника П. И. Пестеля обратили на себя внимание командования 2-й армии, в которой он служил и был даже назначен адъютантом главнокомандующего армией П. Х. Витгенштейна. С большим уважением к деловым качествам Пестеля относился П. Д. Киселев. В дни греческого восстания Пестель уже не был адъютантом главнокомандующего 2-й армией, так как официально был переведен в Смоленский драгунский полк, который царское правительство предполагало направить в Италию для подавления революции. Но когда началось греческое восстание, отъезд Пестеля в новый полк был отложен в связи с поручением ему командованием 2-й армии важного задания — отправиться в пограничную с княжеством Молдавия зону России для выяснения истинного положения «христианского населения Молдавии и Валахии», а главное, для того, чтобы составить обстоятельные записки об общем состоянии дел в Дунайских княжествах, о ходе восстания Ипсиланти. Предполагалось также, что он выполнит и некоторые дипломатические поручения.

За время своего пребывания в Бессарабии (три поездки в течение февраля — июня 1821 г.) Пестель встречался и вел переговоры с наместником Бессарабии И. Н. Инзовым, гражданским губернатором К. А. Катакази, вице-губернатором молдаванином М. Е. Крупенским, с генералами М. Ф. Орловым, П. С. Пущиным, а также с официальными гражданскими лицами, которые служили в Молдавии. Для этого Пестель побывал в пограничном каран-

тинном пункте Скуляны, расположенном недалеко от Ясс, на берегу Прута. Там он виделся с русским генеральным консулом в Молдавии А. Н. Пизани, а также с окружным начальником бессарабской карантинной линии С. Г. Навроцким, неоднократно беседовал также с бывшим господарем Молдавии греком Михаилом Суццо.

Находясь в Молдавии, Суццо вступил в 1820 г. в «Филики Этерию», считая, что это общество известно Александру I и им поддерживается. Сначала Суццо предполагал, что Ипсиланти тоже действует с ведома царя. Поэтому он даже согласился провести некоторые меры по подготовке восстания в Молдавии, хотя в действительности выполнял поручения Ипсиланти очень медленно, выдвигая со своей стороны требование гарантии сохранения его власти в Молдавии и после победы этеристов. В конце марта 1821 г. Суццо перешел в Скуляны, где виделся с Пестелем. По сложившимся обстоятельствам Суццо многое знал об этеристах, о подготовке ими восстания, а затем и его ходе. Поэтому беседы с ним дали Пестелю ценные сведения. По-видимому, во время служебных командировок Пестель также встречался с другими этеристами и беседовал с ними о будущем политическом устройстве стран Балканского полуострова. От М. Суццо, как это видно из отчета Пестеля от 14 апреля о второй командировке в Бессарабию, он узнал о замысле этеристов создать после освобождения Балкан от османского господства федеративную республику[42].

Тонкая дипломатическая тактика Пестеля объективно помогала восставшим грекам. В своих донесениях и письмах Пестель подчас намеренно маскировал революционный характер греческих событий, затушевывал некоторые общие идеи этеристов и карбонариев, специально подчеркивая религиозные мотивы движения греческого народа. Он всячески стремился показать целесообразность и даже необходимость оказания Россией военной помощи грекам, причины движения которых, по его словам, «достойны самого серьезного рассмотрения». Как опытный дипломат, он в своих донесениях подчеркивал, что если Россия не выступит против Турции, то на Балканах усилится Австрийская империя. «В Молдавии...— писал он,— существовали две партии — *русская и турецкая*, в настоящее же время турецкая превратилась в *австрийскую* и усилилась многими лицами, которые до того держались русской партии...»[43]

Настаивая на вмешательстве России в греческие дела, Пестель, конечно, учитывал, что царское правительство будет преследовать в русско-турецкой войне свои цели. Но тем не менее военная ситуация объективно содействовала бы успешному развертыванию национально-освободительного движения греков и других народов на Балканах, а также революций в Западной Европе. С выступлением России в поддержку греков Пестель связывал активизацию передовых сил внутри страны, усиление в ней антиправительственной борьбы, подготовку условий для революционного переворота.

Под влиянием обстоятельных, умных записок Пестеля высшим командованием 2-й армии был разработан ряд мер, которые на деле улучшали положение населения Дунайских княжеств, в том числе и восставших на ее территории греков. Им был разрешен, например, переход через пограничные карантины на территорию России, что в известной степени обеспечивало и спокойствие местного населения Молдавии, встревоженного вторжением османских войск, их жестокими расправами.

Будучи хорошо осведомленным о контрреволюционных планах Александра I в отношении Испанской и Итальянской революций, Пестель пытался обосновать нецелесообразность возможной переброски русских войск с южной границы на западную, в то же время он выдвигал доказательства необходимости поддержки греческого восстания, защищал Тудора Владимиреску и возглавленное им движение. Он подчеркивал, что это движение было вызвано жестоким угнетением, которому «несчастная Валахия подвергается со стороны установленных властей, которые нарушают свои полномочия и притесняют народ всеми несправедливостями, которые можно вообразить». Из этого текста видно, что Пестель понимал социальный смысл движения Т. Владимиреску и даже, насколько это позволяли возможности официального документа, поддерживал и одобрял его.

Так выполнение официальных поручений позволило Пестелю получить значительно более глубокое представление и о ходе восстания Ипсиланти, и об общем положении дел на Балканах, и о позициях царизма в связи с греческими делами.

Вопреки стремлению части этеристов представить движение греческого народа прежде всего движением религиозного характера и тем самым оторвать его от западноевропейской революционной борьбы, Ипсиланти подчеркивал связь задач национально-освободительного движения греческого народа с задачами общеевропейской освободительной борьбы. Об этом он писал в одном из своих обращений к народу: «В нынешних критических обстоятельствах, когда нации всей Европы борются за свои национальные права и ограничение власти тиранов, начала всходить и блистательная звезда благоденствия Греции»[44]. Об общих задачах, стоявших перед освободительными движениями европейских народов, в том числе и перед народом Греции, писали декабристы и другие передовые русские современники. А. С. Пушкин, например, подчеркивал, что «два великих народа, давно падших в презрительное ничтожество (имелись в виду народы Италии и Греции.— *О. Ор.*), в одно время восстают из праха — и, возобновленные, являются на политическом поприще мира»[45]. Не случайно Пестель в личном письме П. Д. Киселеву из Скулян от 3/15 марта, передавая свои первые наблюдения о начавшемся восстании, тоже вспоминал итальянских карбонариев. Он отметил массовость карбонарского движения, подчеркнул, что существует также массовая тайная организация греков, выразителем общей политической цели которой, видимо, и явился А. Ипсиланти, возгла-

вивший восстание. Правда, учитывая официальный пост и взгляды адресата, он писал об этом весьма дипломатично: «Если существует 800 000 итальянских карбонариев, то, может быть существует еще более греков, объединенных в братствах с общей политической целью... Сам Ипсиланти является орудием тайных сил, для которых его имя [звучит] как сигнал к объединению»[45a].

Проведенный Пестелем анализ деятельности этеристов, их идейно-политических установок в период греческого восстания 1821 г. раскрыл перед декабристами как многие сильные стороны греческого национально-освободительного движения, так и его слабые черты. Он же еще раз показал важность разработки планов единения революционных сил.

3. *В поисках единения революционных сил*

Национально-освободительная борьба балканских народов, положение славян в Австрийской империи и судьбы этих народов, вопрос о национальной независимости Польши находили отражение в русской и зарубежной, прежде всего славянской, прессе первой четверти XIX в., в отдельных произведениях писателей и политических мыслителей. Некоторые из них выступали со своими концепциями освобождения с помощью России этих народов. Но только декабристы попытались связать решение таких вопросов с задачами революционного переустройства старого строя в России, выдвинули планы революционного единения народов.

Изучение советскими и современными югославскими и болгарскими учеными истории развития русско-южнославянских связей, общественно-политической мысли в России и на Балканах значительно расширило представления о шедшем процессе узнавания народов в XVIII—XIX вв. В отмеченной нами новой монографии И. С. Достян углублено представление об отношении ряда русских общественно-политических и культурных деятелей конца XVIII — первой четверти XIX в. к национально-освободительному движению народов Балкан и их дальнейшим судьбам, а также к роли России в решении балканских проблем, освещено развитие знаний о балканских народах в стране в тот период. На основании приведенного автором большого документального материала также шире раскрываются источники представлений декабристов о балканских народах. А. Н. Радищев, А. А. Самборский, В. Ф. Малиновский, А. С. Кайсаров, С. М. Броневский, А. Полев, А. М. Спиридов и другие представители русской общественной мысли конца XVIII — первой четверти XIX в., разные по своим идейно-политическим воззрениям, обращались к рассмотрению балканских проблем, а некоторые из них и к вопросу о создании национальных государств и федеративных союзов. Далеко не все труды этих мыслителей были известны современникам, но часть из них была опубликована и получила резонанс в русском обществе. Это прежде всего произведения А. Н. Радищева, трактат «Рассуж-

дение о мире и войне» прогрессивного философа, просветителя-демократа В. Ф. Малиновского, труд «Мифология славянская и российская» убежденного сторонника сближения и взаимопомощи славянских народов А. С. Кайсарова и т. д.

Глубокое уважение и восхищение у русской общественности вызывала наряду с борьбой греков самоотверженная борьба сербского и черногорского народов. Черногория одна из первых на Балканах завоевала в 1796 г. фактическую независимость от Порты. Ее пример вдохновлял на освободительную борьбу другие балканские народы. Развитие национально-освободительной борьбы на Балканах вызвало появление проектов создания независимого (или под протекторатом России) обширного югославянского государства. Один из них — проект создания «Славяно-сербского государства» — возник в конце XVIII в. в Черногории[46]. Митрополит Петр I Петрович Негош был сторонником упрочения связей с Россией, надеялся на ее содействие в создании такого государства из земель юго-западной части Балкан, политическим ядром которого могла бы стать Черногория. Эта идея нашла поддержку в лице герцеговинского архимандрита Арсения Гаговича. В других проектах центром югославянского государства предполагалось сделать северные сербские земли, где в 1804 г. началось восстание.

Советские исследователи этих вопросов[47] показали, что в 1805—1807 гг., исходя из реально складывавшихся международных отношений в Европе в связи с активизацией французской экспансии на Балканах, российская дипломатия проявила интерес к такого рода проектам. Во время средиземноморского похода эскадры кораблей под руководством адмирала Д. Н. Сенявина с целью охраны Ионических островов, морей и побережья всей Греции от возможного вторжения французских войск родилось русско-черногорское братство по оружию. В правящих кругах России активизировался интерес к Черногории, в которой, в свою очередь, оживились надежды на помощь России в осуществлении проекта создания югославянского государства под ее протекторатом. Идея славянского единства, помимо осознания своей этнической и религиозной общности, определялась потребностью во взаимной поддержке, в совместной борьбе за национальное освобождение. Царское правительство, исходя из своих интересов на Балканах, учитывало такого рода идеи и политические проекты, но никогда не решалось на их реальное осуществление, так как это могло бы привести к резкому обострению международных отношений.

Иные позиции декабристов в отношении идеи славянского единства, та социально-экономическая основа, на которой они пытались строить свои проекты создания балканской и, шире, славянской федерации, ярко раскрываются в деятельности Южного общества и «Общества соединенных славян».

Несомненно, что декабристы, представлявшие цвет русской интеллигенции, следили за развитием событий на Балканах, знали

об освободительной борьбе не только греческого, но также сербского, черногорского и других народов. Об этом красноречиво свидетельствует, например, одно из обличительных писем из Петропавловской крепости П. Г. Каховского царю, в котором, осуждая контрреволюционную внешнюю политику Александра I и других руководителей Священного союза, декабрист показал современное положение балканских народов, их давнее тяготение к России. Каховский писал: «Целая нация (греки.— *О. Ор.*) истребляется, и человеколюбивый Союз равнодушно смотрит на гибель человечества! Сербы, верные наши союзники, стонают под игом бесчеловечия турецкого; черногорцы, не дающие никому войск своих, столь усердно нам служившие во время кампании флота нашего в Средиземном море под начальством адмирала Синявина, забыты, покинуты на произвол судьбы. Одинакое чувство одушевляет все народы Европы, и сколь ни утеснено оно, но убить его невозможно: сжатый порох сильнее действует! И пока будут люди, будет и желание свободы»[48]. Во впечатлениях Н. И. Тургенева от встречи в России с «основателем сербской независимости»[49] — военным предводителем Первого сербского восстания Карагеоргием (после поражения восстания он был вынужден бежать из страны) — отразилось большое сострадание к личной судьбе этого человека и ко всему сербскому народу: «Горько смотреть на таких людей, любящих свое Отечество так, как он, и так, как он, ему служивших в нещастии или изгнании»[50].

Некоторые из декабристов по долгу службы непосредственно занимались изучением политики России на Балканах, истории русско-турецких войн XVIII — начала XIX в., результаты которых положительно сказались на изменении политического положения отдельных балканских народов, подвластных Порте. Участие ряда декабристов, в том числе П. И. Пестеля, в подготовке и написании фундаментальной истории русско-турецких войн дало им возможность углубить знания по балканской проблеме, дополнительно ознакомиться с зарубежными изданиями, а главное, с новыми документальными материалами по проблеме. В период разработки декабристами политических проектов, в которых важное значение отводилось внешнеполитическим вопросам, изучение отношений России с Турцией и результатов русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX в. приобретало большое значение. Остановимся несколько подробнее на освещении этого вопроса.

Командование 2-й русской армии предвидело обострение русско-турецких отношений и возможность нового военного конфликта. А потому оно с конца 10-х годов XIX в. активизировало внимание к задаче создания фундаментального труда по истории войн России с Турцией в XVIII — начале XIX в. Нужен был научный труд, который бы обобщил опыт русско-турецких войн, показал достижения русского военного искусства и военной теоретической мысли. Основные задачи труда были сформулированы в Отчете по управлению 2-й армии с 15 мая 1819 г. до 1 января 1820 г.:

«Чтобы обстоятельным описанием каждого похода от времен Петра Великого, во всех частях устройства, управления, довольствия и движения армии, показать вернейшим образом меры, принятые полководцами, и последствия успешные или неудачные, происшедшие от того. Словом, мысль была та, что из прошедших опытов извлечь самое общее поучение для будущих действий»[51].

Описание истории русско-турецких войн, начатое по инициативе начальника штаба 2-й армии П. Д. Киселева в 1819 г., было задумано раньше. Первоначально намечалась работа над историей русско-турецких войн по плану издания «Военного журнала». Об этом упоминал, например, еще в 1817 г. Ф. Глинка в «Кратком начертании „Военного журнала"», в 1819 г. писали в статьях для этого журнала Н. М. Муравьев и И. Г. Бурцов[52].

Организация и ход работы над историей русско-турецких войн XVIII — начала XIX в. довольно подробно освещены в некоторых работах русских дореволюционных исследователей и советских ученых[53]. Документальные материалы по этому вопросу находятся в ЦГВИА СССР. Там же хранятся и четыре больших тома полного «Описания походов россиян против турков»[54]. «Переписка о собрании материалов для составления описания турецких войн»[55] дает представление о замысле труда и об этапах работы над ним, а также о круге лиц, связанных с его подготовкой. Интересен тот факт, что Киселев старался устанавливать контакты прежде всего с прогрессивно настроенными офицерами: привлекал их к работе в качестве авторов и составителей документальной части труда, к ним обращался за помощью по ряду возникавших проблем в ходе написания.

Незадолго до начала работы над историей русско-турецких войн в XVIII — начале XIX в., осуществляемой во 2-й армии, был закончен обширный труд военного историка Д. П. Бутурлина по истории войн России за тот же период. Книга вызвала оживленную дискуссию среди прогрессивно настроенной части офицерства русской армии. Для большинства из них были неприемлемы политическая концепция автора, стоявшего на охранительных позициях, восхваление им военного теоретика А. Жомини, проводившего идею «вечных» принципов в военном искусстве. Много нареканий вызывала документальная база исследования. Так, генерал М. Ф. Орлов, ознакомившись с рукописью первого тома труда Бутурлина, высказал ему ряд весьма веских критических суждений. Прежде всего он был не согласен с апологетикой Бутурлиным самодержавного строя и политики царизма. «Ежели возможно, останови издание французское,— писал Орлов,— ибо оно тебе в некоторых местах не сделает чести... Политические мысли не столько хорошо обработаны»[56].

П. Д. Киселев намеревался привлечь к непосредственному участию в написании истории русско-турецких войн известных генералов — М. Ф. Орлова, А. П. Юшневского, П. С. Пущина, а также офицеров — П. И. Пестеля, И. Г. Бурцова, Н. И. Комарова и др[57] Все они были тогда деятельными участниками тайного

антиправительственного общества «Союз благоденствия». По разным причинам не все смогли активно участвовать в создании этого большого и важного труда. Но почти каждый внес в работу над ним свою лепту. Так, П. И. Пестель, находясь в Петербурге, по поручению Киселева составил список важнейших изданий по истории русско-турецких войн. При выполнении этого поручения он проявил большую инициативу. Об этом мы узнаем из его писем, которые хранятся в Отделе рукописей Пушкинского дома в Ленинграде (ИРЛИ АН СССР); они опубликованы только в извлечениях. В одном из них, от 31 января 1820 г., Пестель писал Киселеву: «Генерал! Я имею честь получить Ваше последнее письмо от 15-го января и спешу при сем выслать Вам список книг, в которых говорится о турецких войнах. Они состоят из французских, немецких, русских, латинских и италианских. К ним я еще прибавил заглавие некоторых планов и карт, предполагая, что эти сведения не будут лишними. Список сопровождается дополнением, за которым будет следовать второе дополнение, заключающее в себе список Сен-Флориана... Кроме книг, трактующих о войнах России с Турцией, Вы еще найдете там названия книг, в которых говорится о войнах турок с византийцами. Об этих войнах упомянуто потому, что их предмет близко касается той задачи, которую Вы поставили для Вашего труда» [58].

Далее Пестель сообщал о своем понимании важности задачи создания научного труда по истории войн России с Портой и выражал готовность всяческого содействия этому делу. Он писал: «Я буду чрезвычайно польщен всяким поручением, которое Ваше превосходительство пожелает дать мне, особенно на эту тему, потому что я нахожу выбор этого труда превосходным по многим соображениям. Во-первых, нет занятия более почтенного, более уважаемого, более приличного для военных в мирное время, как употребление свободного от службы времени на научные предметы такой непосредственной пользы и столь интересные для их искусства как история войн...» [59]. В заключение Пестель отмечает и ту пользу, которую мог извлечь (что и хотел!) для себя Киселев, рассчитывавший на похвалы и награды начальства.

Интерес П. И. Пестеля к истории русско-турецких войн еще больше возрос после начала греческого восстания 1821 г. и выполнения им важных дипломатических поручений. Несомненно также, что дополнительные сведения по истории отношений России с Турцией и русско-турецких войн XVIII — начала XIX в., полученные Пестелем при изучении трудов разных авторов в связи с поручениями Киселева, помогли ему глубже разобраться в политике и действиях османских властей в Дунайских княжествах в 1821 г. и дать им соответствующую оценку в своих официальных отчетах.

В 1821—1822 гг. Пестель продолжал собирать литературу и изучать историю русско-турецких войн XVIII — начала XIX в., историю военного искусства. Об этом свидетельствуют конспекты и отдельные наброски его работ. Многие из них изданы в 7-м

томе «Восстание декабристов» (М., 1958). Среди неопубликованных материалов Пестеля представляет большой интерес его конспект «Военное искусство», специальное место в котором отведено разделу «История войн»[60]. После казни Пестеля в 1826 г. из Тульчина в Петербург был выслан список его книг, предназначенных для продажи. Он был направлен туда с целью выяснения, не находятся ли среди книг «бывшего полковника Пестеля» запрещенные цензурой издания. В этом списке значились сочинения Гибера, Жомини, Карно, Бутурлина по истории европейских и русско-турецких войн, по истории и современному состоянию Оттоманской империи[61].

В связи с большой занятостью П. Д. Киселева с 1822 по начало 1824 г. фактическим руководителем подготовки труда по истории русско-турецких войн стал И. Г. Бурцов (тогда — адъютант начальника штаба 2-й армии). Он пользовался доверием и уважением Киселева. В военных кругах Бурцов был известен как один из видных военных теоретиков, противников взглядов Жомини. Взгляды Бурцова находили поддержку прогрессивно настроенных русских офицеров. По словам известного партизана, героя Отечественной войны 1812 г. Дениса Давыдова, он был «критик истинный»[62].

И. Г. Бурцов расширил круг лиц, занятых подготовкой труда, серьезно отнесся к выявлению новых архивных документов. Так, Н. Павлищев 1 декабря 1822 г. сообщал о своей работе в архиве: «Теперь занимаюсь я исключительно пополнением журнала военных действий 1809, 10 и 11 годов. Прочитывая со вниманием Журнал 1809 года, который у вас находится, я сличил с подлинными бумагами, служащими ему основанием. Нашел я довольно предметов, о которых в Журнале не упоминается... недостает многого»[63]. Наряду с изучением документов по русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Павлищев собирал материалы для описания войн второй половины XVIII в. Н. В. Петров «прилежно занимается войнами Екатерины и еженедельно мне отдает отчет о своих успехах»,— информировал И. Г. Бурцов Киселева в декабре 1822 г. о ходе работы в архивах. Продолжая свой отчет, он сообщал о необходимости получения ряда книг и карт, «в том числе вышедших сочинений Бутурлина»[64].

Большую работу в архиве бывшей Иностранной коллегии провел поручик Генерального штаба, профессиональный историк А. О. Корнилович. Еще в годы учебы в Московской школе колонновожатых он вошел в круг будущих декабристов, был тесно с ними связан в дальнейшем, а в 1825 г. стал членом Южного тайного общества. Он был привлечен к работе над историей русско-турецких войн по рекомендации генерала Н. Н. Муравьева — основателя школы колонновожатых, пользовавшегося большим уважением П. Д. Киселева. До этого Корнилович был прикомандирован к Бутурлину, для которого выявлял некоторые документы в архиве.

В 1819—1821 гг. при содействии П. С. Пущина в основном было закончено обследование архивов в крепостях Измаил, Перекоп, Хотин, что значительно пополнило источниковую базу готовившегося труда. Особенную ценность представляли найденные документы по истории русской дипломатии и войн в Измаильской крепости. Они охватывали период с 1767 по 1812 г. В описи дел, «до турецких походов касающихся», которые были временно направлены в Тульчин (впоследствии переданы в Военно-топографическое депо), выделяется большой массив дел «О сербах», охватывающий 1807—1812 гг. Было выявлено также много новых документов, относящихся к планам ведения русско-турецкой войны 1806—1812 гг., к дипломатической деятельности М. И. Кутузова в 1811—1812 гг., в период подготовки и разработки условий мирного договора с Турцией [65].

Привлеченный в описании русско-турецких войн широкий круг документальных материалов позволил авторам труда более обстоятельно осветить историю развития русского военного искусства, показать, какие ощутимые удары были нанесены Россией владычеству Османской империи в ее европейских владениях. Прежде всего это касалось положения Дунайских княжеств и Сербии.

В целом к 1824 г. работа над историей русско-турецких войн была завершена. И это несмотря на весьма серьезные препятствия, которые встретили ее создатели со стороны отдельных деятелей Главного штаба (и особенно Д. П. Бутурлина), явно не разделявших идейной направленности нового труда. Его основными авторами был Н. В. Басаргин, И. Г. Бурцов, Н. В. Петров. В дальнейшем в силу ряда обстоятельств, среди которых немаловажную роль сыграл тот факт, что большинство из его создателей оказались «государственными преступниками» (как именовало правительство Николая I декабристов), отношение официальных кругов к подготовленному изданию значительно ухудшилось. В 1827 г. все четыре тома «Описания» [66] были сданы в Главный штаб, который постарался предать его забвению.

Что касается участия ряда деятелей декабристского движения в подготовке истории русско-турецких войн, то вполне очевидно, что оно было для них весьма полезным — способствовало углублению представлений о политике России на Балканах, о положении балканских народов, о различных проектах политического переустройства Балкан. Оно помогло им и более всесторонне проанализировать современные русско-турецкие отношения, значительно осложнившиеся после начала греческого восстания 1821 г. и разрыва дипломатических отношений между Россией и Турцией.

Обращение декабристов к поискам путей политического единения славянских народов, создания балканской федерации свидетельствовало об актуальности вопроса для передовой России о будущем балканских народов, что ею тесно связывалось с задачами их национального и социального освобождения. Идеи политического единения народов в борьбе против старого строя, за свою национальную независимость получили значительное распростра-

нение в Южном обществе декабристов и в «Обществе соединенных славян». При всей незрелости этих идей и неразработанности самих проектов политического единения революционных народов их большое значение заключается прежде всего в постановке вопроса о роли революционной солидарности народов в борьбе против старого строя, о связи освободительного движения в России с общеевропейским освободительным движением.

В понимании декабристами международного значения ликвидации старого строя в России революционным путем важное место занимали вопросы покровительства революционной страной освободительной борьбы зарубежных народов, в том числе балканских. Декабристы идеями славянской общности и взаимности обосновывали уже не только дальнейшее развитие процесса общественных и культурных связей, но и формирование революционных связей. Они весьма отчетливо представляли важность для своей страны развития связей с балканскими странами, упрочения между ними политических и экономических отношений. Всем этим во многом объясняются их особый интерес к балканской проблеме и поиски ими путей единения балканских народов.

Личные наблюдения П. И. Пестеля, встречи и беседы с разными официальными лицами, с участниками греческого восстания, его знакомство с прокламациями Ипсиланти раскрыли перед ним в 1821 г. еще одну очень важную сторону программы этеристов — их намерение объединить на федеральной основе освобожденные от османского ига балканские народы. Такие планы привлекли большое внимание и других декабристов. Происходившие в то же время революции на Западе, со своей стороны, показали актуальность сплочения европейских революционных сил, организации совместного отпора внешнеполитической реакции. Именно отсутствие координации действий между революционерами разных частей Италии стало одной из причин слабости итальянского революционного движения, его беззащитности перед вторгшимися контрреволюционными силами Австрийской империи.

Отчетливо мысль о необходимости расширения региональных рамок революционных движений в XIX в., развития и укрепления европейских революционных связей выразили Пестель, Поджио, Каховский, Лунин, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и другие декабристы. Именно в годы подъема европейских революций они утвердились в этой идее, которую не поколебали даже наступивший затем спад революционного движения в Европе.

Греческое восстание 1821 г. было подавлено, оно не смогло стать прологом подъема широкого национально-освободительного движения на Балканах. Политика Александра I в отношении греков показала передовым людям России, что их надежды на возможность оказания греческому национально-освободительному движению военной помощи от царского правительства были напрасными. Но исход западноевропейских революций, греческого восстания 1821 г. не только не погасил веры декабристов в необ-

ходимость борьбы за революционное переустройство старого мира, в важность развития международных революционных связей, а наоборот, он еще острее поставил эти вопросы. Теперь освобождение балканских народов, а также других народов Европы декабристы во многом связывали с победой революции в России.

Первая половина 20-х годов — это время зрелого декабристского движения, интенсивной работы над конституционными проектами. В них должна была найти отражение и внешнеполитическая программа революционного правительства России, в которой задаче укрепления революционных международных связей, отстаивания революционных завоеваний в других странах придавалось большое значение. Создание федерации балканских государств, связи с революционными странами Запада — все это, по их мнению, должно было не только укрепить революционные завоевания в России, но и упрочить эти завоевания во всей Европе. Такую мысль отчетливо выразил М. П. Бестужев-Рюмин в 1825 г. в речи, обращенной к членам «Общества соединенных славян» при вступлении их в Южное общество. Он отметил, что тайное антиправительственное общество скоро «восприемлет свои действия — освободит Россию и, быть может, целую Европу», «великое дело свершится, и нас провозгласят героями века» [67].

В заключительной главе этой книги мы специально останавливаемся на определении внешнеполитических задач будущего революционного правительства России Конституцией Н. Муравьева и «Русской Правдой» П. И. Пестеля, в том числе и в отношении Балкан. Эти задачи, как показывают конституционные проекты декабристов, строились на основе новых внешнеполитических принципов, которые свидетельствовали о прогрессивности внешнеполитических взглядов декабристов. На основании привлечения высказываний ряда деятелей Южного общества, принимавших участие в обсуждении и редактировании написанных Пестелем глав «Русской Правды» и всего ее проспекта в целом, расширяются представления о внешнеполитических задачах, намечаемых в этом политическом документе декабристов. Тяжелый путь освободительной борьбы греческого народа, современниками которой были декабристы, стремление других балканских народов добиться освобождения от османского ига придавали постановке задачи военной помощи этим народам со стороны России вполне конкретный характер. О том, что во внешнеполитические планы временного революционного правительства России предполагалось включение военной защиты греков и других балканских народов от Порты, писали в своих ответах Следственному комитету в начале 1826 г. П. И. Пестель, М. П. Бестужев-Рюмин, А. В. Поджио и др. [68]

Так, наряду с другими первостепенными задачами одной из важных внешнеполитических целей послереволюционной России становилось освобождение народов Балкан от османского ига. Эта задача стояла в тесной связи с разработкой программы создания федерации славянских государств, а также восстановления независимости Польши.

Большой интерес для освещения процесса формирования внешнеполитических планов декабристами представляет записка «Царство Греческое». Она написана рукою Пестеля, хранилась среди бумаг, соединенных Пестелем с рукописью «Русской Правды» и, видимо, являлась материалом для готовившихся к написанию глав. В «Царстве Греческом» дан перечень балканских государств и областей, обладающих большой самостоятельностью, которые предполагалось включить в его состав, с главными городами для некоторых из них. Указан территориальный состав государств, намечены их границы, названы: Валахия с главным городом Бухарест; Булгария — с Софией; Романия — с Адрианополем; Сербия — с Белградом; Босния — с главным городом Банялука; Албания, Ливадия, Морея, Фессалия и Македония даны без указания их главных городов [69].

«Царство Греческое» является одним из вариантов проекта политического переустройства европейской части Османской империи (в ее состоянии на конец 10-х — начало 20-х годов XIX в.). Видимо, при составлении этой записки — при нанесении границ отдельных областей и их центров — была использована карта И. Даниелова «Османское государство в Европе», изданная в Вене в 1813 г. [70] Можно предположить, что такой проект создания федерации государств в форме «царства» возник у этеристов в связи с подготовкой восстания 1821 г. и их ожиданиями военной помощи от Александра I [71]. После начала греческого восстания в княжестве Молдавии этеристы могли попытаться конкретизировать свой план в соответствии с реально складывавшейся обстановкой на Балканах. О том, что ими учитывалась ведущаяся с июля 1820 г. война с султаном Махмудом II его могущественного вассала, правителя значительной части Албании и Эпира Али-паши Тепелены, свидетельствуют в «Царстве Греческом» идеи создания административной единицы «Фессалия», включавшей в себя не только исторически сложившуюся область в Греции, но также Эпир и часть Албании. Именно эти земли пытался соединить Али-паша под своим главенством, выступая против султана. Как известно, А. Ипсиланти, начиная восстание, рассчитывал на его помощь, разрабатывал планы совместной борьбы против сил султана. Этому мог способствовать и проект создания «Фессалии». Поскольку к лету 1821 г. греческое восстание стало терпеть поражение, не оправдались надежды на подъем широкого национально-освободительного движения на Балканах и на поддержку восстания Али-пашой, то постановка вопроса о «Фессалии» к этому времени становилась уже не актуальной. Маловероятно, чтобы сам проект мог быть тогда предметом реального обсуждения. Скорее возникновение записки «Царство Греческое» относится ко времени не позднее весны 1821 г. Тогда, в период поездок Пестеля в Бессарабию, при встречах с этеристами ими мог обсуждаться вопрос о будущем политическом устройстве Балканского полуострова после уничтожения политического господства Османской империи и австрийских владений на Адриатическом побережье.

Проект балканской федерации в монархической форме «царства» мог интересовать Пестеля как основа для разработки значительно более радикального социально-политического проекта переустройства Балкан. В то же время записка «Царство Греческое» являлась не только основой, на которой могли строить свои проекты декабристы, но и была сама принципиально новым планом, в котором проводился принцип самостоятельности народов и земель — провозглашалась федерация равноправных государств. О том, что Пестель изучал планы этеристов федеративного устройства Балкан, мы находим сведения в его отчете, составленном 14 апреля после второй поездки в Бессарабию. Он писал: «Желание греков, на случай совершенного успеха, состоит в образовании федеральной республики, наподобие Американских Соединенных Областей. Сие подобие не в верховном правлении состоит, но в том, что каждая особенная область будет иметь частное свое особенное правление с своими законами и только в общих государственных делах совокупно с прочими действовать. Сия мысль греков основана на соображении о чрезвычайно большом различии между нравами, обычаями, понятиями и всем образом мыслей различных народов, Грецию населяющих» [72].

Анализ этого текста показывает, что Пестеля прежде всего привлекала идея создания не единого балканского государства, а федерации государств в связи с очень большими этнографическими и другими различиями между народами Балкан. Проект «Царство Греческое» и приведенный нами текст из официальной записки Пестеля свидетельствуют, что слово «Греция» являлось в обоих текстах синонимом федеративного балканского государства, в создании которого этеристы (а возможно, и Пестель) грекам отводили руководящую роль. Замыслы этеристов, как и декабристские планы, коренным образом отличались от идей переустройства Балкан, которое намечалось в связи с разделом «турецкого наследства» официальными российскими кругами, а также другими европейскими монархами.

По планам, разрабатываемым в декабристских кругах, народам Балканского полуострова предоставлялась национальная независимость, освобождение от политической зависимости со стороны Турции, Австрийской империи. Молдавия, по мнению Пестеля, должна была быть также освобождена от османской зависимости. Это могло произойти в результате победоносного исхода русско-турецкой войны. В ней намечалось установление прогрессивных общественно-политических порядков. Для сохранения и упрочения их имелось в виду присоединение Молдавии к России [73].

Те планы, которые нам известны по записке «Царство Греческое», а также и по другим материалам Пестеля, свидетельствуют о том, что это были еще только общие наметки конституции предполагаемой балканской федерации. В них еще не был соблюден в строгом смысле этого слова и национальный принцип. При определении состава федерации балканских государств большую роль играл территориально-географический принцип, который

применялся, естественно, прежде всего с учетом общих политических интересов народов этого региона. Но в то же самое время в этих планах этеристов, в проектах Пестеля заметны и некоторые тенденции к недооценке значения национальных особенностей, национальных различий народов. Это, в частности, проявилось в проектах Пестеля, относящихся и к определению положения отдельных народов, входивших в состав России.

Балканская федерация, направленная на выполнение одной из важнейших задач — объединения всех сил при внешней опасности, должна была в дальнейшем совершенствовать свои социально-политические основы, методы и формы взаимоотношений между странами. Зная о республиканских идеях Пестеля, о его республиканской «Русской Правде», можно считать, что и балканская федерация мыслилась им как федерация равноправных государств с республиканским строем. Проекты Пестеля, в которых ярко проявилась декабристская мысль по внешнеполитическим вопросам, свидетельствуют также о том, что уже на заре русского революционного движения выявился различный подход передового лагеря России и самодержавия к балканской проблеме.

Внутриполитическая обстановка в стране, характеризовавшаяся наступлением реакции, с одной стороны, и подъемом массовых антифеодальных выступлений — с другой, побуждала декабристов ускорить выработку планов выступления. Способствовало этому и проникновение в декабристскую среду сведений о том, что о существовании тайных обществ известно Александру I и что возможны аресты их деятелей. При подготовке революционного выступления против самодержавия особенно важным становилась задача объединения революционных сил внутри России. После обсуждения и подготовки ряда вариантов планов вооруженного выступления против самодержавия летом 1825 г. Пестелем был принят и одобрен в Северном обществе план совместного выступления в момент царского смотра в 1826 г. Осенью 1825 г. к Южному обществу присоединилась тайная организация — «Общество соединенных славян»,— значительно усилившая движение декабристов. Однако, как известно, обстоятельства изменились и первым русским революционерам пришлось выступить в декабре 1825 г.

Став частью Южной организации, «славяне» приняли ее программу. В то же время идеи славянской федерации, которые занимали важное место в планах «Общества соединенных славян», были изучены Южным обществом. Южане признавали важность создания союза славянских государств, но отмечали, что это во многом зависит от победоносного исхода революции в России, а также от поддержки ею национально-освободительной борьбы других славянских народов. Создание славянской федерации, по мнению южан и «славян», не исключало борьбы уже не только против Турции, но также против Австрии и Пруссии, которые также угнетали славянские народы. При разработке этих планов большое место отводилось установлению тесных контактов

с национально-освободительным движением восточноевропейских славянских народов, и прежде всего с польским.

«Правила „Соединенных славян“», являвшиеся уставом «Общества соединенных славян», его моральным кодексом, уделяют значительное внимание созданию нового демократического государства — Всеславянского союза. Сущность идей славянской федерации «Общества соединенных славян» раскрыл П. И. Борисов — один из его основателей и руководителей. В своих ответах на вопросы Следственного комитета он показал, что «цель „Соединенных славян“ состояла в том, дабы соединить славянские поколения федеративным союзом — в центре союза построить город, в который бы посылались депутаты от славянских народов и находилось главное управление федеративного союза. На берегах же морей, близ славянских земель лежащих, основать торговые порты»[74].

Поскольку этот текст предназначался для Следственного комитета, в нем отсутствуют определения как политического строя в самих славянских государствах, так и политических основ, на которые должен будет опираться союз славянских государств. Подробные сведения дают «Записки неизвестного» — чрезвычайно важный и интересный источник для изучения идейной жизни «славян». Авторство этих «Записок» доподлинно неизвестно. По предположению ряда исследователей, в том числе академика М. В. Нечкиной, их автором является П. И. Борисов. По мнению Б. Е. Сыроечковского и других исследователей, автор — член «Славянского общества» И. И. Горбачевский. Существует и точка зрения, что «Записки» — это результат коллективного творчества декабристов[75]. «Записки», видимо, возникли в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. в Сибири, где декабристы находились в ссылке. В них изложена история общества, освещена его идеология.

В «Записках» полнее раскрыты и установки общества в славянском вопросе: «Общество имело главною целию освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом»[76]. Так на демократических основах решался вопрос объединения отдельных государств в федерацию. Каждый народ федеративного объединения получал конституцию, соответствовавшую его национальным особенностям, традициям, социально-экономическим условиям.

В центре этого сильного политического объединения предполагалось основать столицу. В ней должен был собираться конгресс для решения важнейших политических, хозяйственных и внешнеполитических вопросов, в которых были заинтересованы все народы республиканской федерации. Идея славянской федерации отражалась в девизе общества: в лучах солнца изображалась единица — символ единения, крепости связей. Она была заключена в восьмиугольник, увенчанный четырьмя якорями, олицетворяю-

щими четыре моря, четыре главнейших порта федерации. По сторонам восьмиугольника располагался перечень народов, объединяемых в союз: россияне, поляки, сербы, мораване, богемцы, венгры, кроаты, далматы. Под богемцами и мораванами предполагались чехи; был распространен также термин «венгерские славяне». Фактически в федерацию намечалось объединить не только славянские народы, но и другие, находившиеся под гнетом Османской и Австрийской империй, прусских феодалов. При перечислении состава федерации народов больше принимался во внимание не этнографический, а административный принцип.

Славяне, которые должны были составить большинство в будущей федерации народов, видимо, и определили предварительное название этого будущего политического объединения. Эта федерация была задумана «Обществом соединенных славян» как обширное, сильное государство, которое бы включало как Россию, так и земли, вытянувшиеся широкой полосой от Балтийского и Белого морей к Черному и Адриатическому. Будущая федерация мыслилась как союз равноправных народов. Предполагалось установление во всех государствах федерации нового общественно-политического строя, освобожденного от крепостнических порядков, от социального неравенства, сословных преград. Ярко роль идей славянской федерации в «Обществе соединенных славян» раскрывают следующие слова клятвенного обещания: «Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий — пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян» [77]. Но эти идеи тогда в обществе не получили своего конституционного оформления, что было связано с его общими идеологическими установками.

Наряду с П. И. Борисовым, И. И. Горбачевским значительную роль в обществе в провозглашении идей славянского единения сыграл поляк Юлиан Люблинский — один из основателей «Соединенных славян». Ему принадлежит также мысль поставить одной из целей общества борьбу за искоренение «ненависти между Россией и Польшей», за укрепление русско-польских революционных связей.

Идея славянского единения не была самодовлеющей в «Обществе соединенных славян», она тесно связывалась с главной задачей «славян» — освобождением России от самодержавно-крепостнических порядков. Однако и для выполнения этой задачи «Общество соединенных славян» не разработало конкретной социально-политической программы, так как предполагало революционный переворот в России делом еще отдаленного будущего.

При переговорах со «славянами» о присоединении их к Южному обществу Бестужев-Рюмин подчеркивал, что «восхищался намерением и целью Славянского общества», но отмечал в то же время, что постепенное стремление и отдаленность цели ему не нравились. В свою очередь, программа Южного общества, с которой познакомил «славян» Бестужев-Рюмин, не только произвела на них большое впечатление, но и помогла преодолеть идейный

кризис, в котором находилось общество, остро ощущавшее необходимость выработки в конкретных условиях российской действительности конкретной программы и плана ближайших действий. Бестужев-Рюмин так писал об «Обществе соединенных славян»: «В сем Обществе я нашел много энтузиазму, решительности, но порядка, цели, ясно определенной, и плана не было. Одно в сем Обществе замечательно — то, что оно демократическое»[78]. Демократичность взглядов в широком смысле этого слова явилась объединяющей основой южан и «славян». Поскольку при соединении обществ главной задачей стала подготовка сил для осуществления революционного переворота в России, то идея создания славянской федерации, которая продолжала существовать как цель отдаленного будущего, не нашла в 1825 г. своей дальнейшей конкретизации, развития в политическую программу.

Материалы следствия проливают дополнительный свет на политические идеи «славян» и в то же время подтверждают достоверность основных характеристик, данных в «Записках». Показания братьев Борисовых раскрывают следующее: главная задача общества, особенно после его объединения с Южным тайным обществом декабристов, заключалась в осуществлении революционных преобразований в России. Потом на их основе намечалось приступить к «цели отдаленной» — к политическому объединению славянских народов. Эта цель могла осуществиться только при активной борьбе славянских народов за национальное и социальное освобождение. Для решения первостепенной задачи — ликвидации самодержавно-крепостнического строя в России — «Общество соединенных славян», а также Южное общество намечали развитие связей с освободительным движением славянских стран.

Идеи создания славянской федерации явились одной из попыток передовой русской мысли найти возможные пути для революционного единения народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Эти идеи были не разработаны, отличались непоследовательностью, носили печать утопизма и классовой ограниченности, но в них явственно выступает стремление осуществить политическое переустройство Балкан, Австрийской империи силами народов, добиться национального и политического равноправия всех славянских народов. Важное место во внешнеполитических проектах декабристов занимал вопрос о будущем польского народа, о возрождении государственной самостоятельности Польши. Все эти проблемы декабристы пытались решить с передовых для своего времени позиций. Идеи балканской и славянской федерации, первоначальные наметки планов создания федерации убедительно показывают и коренные отличия проектов декабристов от панславистских идей и планов, раскрывают несостоятельность оценок их некоторыми современными буржуазными историками как якобы «панславистских»[79].

Одним из аспектов обширной революционной программы декабристов была разработка мер, направленных на установление

прямых контактов с национально-освободительным движением граничащих с Россией стран. Значительное место в планах декабристов занял вопрос связей с польским национально-освободительным движением. Понимание общности задач, которые стояли перед русским и польским революционным движением, явилось важной предпосылкой зарождения русско-польского революционного союза.

Польский народ из всех других славянских народов был непосредственным соседом нашей страны; более того, бóльшая его часть проживала в пределах Российской империи, боролась вместе с русским народом против гнета царизма. Эти обстоятельства способствовали не только упрочению русско-польских революционных связей, но и проявлению их в более широких, разнообразных формах по сравнению с видами революционных контактов с другими славянскими народами. В процессе формирования революционной идеологии декабристов существенно изменилось их отношение к вопросу о дальнейшей судьбе польского народа. Разрабатывая политическую программу действия, декабристы включили в нее вопрос об освобождении польского народа: они хотели видеть Польшу не только сбросившей оковы феодального строя, но и национально самостоятельной. Для достижения намечаемых целей необходимо было установить и упрочить контакты между русским и польским освободительным движением, организовать совместное выступление против царизма. Попытки установления прямых контактов между декабристами и польскими революционными деятелями, а также разработка основных положений по польскому вопросу, которые должны были создать основу для их совместных революционных выступлений против царизма, приходятся в основном на первую половину 20-х годов XIX в. Именно в то время действовали Южное и Северное общества декабристов, первые тайные польские общества (такие, как Патриотическое общество, Союз свободных поляков, Общество филоматов, Общество военных друзей в Литовском корпусе и др.). Представители Южного общества и «Общества соединенных славян» в России, Патриотического общества в Польше явились инициаторами налаживания прямых контактов, выработки совместной революционной программы и тактики [80].

Привлечение советскими историками нового документального архивного материала (в том числе из архивохранилищ Польши) позволило по-новому прочитать некоторые страницы из истории зарождения революционных связей между декабристами и польским национально-освободительным движением, раскрыть наличие контактов декабристов не только с Патриотическим, но и с другими тайными польскими организациями [81]. Новые источники расширили сведения о связях декабристов с филоматами, Союзом свободных поляков, Обществом военных друзей. Теперь более полно предстает ход переговоров между русскими и польскими революционерами, роль в них вопроса о территориальном составе будущего независимого Польского государства [82].

Вопрос о предоставлении Польше национальной независимости и государственной самостоятельности был решен положительно в программных документах Северного и Южного обществ, в планах «Общества соединенных славян». Во всех вариантах Конституции Н. Муравьева Польша не упоминалась в числе тех 14 держав, на которые предполагалось разделить российское федеративное государство[83]. Более конкретно вопрос о Польше был разработан в «Русской Правде» Пестеля. Глава Южного общества при рассмотрении планов о будущем польского народа стремился исходить из его национальных интересов, анализировал проекты польских тайных обществ. В то же время он уделял большое внимание вопросам «благоденствия России», сохранению ее могущества, безопасности границ, отстаиванию интересов народов, населявших западные окраины страны. Полнее программа декабристов по польскому вопросу, а также их планы установления прямых контактов с деятелями польского национально-освободительного движения раскрываются на примере связей южан с деятелями Патриотического общества.

Как известно, основание в Польше этой тайной организации, целью которой была борьба не только за независимость страны, но и за социальные реформы, связано с именем польского революционера Валериана Лукасинского. Патриотическим обществом были предприняты первые попытки объединиться с русским освободительным движением. Сам Лукасинский питал чувство большого уважения к русскому народу, который так же, как и польский народ, страдал от гнета царизма. Но политическая программа Патриотического общества не получила окончательного оформления. Во многом это объясняется арестом Лукасинского в 1822 г. Его выдержка и стойкость, а также мужество других арестованных членов Патриотического общества уберегли всю организацию от разгрома. Вскоре общество возобновило свою деятельность. Но теперь во главе его оказались представители крупного шляхетства, которые выступали с весьма умеренной социально-политической программой. В их числе были сенатор польского королевства гр. Станислав Солтык, камергер королевского двора Антоний Яблоновский, подполковник польской кавалерии Северин Крыжановский и др. Находившийся под влиянием Лукасинского, Крыжановский по сравнению с другими членами, стоявшими во главе общества, придерживался более прогрессивных взглядов. Поддерживая идеи, намеченные Лукасинским, он взял на себя ведéние переговоров с деятелями тайных обществ в России.

Южане неоднократно обсуждали вопрос об установлении связей с польскими тайными обществами. Так, в январе 1823 г. Южное общество приняло решение добиваться революционного единения с Польшей. М. П. Бестужеву-Рюмину и С. И. Муравьеву-Апостолу было поручено войти с поляками «в сношение и обещать им независимость». Этому предшествовала информация Бестужева и Муравьева о знакомстве с членом польского тайного

общества А. Ходкевичем. В следующем году, во время киевских контрактов, с помощью Ходкевича Бестужев-Рюмин установил связь с Крыжановским; начались предварительные переговоры, выяснялось состояние дел в обоих обществах, что было необходимо для налаживания в дальнейшем более тесных взаимных контактов. Важнейшим при переговорах был вопрос о совместном выступлении против самодержавия. Результаты предварительных переговоров были одобрены Южным обществом, которое предложило в качестве основы для разработки совместных планов следующие положения: возрождение назависимости Польши, обсуждение вопроса о границах с Россией, совместное революционное выступление против царизма. Очень важным было выдвинутое южанами требование принятия после революции в Польше, как и в России, республиканского правления. По «Русской Правде» выполнение этого условия являлось одним из важнейших при решении вопроса о независимости Польши. В «Русской Правде» утверждалось, что «естьли польский народ устранится от вышеупомянутых условий, необходимых для дарования Польше независимого существования и не будет к оным охотствовать, то и вовсе не будет тогда государственной границы между Польшею и Россиею существовать. Польша останется тогда областью Российского государства» [84].

Это требование особенно энергично отстаивал Пестель, который даже считал необходимым договориться с поляками о «немедленном истреблении цесаревича». Опыт западноевропейских революций начала 20-х годов, особенно их исход, убеждал Пестеля в необходимости отстаивания республиканских идей, изоляции правящей династии. Пестель опасался, что во время революционного переворота наиболее правые представители крупного шляхетства в Патриотическом обществе могут сепаратно поддержать возведение на престол вел. кн. Константина Павловича, потребовать от него провозглашения независимости, что, естественно, намного бы изменило результаты революционного выступления, разъединило революционные силы России и Польши, ослабило их перед угрозой вторжения контрреволюционных сил европейских монархов.

В целом переговоры о подготовке совместного революционного выступления и разработка общей политической программы шли довольно туго, что во многом объяснялось весьма умеренными планами руководства Патриотического общества. Многие члены этого общества стояли только за восстановление конституции 3 мая 1791 г. Первейшей задачей наиболее радикально настроенной части декабристов, объединившихся вокруг Пестеля, активно поддерживавших все основные идеи «Русской Правды», было коренное переустройство политического и социально-экономического строя России и Польши. И тем не менее по ряду вопросов Южное общество сумело договориться с Патриотическим обществом. По свидетельству Бестужева-Рюмина, в 1824 г. им был даже составлен текст проекта договора между русскими и поль-

скими тайными обществами, который, однако, после переговоров с Крыжановским был из конспиративных соображений уничтожен. Во время следствия по делу декабристов ему пришлось по памяти восстановить его основные положения[85].

Большие трудности в переговорах вызвал вопрос о землях, которые должны были отойти к Польше. В этом наиболее явственно проступили националистические воззрения магнатских элементов руководства Патриотического общества. Вопрос о прохождении границы России с Польшей не был окончательно разрешен, находился в стадии бурного обсуждения в Южном и Северном обществах. В проекте договора 1824 г. с поляками оговаривалось, например, что Польше могут быть отданы из западных только «области, недовольно обрусевшие, чтобы душевно быть привязанными к пользе России»[86]. Вопрос о переговорах с польским обществом рассматривался по инициативе Пестеля на петербургском совещании 1824 г. представителей Северного и Южного обществ, главной задачей которого была выработка общей идеологической платформы и единого плана действий. Как известно, тогда слияния обществ не произошло, хотя была признана необходимость объединения. Основной причиной несогласия была «Русская Правда», не во всем принимаемая руководством Северного общества. Решено было вести дальнейшую работу по согласованию конституционных проектов обоих обществ и в 1826 г. созвать объединительный съезд. На нем должны были более детально обсудить и вопрос о территориальном составе независимой Польши.

При переговорах с поляками в 1825 г. (они теперь были возглавлены Пестелем) вопрос о независимости Польши считался согласованным и фактически уже не обсуждался. Теперь у Пестеля проявился более четкий по сравнению с постановкой в «Русской Правде»[87] подход к решению территориального вопроса. Им были учтены результаты его обсуждения на Петербургском совещании. Вопрос о возможной передаче Польше западных губерний России Пестель уже не поддерживал. Для предотвращения осложнений с руководством Патриотического общества им было предложено после революционного переустройства старого строя в Польше и в России проведение опроса населения спорных западных губерний насчет того, «к какому народу пожелают принадлежать»[88]. В показаниях Пестеля Следственному комитету есть ценные сведения, проливающие свет на ход переговоров в 1825 г. Приведем перечень вопросов, там обсуждавшихся: «1) Независимость Польши. Глухо сказано, а о губерниях Литовских, Белостокской, Волынской и Подольской ни слова не было упомянуто. 2) Взаимное содействие на случай внешней войны. 3) Одинаковый образ правления. 4) Поступить им с цесаревичем так, как нами поступлено будет с прочими великими князьями. 5) Уведомлять им нас о всех своих сношениях с прочими тайными союзами Европы и с Англиею и никаких обязательств ни с кем не заключать без предварительного нашего согласия»[89].

Так, в итоге декабристами был дан отпор притязаниям магнатских элементов в руководстве Патриотического общества на западные земли России. Декабристы поддерживали идею воссоединения в Польше земель, отторгнутых в результате разделов, в которых население было в основном польское. Поэтому в своих внешнеполитических проектах они не обходили вопроса о возможных войнах с Австрией и Пруссией, поскольку под их гнетом находился ряд славянских народов, в том числе поляки, населявшие западные польские земли, захваченные этими государствами в результате разделов Польши. Несмотря на всю сложность переговоров, удалось договориться о главном — об одновременном выступлении против царизма, намеченном на 1826 г. В итоге Яблоновский принял также требование Пестеля ввести сразу же после революционного переворота форму правления в Польше такую же, как и в России. Правда, затем предполагалось широкое обсуждение вопроса о политическом устройстве Польши, после чего в ней может установиться «правление, какое она найдет нужным».

Когда в силу сложившихся обстоятельств декабристы выступили 14 декабря 1825 г. в Петербурге и 29 декабря 1825 г.— 3 января 1826 г.—на Юге России, С. Муравьев-Апостол пытался установить контакты с поляками, но при тогдашних средствах связи и в условиях конспирации сделать быстро это было трудно. Да и Патриотическое общество не было готово к революционному выступлению. Но польские жители, находившиеся вблизи от места выступления Черниговского полка, проявили сочувствие и внимание к восставшим. Они оказывали помощь раненым участникам восстания, прятали их от жандармов, сами подвергаясь очень большой опасности. Так, известно, что Густав Олизар помогал М. П. Бестужеву-Рюмину уйти от преследовавших его жандармов, Ю. Руликовский оказал гостеприимство С. И. Муравьеву-Апостолу и другим декабристам [90].

Значительную роль в налаживании контактов декабристов с польским национально-освободительным движением сыграл М. С. Лунин. В начале 1822 г., «сообразно правил Тайного общества», Лунин после увольнения снова вернулся на военную службу и был направлен в чине ротмистра в Польский уланский полк, т. е. в группу войск вел. кн. Константина Павловича, затем был переведен в Варшаву командиром 4-го эскадрона лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, адъютантом великого князя. Вскоре после приезда в Польшу, Лунин отдалился от Северного общества, так как был недоволен умеренностью его программы, но остался верным единомышленником Пестеля. Во время переговоров с Яблоновским для урегулирования вопроса о постоянных связях обоих обществ Пестелем был выбран Лунин. Это свидетельствует о тесных контактах Лунина с Южным обществом. Лунин оказался умелым конспиратором. Его близость с членами Патриотического общества не была раскрыта ни петербургским, ни варшавским Следственными комитетами, хотя его подозревали и в Варшаве за ним была установлена слежка.

Лунин был участником одной из конспиративных встреч с представителями Патриотического общества — Яблоновским, Крыжановским, Н. Ворцелем и другими,— которая состоялась недалеко от Варшавы, в местечке Оборы в сентябре 1825 г. И после революционных событий в России Лунин пытался наладить связи с поляками, возможно надеясь на организацию нового, совместного революционного выступления. Вскоре Лунин был арестован и 10 апреля 1826 г. отправлен из Варшавы в Петербург, где заключен «в Кронверкской куртине в особый арестантский покой № 8, с соблюдением, чтоб ни с кем никакого непозволительного сношения иметь не мог»[91]. Царским судом сначала Лунин был приговорен к смертной казни, а после изменения приговора — к ссылке на каторжные работы в Сибирь сроком на 20 лет. Потом срок был сокращен до 10 лет с последующим переводом на поселение. Вскоре после ареста декабристов были подвергнуты аресту все члены Патриотического общества.

В 30—40-е годы в Сибири М. С. Лунин создал лучшие свои произведения, страстно обличавшие самодержавно-крепостнический строй, проникнутые верой в новый подъем европейского освободительного движения, в светлое будущее народов Европы. В одном из своих «Писем из Сибири», названном «Поляки», Лунин проводил идеи расширения революционных связей, подчеркивал их важность для общеевропейской революционной борьбы. Отстаивая интернациональные идеи, он писал о необходимости укрепления русско-польского революционного союза в борьбе с общим врагом — царизмом, ибо русские и поляки — «естественные союзники, несмотря на домашние ссоры между ними». Лунин считал, что этот союз должен крепиться еще и потому, что русские и поляки — славяне, к тому же они близки по своему географическому расположению, а во многом — и по своим историческим судьбам. Осмысливая опыт новых революций в Западной Европе, которые произошли в 1830—1831 гг., опыт польского восстания, Лунин снова обращался к этому вопросу. В противовес имевшим распространение измышлениям о якобы антирусском характере польского восстания 1831 г. он писал о том, что начало восстания ознаменовалось «всенародными почестями памяти русских, казненных за дело конституционное, печатными воззваниями, приглашавшими русских к собратству»[92].

Первое открытое проявление глубочайшего уважения поляков к делу декабристов, к их идеям революционной солидарности народов относится ко времени польского восстания 1830—1831 гг. Родившийся в дни восстания девиз «За нашу и вашу свободу!» стал лозунгом революционно-демократического крыла польской эмиграции. В 1832 г. ее вождь И. Лелевель написал «Воззвание к русским», в нем отдавалась дань подвигу декабристов, подчеркивалась важность развития союза «вольнолюбивых народов». В воззвании высоко оценивались декабристские идеи революционного единения народов, их представления о федерации славян-

ских народов, создание которой могло быть осуществлено только в результате их совместного возрождения.

Декабристы и деятели польского национально-освободительного движения заложили основы русско-польского революционного союза, который был упрочен в ходе развития освободительной борьбы народов России и Польши.

Так, декабристы, разделяя идеи национально-освободительной борьбы народов, пытались найти возможные по их представлению пути поддержки этой борьбы, выдвигали планы революционного единения народов, главной задачей которых было обеспечение развития народов по пути прогресса.

[1] О времени появления термина «Восточный вопрос» в научной литературе высказываются разные точки зрения. См.: Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 5.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 241.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 31.

[4] Там же, с. 32.

[5] ВПР. М., 1980, т. 12, с. 589, 599.

[6] Там же, с. 421—424; *Шебунин А. Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. Л., 1925, с. 186.

[7] *Николай Михайлович*, вел. кн. Имп. Александр I: Опыт исторического исследования. СПб., 1912, с. 375—377.

[8] ВПР, т. 12, примеч. 37.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 23, 32.

[10] *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.

[11] *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980.

[12] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 32.

[13] *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М., 1970, с. 275—278, 324, 325.

[14] ВПР. М., 1982, т. 13, примеч. 19. См. также док. 4, 17, 97, 106, примеч. 20.

[15] Там же, примеч. 19.

[16] *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России, с. 294—295. Вопрос об отношении царского правительства к «Филике Этерии» довольно полно освещен в записке Д. В. Дашкова «Исторический обзор создания и развития Этерии», составленной не ранее 18(30) мая 1825 г.

[17] *Prokesch-Osten A.* Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkische Reich. Wien, 1867, Bd. 3, S. 66.

[18] *Фадеев А. В.* Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958; *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России; *Он же.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг. М., 1976; *Иовва И. Ф.* Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963; *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия (1821—1829). М., 1965; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972; Восточный вопрос во внешней политике России.

[19] Русский инвалид, 1821, 7 июня.

[20] Вестник Европы, 1821, № 10, ч. 118, с. 151—152.

[21] Там же, № 8, ч. 117, с. 300.

[22] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М., 1958, т. 10, с. 23.

[23] *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955, т. 1; *Сыроечковский Б. Е.* Балканская проблема в политических планах декабристов.— В кн.: Очерки из истории движения декабристов. М., 1954; *Фадеев А. В.* Указ. соч.; *Иовва И. Ф.* Южные декабристы...; *Он же.* Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1974; *Орлик О. В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975; *Достян И. С.* Русская общественная мысль...

[24] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 22, 24.

[25] Русская старина, 1890, май, № 5, с. 368. (Впервые определено авторство В. Ф. Раевского); *Раевский В. Ф.* Полн. собр. соч. 2-е изд. М.; Л., 1967, с. 155.

[26] Декабрист Н. И. Тургенев: Письма

к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936, с. 335.

[27] *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882, т. 1, с. 150.

[28] Там же.

[29] Там же, с. 147.

[30] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 143, № 29.6.97 (Письма гр. П. Д. Киселева), л. 85, 96.

[31] *Достян И. С.* Русская общественная мысль..., с. 253—268.

[32] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 228—229, 232.

[33] *Aricescu C.* Istoria revoluţiunii romîne dela 1821. Craiova, 1874, p. 84.

[34] *Орлов М. Ф.* Указ. соч., с. 225.

[35] *Лорер Н. И.* Записки. М., 1931, с. 67.

[36] Из эпистолярного наследства декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975, т. 1, с. 183.

[37] Там же, с. 185.

[38] Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921, т. 3, вып. 5, с. 321—322.

[39] ВПР, т. 12, док. 63, 213, примеч. 288.

[40] Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 325.

[41] Там же, с. 326.

[42] Documente privind istoria Romîniei: Răscoala din 1821. Bucureşti, 1959, v. 2. f. 126—132.

[43] *Сыроечковский Б. Е.* Указ. соч., с. 203; Уточнения в перевод внесены И. С. Достян. См.: *Достян И. С.* Русская общественная мысль..., с. 241.

[44] Цит. по: *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России, с. 273.

[45] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 24.

[45a] *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882, т. 4, с. 14.

[46] *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX в. М., 1979, с. 67—68.

[47] *Сироткин В. Г.* Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806—1807 гг.— Учен. зап. ин-та славяноведения, 1962, т. 25, с. 171—179; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос, с. 42—62; *Лещиловская И. И.* Концепции славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX в.— Вопросы истории, 1976, № 12, с. 75—92.

[48] *Каховский П. Г.* Из писем.— В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. 1, с. 505.

[49] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 35.

[50] Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 9.

[51] *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время, т. 1, с. 207.

[52] Военный журнал, 1819, кн. 2, 3.

[53] *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время, т. 1; *Достян И. С.* Русская общественная мысль..., с. 186—208; и др.

[54] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 651, ч. 1; д. 652, ч. 1—3; д. 1527, 1552, 1810, 2374, 2908.

[55] Там же, д. 652, ч. 3, л. 29—72.

[56] *Орлов М. Ф.* Указ. соч., с. 60.

[57] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 652, ч. 1—3, 17184; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1891, т. 78, с. 53. Далее: Сб. РИО.

[58] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 143, № 29.6.100, л. 13. На фр. яз.

[59] Там же, л. 13 об.

[60] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 473, л. 486—487 об.

[61] ЦГВИА СССР, ф. 36, оп. 4/847, св. 27а, д. 533, л. 1—18; *Зайончковский П.* К вопросу о библиотеке П. И. Пестеля.— Историк-марксист, 1941, кн. 4, с. 87—89.

[62] *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время, т. 1, с. 95.

[63] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 652, ч. 2, л. 166—166 об.

[64] ОР ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 143, № 29.6.83, л. 41—41 об.

[65] ЦГВ ИА СССР, ф. ВУА, д. 652, ч. 2, л. 81—85 (Опись дел «О сербах»), 93—94; *Достян И. С.* Русская общественная мысль..., с. 196—197.

[66] 1-й том был посвящен Прутскому походу Петра I; 2-й том — войнам 1735—1737 гг.; 3-й — 1769—1774 и 1787—1791 гг.; 4-й — 1806—1812 гг.

[67] Восстание декабристов. М., 1950, т. 9, с. 117.

[68] Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. 4, с. 160, 212; т. 9, с. 59.

[69] Восстание декабристов. М., 1958, т. 7, с. 327.

[70] *Достян И. С.* Русская общественная мысль..., с. 243—244.

[71] *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. 1, с. 345; ср.: *Сыроечковский Б. Е.* Балканская проблема..., с. 226—227.

[72] Documente privind istoria Romîniei..., V. 2, f. 131—132; *Павлов-Сильванский Н.* Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. Ростов-н/Д, [1907], с. 174.

[73] Восстание декабристов, т. 7, с. 141.

[74] Восстание декабристов. М.; Л., 1926, т. 5, с. 30.

[75] *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955, т. 2, с. 133—143; *Сыроечковский Б. Е., Сокольский Л. А., Порох И. В.* Декабрист И. И. Горбачевский и его «Записки».— В кн.: Горбачевский И. И. Записки. Письма, М., 1963, с. 257—305; *Лысенко Н.* Как создавались «Записки» декабриста И. И. Горбачевского.— История СССР, 1968, № 6, с. 101—112; *Шатрова Г. П.* Декабрист И. И. Горбачевский. Красноярск, 1973, с. 91—113.

[76] *Горбачевский И. И.* Указ. соч., с. 13.

[77] Восстание декабристов, т. 5, с. 18.

[78] Восстание декабристов, т. 9, с. 61.

[79] *Luciani G.* La Société des Slaves Unis (1823—1825): Panslavisme et solidarité slaves au XIX siècle. Paris, 1963.

[80] *Медведская Л. А.* Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество.— В кн.: Очерки из истории движения декабристов; *Ольшанский П.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959; *Ланда С. С.* Мицкевич накануне восстания декабристов.— В кн.: Литература славянских народов. М., 1959, вып. 4; Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.

[81] Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М., 1968.

[82] *Ольшанский П.* Декабристы и польское национально-освободительное движение, с. 69—164.

[83] *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, с. 308, 325, 356, прил. III—V.

[84] Восстание декабристов, т. 7, с. 125.

[85] Восстание декабристов, т. 9, с. 63—65.

[86] Там же, с. 63.

[87] Восстание декабристов, т. 7, с. 125—126.

[88] Цит. по кн.: *Ольшанский П. Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение, с. 118.

[89] Восстание декабристов, т. 4, с. 85—86.

[90] *Ольшанский П. Н.* Некоторые вопросы зарождения русско-польского революционного союза в 20-х годах XIX в.— В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в., с. 56.

[91] *Окунь С. Б.* М. Лунин. М., 1962, с. 78.

[92] *Лунин М. С.* Соч. и письма. Пг., 1923, с. 52.

Глава третья

Отношение декабристов к политике России на Кавказе

1. Представители первых декабристских обществ о Кавказе

Кавказ издавна занимал важное место во внешнеполитических связях России. Активизация политики России в первые десятилетия XIX в. на Кавказе определялась комплексом социально-экономических и международно-политических факторов: стремлением царизма к распространению вширь феодальных отношений, к созданию на окраинах страны новых рынков сбыта и сырья, а также к упрочению влияния на государства Ближнего и Среднего Востока. Царизм понимал важность Кавказа как военно-стратегического плацдарма для проведения своей восточной политики. Стратегическое значение Кавказа все более возрастало по мере усиления реваншистских тенденций в политике турецкого султана и иранского шаха, а также усиления давления в странах Среднего Востока английской и французской дипломатии, что явилось результатом проникновения в эти страны иностранного капитала. Кавказская проблема приобрела большую остроту во время Восточного кризиса 20-х годов XIX в. К ней значительно возросло внимание не только российских правящих кругов, но и русской общественности. Тогда с передовых для своего времени позиций выразили отношение к кавказским делам, к национально-освободительной борьбе народов Кавказа декабристы.

В ряде работ советских исследователей нашла отражение общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность передовых людей России, в том числе декабристов, на Кавказе; довольно полно раскрыто и участие сосланных на Кавказ декабристов в кавказских войнах второй половины 20-х годов XIX в., в освобождении Восточной Армении [1]. Однако взгляды декабристов на кавказскую проблему, их роль в формировании системы внешнеполитических воззрений первых дворянских революционеров XIX в. не были еще предметом всестороннего анализа.

Из широкого круга вопросов, встающих перед исследователем этой проблемы, целесообразно выделить и рассмотреть главным образом те, которые позволяют углубить представление об отношении декабристов к политике царизма на Кавказе, раскрыть их отношение к освободительной борьбе кавказских народов, их вклад

в освобождение Восточной Армении от чужеземного угнетения, в стабилизацию положения в Закавказье, что отвечало интересам как всей страны в целом, так и кавказских народов в особенности, а также охарактеризовать их взгляды на пути дальнейшего развития этих народов. Не менее важно рассмотреть оценки декабристами международного положения на Среднем Востоке (особенно в связи со втягиванием Кавказа в сферу Восточного кризиса 20-х годов XIX в.), раскрыть практическую деятельность некоторых из них по урегулированию отношений с Турцией и Ираном.

На Кавказе в годы формирования движения декабристов служило немало его участников. Почти все они несли службу в Отдельном Кавказском корпусе (до 1820 г.— Отдельный Грузинский корпус), которым с 1816 г. командовал генерал А. П. Ермолов, и входили в так называемое «ермоловское окружение». Главнокомандующий в Грузии ценил ум, знания, широкую эрудицию приближенных к нему офицеров. В известной мере ему импонировали их передовые взгляды, оппозиционность к самодержавному строю России. Тогда там служили некоторое время будущие декабристы: А. А. Авенариус, П. Г. Каховский, Е. Е. Лачинов, А. И. Якубович, В. К. Кюхельбекер, П. М. Устимович, П. А. Муханов, Г. И. Копылов и другие, а также А. С. Грибоедов. Они оказывали существенное воздействие на идейные настроения других офицеров Отдельного Кавказского корпуса. Офицеры корпуса проявляли большую осведомленность в политических вопросах, вели жаркие споры по поводу зарубежных событий, внешнеполитического курса Александра I. «Здесь у нас европейские вести имеют цену, в других местах вовсе неизвестную...— так писал один офицер с Кавказа испанскому революционеру Хуану Ван Галену, проведшему несколько лет в России.— Когда европейские газеты появляются еженедельно и извещают о каком-либо политическом кризисе, каждый строит свои предположения; вслед за сим происходит развязка, и, если она совпадает с предсказаниями, ничего удивительного в том нет, ибо она уже обозначалась со всеми своими возможностями в многочисленных дебатах, где выставлялись все „за“ и „против“»[2]. Ряд отечественных и зарубежных газет и журналов постоянно выписывались А. П. Ермоловым для офицеров корпуса.

Широко образованный, «государственный человек в обширном значении этого слова», Ермолов пользовался огромным уважением, даже почитанием в прогрессивных кругах русского общества, особенно в военной среде[3]. Деятельность Ермолова на Кавказе, хотя в целом отвечала общей направленности политики царизма в этом регионе, носила отпечаток своеобразия воззрений «проконсула Кавказа», его личных черт характера.

Колонизаторская политика царизма на Кавказе ставила перед представителями движения декабристов сложные проблемы. Как офицеры или рядовые царской армии на Кавказе они должны были участвовать в военных акциях по отношению к непокорным народам, но как представители передовой России они не могли

одобрить и не одобряли военно-феодальные методы политики царизма. Имея собственные взгляды на пути упрочения положения России на Кавказе, укрепления связей с кавказскими народами, декабристы внесли свою лепту в формирование программы передовой России по национальному вопросу, традиций дружественных связей между народами страны.

Интерес членов тайных антиправительственных обществ декабристов к кавказским делам развился не сразу. Вначале в кругу декабристов даже было распространено представление, что служба на Кавказе не может принести значительной пользы их движению, их идеалам. Однако более пристальное изучение кавказской проблемы, ее роли в международных отношениях на Среднем Востоке способствовало изменению таких взглядов и оценок. Немалую роль в этом сыграл рост информации о Кавказе, в том числе и поступавшей от передовых людей России, служивших там и даже принимавших непосредственное участие в дипломатической деятельности на Востоке.

Первым значительным событием в политике России на Среднем Востоке, которое по времени относится к началу деятельности тайных антиправительственных обществ декабристов, стало отправление в 1817 г. дипломатической миссии в Иран под руководством чрезвычайного посла Российской империи А. П. Ермолова. Эта дипломатическая акция со стороны России была вызвана явным нежеланием Фетх Али-шаха и его окружения выполнять отдельные статьи Гюлистанского мирного договора 1813 г., активизацией реваншистских притязаний иранского правительства на ее закавказские земли. В связи со стремлением шаха к пересмотру условий договора им был направлен чрезвычайный посол в Россию. В ответ царское правительство приняло решение отправить посольство в Иран. Его главной целью было заверение шаха в дружественном расположении Александра I к Ирану. Ермолову поручалось также убедить шаха в необоснованности его претензий по территориальным вопросам, заручиться заверениями шаха о нейтралитете Ирана в случае возможной войны России с каким-либо другим государством. Одна из задач посольской миссии заключалась и в том, чтобы добиться расширения русско-иранских торговых связей.

В грамоте А. П. Ермолову, подписанной Александром I 5 августа 1816 г. «на полномочие в посольстве к шаху персидскому», были особенно выделены следующие задачи: «... постановить, заключить и подписать особый договор о всем том, что послужить может твердым и прочным основанием дружбы и взаимного положения дел между обоими государствами...» [4]. В феврале 1817 г. Ермолов изложил Александру I свои взгляды на политику в отношении Ирана, а также ряда граничавших с ним ханств. У Ермолова создалось твердое убеждение в том, что не в интересах России, безопасности ее закавказских границ идти на какие-либо территориальные уступки шаху в Закавказье. Он высказывал соображения по поводу необходимости укрепления позиций Рос-

сии в Шекинском и Карабахском ханствах, имевших важное военно-стратегическое значение и к тому же славившихся «произведениями богатейшими»[5]. Они строились на его обстоятельном знании положения дел в Закавказье, обосновывались его личным участием в обследовании русско-иранских границ, проводившемся накануне отправления миссии в Иран.

Основной состав посольства насчитывал 39 чел. Советниками посольства были назначены А. Ф. Негри и А. Е. Соколов. Наряду с другими в него были откомандированы из центра России гвардии Генерального штаба штабс-капитан Н. Н. Муравьев, колонновожатый Е. Е. Лачинов и прапорщик Н. П. Воейков. Муравьев был включен «в число офицеров квартирмейской части». Ему же поручалось взять на себя занятия «астрономическими наблюдениями»[6]. Эти трое участников посольства в Иран, каждый по своему, оказались связанными с движением декабристов.

В октябре 1816 г. основной состав посольства двинулся из Москвы в Тифлис. 27 мая 1817 г. оно подошло к иранской границе на реке Арпачай, после перехода границы направилось в Султанию, где была намечена встреча Фетх Али-шаха с «чрезвычайным послом Российской империи» А. П. Ермоловым. Ведéние переговоров с иранской стороной проходило в трудной для российского посольства обстановке. Шахское правительство, настраиваемое английской дипломатией, с самого начала переговоров потребовало возвращения Талышинского и Карабахского ханств. Шах также не хотел идти на соглашение и в вопросе о нейтралитете в случае новой русско-турецкой войны. И все же посольская миссия достигла определенных результатов в урегулировании отношений между Россией и Ираном, в сдерживании притязаний шаха на некоторые закавказские земли, отошедшие к России по статьям Гюлистанского мирного договора. По возвращении в Грузию Ермолов отправил в Петербург отчет о деятельности возглавляемой им миссии. По распоряжению Александра I на основании этого отчета была составлена записка российского Министерства иностранных дел, направленная в феврале 1818 г. дипломатическим представителям России в Лондоне, Вене, Париже, Берлине и Константинополе для ознакомления с нею «всех союзных дворов и правительства Турции». Записка получила название «Обзор посольства генерала А. П. Ермолова в Персию»[7] В ней подчеркивалось выполнение посольской миссией главной задачи: «Гюлистанский договор не только не подвергся изменениям, продиктованным недоверием, но и был поставлен под защиту новых гарантий. Взвесив свои территориальные претензии, Персия сама добровольно и окончательно отказалась от них. После этого были рассмотрены не выполненные до сих пор статьи договора, и договаривающиеся стороны по взаимному согласию приступают к окончательному урегулированию, которое даст возможность обоим государствам в полной мере насладиться благами мира»[8]. Далее в записке были раскрыты результаты деятельности миссии по урегулированию вопроса о возвращении пленных

в Россию, о создании в обоих государствах постоянных представительств для охраны и развития торговых связей.

19 февраля 1818 г. К. В. Нессельроде сообщил Ермолову о положительной оценке результатов посольства в Иране Александром I, подчеркнув, что «утверждены наши мирные и дружественные связи с сопредельной и столь долго враждовавшей с нами державой» [9]. Некоторое недовольство царем было высказано только в связи с установлением послом неофициальных контактов со старшим сыном шаха Мамедом Али-Мурзой, который, как это было известно, не был назван шахом наследником престола (он должен был перейти к Аббас-Мирзе, занимавшему явно проанглийскую позицию). В контактах Ермолова с Мамедом Али-Мурзой, видимо, проявилось его стремление поддержать недовольную шахом группировку, склонную к тому же к более тесным контактам с Россией.

Российское Министерство иностранных дел, рассылая записку о главных итогах посольской миссии в Иране, выражало надежду, что достигнутые результаты переговоров с Ираном могут принести пользу России во время Ахенского конгресса европейских монархов [10]. Изучение материалов посольской миссии в Иране показывает, что Ермолов видел растущее английское влияние на шаха и его придворное окружение, отметил опасность усиления этого влияния для урегулирования на мирной основе русско-иранских отношений. Он также раскрыл формы и методы действия английской дипломатии в Иране, пути, по которым шло усиление влияния англичан в стране. В своих записках Ермолов писал, что Аббас-Мирза «почитает их (англичан.— *О. Ор.*) необходимыми, но их не один он удерживает для устроения войск своих и прочих военных заведений: их не менее прочными связями прикрепляют к персиянам деньги, кои они большими суммами расточают между корыстолюбивыми министрами — вельможами, а сии, во зло употребляя слабости шаха, наклоняют его в их пользу» [11].

Официальное переложение шахом на наследника Аббас-Мирзу полномочий по взаимоотношениям с Россией усилило подозрения Ермолова в возможности перехода Ирана на путь военных конфликтов в Закавказье, подстрекательств к неповиновению России отдельных ханов. По мнению Ермолова, искусство англичан в военном деле и их деньги могли способствовать разжиганию конфликтов Ирана с Россией. Эту же цель преследовал и англо-иранский договор 1814 г. Ермолов считал (и пытался проводить это в своей внешнеполитической деятельности), что только «строгое соблюдение трактата» (1813 г.— *О. Ор.*) может явиться залогом действительно мирных и прочных дружественных отношений Ирана с Россией [12]. Однако сложность позиций Ермолова при проведении такого внешнеполитического курса в отношении Ирана заключалась и в том, что некоторые статьи Гюлистанского договора требовали реализации. Так, еще не был полностью разрешен вопрос о демаркации границ «в соответствии со ст. 2 мирного договора» [13].

Дипломатическая миссия в Иране и итоги ее деятельности получили международный резонанс. Они также привлекли внимание разных кругов русской общественности, в том числе деятелей первых тайных антиправительственных обществ — декабристов. Яркая личность Ермолова всегда вызывала интерес и даже восхищение в прогрессивных кругах русского общества. Поэтому не случаен интерес и к возглавленному им «персидскому посольству». К тому же в него входили лица, которые были связаны с будущими декабристами и их единомышленниками. Впечатления участников посольства об обстановке в Иране, о состоянии русско-иранских отношений и перспективе их развития, в целом о международной обстановке на Среднем Востоке важны для раскрытия внешнеполитических воззрений этих прогрессивно-настроенных представителей России. Они интересны и как один из источников информации по вопросам состояния русско-иранских отношений, который сыграл определенную роль в усилении внимания в кругу декабристов к кавказскому направлению внешней политики России.

Остановимся подробнее на освещении этих вопросов. Один из участников «персидского посольства» — Н. Н. Муравьев — в течение многих лет был тесно связан с рядом деятелей движения декабристов. Он сам был одним из организаторов Юношеского собратства (1811—1812 гг.), а затем Священной артели (1814—1818 гг.). Оппозиционная настроенность Муравьева, однако, не привела его в ряды декабристов, хотя ее он продолжал сохранять и в последующие годы своей жизни. Муравьев оставался сторонником освобождения крестьян от крепостной зависимости, хотя был далек от тех радикальных идей, которые высказывал по этому вопросу П. И. Пестель. Не утратил он дружественных связей и с некоторыми из своих старых друзей-декабристов после 14 декабря 1825 г. На Кавказе он прослужил бо́льшую часть своей жизни, став участником ряда войн и дипломатических миссий в разные страны Востока.

В первые годы после зачисления на службу к А. П. Ермолову Муравьев поддерживал тесные контакты с друзьями и единомышленниками по Священной артели, прежде всего с И. Г. Бурцовым, Петром и Павлом Колошиными, со своими братьями А. Н. и М. Н. Муравьевыми и др. Почти все они, будучи членами Священной артели, вошли в состав первого тайного общества декабристов Союз спасения. Из известных ранних организаций, предшествовавших тайным обществам декабристов, Священная артель представляла объединение наиболее стойкое, связанное тесными узами с Союзом спасения, который поставил своей целью борьбу против самодержавия и крепостничества, за установление конституционного строя.

Как свидетельствует переписка членов Священной артели и Союза спасения с Н. Н. Муравьевым, они придавали большое значение его связям с Артелью, а также возлагали на него надежды как на возможного кандидата в Союз спасения. Поэтому сначала

некоторые из его друзей — будущих декабристов (главным образом И. Г. Бурцов) весьма сдержанно восприняли решение Муравьева служить на Кавказе. В запальчивости Бурцов даже назвал это решение Муравьева направленным против «бедного нашего Отечества»[14]. Такое суждение обосновывалось рядом причин. Видимо, играло весьма значительную роль распространение в кругах деятелей первых тайных обществ декабристов представления о важности активного участия передовых людей России в овладении «общественным мнением», и в первую очередь в центре Российской империи. Такие взгляды выражал, например, Бурцов в письме к Н. Н. Муравьеву от 25 июня 1817 г. Позднее он подчеркивал, что службой на Кавказе, «поведением своим благоразумным и беспристрастным можешь составить благо иноплеменных народов, совершенно бесполезных для Отечества нашего. С другой стороны, служа в столице, в предварительных чинах, ты имеешь случай учиться гражданским наукам, наблюдать характер соотечественников и, достигнув высших должностей, можешь говорить царю правду, можешь советами и действиями своими всему Отечеству приносить неизъяснимую пользу»[15]. В дальнейшем взгляды И. Г. Бурцова, как и ряда других декабристов, стоявших вначале на таких же позициях, претерпели изменение. Изменилось их отношение и к национально-освободительной борьбе народов Кавказа, усилилось внимание к внешнеполитическим вопросам вообще. Важным этапом в формировании их внешнеполитических воззрений стало начало 20-х годов, ознаменованное подъемом освободительной борьбы европейских и балканских народов, развитием Восточного кризиса. Однако следует отметить, что некоторые участники первых тайных обществ декабристов сразу же проявили большую дальновидность в определении роли кавказского направления внешней политики России, в понимании важности упрочения дружественных связей с народами Кавказа. Особенно явственно это проявилось во взглядах А. Н. Муравьева. Так, еще в 1817 г. он высказывался за изучение жизни народов окраин страны и сопредельных с ней стран. Не случайно именно он с самого начала одобрительно отнесся к решению брата — Н. Н. Муравьева — служить на Кавказе; неоднократно указывал, что «живучи в столице, под бременем многих начальников, которые мелочами убивают способности ума, никогда душа наша не может вылететь из тесного своего обиталища... не постигает нравы тьмы народов, не видит разнообразия Отечества своего... И потому истинный русской несравненно полезнее бывает России в такой отдаленности, нежели в самом источнике... Итак, любезный брат, советую тебе, не оставляй без внимания никакой отрасли познаний, до России относящейся, углубляйся в размышлениях на самой даже бездельной предмет, ибо оный непременную имеет связь с общим»[16].

Как это видно из письма А. Н. Муравьева, члену Священной артели ставилось в заслугу именно знание жизни нерусских (конкретно — кавказских) народов, что прямо связывалось с интереса-

ми России, с задачами того общего дела, под которым будущими декабристами понималось прежде всего освобождение всей страны от оков самодержавия и достижение благоденствия всех народов.

Участие в «персидском посольстве» значительно расширило представление Н. Н. Муравьева и других его единомышленников о значении кавказского региона во внешней политике России, о важности упрочения мирных отношений с народами Кавказа, а также о стабилизации отношений с сопредельными странами Среднего Востока. Оно раскрыло картину тяжелого положения армянского народа, притесняемого шахским режимом, надежды армян на помощь со стороны России. Выражение отношения Муравьева к этим вопросам нашло отражение в его записках, составлявшихся во время пребывания в Иране. Бóльшая часть записок была опубликована в конце XIX в. в «Русском архиве» П. И. Бартенева. Подлинники записок, как и многие другие документальные материалы Муравьева, хранятся в отделе рукописей Государственного исторического музея (ГИМ, ф. 254). К 150-летию восстания декабристов были изданы многие письма друзей к Н. Н. Муравьеву, в том числе и те, которые были написаны в период его пребывания в Иране[27].

В записках Муравьева довольно подробно описан путь посольства по Центральной России, Кавказу, а затем и по территории Ирана. Они освещают отношение к посольству из России местных властей и прием его самим иранским шахом. Как и записки Ермолова, они дают ценный материал о деятельности русской посольской миссии, о сложной обстановке в Иране, о международных противоречиях на Среднем Востоке, в которых кавказские дела занимали существенное место.

Пребывание русского посольства в Иране проходило в период, когда в стране разгоралась междоусобица между сторонниками шаха и Аббас-Мирзы и их противниками, группировавшимися вокруг Мамеда Али-Мурзы. Поэтому недоверчивость шахского окружения к посольству была особенно велика. Так, во время остановки посольства в Тавризе (Тебриз), по свидетельству Муравьева, «за городские ворота никого не пускали... Жителям под строжайшим наказанием запрещено с нами разговаривать, и все время принуждены мы жить между четырьмя стенами»[18]. В то же время шахские власти постоянно демонстрировали свою военную силу. Причем, как замечал Муравьев, для создания впечатления многочисленности войск и их сосредоточенности близ русско-иранской границы были насильно согнаны и вооружены почти все местные жители. На этот же трюк обратил внимание в своих записках А. П. Ермолов. По его словам, в городах тогда «не оставалось ремесленника, на которого бы не нацепили ружья, хватали приезжающих на торг поселян и составляли из них конницу, дабы вразумить нас, какими страшными ополчениями ограждаемы пограничные области Персии»[19]. В действительности же собственно шахское войско, как отмечал Н. Н. Муравьев, составляли 3—4 тыс. конников. Каждый правитель имел свое посто-

янное войско. Наряду с ним существовало «земское войско, составленное из людей кочующих племен и жителей городских и сельских. Обыкновенная должность сего ополчения есть охрана своих домов и исправление полицейской должности. Они содержаны областью, городом или селением, которому они принадлежат, и могут быть вызваны при всяком нужном случае»[20]. Аббас-Мирза с помощью англичан создавал регулярное войско. Во время пребывания в Иране российского посольства все эти силы были собраны и демонстрировались.

Участники посольства единодушно отмечали засилие в войсках английских офицеров, игравших главенствующую роль в обучении войск и в подготовке офицерских кадров. Сразу же после прибытия посольства на иранскую территорию оно было встречено конницей и пехотинцами. Пехотою, как заметил Муравьев, командовал «английский капитан Гарт. Он скакал по фронту и тузил кулаками... батальонных командиров. Шах Зады-Абаз-Мирза, живущий в Тавризе, устроил сие войско с помощью англичан»[21]. 19 мая в Тавризе — главном городе Адербиджанской провинции, резиденции Аббас-Мирзы — перед посольством было выстроено 16 тыс. войска. Их обучали «офицеры Индийской купеческой компании». Многие из них были одеты в английские мундиры[22], войска оснащены английскими ружьями и артиллерией.

По мнению Ермолова, ко времени их пребывания в Иране французское влияние в значительной степени уступило английскому. Как он подчеркивал, «французы были короткое время в Персии», англичане золотом «перекупили расположение к себе персидских министров»[23]. 22 мая генерал Ермолов принял некоторых английских офицеров, в их числе майора, командира артиллерии Г. Лендисея, доктора Дж. Кормика, майора Макинтоша, капитана Гарта, лейтенанта Уиллока[24]. Все члены посольства отмечали, что особенно много английских офицеров находилось в Тавризе. Здесь же были французские и итальянские офицеры, попавшие в страну еще во времена наполеоновских войн. Муравьев, например, не считал столь категорично, как Ермолов, что французское влияние было полностью вытеснено английским. Из разговоров с английскими офицерами он понял, что Аббас-Мирза, «вопреки их желаниям, принимает к себе французских беглых офицеров, явных неприятелей англичан»[25]. В этом сказывалась гибкость политики наследника шаха, человека умного, хитрого и большого дипломата.

Участниками посольства были отмечены большая заинтересованность англичан в упрочении их влияния в Иране, их повышенный интерес к природным богатствам страны. По свидетельствам Муравьева, английские офицеры занимались в Иране отнюдь не только обучением войск. Они стремились разузнавать о природных ресурсах, занимались топографической съемкой и созданием карт Ирана. С некоторыми из таких офицеров Муравьев беседовал в Тавризе. Среди них он выделил английского офицера Монтейфа, занимавшегося «съемкой и описанием Персии», некоего

Джонсона, сказавшегося путешественником, который будто бы открыл какие-то новые рудники. Он уверял Муравьева, что по дороге от Тавриза к Тегерану «находятся в горах пребогатые свинцовые руды и несколько серебряных»[26]. Монтейф познакомил Муравьева с новой книгой по географии Персии, которая вышла в Лондоне. «Мы,— отмечал Муравьев,— книги сей не имели»[27].

По свидетельству Н. Н. Муравьева и Е. Е. Лачинова, участники посольства глубоко вникали в ход переговоров Ермолова с шахом, следили за международной обстановкой на Среднем Востоке. Так, Муравьев, например, указывал, что обострение отношений Ирана с афганскими племенами может повлиять на ход переговоров, активизировать стремление шаха к более прочному миру с Россией. Муравьев отметил в своих записках: «12 числа (августа 1817 г.— *О. Ор.*) Алексей Петрович мне сказал, „что вали курдистанский посылается с 6000 крутинцами против афганцев, что шах очень склонен к миру с нами, но что другие приближенные его от сего отговаривают...“»[28]. Видимо, здесь имелась в виду прежде всего позиция Аббас-Мирзы и его окружения, на которых особенно явственно сказывалось воздействие враждебной России английской дипломатии. Заявления шаха о желании мира с Россией тоже оговаривались рядом условий, прежде всего стремлением оторвать от соседней страны некоторые отошедшие к ней по Гюлистанскому миру 1813 г. закавказские земли. Во время переговоров шах проявлял повышенный интерес к возможности удовлетворения его притязаний, хотя бы на часть означенных закавказских территорий. Аббас-Мирза делал намеки российскому послу о желании шаха владеть Карабахским, Ширванским или Талышинским ханствами, что вызвало отрицательную реакцию всех членов посольской миссии. А. П. Ермолов решительно отверг и притязания шаха на эти ханства, и его обоснования своих притязаний, заметив попутно, что «англичане никакого права не имеют вмешиваться в дела Персии»[29].

Все представители «персидского посольства» были твердо убеждены — такое изменение границ, сложившихся после 1813 г., ухудшит обстановку в Закавказье, нанесет урон местному населению приграничной полосы. Они также опасались возможных вторжений султанских войск в закавказские владения России.

Настраивая шаха и его окружение на пересмотр ряда статей Гюлистанского договора, английская дипломатия обещала ему помочь отторгнуть от России Закавказье и установить границу по Тереку. Все это вызывало большую тревогу кавказских народов, в том числе армянского населения, проживавшего на закавказских землях России. Пребывание посольства в Эриванском ханстве раскрыло безмерность страдания населения Восточной Армении, его страстное желание войти в состав России. Неоднократно в 1817 г. обращались с просьбами о помощи посланцы от жителей отдельных селений, от горожан и от духовенства Эчмиадзина. Как замечал А. П. Ермолов, «в пограничных персидских областях возникли неудовольствия против правительства, а более в

провинции Эриванской до такой степени обнаружились, что строгие против них приемлются меры. Неудовольствие жителей и желание многих из них перейти к нам так обыкновенны, что я там ничего не нашел чрезвычайного»[30]. 1 мая навстречу посольству, двигавшемуся к Эчмиадзинскому монастырю, торжественно вышли патриарх и пять епископов, встречавших посольство за несколько верст от монастыря. «У ворот монастыря,— отмечал Ермолов,— нашел я духовенство с крестами и образами, в великолепной одежде и с колокольным звоном». Официальные власти, встречавшие посольство, боялись переговоров с ним патриарха. Поэтому, по свидетельству посла, было «приставлено множество шпионов для наблюдения за патриархом и нашим обращением с ним»[31].

О большой надежде армян на помощь России в избавлении от шахского угнетения также писал Муравьев, вспоминая встречу посольства жителями одного армянского селения, расположенного у реки Аракса, недалеко от древней крепости Джульфы. «Жители нас встретили ласково...— писал Муравьев.— Они весьма жаловались на притеснения, причиняемые им персиянами, и изъявили нам нетерпение, с которым ожидают приближения русских»[32]. В Эривани (Ереван) жители заверяли, что «они ожидают наши войска и с нетерпением взирают на то время, когда мы освободим их от ига Персии». «Вся Эриванская область нам предана»[33],— констатировал Н. Н. Муравьев.

Просьбы о помощи населения Восточной Армении, с которыми воочию столкнулась русская дипломатическая миссия в Иране, приходили в Россию давно[34]. К ним присоединялись армяне, проживавшие на территории Турции.

Тяжелое положение армянского народа глубоко взволновало всех участников посольства, показало важность помощи со стороны России. Это неоднократно подчеркивал и самый молодой по возрасту сотрудник «персидского посольства» Е. Е. Лачинов. Участие в нем стало для восемнадцатилетнего юноши большой жизненной школой, укрепило глубокое и сильное чувство ненависти ко всем проявлениям деспотизма и национального угнетения. Е. Е. Лачинов, как и его друг Н. П. Воейков, попали в состав посольства по рекомендации Н. Н. Муравьева. До этого Лачинов проучился три года в Московском университете, а затем, в 1816 г., поступил в Московское училище колонновожатых, основанное прогрессивно настроенным генералом Н. Н. Муравьевым (старшим) — отцом Муравьева, участника посольства. Это училище стало не только центром по подготовке высококвалифицированных военных специалистов, но и очагом свободомыслия. Не случайно 25 его воспитанников стали декабристами[35].

Н. Н. Муравьев высоко ценил идейную атмосферу училища колонновожатых и хорошую профессиональную подготовку его выпускников. Поэтому, подбирая себе помощников для «персидского посольства», он не случайно остановил свой выбор на Воейкове и Лачинове. С большой симпатией и даже гордостью отзы-

вался Муравьев о своих молодых помощниках, ценя в них хорошие знания и высокие человеческие качества. «Князь Волконский присутствовал сам на экзамене, был чрезвычайно доволен и откомандировал со мной двух молодцов: прапорщика Воейкова и колонновожатого Лачинова,— с удовлетворением отмечал Муравьев.— Первый из них совершенный сын природы без всяких затей, умен, учен, силен, весел, послушен, без светского обращения, смел и боек; второй тоже умен, прилежен и имеет много хороших качеств. Они, кажется, привержены ко мне, и я надеюсь иметь в них верных товарищей»[36].

Лачинов жаждал увидеть неведомый ему Кавказ, загадочную новую страну. Однако тяжелые будни посольства, многое увиденное собственными глазами изменили его прежние представления о Персии: легенды о ее сказочных богатствах разбивались при встрече с реальной жизнью народа. И эта реальность оказывалась отнюдь не сказочной. Народ страны был угнетен и разорен внутренними распрями, жестокостью феодальных правителей. Не случайно, что уже вскоре после первых восторженных записей в «Дневнике следования посольства» Лачинов писал: «Желание видеть новую страну с ее обычаями, нравами жителей и пр. удовлетворено. После знакомства с Грузией Персия представляет мало нового. Вместо ожидаемого богатства Востока, азиатской роскоши видим бедность, безвкусие, невежество»[37]. Особенно тяжелый след оставило бедственное положение населения Восточной Армении.

Как и другие участники посольства, Лачинов понимал действительный смысл нарочитой демонстрации персидских войск, а также стремление местных властей всячески ограничить общение армян с представителями России. Он подчеркивал в своем «Дневнике», что в течение всего времени пребывания посольства в Иране, на всем пути его следования демонстрировались войска. Особенно это бросалось в глаза в Эривани. Так, при вступлении посольства в этот город его окружала плотной стеной «регулярная персидкая пехота (сарбазы), которую обучают англичане»[38]. Сам Лачинов на протяжении всей своей жизни пронес чувства глубокого уважения и симпатии к трудовым слоям кавказских народов, стал одним из участников русско-персидской и русско-турецких войн второй половины 20-х годов, приведших к присоединению Восточной Армении к России.

Целесообразность присоединения Восточной Армении к России в кругу участников «персидского посольства» обосновывалась также важностью для страны улучшения линии ее границы с Ираном, естественным рубежом которой становилась река Аракс. От четкой линии границы во многом зависело спокойствие в закавказских землях России, устойчивость добрососедских отношений с Ираном. Это мнение неоднократно высказывал А. П. Ермолов в своих донесениях в Петербург, подчеркивая, что река Аракс «означает границу между ханством Нахичеванским и Адербиджаном, заключающим в себе многие провинции и ханства»[39].

«Дневник следования посольства» Е. Е. Лачинова является ценным источником о взглядах его автора на значение кавказской проблемы во внешней политике России, а также о деятельности самого посольства в Иране, о достигнутых им результатах в ходе переговоров с шахом. Из «Дневника» видно, что его автор хорошо понимал непрочность обещаний и заверений шаха выполнять условия Гюлистанского мира, к тому же шаха нацеливала на это английская дипломатия. Восточная любезность шаха не могла скрыть это и от участников последней, прощальной аудиенции, данной шахом посольству. Описание самой аудиенции было довольно подробно изложено Лачиновым в «Дневнике следования посольства»: «27 августа была прощальная аудиенция в той же палатке, где и прежде. Шах сидел на троне, весьма ласково говорил с послом, очень милостиво обращался к чиновникам, советовал служить верно обоим государям, обещал просить о награждении нас, насказал тысячу любезностей. В одной из прежних аудиенций шах объявил послу, что их хотели поссорить, представляя Алексея Петровича суровым, несговорчивым; но он, напротив, нашел в нем человека великого, сумевшего правдивостью своею укрепить дружбу двух монархов»[40].

Действительно, Ермолов, облеченный полномочиями «чрезвычайного посла», пытался сделать все, чтобы укрепить мирные и дружественные отношения между обоими государствами. Но вместе с тем он давал понять, что представляет великую державу, которая готова активно отстаивать свои интересы и не допускать вмешательства третьей страны в русско-иранские отношения. Этой задаче он подчинил и ритуал приема у шаха. Так, при приеме его шахом он в отличие от всех прежних послов разных стран «вошел в сапогах», а не в чулках; Ермолову было поставлено кресло не на каменном помосте (где обычно размещались послы), а против трона, на том же самом ковре[41].

Почти все участники русской дипломатической миссии в Иране были награждены шахом. Так, известно, что Н. Н. Муравьев получил орден Льва и Солнца 2-й степени, а Е. Е. Лачинов — тот же орден 3-й степени[42].

По-разному сложилась дальнейшая судьба Муравьева, Лачинова, Воейкова, определились их отношения с декабристами. Муравьев решил не возвращаться в Петербург, куда его усиленно звали друзья. Он остался служить на Кавказе. В 1820 г. Муравьев дослужился до чина полковника, позднее был произведен в генералы. В январе 1818 г. Лачинов уехал в Москву, в том же году он окончил полный курс обучения в училище колонновожатых и был выпущен офицером. Затем он продолжал военную службу в Тульчине, где незадолго до восстания 14 декабря 1825 г. был принят в члены Южного общества. После осуждения царским судом, Лачинов снова попал на Кавказ. Он был отправлен рядовым в действующую Кавказскую армию. Именно тогда Лачинов написал свое наиболее яркое и глубокое произведение «Моя исповедь» (рассматриваемое нами ниже), в котором с наи-

большей полнотой раскрылись его внешнеполитические воззрения, отношение к национально-освободительной борьбе кавказских народов. Н. П. Воейков после кратковременного пребывания в центре России, снова вернулся на Кавказ. Он стал третьим адъютантом А. П. Ермолова; прослужил на Кавказе вплоть до отставки своего начальника в 1827 г.; привлекался по делу декабристов. Несмотря на разность дальнейших судеб, этих людей объединяли сохранившийся большой интерес к жизни народов Кавказа, вообще к Среднему Востоку, большая симпатия к армянскому народу, находившемуся под чужеземным гнетом, страстное желание оказать ему всемерную помощь и поддержку. Каждый из них внес и свою посильную лепту в развитие интереса к кавказской проблеме в декабристских тайных обществах, а также в формирование взглядов декабристов на кавказские дела и на их роль во внешней политике России.

Благодаря рекомендательным письмам Н. Н. Муравьева, в Москве Лачинов и Воейков были хорошо приняты в кругу его друзей, сблизились с некоторыми членами Союза благоденствия, особенно с одним из его организаторов и членов Коренной управы А. Н. Муравьевым. Участники этого тайного антиправительственного общества с большим интересом расспрашивали Лачинова и Воейкова об обстановке в Иране, о русско-иранских отношениях и положении в Закавказье. Их рассказы дополняли официальные сведения, появляющиеся на страницах отечественной печати, а иногда и уточняли их[43]. Записки некоторых участников посольской миссии 1817 г. были опубликованы в начале 20-х годов XIX в.[44] Отрывки же из записок А. П. Ермолова появились только в 1827 г.[45], а записки Н. Н. Муравьева и А. Е. Соколова были напечатаны значительно позднее.

О возросшем интересе к Кавказу в русском обществе после отправления в Иран посольской миссии во главе с А. П. Ермоловым писал 3 апреля 1817 г. М. Н. Муравьев к брату Н. Н. Муравьеву: «Никогда здешняя публика не занималась столько Грузиею; общее уважение, которое твой начальник (Ермолов.— *О. Ор.*) здесь имеет, обратило внимание всех несколько мыслящих людей на Грузию, и даже приказы печатанные Алексея Петровича многие читают с восхищением и по малому числу экземпляров даже переписывают. Ежели будут лишние, то пришли к нам, пожалуйста, несколько экземпляров»[46]. По свидетельству современников, сообщения с Кавказа, приказы Ермолова читались и обсуждались во многих домах «как речи Демосфена или Цицерона»[47].

Дальнейшая разработка декабристами революционной программы действия острее ставила вопрос об ограждении революционных завоеваний будущей России от внешних врагов, от посягательств на ее территорию, о путях развития контактов с сопредельными с Россией народами и государствами. В кругу этих внешнеполитических задач значительное внимание декабристы начинают уделять кавказскому региону, поискам путей упрочения дружественных связей с народами Кавказа.

2. *Политика царизма на Кавказе в оценке декабристов и других прогрессивных деятелей России; взгляды на роль кавказского региона в развитии Восточного кризиса 20-х годов XIX в.*

Международная обстановка на Среднем Востоке значительно обострилась в период Восточного кризиса 20-х годов. По мере его развития активизировались реваншистские притязания турецкого султана на Западную Грузию и Крым, а шаха персидского — на Восточное Закавказье. Они подогревались европейской дипломатией, прежде всего английской, преследовавшей в Закавказье свои цели. Народы Закавказья в целом поддерживали борьбу России с ее противниками в бассейне Черного и Каспийского морей, за расширение владений в Закавказье. В известной мере это отвечало их национальным интересам, что особенно ярко проявилось в настроениях армянского народа, значительная часть которого находилась под гнетом Османской империи и шахского Ирана. Но народы Закавказья не хотели мириться и с национально-колониальной политикой царизма. Одним из крупных движений против царизма стало восстание 1812 г. в Кахетии, явившееся выражением стихийного протеста народных масс в ответ на усиление социального и национального гнета. Выступая против колониальной политики царизма, трудовые слои закавказских народов не ставили вопроса об отделении от России, ибо это противоречило их коренным интересам. Они, как и участники антикрепостнического движения в центральных районах России, боролись против феодально-крепостнического гнета самодержавия, к которому на окраинах империи присоединялся еще гнет национальный. В то же время некоторые местные феодалы в Закавказье, исходя из своих узкоклассовых интересов, подчас пытались использовать проявления антиколониальной борьбы крестьянства для отторжения отдельных территорий от России, вставали на путь прямой измены, фактически превращались в агентов султанского и шахского правительств. Особенно явственно это проявилось во время развития Восточного кризиса 20-х годов.

Восточный кризис усилил внимание русской общественности к кавказским делам, к задачам упрочения русско-кавказских связей. Однако это не означало, что передовые представители России становились апологетами правительственной политики на Кавказе и ее военно-феодальных методов. Они раскрывали и критиковали негативные стороны политики царизма, считали, что царская Россия наряду с другими европейскими державами была ответственна за разжигание международных конфликтов.

Анализ обстановки в Закавказье способствовал росту убежденности в декабристской среде в объективно-прогрессивном значении присоединения к России кавказских народов, пониманию, что оно отвечало их жизненным, национальным интересам. Недавнее историческое прошлое грузинского, азербайджанского народов, на-

стоящее положение армянского народа и ряда народов Северного Кавказа показывало, что феодальные междоусобицы, раздиравшие отдельные княжества и ханства, ухудшали положение трудовых слоев кавказских народов, отрицательно сказывались на их социально-экономическом и культурном уровне развития. Контакты отдельных князей и ханов с действовавшими угрозой и подкупами султанскими и шахскими властями не отвечали национальным интересам кавказских народов, ухудшали обстановку в Закавказье. Понимание всей сложности обстановки в Закавказье, стремления отдельных местных феодалов использовать антиколониальную борьбу народов в своих классовых интересах, а также нанести урон национальным интересам России ярко проявилось в ряде высказываний М. Ф. Орлова, Никиты Муравьева, а также во взглядах И. Г. Бурцова, Н. Н. Муравьева, А. С. Грибоедова и др.

Весьма эмоциональной была реакция А. С. Грибоедова на публикацию «Русским инвалидом» 6 декабря 1818 г. непроверенных сведений о событиях в Грузии. Грибоедов служил тогда в Грузии: там он пробыл с 21 октября 1818 г. по 28 января 1819 г., после чего выехал в составе русской миссии в Иран. За это время он близко сошелся с «ермоловцами», среди которых были разжалованные и политически неблагонадежные офицеры. Дружественные отношения сложились между Грибоедовым и А. П. Ермоловым. Их беседы длились тогда «каждый день по нескольку часов» и были посвящены самым разным вопросам. Во взглядах Грибоедова всегда отражались большая симпатия к народам Кавказа, понимание важности для них прочных связей с Россией. Как один из передовых представителей русской интеллигенции, Грибоедов сумел понять объективно-прогрессивные последствия вхождения кавказских народов в состав России в перспективе их исторического развития. Он хотел видеть свою Родину освободившейся от оков самодержавия и крепостничества, протягивавшей руку помощи и поддержки другим народам и странам в их борьбе за свободу и национальную независимость.

Отнюдь не случайно упомянутая выше публикация сведений об обстановке в Грузии газетой «Русский инвалид» вызвала у Грибоедова чувство досады и раздражения. 21 января 1819 г. Грибоедов послал «Письмо к издателю „Сына Отечества“» с просьбой опубликовать его в одном из ближайших номеров. В нем он излагал мотивы, побудившие его к выступлению против столичной газеты (к тому же носившей официальный характер), заметка которой о Грузии, по его мнению, опосредственно могла нанести удар по спокойствию в крае. «На днях, перебиравши листки „Русского инвалида“, в № 284 прошедшего декабря... вдруг попадаю на статью о Грузии: стало быть, эта сторона не совсем еще забыта, думал я; иногда и ею занимаются, а следовательно, и теми, которые в ней живут...— писал Грибоедов.— Но что же прочел? *Пишут из Константинополя* от 26 октября, будто бы в Грузии произошло возмущение, коего главным виновником почи-

тают одного богатого татарского князя. Это меня и опечалило, и рассмешило»[48]. Такая реакция на прочитанное была вызвана прежде всего тем, что сведения о событиях, будто бы имевших место в Грузии, были почерпнуты газетой не из сообщений с Кавказа, а из зарубежной, к тому же из турецкой, печати, которая в интересах своих властей стремилась раздуть слухи о неурядицах в закавказских владениях России, подстрекала на антирусские выступления отдельных князей и ханов. Заботу же о благополучии закавказских народов, об упрочении мирных дружественных отношений между русским и кавказскими народами Грибоедов считал одной из важных задач политики на Кавказе, почитал своим долгом.

«Я бы, впрочем, не взял на себя неблагодарного труда исправлять газетные ошибки, если бы обстоятельство, о котором дело идет, не было чрезвычайно важно для меня, собственно, по месту, которое мне повелено занимать при одном азиатском дворе,— писал А. С. Грибоедов.— Российская империя обхватила пространство земли в трех частях света. Что не сделает никакого впечатления на германских ее соседей, легко может взволновать сопредельную с нею восточную державу. Англичанин в Персии прочтет ту же новость, уже выписанную из русских официальных ведомостей, и очень невинно расскажет ее кому угодно в Тавризе или Тейране (Тегеране.— *О. Ор.*). Всякому предоставляю обсудить последствия, которые это за собою повлечь может»[49]. В подтверждение своих опасений Грибоедов приводит сведения, что слухи, пущенные в Константинополе, приобрели «газетную достоверность» в «Гамбургском корреспонденте» в статье «Из Константинополя».

В заключение Грибоедов еще раз настоятельно подчеркивал, что, во-первых, «не всяким турецким слухам надлежит верить», а во-вторых, что «край забвения», каким был Кавказ в глазах «господ петербуржцев», заслуживает самого пристального внимания столицы по причине его важности для России и ее международного престижа на Ближнем и Среднем Востоке.

В «Письме» Грибоедова проявилась и его положительная оценка присоединения Грузии к России, что им было выражено в описании ее внутреннего состояния, по его мнению, значительно улучшившегося после 1801 г. Позднее Грибоедов усилил критику политики царизма на Кавказе, а свои взгляды по улучшению социально-экономического и культурного развития края изложил в ряде записок, в том числе в составленных во второй половине 1820 г.— в «Проекте Российской Закавказской компании», «Записке о лучших способах построить город Тифлис» и «Записке о переселении армян».

Задачи упрочения мирных отношений с народами Кавказа подчеркивал в 1820 г. М. Ф. Орлов. Он весьма решительно выступил против военных методов покорения Кавказа, усмирения отдельных выступлений народов Северного Кавказа, которые проводил Ермолов. Будучи одним из руководителей Кишиневской

управы Союза благоденствия и поддерживая идею А. Ипсиланти вооруженного выступления за освобождение греческого народа, М. Ф. Орлов выражал в своих оценках методов царской колониальной политики на Кавказе мнение окружавших его единомышленников. Это мнение он сформулировал в письме от 13 октября 1820 г. из Кишинева к А. Н. Раевскому: «Известия о Грузии и о подвигах Ермолова весьма важны, но мне кажется, что со всем его умом он довершить общего успокоения той страны не в состоянии. Так же трудно поработить чеченцев и других народов того края, как сгладить Кавказ. Это дело исполнится не штыками, но временем и просвещением, которого и у нас не избыточно. При падении листов (т. е. осенью.— *О. Ор.*) сделают еще экспедицию, повалют несколько народа, разобьют толпу неустроенных врагов, заложат какую-нибудь крепостицу и возвратятся восвояси, чтобы опять снова ожидать осени. Этот ход дела может принести Ермолову большие личные выгоды, а России никаких. Впрочем, я не его виню...» [50].

Последняя фраза из приведенного отрывка письма свидетельствует также о том, что М. Орлов, генерал царской армии, понимал, что Ермолов являлся прежде всего исполнителем той политики и тех методов ее проведения, которые санкционировались непосредственно Александром I и его ближайшим окружением. Но М. Орлов и его единомышленники в России понимали, что многие акции командующего Отдельным Кавказским корпусом, методы их проведения зависели и от его личных распоряжений. Жестокость усмирения отдельных выступлений горских народов наносила вред престижу России в глазах населения Кавказа. М. Ф. Орлов выражал свое отношение к непосредственно тогда происходившим событиям в Грузии. В 1819—1820 гг. в Имеретии было поднято восстание, возглавленное местными феодальными властями, в ответ на меры царского правительства по упорядочению прав грузинского духовенства и выселению безземельных дворян на казенные земли. Местное дворянство пыталось опереться на крестьянство, используя их недовольство деятельностью царских чиновников. О «бунте в Имеретии» М. Орлову сообщил в письме от 8 июля 1820 г. из Киева А. Н. Раевский.

Руководитель Северного общества декабристов Никита Муравьев также осуждал военно-феодальные методы «покорения» Кавказа. Он выступал против военных жестокостей по отношению к народам, подвластным непокорным князьям и ханам, против натравливания их друг на друга, против системы подкупов, которые применял царизм в своей политике на Кавказе. В частности, Н. Муравьев тоже обращал внимание на жестокость при покорении восстания в Имеретии. Эту жестокость он осудил самым решительным образом [51].

Царизм неуклонно придерживался курса на покорение кавказских горцев силою оружия. Так называемая «кавказская война» длилась не одно десятилетие. Она приводила к большим людским потерям и в целом была оперативно бесплодной. Это мнение едва

ли не первым в государственных кругах высказал Н. С. Мордвинов. Он выступал за широкое экономическое освоение Кавказа путем его непосредственного вовлечения в сферу хозяйственной жизни страны.

Представители декабристских тайных обществ, вникая в проблемы Кавказа, все теснее связывали перспективы его дальнейшего развития с судьбой всей России. Главной задачей того времени было разрушение феодально-крепостнического строя.

Вполне естественно, что наиболее осведомленными о формах и методах царской политики на Кавказе были те из участников движения декабристов или те из их сторонников, которые служили тогда на Кавказе. Иногда по долгу службы им самим приходилось участвовать в военных операциях. Это всегда было тяжелой обязанностью для прогрессивно настроенных офицеров. В то же время их участие удерживало солдат от бессмысленных жестокостей, помогало установлению более тесных и дружественных отношений с кавказскими народами. Особенно большое значение приобрела их деятельность на земле Кавказа после 1825 г., когда в «теплую Сибирь» были сосланы многие участники движения декабристов.

Несмотря на царскую цензуру, в отечественную печать прорывались работы прогрессивно настроенных авторов, выражавших критическое отношение к колониальной политике царизма и методам завоевания Кавказа. Такие работы появлялись как в центральной, так и в местной кавказской печати. Одной из интересных работ являются появившиеся 17 ноября 1825 г. в «Северной пчеле» «Отрывки о Кавказе. Из походных записок: (Письмо к издателям «Северной пчелы»)». Они были подписаны двумя буквами «А. Я». Сравнительно недавно, благодаря научным изысканиям М. К. Азадовского, установлено имя автора этой работы. Им был декабрист А. И. Якубович, прослуживший на Кавказе с 1818 по 1824 г. «Отрывки о Кавказе» проливают дополнительный свет на еще мало известные идейные воззрения Якубовича. Они ценны и тем, что раскрывают отношение к кавказским делам одного из очевидцев и участников происходивших тогда событий на Кавказе. А. И. Якубович участвовал в военных действиях 1822 г. в Кабарде, в Карачае и Адыгее.

Продвижение русских кордонов на рубеж реки Малки и выселение ряда кабардинских аулов, находившихся между ней и рекой Кубанью, вызвали волнение в Кабарде, набеги на русские селения и казачьи станицы. Они были инспирированы в основном кабардинскими князьями, боявшимися подрыва своего влияния на местное население, утраты своей власти над ними. Представители царских военных властей, взыскивая с кабардинцев по принципу «круговой поруки», подвергали суровым репрессиям непокорные аулы. Якубович, как участник одного из военных походов против кабардинцев, сразу же записал свои впечатления и свои соображения в связи со всем им виденным. На это он указал издателям «Северной пчелы», подчеркнув, что его работа создавалась

под свежим впечатлением, в перерывах между дневными походами, на бивуаках и что ее цель — познакомить читателя «с племенами Кавказа и образом их войны». По своей идейной направленности она значительно отличалась от статей о кавказских народах, появлявшихся время от времени в печати и принадлежавших в своем большинстве авторам, известным своей благонадежностью, преданностью политике царизма.

А. И. Якубович отнесся с чувством симпатии и доброжелательности к описываемым им народам. Он показал, что они тяжело страдают от гнета и произвола местных феодальных правителей, от феодальных междоусобиц, подчас становясь поневоле объектами жестокостей как со стороны враждующих с ними других феодальных владетелей, так и царских властей[52]. В разделе статьи «Из замечаний о войне горцев северной покатости Кавказа» Якубович наибольшее внимание уделил описаниям отношения горцев к войне, свободе, славе: «Самая природа своими красотами и ужасами возвышает дух сих горцев; внушает любовь к славе, презрение к жизни и порождает благороднейшие страсти, теперь омрачаемые невежеством магометанства и кровавыми обычаями»[53]. Смело и необычно для распространенных в печати оценок горцев звучало в работе Якубовича прославление вольнолюбия горцев, определение их как «народа свободного, храброго, трудолюбивого»[54]. Якубович как бы выражал несогласие с официальной точкой зрения на кавказских горцев.

Такие взгляды и оценки, резко расходившиеся с концепцией самодержавия и его идеологов, вызывали не только неудовольствие правящих кругов, но иногда и прямо инкриминировались их авторам как взгляды антиправительственного направления. Так, одному из активных деятелей Московской управы Северного общества П. А. Муханову после его ареста Следственный комитет по делу декабристов поставил в вину и позитивное отношение к антиколониальным выступлениям кавказских народов, и критические оценки политики царских властей на Кавказе. Свое отношение к кавказским проблемам Муханов выразил в работе (оставшейся в рукописи) «Поездка в Грузию и Карабах»[55].

В 1826 г. в «Московском телеграфе» (ч. 7) появилась статья С. Д. Нечаева «Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России». Ее автор относится к тем так называемым «безвестным декабристам», об участии которых в движении стало известно сравнительно недавно[56]. Нечаев был деятельным членом Союза благоденствия. В первой половине 20-х годов он активно участвовал в литературной и культурной жизни Москвы, где с 1824 г. служил чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе кн. Д. В. Голицыне. Его произведения печатались во многих центральных журналах, в том числе в важнейших декабристских изданиях — в «Полярной звезде» («Воспоминания»), «Мнемозине» («Застольная песня греков»). В опубликованных «Отрывках из путевых записок...» Нечаева тема свободолюбия горцев является одной из центральных, наиболее созвучной его идейным

настроениям. Стремление горцев к свободе, к утверждению своего человеческого достоинства, по мнению автора, это — одна из лучших черт человечества вообще, а кавказских горцев в особенности. Описание жизни и быта горцев, данное Нечаевым, сочеталось с проводимой им идеей о необходимости просвещения народов Кавказа, поднятия их культурного уровня развития. Автором даже намечалась целая программа по проведению просветительской политики в крае. Просветительские идеи были характерными для Союза благоденствия, верность которым Нечаев сохранил в течение всей своей жизни.

Отдельные эпизоды из истории русско-турецких и русско-иранских войн 1-й трети XIX в. нашли отражение в статьях И. Г. Бурцова, изданных как до 1825 г., так и анонимно в конце 20-х годов. Одной из его ранних работ является «Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами» («Отечественные записки», 1820, ч. 2). Интересный разбор кавказских проблем был дан в 1823 г. одним из ярких представителей движения декабристов, профессиональным историком и архивистом А. О. Корниловичем в его рецензии на книгу С. Броневского «Новейшие известия о Кавказе» (ч. 1) [57].

Понимание важности «завоевания» Кавказа мирными средствами (путем вовлечения края в сферу социально-экономической жизни всей страны, поднятия культуры его народов) было присуще большинству декабристов, в том числе и тем, которые, как, например, Бурцов, сначала недооценивали значение службы передовых русских людей на Кавказе. Об изменившихся взглядах Бурцова свидетельствуют его высказывания в переписке с Н. Н. Муравьевым, продолжавшим после участия в «персидском посольстве» 1817 г. службу на Кавказе. В одном из писем Бурцов уже называет кавказские народы «согражданами», подчеркивает большую значимость проведения на Кавказе полезных для народов мероприятий, участие в них прогрессивно настроенных русских людей. «Ты описываешь мне труды свои, понесенные при устройстве нового края: проложение дорог, возобновление селений в стране, прелестнейшей в мире. Радуюсь, милый друг, твоим полезным подвигам и оценяю то удовольствие, которое ощущаешь ты при сих занятиях... творить полезное для сограждан возвышает душу и облагораживает существование наше. Воздвигай прочные грани там, где предел могуществу России», — так писал И. Г. Бурцов 2 ноября 1824 г. из Тульчина в Тифлис. Несколько раньше, в письме, отправленном Н. Н. Муравьеву из Тульчина не по почте, а с оказией, Бурцов довольно откровенно определяет свое понимание деятельности на Кавказе прогрессивно настроенных представителей России — «на пользу Отечества». Под ней он подразумевал деятельность, нужную для будущего страны.

Разный подход к путям ликвидации старого строя в России привел к развитию противоречий внутри Союза благоденствия, к официальному его роспуску и созданию на его основе двух новых тайных организаций — Южного и Северного обществ. Умеренно настроенный И. Г. Бурцов не вошел в Южное общество,

о существовании которого предполагал. Бурцов тяжело переживал роспуск Союза благоденствия. Его надежды на действенную силу общественного мнения, которые он выражал, будучи членом Союза благоденствия, сохранились и в дальнейшем, проявились в его взглядах на проблемы Кавказа. «Если я вызывал тебя служить в России, а не в Грузии,— писал И. Г. Бурцов 24 апреля 1822 г. Н. Муравьеву,— то я, может быть, ошибался в той пользе, которую ты принести мог общему государственному составу»[58]. Отношение Бурцова к службе на Кавказе и, вообще, к кавказским проблемам менялось и в результате обогащения его представлений об обстановке в крае, и под воздействием опыта собственной службы не в столицах, а на Юге России, близ Бессарабии и недалеко от мест, где началось греческое восстание 1821 г. Тогда Бурцов служил во 2-й армии под начальством генерала П. Д. Киселева.

Непосредственными очевидцами и даже участниками развертывавшихся событий на Кавказе, в том числе военных операций царских войск против кавказских горцев, стали те передовые русские люди, которые находились на службе у А. П. Ермолова. Некоторые из них, как Грибоедов, Якубович и другие, сумели выразить свое отношение к кавказским делам в прессе, в опубликованных трудах. Другие же свои взгляды раскрывали в переписке с друзьями и близкими, в дневниках и воспоминаниях. Изучение эпистолярного наследия представителей дружественного круга «ермоловцев» дает убедительные свидетельства их критического отношения к колониальной политике царизма на Кавказе, к военно-феодальным методам их проведения. Вместе с тем оно раскрывает их большую заинтересованность в упрочении положения России на Кавказе, понимание важности этого для урегулирования противоречий с Турцией и Ираном, все более обострявшихся в период Восточного кризиса. Особенно ярко это раскрылось в письмах и записках А. И. Якубовича, А. С. Грибоедова, Н. Н. Муравьева.

Хорошо был осведомлен об обстановке на Кавказе, в том числе о международных противоречиях на Среднем Востоке, Н. Н. Муравьев. С конца 10-х годов его основным местом пребывания стал Тифлис. По делам службы он довольно часто ездил в разные места края, в том числе в пограничные районы Закавказья. Так, в 1818 г. по заданию Ермолова Муравьев побывал на границе с Ираном с целью наиболее искусно расположить войска «для удержания кочующих народов»[59]. За успешное выполнение задания «получил благодарность в приказах» от главнокомандующего в Грузии. В 1819 и 1821 гг. Муравьев руководил военными экспедициями на восточный берег Каспийского моря, совершил опасную миссию в Хиву. Н. Н. Муравьев знал о недовольстве в Дагестане народных масс правлением шамхала Тарковского, поддерживаемого царскими властями. По мнению Муравьева, «шамхал, слабый, старый, боящийся своего народа и нашего правительства, не мог управляться как настоящий владелец на земле своей»[60]. Как и другие прогрессивно мыслящие пред-

ставители русской общественности, Муравьев выступал против бессмысленных жестокостей по отношению к кавказским горцам, подвластным враждующим с Россией князьям и ханам. Он был и против тех непомерных тягот, которые налагала местная царская администрация на кавказское население, привлекая его к прокладке дорог, строительству крепостей и пр. Изучение эпистолярного наследия Муравьева показывает, что, хотя и в несколько завуалированной форме, он выражал осуждение методов политики царизма на Кавказе. Так, рассматривая причины восстания 1819 г. в Имеретии, перекинувшегося затем в Гурию, и других антиколониальных выступлений кавказских народов, он совершенно верно заметил: «Хотят, чтобы здешний народ благословлял российское правительство, тогда как употребляют все возможные средства для угнетения его».

Немало критических замечаний прозвучало в кругу декабристов и в среде лиц, близких к ним по идейным воззрениям, в адрес действий самого А. П. Ермолова[61]. Понимая важность для России упрочения ее позиций на Кавказе, укрепления границ, они видели и отмечали все положительное, сделанное под его руководством. Так, прогрессивным было упразднение ханской власти в ряде азербайджанских ханств, а также отмена рабства и работорговли. Это последнее распоряжение Ермолова особенно высоко оценивалось в передовых кругах русского общества[62]. В 20-х годах Ермолов санкционировал разрешение выкупа на Кавказе (ранее практиковалось в Грузии) на волю крестьян имений, продававшихся с торгов, а также тех владетелей, которые вставали на путь измены России. Следует заметить, что в значительной степени провозглашение Ермоловым этих мер было тактическим приемом, стремлением отколоть народные массы от враждующих с Россией ханов и князей, ибо при урегулировании с ними отношений крестьяне могли вновь попасть под их власть. Но вместе с тем часть крестьян могла получить и получила освобождение от личной зависимости, что имело прогрессивное значение[63]. Ввиду важности Кавказа в военно-стратегических планах царского правительства на Ближнем и Среднем Востоке Ермолов заботился о прокладке новых дорог, развитии почтовой связи, разработке полезных ископаемых и пр. Эта сторона деятельности (но отнюдь не ее методы) положительно оценивалась декабристами. Так, С. Г. Волконский отмечал одобрение членами Южного общества инициативы Ермолова по созданию в Закавказье литейно-пушечного и порохового заводов, монетного двора, усилий по исследованию залежей минералов[64]. С деятельностью Ермолова связано проведение в Грузии ряда важных мероприятий в культурно-просветительной сфере. Упрочение позиций России на Кавказе способствовало оживлению внутренней и внешней торговли. В то же время в передовых кругах русского общества критиковались отдельные военные акции Ермолова против кавказских горцев, а некоторыми декабристами и сами военно-феодальные методы, которыми проводилась политика на Кавказе. Грибоедов даже назвал

борьбу горцев против колониальной политики царизма «борьбой горной и лесной свободы с барабанным просвещением»[65].

Восточный кризис 20-х годов, все более втягивавший Кавказ в сферу его распространения, активизировал внимание декабристов к проблеме отношений России с Ираном и Турцией. Европейские державы, разжигавшие русско-турецкие противоречия, с удовлетворением констатировали ущемление интересов России на Черном море и на Ближнем Востоке. Особенно активно наряду с дипломатией Австрийской империи действовала английская дипломатия. П. Д. Киселев сообщал 1 июля 1821 г. в Петербург А. А. Закревскому, что «англичане работают (среди турок.— *О. Ор.*) противу нас»[66]. Он был весьма обеспокоен сосредоточением турецких войск у русских границ и начал готовить 2-ю армию к передислокации. После разрыва дипломатических отношений России с Турцией усилились происки последней на Кавказе, возникли отдельные пограничные конфликты, усилилось подстрекательство местных феодалов в Закавказье и на Северном Кавказе к переходу под власть султана. Османские власти требовали, произвольно истолковывая 6-ю статью Бухарестского трактата 1812 г., передачи Турции всей территории Западной Грузии. Напрасно русские дипломаты доказывали, что Россия выполнила все обязательства этого трактата, возвратила Турции те пункты и районы, которые были завоеваны русским оружием в ходе последней войны (как Поти, Ахалкалаки, Анапа), оставив за собой области, владетели которых на основе договоров с Россией вступили в русское подданство.

Следует отметить, что дипломатическая борьба русского посланника в Константинополе Г. А. Строганова с османскими властями требовала бо́льшей поддержки Александра I и его придворного окружения. Большие трудности испытывал также А. П. Ермолов, решительно отстаивая вопрос о существовавшей линии русско-турецкой границы на Кавказе, ибо К. В. Нессельроде даже высказывал мнение о возможности вывода русских войск из Абхазии. Обстановку в Абхазии обострила начавшаяся летом 1821 г. и продолжавшаяся ряд лет междоусобица среди местной феодальной знати, в которой значительную роль играл Аслан-бей, пользовавшийся поддержкой султана. Зарубежные реваншистские круги настраивали бежавших из Грузии грузинских феодалов к организации мятежей на Кавказе, снабжали их золотом для подкупа местных владетельных князьков, недовольных ущемлением их прав российской администрацией.

Обостренность русско-турецких отношений, возможность начала новой войны с Турцией особенно ощущали деятели Южного общества, а также связанные с декабристскими кругами передовые представители русской общественности, служившие в Отдельном Кавказском корпусе или состоявшие на службе у Ермолова по гражданскому и дипломатическому ведомствам. Об этом свидетельствует содержание уже рассмотренных нами в других главах работы докладных записок П. И. Пестеля, отправленных им

в штаб 2-й армии в 1821 г., а также предложений Пестеля и И. Г. Бурцова по улучшению учебных занятий, гарнизонной и лагерной службы, проведения маневров и др.[67] Большую активность по обеспечению 2-й армии всем необходимым в возможных походных условиях развил генерал-интендант армии А. П. Юшневский, член Директории Южного общества. В официальных письмах к П. Д. Киселеву, он, как и многие другие передовые представители России, высказывался за активную поддержку восставших греков, считал справедливым делом начало войны против Порты с целью свержения османского владычества на Балканах. Так, 20 июня 1821 г. он писал Киселеву: «По содержанию отношения Вашего превосходительства о усилении военных предосторожностей на турецкой границе и по некоторым частным известиям догадываюсь, что поведение наше с Портой готово принять желаемый оборот»[68].

Как известно, Александр I, связанный обязательствами участника и главы Священного союза перед другими европейскими монархами, учитывая внутриполитические сложности, не рискнул решительно поддержать борьбу греков за независимость, нанести решительный удар по реваншистским притязаниям на Кавказе османских властей.

Начало Восточного кризиса и особенно его дальнейшее развитие полнее показали декабристам подлинную роль Кавказа в международных противоречиях по Восточному вопросу. В декабристских кругах все больше находили поддержку идеи установления тесных контактов с передовыми представителями русской общественности на Кавказе, как для организации совместного выступления против самодержавия, так и для организации защиты будущих революционных завоеваний в России от посягательств извне.

Из показаний арестованных после 14 декабря 1825 г. декабристов Следственному комитету видно, что именно в первой половине 20-х годов в их кругу возникла идея привлечения к активной борьбе против самодержавного строя передового офицерства Кавказского корпуса и даже самого А. П. Ермолова, командовавшего большими военными силами. Ермолова предполагали ввести в состав Временного революционного правительства[69]. Распространявшееся в кругу декабристов представление о возможности поддержки вооруженного выступления против царизма силами Отдельного Кавказского корпуса, участия его в охране южных границ «новой России» от внешних врагов свидетельствовало о существовании определенных связей между тайными обществами декабристов и «ермоловцами», о близости их идейных воззрений.

Вопрос о существовании в Отдельном Кавказском корпусе организационно оформленного тайного антиправительственного общества (так называемого Кавказского общества) не получил в исследовательских трудах обоснованного подтверждения. Версия о сложившемся и активно действовавшем тайном антиправительственном обществе на Кавказе, видимо, еще нуждается в подкреп-

лении новыми документальными материалами[70]. Высказываемые предположения о существовании Кавказского общества построены в основном на материалах Следственного комитета по делу декабристов. Среди следственных дел декабристов имеется специальное дело «О тайном обществе в Отдельном Кавказском корпусе»[71]. В нем находятся собранные Следственным комитетом сведения об обществе. В основном это выписки из показаний ряда декабристов. Но их показания базируются не на конкретных знаниях о деятельности общества, а на сведениях, полученных главным образом из рассказа о нем А. И. Якубовича С. Г. Волконскому. В ходе следствия по делу декабристов вопросы о Кавказском тайном обществе были заданы П. И. Пестелю, С. И. Муравьеву-Апостолу, В. Л. Давыдову, С. Г. Волконскому и другим членам Южного общества. О нем же допрашивали А. С. Грибоедова.

В следственном деле С. Г. Волконского, опубликованном в многотомном документальном издании «Восстание декабристов» (М., 1953, т. 10), содержатся его пространные показания по этому вопросу. Там же правителем дел Следственного комитета А. Д. Боровковым суммарно изложены показания Волконского о Кавказском обществе. Из составленной Боровковым записки следует, что «из слов капитана Якубовича, с коим Волконский там (на Кавказе.— *О. Ор.*) познакомился, он составил описание, как о внутреннем устройстве и цели, так о действиях и о некоторых членах общества, будто бы учрежденного на Кавказе и покровительствуемого генералом Ермоловым. Описание свое Волконский в виде отчета представил Директории и с сего времени существование Кавказского общества казалось вероятным. Он признается однако, что, кроме разговоров Якубовича, не имел никаких других сведений»[72].

В ответах других декабристов на вопросы Следственного комитета сообщалось, что им якобы неизвестно о реальной деятельности Кавказского общества и тем более о конкретной роли в нем Ермолова, но отмечалась возможность сочувствия последнего идеям общества. Это предположение прозвучало, например, в высказываниях П. И. Пестеля: «О генерале Ермолове сказывали они (Якубович, Тимковский Волконскому.— *О. Ор.*), что он об обществе ничего не знает, но членам оного покровительствует чрез старание тех лиц, Ермолову приближенных... О целях Кавказского общества, сказывали они, что оно ожидает революции в России, дабы содействовать оной или, смотря на обстоятельства, служить убежищем при неудаче...»[73].

Упоминание в показаниях декабристов имени Ермолова и как вероятного покровителя Кавказского общества, и как возможного кандидата во Временное революционное правительство будоражило Следственный комитет, от которого Николай I требовал получения материалов об этом обществе. У Николая I росла тревога в связи с неясностью настроения войск на далекой окраине, по размерам превосходящей иное европейское государство, в связи

с неуверенностью в полной лояльности «проконсула Кавказа» А. П. Ермолова. О возможной связи Ермолова с тайными антиправительственными обществами писал брату Николаю незадолго до своей смерти Александр I. Он отмечал, что «пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается между войсками... есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют при том секретных миссионеров для распространения своей партии: Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров, сверх сего, бóльшая часть разных штаб- и обер-офицеров»[74]. Подозрение в связях Ермолова с декабристами стало одной из причин его отставки в 1827 г.

На основании имеющихся в распоряжении современных исследователей документальных материалов, видимо, все же можно скорее полагать, что в кругу «ермоловцев» шло обсуждение вопросов создания тайного антиправительственного общества, рассматривались проекты его организационного устройства, устава, подыскивались кандидаты в руководители и в возможные члены общества. В то же время в кругу «ермоловцев» располагали сведениями о существовании в России тайных антиправительственных обществ, знали некоторых их деятелей. Отнюдь не случайно, А. И. Якубович вызвался информировать генерала С. Г. Волконского — члена Южного общества, пользовавшегося большим авторитетом среди участников движения декабристов,— о Кавказском обществе.

Существует также мнение, что тайное общество на Кавказе было настолько строго законспирировано, что его не удалось раскрыть Следственному комитету по делу декабристов. Некоторые исследователи полагают, что этим комитетом возможно были намеренно не раскрыты нити, ведущие к обществу, поскольку с ним связывалось имя А. П. Ермолова, прямой расправы с которым опасался Николай I.

Несомненно одно, что в кругу «ермоловцев» были сильны антисамодержавные настроения, что идейно они были близки участникам движения декабристов. Некоторые из них, как П. Г. Каховский, А. И. Якубович, В. К. Кюхельбекер, стали активными участниками движения декабристов. Жизненный и творческий путь А. С. Грибоедова был также тесно связан с декабристами.

Участники дружественного круга «ермоловцев» немало сделали для подъема культурной жизни на Кавказе, главным образом в области книгопечатания и журналистики, развития русско-кавказских культурных связей, общественной и научной мысли[75].

Большой вклад в развитие содружества кавказских народов, русско-кавказских общественных и культурных связей внес А. С. Грибоедов. Один из ярких представителей передовой России, он, находясь на службе у А. П. Ермолова, а затем у И. Ф. Паскевича, призывал их «равно благотворить всем своим подданным, какой бы они нации не были»[76]. Сам Грибоедов, выполняя ответ-

ственные дипломатические поручения российского правительства в Иране, немало сделал для защиты прав кавказских народов. С 1818 г. до конца своей жизни, трагически оборвавшейся в начале 1829 г. в Тегеране, Грибоедов был самым тесным образом связан с Востоком. В 1819—1821 гг. он служил в русской миссии в Тавризе, которая по соглашению русской и иранской стороны в результате «персидского посольства» 1817 г. была основана в резиденции Аббас-Мирзы, ведавшего внешнеполитическими делами страны[77]. Он получил должность секретаря при поверенном в делах, главе миссии С. И. Мазаровиче. В 1828 г. Грибоедов был назначен полномочным министром России в Иране. 20-е годы были самыми насыщенными в его писательской и служебной деятельности. Тогда была проведена основная работа над его бессмертной комедией «Горе от ума», откристаллизовывались его идейные воззрения. Как считает академик М. В. Нечкина, в 1824—1825 гг., в период пребывания Грибоедова по служебным делам в Петербурге, он мог стать фактическим членом Северного общества. Именно его общение с декабристами в те годы послужило непосредственным поводом для его ареста и ведéния следствия по делу о причастности к тайным антиправительственным обществам[78].

Находясь на дипломатической службе, Грибоедов непосредственно столкнулся со многими отрицательными сторонами деятельности российского Министерства иностранных дел, которое он иронически называл Министерством «престранных дел»[79]. Особенное неудовольствие вызывал у него министр иностранных дел К. В. Нессельроде, который довольно мало внимания уделял кавказскому направлению внешней политики России, не заботился должным образом об отстаивании интересов России на Среднем Востоке. Грибоедов был критически настроен и по отношению к директору Азиатского департамента К. К. Родофиникину. Так, он весьма едко писал о подборе им сотрудников в русскую миссию в Иране, не раз спрашивая его в письмах, что делать с присланными «юными ориентальными дипломатами», «которые цветут здесь как сонные воды в бездействии»[80]. Самого Грибоедова как дипломата отличали инициатива, чувство патриотизма, долга и ответственности перед Россией.

Свои впечатления о пребывании на Востоке, о службе в русской миссии в Иране Грибоедов отразил в ряде служебных бумаг, а также в письмах и в «Путевых записках», которые он составлял в 1818—1827 гг. В этих записках значительное место заняли его размышления по внешнеполитическим вопросам, прежде всего по вопросам отношения России с Ираном, роли английской дипломатии на Среднем Востоке. В них также были раскрыты картины страшного деспотического правления иранского шаха, тяжелейшего положения населения страны, и особенно армянского населения. «Всего несколько суток, как я переступил границу, и еще не в настоящей Персии, а имел случай видеть уже не один самовольный поступок»,— так писал Грибоедов в своих «Путевых

записках» в начале 1819 г. Его угнетала «лествица слепого рабства и слепой власти», которая «здесь беспрерывно восходит до бега, хана, беглер-бега и каймакама, и, таким образом, выше и выше» [81].

В 1819 г. Грибоедов пробыл в Иране около семи месяцев, выполнив за это время несколько важных дипломатических поручений. Так, ему удалось добиться разрешения шахских властей на вывод из Ирана в Россию 158 пленных российских подданных. В основном это были русские солдаты и жители приграничных селений в Закавказье. А. П. Ермолов отметил важность этой акции, твердость Мазаровича и Грибоедова, добившихся у «персидского правительства склониться на справедливое требование наше». Он подчеркнул также, что Грибоедов, исполняя свою миссию, «благородным поведением своим вызвал неблаговоление Аббас-Мирзы и даже грубость, в которых не менее благородно остановил его, дав ему уразуметь достоинство русского чиновника» [82]. В российском же Министерстве иностранных дел было выражено известное неудовольствие действиями Грибоедова, которые были расценены как самовольные [83]. Было отклонено и ходатайство Ермолова о награждении Грибоедова за умело проведенную им акцию по выводу пленных из Ирана. Но Грибоедов не отступал в своих убеждениях — действовать на благо России и ее народов, защищать ее престиж на международной арене. Поэтому он с негодованием отнесся и к намерению английского поверенного в делах в Иране Г. Виллока создать в 1820 г. из пленных «русский батальон» в составе армии Аббас-Мирзы. Протест в связи с этим намерением англичан он выразил сам английскому поверенному в связи с временным отсутствием в Тавризе Мазаровича.

Пребывание в Иране полнее раскрыло перед Грибоедовым ту роль, которую сыграло «персидское посольство» 1817 г. под руководством Ермолова для упрочения авторитета России как великой державы в странах Среднего Востока. Это, в частности, проявилось и в ритуале дипломатического приема шахскими властями русской миссии. Грибоедов описал один из них, устроенный эриванским сардаром в 1819 г. Он подчеркнул, что только представители русской миссии пользовались привилегией — имели возможность сидеть в присутствии шахских властей, а не стоять коленопреклоненными. Грибоедов писал: «Такое особенное предпочтение нам, русским. Между тем, как англичане смиренно сгибают колена и садятся на пол, как бог велит, и разутые...». Он же замечал, что «Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уважения, на которой они справедливо удерживаются в здешнем народе» [84]. Вместе с тем Грибоедов сознавал, что русская миссия в Иране могла и должна была сделать еще очень многое для урегулирования русско-иранских отношений. Но деятельность русской миссии в Тавризе сковывалась известной инертностью Александра I и проводника его внешнеполитического курса Нессельроде. В свою очередь, Ермолов, связанный отношением царского двора к дея-

тельности русской миссии в Тавризе, не мог направлять ей систематически инструкций и указаний.

При таком отношении к миссии высших царских властей Грибоедов все явственнее ощущал трудность положения при отстаивании интересов России в Иране. «Процветаем в пустыне, оброшенные людьми и богом отверженные»,— как оценивал он свое пребывание в Тавризе в письме от 27 декабря 1820 г. к Н. А. Каховскому в Тифлис [85]. Грибоедова весьма огорчал и тот факт, что Аббас-Мирза и его окружение знали подчас больше о событиях в российских закавказских владениях, чем сотрудники миссии, плохо информируемые из Тифлиса. Трудность службы в миссии определялась также неумелым поведением Мазаровича, который не был тонким дипломатом и, видимо, не чурался подарков Аббас-Мирзы. Так, в 1821 г., в период, когда для России было очень важно не допустить объединения сил Турции и Ирана против России, Мазаровичу было поручено вести переговоры с Аббас-Мирзой. Главной задачей Мазаровича было скрыть опасения России этого объединения, не препятствовать назревавшей войне Ирана с Турцией. Вместо этого Мазарович раскрыл заинтересованность России в Иране как союзнике, чем, по мнению Грибоедова, он мог заронить сомнение в крепости позиций России в Закавказье, разжечь реваншистские замыслы шаха и его окружения.

Грибоедов как тонкий дипломат понимал, что при сложившейся обстановке на Балканах возможная война Ирана против Турции отвлечет силы последней от подавления освободительной борьбы греческого народа, которую он, как и другие передовые представители России, поддерживал с большим энтузиазмом. Его отношение к этим вопросам раскрыл Н. Н. Муравьев, который записал в январе 1822 г. следующее о суждениях Грибоедова: «Когда получены были бумаги из Петербурга, которыми извещали персидский двор, что турки своим поведением навлекают на себя гнев государя и сами задирают нас к войне... Грибоедов ходил к Аббас-Мирзе и объяснил ему сие, говоря, что государь не требует союзников, но дает только ему знать о сем. Аббас-Мирза, обрадованный сим случаем, обещался выставить 50 тыс. воинов и итти на турок, что он и сделал» [86].

А. П. Ермолов, выполняя инструкции российского Министерства иностранных дел, пытался даже сдерживать дальнейшее развитие военного конфликта между Ираном и Турцией. Он писал К. В. Нессельроде 16 ноября 1822 г.: «Все усилия употребляю я наклонить его (Аббас-Мирзу.— *О. Ор.*) к прекращению неприязненных с Портою действий. И сие немалою причиною, что он с некоторого времени ограничивается мерами войны оборонительной» [87].

Интересные суждения о политике иранского правительства в начальный период Восточного кризиса 20-х годов принадлежат А. О. Корниловичу. В 1822 г. он был прикомандирован для сопровождения в столице иранского сановника Салега-Мирзы, «ближнего секретаря» Аббас-Мирзы, который отправлялся для перего-

воров в Лондон. Корнилович должен был показать гостю все «главнейшие заведения столицы». За хорошее выполнение этого поручения он получил одобрение и был произведен в штабс-капитаны[88]. После возвращения из Лондона, по пути в Тегеран, Салега-Мирза вновь побывал в столице. Но теперь он был встречен в придворных кругах гораздо более сдержанно. Как заметил Корнилович, тогда царский двор был в неудовольствии на тегеранский по «причине ареста чиновника, отправленного в Персию для закупки лошадей»[89]. Во время сопровождения Салега-Мирзы Корнилович вел с ним беседы на разные, в том числе и на волновавшие передовую русскую общественность, внешнеполитические темы. Глубокие познания в области истории, современных международных отношений сделали беседы Корниловича с персидским сановником интересными, позволили ему глубже разобраться в некоторых специфических особенностях шахского Ирана и его внешней политики. Так, из разговоров с Салега-Мирзой Корнилович вынес довольно прочное убеждение в том, что шахское правительство, не ограничиваясь реваншистскими притязаниями на ряд российских владений в Закавказье, будет развертывать наступление на земли народов Средней Азии. Конечно, являясь высоким гостем России, Салега-Мирза был весьма сдержан в выражении своих взглядов по кавказским делам. Гораздо более откровенен он был с Корниловичем при изложении своих воззрений на перспективы действий Ирана в Средней Азии.

Как отмечал Корнилович, Салега-Мирза был одним из инициаторов перестройки иранской армии при помощи англичан; он был убежден в необходимости для усовершенствования армии постоянной пробы ее сил в военных действиях. Анализируя высказывания Салега-Мирзы, Корнилович писал: «Он весьма понимал, что для усовершения регулярных войск, заводимых Аббас-Мирзою, им нужно было упражнение. Для борьбы с Россиею они были слишком слабы, война с Турциею приходила к окончанию, а потому всего приличнее было обратить их против нестройных полчищ, обитающих к Северу, и завоевание Мири бухарцами могло служить благовидным тому предлогом»[90]. В одной из бесед Салега-Мирза подчеркнул, что овладение «узбеками во время междоусобий, предшествовавших воцарению в Персии нынешней Каджарской фамилии»[91], областью Мири, может послужить поводом для вторжения их войск на земли Бухарии.

Вполне понятно, что выдвигаемые Салега-Мирзой причины для нового наступления Ирана на среднеазиатские земли были, собственно, не причинами, а одним из поводов к новым военным акциям Ирана в Средней Азии. Стремление проникновения в Среднюю Азию определялось прежде всего экономическими и политическими факторами, а также давлением английской дипломатии на политику Ирана.

Давление английской дипломатии на внешнюю политику Ирана, разжигание ею реваншистских притязаний шахского правительства на закавказские земли России особенно явственно ощутил

А. С. Грибоедов во время службы в русской миссии в Тавризе, а затем во время дипломатических переговоров с иранским правительством при выработке Туркманчайского мирного договора 1828 г,. закрепившего победу России над Ираном в войне 1826—1828 гг. и нанесшего ощутимый удар английской дипломатии на Востоке. Что касается взглядов А. П. Ермолова на необходимость российской дипломатии твердо отстаивать условия мирных договоров между Россией и Ираном, Россией и Турцией, то здесь они были особенно близки к воззрениям Грибоедова и других передовых представителей России. Эта близость взглядов проявлялась прежде всего в вопросах о кавказских границах России. Дипломатическая переписка А. П. Ермолова показывает, что он считал своим долгом твердо отстаивать статьи о кавказских границах России Бухарестского и Гюлистанского трактатов. Особенно много усилий Ермолов вкладывал в ведение переговоров с Аббас-Мирзой и его дипломатическими представителями, прибывавшими в Тифлис[92]. Они становились все более трудными к середине 20-х годов. Как подчеркивал Ермолов в рапорте Александру I от 31 мая (12 июня) 1824 г., «персидское правительство усиливается захватить в свою власть все те места, кои составляют здесь или главные входы в разные провинции, принадлежащие Российской империи, или имеют все удобства к произведению мгновенных набегов»[93]. Одним из предлогов «несогласия» между Ираном и Россией стал с 1824 г. так называемый «Шурагельский угол» — область, присоединенная к России в 1805 г. Расположенная между Ереванским хребтом и Карсским пашалыком, она прикрывала южные подступы к Грузии.

Военные приготовления шаха, усилившиеся провокации на границах с Россией заставили нового царя, Николая I, в 1826 г. направить в Тегеран посольство во главе с кн. А. С. Меншиковым. Однако для урегулирования спорных вопросов эта дипломатическая акция России оказалась безуспешной.

Все эти вопросы волновали не только дипломатические круги России, они находили живейшее обсуждение в кругу «ермоловцев» на Кавказе, в кругах декабристов в России. «Спор о границах, который уже три года продолжается, до сих пор еще не кончен,— записал 14 августа 1825 г. Н. Н. Муравьев.— С нашей стороны были сделаны большие уступки, но персияне еще ими не были довольны и не умерялись в требованиях своих; это было причиною, что произошло у Алексея Петровича с Аббас-Мирзою неудовольствие, и последний, кажется, грозился вторжением в границы наши»[94]. 25 сентября Н. Муравьев продолжал: «Дела наши с Персией принимают вид войны... Конница персидская уже вступила во владения спорных земель и согнала с оных наши обывательские караулы»[95].

Так, еще до официального объявления Ираном войны России летом 1826 г. им в течение ряда лет велись военные провокации на российских закавказских границах. Их число значительно возросло к середине 20-х годов. От них страдало местное население.

Многие жители приграничных поселений вынуждены были покидать свои жилища, уходя в более отдаленные от границы места. Неспокойствие на границах наносило ущерб внутренней торговле и внешнеполитическим связям Закавказья. Урегулирование вопроса о границах России отвечало интересам широких народных масс закавказских народов и, более широко, национальным интересам страны в целом.

Именно эти соображения были выдвинуты на первый план П. И. Пестелем и его сторонниками при обсуждении вопроса о закавказских границах послереволюционной России.

Уже в отдельных работах Пестеля, предшествовавших «Русской Правде», им были высказаны соображения по вопросам территориального размежевания России на Кавказе с Азиатской Турцией и Ираном. В начале 20-х годов Пестель составил «Заметку о распределении войск по границам государства». Возраставшая напряженность международной обстановки в Европе и на Ближнем Востоке, несомненно, активизировали внимание Пестеля к этому вопросу. Обострение русско-турецких отношений в связи с греческим вопросом свидетельствовало о назревании войны России с Турцией. Эта война оценивалась в декабристских кругах как возможный катализатор дальнейшего развития революционного и национально-освободительного движения в Западной Европе и на Балканах, подготовки революционного выступления против самодержавной власти в России. Поэтому вопрос о расположении войск на границах для охраны территориальной независимости страны после возможного совершения в ней революционного переворота приобретал большое значение. Об этом свидетельствуют и размышления Пестеля над вопросом «распределения крепостей по округам» [96].

В «Заметке о распределении войск по границам государства» нашли отражение представления Пестеля о территориальных владениях России в Закавказье. В краткой, конспективной форме Пестель наметил линию границы России с Ираном и Турцией. Граница с Ираном намечалась «от Арпачая до Ара[к]са хребтом малонаселенных гор, течением Ара[к]са и Муганскою степью до Каспийского моря» [97]. Целесообразность прохождения границы по реке Араксу отмечали уже участники «персидского посольства» — Н. Н. Муравьев и Е. Е. Лачинов — при встречах с деятелями движения декабристов, об этом они писали в своих записках. Эта идея активно отстаивалась А. П. Ермоловым, о чем знали в декабристских кругах. Ход присоединения закавказских земель к России был хорошо известен Пестелю. Участие Пестеля в работе над подготовкой фундаментального труда по истории войн России с Турцией в XVIII — начале XIX в. значительно расширило его познания не только по этим вопросам, но и по истории самой Османской империи и о тех международных противоречиях, которые развивались в связи с борьбой за ее владения.

Вопрос о разграничении территориальных владений в Закавказье между Россией, Турцией и Ираном декабристы тесно свя-

зывали с чаяниями армянского населения войти в состав России, избавиться от тяжелейшего ига восточных деспотий. Отнюдь не случайно Пестель уже в начале 20-х годов (судя по намечаемой им линии границ) выдвинул идею вхождения в состав России Восточной Армении, находившейся под властью персидских ханов. Дальнейшее упрочение позиций России в Азербайджане имело наряду с военно-стратегическим большое экономическое значение, так как оно способствовало установлению удобных и безопасных путей в Иран, а оттуда в другие государства Среднего и Центрального Востока, созданию баз на Каспийском море, что, в свою очередь, должно было содействовать развитию связей России с народами Средней Азии.

Значительное внимание Пестель уделял территориальному размежеванию в Закавказье с Турцией. Пестель наметил и обосновал следующую линию границы: от реки Арпачай через Карс на Батум («От Арпачая до Арданазджи чрез Карс, потом Бутум»)[98]. Как видим, Пестель предполагал освобождение от османского гнета и части Западной Армении. Это был смелый план, объективно отвечавший интересам армянского народа,— план, который обосновывался новыми внешнеполитическими принципами декабристов. Пестель, раскрывая некоторые задачи революционного правительства России, отмечал возможность ведéния войны с Портой за освобождение угнетенных ею балканских народов, ведéния покровительственной политики по отношению к восточным народам. В своем ответе Следственному комитету Пестель писал в начале апреля 1826 г.: «Что касается до внешней войны, долженствовавшей и умы занять, и чрез возстановление Греции в независимом состоянии доказать отклонение России от завоевательной системы, имеющей замениться покровительственною, то сие предположение справедливо»[99]. Именно помощь угнетенным народам, покровительство им должны были стать одним из основных принципов ведéния внешней политики «новой Россией».

Пестель выдвинул задачу включения в состав России приморских территорий Кавказа от Анапы до Батума, в том числе и тех, которые тогда еще зависели от Турции. Как известно, только Адрианопольский мир 1829 г. завершил продолжавшийся более четверти века процесс присоединения основной территории Закавказья. Упрочение России на Черноморском побережье Кавказа определялось жизненно важными потребностями огромной страны, для которой были необходимы черноморские порты, развитие морской торговли. Приморские территории с портами Анапа, Сухум, Поти, Батум, зависевшие тогда от Порты, тесным образом исторически, географически, этнически были связаны с ранее присоединенными к России землями. Это обстоятельство тоже учитывали Пестель и другие декабристы при обосновании целесообразности их воссоединения с другими приморскими землями, находившимися в составе России.

Отдельные наметки Пестеля по территориальному составу России и ее границам вошли в 1-ю главу второй редакции «Рус-

ской Правды». Как свидетельствует оглавление, «Первая глава рассуждает о границах государства и о разделении земельного пространства оного: она показывает, где обретается Российское государство»[100]. В этой главе Пестелем были очерчены и обоснованы территориальные владения России на Кавказе, намечены пути решения национального вопроса, вовлечения Кавказа в русло новой экономики, определены принципы, на которых строились представления по решению задач[101].

Так, под влиянием разных факторов складывалось отношение декабристов к политике России на Кавказе, к международным противоречиям в связи с кавказскими делами, формировались их собственные воззрения на кавказскую проблему. В декабристских кругах зародились и развивались взгляды на пути упрочения положения России на Кавказе и укрепления связей с ее народами. Конечно, эти взгляды были еще малоразработанными, носили печать классовой ограниченности идейных воззрений дворянских революционеров. Но возникновение таких взглядов стало важным явлением в истории развития русской передовой общественной мысли. Они сыграли свою положительную роль в формировании взглядов представителей последующих поколений русских революционеров на национальный вопрос, на пути упрочения дружественных связей между русским и кавказскими народами, вовлечения их в общероссийское революционное движение.

Полезной была конкретная деятельность декабристов и их единомышленников на Кавказе. Их стремление даже в условиях царской действительности отстаивать и проводить в жизнь свои взгляды на политику «покорения» Кавказа, развития связей с его народами, поддержки их освободительной борьбы оставили глубокий след в истории народов Кавказа. Деятельность декабристов на Кавказе продолжалась и после 1825 г., когда там в составе действующей армии оказалось много сосланных по приговору царского суда декабристов. Почти все они приняли участие в освобождении Восточной Армении от шахского ига. И тогда наиболее ярко раскрылись их взгляды на национально-освободительную борьбу народов.

3. Участие декабристов в освобождении Восточной Армении. Их взгляды на пути развития народов Кавказа

Вторжение 28 июля 1826 г. более чем 5-тысячной персидской конницы в Шурагельскую область означало начало войны Ирана против России. Эта война была тесно связана с ходом развития Восточного кризиса. Обостряя новый русско-иранский военный конфликт, западная дипломатия рассчитывала на невозможность для России в таких условиях самостоятельно решить греческий вопрос, начать войну против Турции. Это отчетливо понимали в правящих кругах султанской Турции и, со своей стороны, способ-

ствовали разжиганию реваншистских устремлений шаха. Шахские и султанские власти объединяла ненависть к России, выступавшей защитницей греков, относившейся с сочувствием к тяжелому положению армянского и других закавказских народов, находившихся под их игом.

Основные военные действия в начале русско-иранской войны развернулись в восточном Закавказье: в Северо-Восточной Армении и Азербайджане. В первый период войны, когда русские войска вели в основном оборонительные бои, особенно большое значение имели позиции закавказских народов. Буквально с первых же дней войны вместе с русскими войсками стали сражаться армянские крестьяне и городские жители, проявляя самоотверженность и героизм. Верность армян своей ориентации на Россию оказалась сильным действенным оружием, которое било по реваншистским замыслам шаха в Закавказье. Вскоре были сформированы армянские, грузинские и азербайджанские добровольческие отряды и народное ополчение. Они оказали существенную помощь русским войскам, теснившим шахскую армию, и с 1827 г. начавшим вести военные действия уже на территории Ирана.

Сложившаяся обстановка способствовала дальнейшему подъему и развитию в Закавказье народной войны против шахского угнетения. Одним из ее главных вопросов были судьбы армянского населения Восточной Армении, стремившегося к вхождению в состав России.

В борьбе за освобождение Восточной Армении и присоединение ее к России приняли участие и отличились многие деятели движения декабристов. Отправка осужденных царским судом декабристов в Отдельный Кавказский корпус началась с марта 1826 г. С лета, после начала войны, приток в Кавказскую армию осужденных декабристов увеличился. Среди них были: Н. П. Акулов, Б. А. Бодиско, П. А. Бестужев, Ал. В. Веденяпин, Ф. Г. Вишневский, П. П. Коновницын, Н. П. Кожевников, Е. Е. Лачинов, М. Д. Лаппа, Е. С. Мусин-Пушкин, Н. Н. Оржицкий, Н. Р. Цебриков и др. В 1827—1828 гг. в Кавказскую армию были дополнительно отправлены из разных тюрем и крепостей участники движения декабристов: И. Г. Бурцов, Н. А. Васильчиков, П. М. Леман, Д. А. Искрицкий, В. Д. Сухоруков, И. П. Коновницын, А. Л. Кожевников и многие другие. Подробные сведения о местах их службы, участии в отдельных сражениях русско-иранской и русско-турецкой войн содержатся в фонде «Канцелярия дежурного генерала Главного штаба е. и. в.» (ф. 36) в ЦГВИА. В течение ряда лет по распоряжению Николая I ежемесячно в Главный штаб поступали рапорты о поведении сосланных в Кавказскую армию декабристов. В 1828 г. по запросу царя был составлен сводный «Список штаб- и обер-офицерам и разжалованным из офицеров нижним чинам, определенным в Кавказский корпус по прикосновенности к делу о злоумышленных обществах»[102]. Ценный источник по изучению службы декабристов в Кавказской армии представляет обширная переписка командующего Отдельным

Кавказским корпусом с Главным штабом в связи с переводом в него «офицеров, принадлежащих к злоумышленным обществам». Она была начата 29 июня 1826 г. и продолжалась несколько лет[103]. Материалы этой переписки раскрывают трудную судьбу декабристов в Кавказской армии: надзор, переводы из полка в полк, отказы в наградах за проявленные мужество и храбрость в боях, а также в повышении в чинах. Частично эти материалы использованы советскими декабристоведами[104]. Однако еще не составлена полная картина распределения сосланных на Кавказ декабристов по разным полкам Отдельного Кавказского корпуса, их участия в боевых операциях второй половины 20-х годов. Это большая самостоятельная тема, которая ждет своего освещения.

Помимо офицеров-декабристов, на Кавказ были отправлены несколько тысяч солдат, участвовавших в агитации и в вооруженном выступлении против царизма[105]. Многие из них погибли во время русско-иранской и русско-турецкой войн, а также в период долгой «кавказской войны».

Положение сосланных в Кавказскую армию декабристов ухудшилось после отставки А. П. Ермолова и назначения на пост командующего Отдельным Кавказским корпусом гр. И. Ф. Паскевича. Формальным поводом для отставки Ермолова послужили некоторые неудачи и трудности в начале войны. Уже в ходе войны Ермолов в одном из официальных писем к Николаю I пытался, но безуспешно, объяснить причины создавшихся трудностей. Он же подчеркнул, что «война сия есть преддверие войны с Портою, ибо без надежды на то не держались бы персияне с такой наглостью»[106]. Присланный Николаем I в августе 1826 г. на Кавказ Паскевич старался всячески опорочить действия Ермолова. В начале 1827 г. Ермолов был собственноручно уведомлен Николаем I об отставке: «По обстоятельствам настоящих дел в Грузии, признав нужным дать войскам, там находящимся, особого Главного начальника, повелеваю Вам возвратиться в Россию и остаться в своих деревнях впредь до моего повеления»[107]. Это означало не только отставку, но и опалу!

При Паскевиче усилились дисциплинарные строгости в армии, надзор за декабристами. Не случайно, что именно тогда было заведено «дело» на генерал-майора Н. Н. Раевского в связи с покровительством им ряду лиц, «разжалованных за участие в злоумышленных обществах». По распоряжению царских властей декабристам строжайше запрещалось находиться «не в своих полках и командах», без постоянного за ними надзора. Не допускались также какие-либо им послабления по службе. Н. Н. Раевский был обвинен в том, что «дозволил себе самое короткое и неприличное обращение с некоторыми лицами, принадлежавшими к злоумышленным обществам и определенными впоследствии рядовыми во вверенный ему полк». Было указано, что «он в сем случае совершенно забыл долг свой и порядок службы». О проступке Н. Н. Раевского было доложено Николаю I. Он приказал посадить его под арест, а затем перевести из Главного отряда,

в который входил Нижегородский драгунский полк Раевского, в 5-ю уланскую дивизию[108].

В такой обстановке проходила служба декабристов в Отдельном Кавказском корпусе. В более независимом положении оказывались декабристы, непосредственно участвовавшие в боевых операциях или в подготовке отдельных военных операций, разработке военно-инженерных планов. Военное командование остро нуждалось в квалифицированных специалистах, а потому ему приходилось широко использовать во время военных кампаний знания и опыт сосланных в Кавказскую армию декабристов. Так, Бурцов «исполнял некоторое время в 1828 г. должность начальника штаба», Вольховский «был обер-квартирмейстером и главные предметы сей части были препоручены Искрицкому», «рядовым Пущину и Коновницыну были доверены как инженерам главные работы всех осад»[109]. Бурцов одно время командовал Херсонским гренадерским полком, П. М. Леман — 41-м егерским, А. М. Миклашевский — 42-м егерским полками. Но это не означало, что высшее военное командование бережно относилось к талантливым военным специалистам и командирам частей из бывших декабристов. Напротив, подчас их посылали в самые опасные места, заранее обрекая на гибель. Такое отношение к декабристам особенно явственно раскрылось в рапорте Паскевича от 15 июля 1828 г. начальнику Главного штаба И. И. Дибичу. В нем подчеркивалось, что «вообще разжалованных во всех сражениях употреблял я в первых рядах или в стрелках, и всегда там, где представлялось наиболее опасности»[110]. На Кавказе погибли в боях, умерли от ран и болезней: И. Г. Бурцов, А. А. Бестужев, А. И. Одоевский, А. О. Корнилович, А. М. Миклашевский, Б. А. Бодиско, В. Н. Лихарёв, Д. А. Искрицкий, Н. Н. Семичев, Е. С. Мусин-Пушкин и другие декабристы.

В период службы в Кавказской армии, участия в русско-иранской и русско-турецких войнах полнее раскрылись взгляды ряда декабристов на освободительную борьбу народов, сложились их представления о главных задачах политики России на Кавказе. Рассмотрение этих воззрений представляет большой интерес еще и потому, что свидетельствует о жизненной стойкости передовых идей, о верности большинства осужденных декабристов своим идеалам. Принимая участие в войнах, декабристы непосредственно столкнулись с тяжелым положением народов, угнетаемых восточными деспотиями. Они проявили глубокое сочувствие освободительным устремлениям армянского народа, считали освобождение Армении главной задачей русско-иранской и русско-турецкой войн. Именно это вдохновляло декабристов на ратные подвиги и самопожертвование. Кавказская армия как часть царской армии была призвана выполнять цели и задачи правительства, поставленные им в русско-иранской, а затем и в русско-турецких войнах. Царизм преследовал в них, помимо отстаивания своих территориальных интересов, и экспансионистские цели. Однако в тот период русские войска в Закавказье объективно выполняли и

освободительную функцию. Победа русского оружия в этих войнах несла освобождение народам от тяжелейшего гнета турецкого султана и персидского шаха.

В числе воинов-героев много имен декабристов. Среди них Бурцов, Лачинов, братья Петр и Павел Бестужевы, Пущин, П. Коновницын, Вольховский, Гангеблов, Искрицкий и др. Боевую доблесть и отвагу проявил близкий к декабристским кругам бесстрашный партизан Отечественной войны 1812 г. Денис Давыдов. В Эриванском походе участвовал находившийся при действующих войсках А. С. Грибоедов. В действующую армию на службу по гражданской части просил назначения поэт П. А. Вяземский. Однако по решению Николая I, как сообщал шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, ему было в этом отказано[111]. В 1829 г. в действующей Кавказской армии побывал А. С. Пушкин. Огромным был интерес поэта к происходившим событиям на Кавказе. Еще бо́льшим было его желание встретиться там со многими друзьями-декабристами. За Карсом Пушкин догнал воинские части, которыми командовали Н. Н. Раевский и И. Г. Бурцов. Здесь произошла описанная Пушкиным в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» встреча со старым товарищем-лицеистом В. Д. Вольховским: он увидел его «запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами». Там же он встретил Михаила Пущина, «раненного в прошлом году». Поэт с большой теплотой отметил, что Пущин «любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат». Радость встречи со старыми друзьями перемежалась с грустью, ведь позади было столько драматических событий. «Многие из старых моих приятелей окружили меня,— писал Пушкин.— Как они переменились! Как быстро уходит время!»[112]

Среди героев освобождения Восточной Армении имя члена Южного общества, разжалованного в рядовые Е. Е. Лачинова занимает одно из почетных мест. Он известен не только как бесстрашный солдат, но и как автор записок, созданных на Кавказе. Они носят название «Моя исповедь». Отрывки из нее были опубликованы Лачиновым без подписи еще в конце 20-х годов XIX в. Это — «Путешествие по Эриванской области» и «Письма из Карса»[113]. Записки за 1828—1832 гг. были опубликованы только в 70-х годах прошлого столетия[114]. В настоящее время значительная часть неизданных ранее записок Лачинова вышла в свет благодаря кропотливой подготовительной работе академика АН Арм. ССР М. Г. Нерсисяна. Они охватывают период с 20 июня 1827 г. по 12 марта 1828 г. и получили редакционное название «Записки декабриста Е. Лачинова об Армении»[115]. Действительно, их центральной темой являются положение армянского населения Восточной Армении, размышления автора над его дальнейшей судьбой, выражение отношения декабриста к воссоединению армянского народа и вхождению в состав России. Эта часть записок, как и вся «Моя исповедь», имеющая подзаголовок «Записки русского солдата», особенно ценны для освещения взглядов

Лачинова на освободительную борьбу закавказских народов, для раскрытия его дружественного отношения к народам Кавказа, его веры в их светлое будущее, которое он тесно связывал с судьбами русского народа. «Моя исповедь» содержит также интересный материал о военных операциях русских войск в период войн с Ираном, а затем с Турцией, об экономике Кавказа и по другим вопросам.

Работая над записками, Лачинов надеялся на их публикацию. А потому он намеренно затенял свои оценки отдельных событий, взгляды на политику царских властей на Кавказе. Это определялось и его положением поднадзорного ссыльного декабриста. Не случайно, Лачинов писал: «Очень желал я, чтоб исповедь моя вполне изображала всего меня. Однако вижу, что намерение мое неудачно исполнилось и что много оставлено на догадку читателя...»[116]. «Моя исповедь» — одно из интереснейших произведений передового представителя России, которого не сломили поражение восстания декабристов, суд, разжалование в рядовые, ссылка в Кавказскую армию[117]. По своей идейной направленности записки Лачинова близки взглядам других декабристов — участников войн на Кавказе: братьев Бестужевых, Вольховского, Искрицкого, Бурцова.

Е. Е. Лачинов тоже уделил большое внимание рассмотрению положения многострадального армянского народа. «Чтоб иметь понятие о бедственном положении человечества,— писал он,— надо вникнуть в жизнь обывателей, особенно армян, пограничных Турции с Персиею деревень. Кроме притеснений от властей своих, они беспрерывно подвержены нападению хищников, никогда не пользуются истинным спокойствием, не могут быть уверены в постоянной безопасности...»[118] Лачинов был убежденным сторонником присоединения Восточной Армении к России, так как видел, что это отвечает национальным интересам армянского народа. Как участник боев за освобождение Эривани и других центров Восточной Армении, он стал свидетелем искренней признательности армян русскому солдату, радостной встречи русской армии. «Трогательно восхищение освобожденных армян: от сердца идут выражения, которыми они изъявляют оное... Они рассказывают, что уже издавна умирающие отцы завещали детям радостным звоном колоколов дать им в могиле весть, когда взойдет для армян солнце счастья, когда русские освободят их от тягостного ига и соберут бедствующих рассеянных сынов Армении»[119].

Краток послужной список Лачинова за время военных кампаний 1826—1829 гг. В деле «О государственном преступнике Евдокиме Лачинове», тянувшемся с 1826 по 1861 г., только сказано, что он «участвовал в персидской и турецкой кампаниях; за первую получил унтер-офицерское звание, а за вторую — чин прапорщика»[120]. Но за этими скупыми словами стоят героизм и отвага Лачинова, его беззаветное стремление оказать помощь страждущим закавказским народам, освободить армянский народ от ига восточных деспотий.

Другой участник освобождения Эривани — декабрист А. С. Гангеблов, продолжавший в составе Кабардинского пехотного полка преследование шахских войск уже на территории Ирана, раскрыл тяжелейшее положение широких слоев персидского населения, азербайджанцев, айсоров, армян. Во время двухмесячного стояния полка в конце 1827 г. под Тавризом Гангеблов общался с иранскими жителями, видел их в целом доброжелательное отношение к русским. Об этом он писал в своих «Воспоминаниях», подчеркивая, что «здешнему народу, за исключением немногих закоренелых фанатиков, все наше очень понравилось» [121]. Гангеблов описал отсталость и жестокость суда, законов, с помощью которых ханы держали в страхе и забитости народные массы. Под воздействием всего виденного у Гангеблова росла убежденность в прогрессивности вхождения закавказских народов в состав России.

Участники начавшейся в 1828 г. русско-турецкой войны стали очевидцами ужасающего положения армянского населения Западной Армении. К командованию русских войск неоднократно обращались с просьбами принятия в подданство России армяне Карского пашалыка. Они выражали восторженное отношение к приходу русских войск. У передовых представителей России росло желание помочь угнетенному армянскому населению, проживавшему в Турции, взять его под защиту России. Особенно сильный резонанс эта идея получила в кругу декабристов и их единомышленников, оставшихся и после поражения восстания 14 декабря 1825 г. верными освободительным настроениям, сторонниками оказания помощи и поддержки национально-освободительной борьбе угнетенных народов. Многие из декабристов участвовали во взятии Карса, Эрзерума, Ардагана, сражались с султанскими войсками вплоть до победоносного завершения войны. Не случайно Лачинов записал в Карсе: «И армяне от души желают принадлежать России. И здесь, как в Эривани, малютка, едва начинающий лепетать, видя наших, кричит по-русски: „Здравствуй!“» [122]. А. С. Пушкин, войдя с частями Н. Н. Раевского в Эрзерум, наблюдал радость армянского населения: «Армяне шумно толпились в тесных улицах. Их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крестясь и повторяя: «Християн! Християн!..» [123].

Видя страдание народа, русские солдаты с беззаветным мужеством и стойкостью сражались за освобождение Армении. Факты бескорыстной помощи солдат и боевых офицеров армянскому населению, защиты их селений от набегов отрядов местных ханов нашли отражение в эпистолярном наследии декабристов. Они с удовлетворением отмечали доверие армян к русским войскам, растущие взаимные симпатии между русским и армянским народами. Много таких примеров содержится в записках Лачинова. Описывая одну из многочисленных просьб о помощи армянских жителей, свидетелем которых он стал, Лачинов, например, остановился на факте создания русского отряда из 200 добровольцев, которые вызвались освободить от османских войск несколь-

ко селений, расположенных в труднопроходимом ущелье близ крепости Ардаган. Он отмечал: «Радовались идущие в поход, завидовали им оставляемые в лагере... весело было замечать желание их столкнуться с неприятелем и смело можно было ручаться, что это желание грозило гибелью противника». Рядовой Д. Искрицкий (декабрист), ощущая назревание войны с Турцией, писал своему отцу в начале 1828 г., что он хочет участвовать в новых сражениях и что он не желал бы находиться «в каком-либо боковом отряде, которого действия ограничиваются часто перевозкой провианта или отвлечением сил неприятеля»[124]. Так, на героические поступки участников войны, в том числе декабристов, вдохновляла убежденность, что они приносят пользу закавказским народам, способствуют их освобождению от ига азиатских деспотий. Они понимали, что «не одно желание отличиться, но какое-то родное душе каждого чувство вело всех. И немудрено: мирные поселяне поручили себя защите нашей; мы видели полную доверенность их к русским, признательность их тронула нас, возбудила чувство народного честолюбия, чувство высокое, благородное»[125].

Высокий моральный дух в частях армии поддерживали авторитетные командиры, среди которых были офицеры-декабристы Бурцов, Вольховский, Миклашевский и др. Денис Давыдов, например, считал Бурцова командиром «необыкновенных дарований и учености». Его работы, опубликованные ранее в «Военном журнале», особенно «Мысли о теории военных знаний», выдвинули Бурцова в ряды зачинателей прогрессивной теории военного дела[126]. Бурцова, как и ряд других участников первых тайных обществ — Союза спасения и Союза благоденствия, судил не Верховный уголовный суд, а полевой военный суд. Поэтому Бурцов оказался в числе тех сосланных на Кавказ декабристов, которым было сохранено воинское звание[127]. Заслуги полковника Бурцова в войнах против Ирана и Турции были настолько велики, что незадолго до своей гибели (в бою под Байбуртом в июле 1829 г.) он был произведен в генералы. В целом же положение Бурцова было сложным. Высшее военное начальство, прежде всего Паскевич, проявляли к нему внешнее пренебрежение, унижали его человеческое достоинство. «Положение его было очень неприятное,— замечал Н. Н. Муравьев,— всех участвовавших в несчастных происшествиях 1825-го года принимали везде дурно, все боялись иметь с ними какую-либо связь»[128]. Большим авторитетом и даже любовью Бурцов пользовался в кругах передовых офицеров и среди солдат. По воспоминаниям участника кавказских войн В. Андреева, это был любимый командир, который, «соблюдая в точности порядок службы, умел привязать к себе подчиненных»[129].

Честность и прямота Бурцова проявились в резком письме боевого командира столичным издателям, публиковавшим непроверенные факты о войне. В «Тифлисских ведомостях» им было опубликовано письмо «К издателям С.-Петербургских газет»[130]. В нем он упрекал «Русский инвалид» и «Северную пчелу» (При-

бавление к № 114 газеты за 1828 г.) за искажение фактов при описании осады и штурма Ахалциха, за приписку ими «чести штурма» полкам, находившимся в резерве, и умолчание о подлинном герое — Ширванском пехотном полке. При этом Бурцов подчеркнул, что такая неточность наносит оскорбление воинской доблести, так как «военные подвиги полков составляют их драгоценное достояние, коего неохотно они лишаются»[131]. Так, устами опального офицера-декабриста был преподнесен урок булгаринскому окружению, выражено отношение к подлинному героизму войск, проявленному в военных кампаниях.

И. Г. Бурцов участвовал в ряде важнейших военных операций русско-иранской и русско-турецкой войн. Он же был одним из убежденных сторонников налаживания мирных отношений с закавказскими соседями России, стремился к улучшению обстановки в занятых русскими частями районах, к улучшению положения мирного населения. Так, находясь на посту коменданта г. Тавриза, взятого русскими войсками 13 октября 1827 г., Бурцов сделал немало полезного для его жителей. «Собственно Тавриз представляет картину совершенного спокойствия,— писал он 10 декабря 1827 г. в Тифлис,— исключая нескольких вельмож, весь народ доволен нашим правлением...»[132]. Бурцов видел заинтересованность широких слоев иранского населения, на плечи которого легли все тяготы войны, в скорейшем ее прекращении. «Персия обезоружена, и народ повсюду ожидает нашего появления»,— отмечал он в том же письме. Однако Бурцов понимал, что позиции шаха расходились с настроениями народа: начатые шахом с Россией переговоры о мире шли трудно, наталкивались на нежелание правящих кругов Ирана урегулировать ряд спорных вопросов, а также выплачивать военную контрибуцию. Поэтому с большой радостью Бурцов сообщал о первых вестниках подписания мира с Ираном. «Слава богу, у нас мир должен быть подписан на днях: три курура * уже мною приняты в стены Тавриза; два другие ожидаются чрез три дня, а остальные чрез некоторое время»,— писал он 10 февраля 1828 г. И при этом добавлял с надеждой, что «скоро должен Грибоедов пролететь здесь с трактатом (Туркманчайского мира.— *О. Ор.*) в Петербург, а за ним вслед поплетемся и мы помаленьку»[133]. Однако выплата последующих сумм задерживалась шахскими властями, на которые оказывала давление английская дипломатия, враждебно встретившая условия Туркманчайского мира.

Как известно, значительную роль при выработке условий, статей и при подписании самого мирного Туркманчайского договора России с Ираном сыграл А. С. Грибоедов. В качестве советника главнокомандующего Грибоедов фактически уже с весны 1827 г. начал ведéние дел по дипломатическим сношениям с Ираном и Турцией. Тогда же ему было поручено изучение Закавказского края с целью изыскания путей к поднятию его экономики и налаживания в нем гражданского управления. Грибоедов составил

«Положение по управлению Азербайджаном», утвержденное Паскевичем для практического применения, а также начал работу над «Обозрением российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях...». Первые тома этого «Обозрения» вышли в свет уже после гибели Грибоедова.

Осенью 1827 г. А. С. Грибоедов был назначен официальным уполномоченным российского правительства для ведения переговоров о мире с иранскими властями. Они происходили в небольшом местечке Дех-Карган под Тавризом, продолжались с перерывами с конца ноября 1827 г. до начала февраля 1828 г., когда шах был вынужден подписать в Туркманчае мирный договор с Россией. О трудностях ведения переговоров, о разных ухищрениях шахских уполномоченных во главе с Аббас-Мирзой Грибоедов неоднократно информировал Паскевича. Еще до отправления на переговоры Грибоедов изложил в одном из рапортов Паскевичу свои представления об условиях мира с Ираном. Он писал, что «при окончании каждой войны, несправедливо начатой с нами, мы отдаляем наши пределы и вместе с тем неприятеля, который бы отважился переступить их. Вот отчего в настоящих обстоятельствах требуется уступка (со стороны Ирана.— *О. Ор.*) областей Эриванской и Нахичеванской»[134]. По предложению Грибоедова шахское правительство должно было до подписания мира уплатить России за причиненный войной ущерб значительную сумму. Настаивая на выполнении шахом этого условия подписания мирного договора, Грибоедов подчеркивал, что «деньги — это также род оружия, без которого нельзя вести войну. Это не торг... даже не вознаграждение за претерпенные убытки: требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам на долгое время»[135].

По-видимому, Грибоедов составил и отредактировал окончательный текст проекта Туркманчайского договора. Особенно много он сделал для формулировки статей, «охранявших интересы Армении». К этому выводу пришел исследователь Л. С. Семенов, проделавший большую работу по текстологическому анализу этого мирного договора[136].

Во время подготовки и подписания Туркманчайского трактата глубоко раскрылся дипломатический талант А. С. Грибоедова. Его уверенность в необходимости обеспечения условий для мирной жизни закавказских народов, вошедших в состав России, его понимание исторического значения для армянского народа присоединения Восточной Армении к России содействовали прочности позиций российской дипломатии, ее большим успехам.

Наряду с другими дипломатическими представителями, направленными на переговоры с шахом, активно участвовал в подготовке подписания Ираном мирного договора с Россией декабрист В. Д. Вольховский, бывший член первых тайных антиправительственных обществ Союз спасения и Союз благоденствия. Он отличился в ряде боевых операций во время русско-иранской войны, в том числе при осаде крепости Сардарабад и при взятии Эри-

вани. Затем Вольховский был направлен в Тегеран для передачи шаху предварительных условий мира и для получения денежной контрибуции. С поручениями Вольховский успешно справился, что было отмечено Паскевичем, который хотя и относился к нему весьма недоброжелательно, но вынужден был оценить по заслугам деятельность ссыльного декабриста. Перед Вольховским также была поставлена задача сбора в Иране сведений «касательно дорог, положения края, духа народного»[137]. Он наблюдал судорожные попытки шаха и его окружения добиться хотя бы некоторых успехов в зимней военной кампании 1827 — начала 1828 г., чтобы этим повлиять на русскую дипломатию. Своими наблюдениями в связи с новым сбором шахских войск в районах крепостей Занган и Казвин Вольховский делился с Грибоедовым, с которым его связывала дружба. Принимая участие в подготовке подписания шахом условий мира, он не скрывал всей трудности своей миссии. Не случайно в письме из Тегерана от 26 декабря 1827 г. Вольховский замечал: «В успехе моего поручения еще совершенно ручаться не могу... Хлопочу об деле, а это довольно трудно с персиянами, которые, если и желают что сделать, то не знают как»[138]. Конечно, не неумение, а нежелание шахского правительства он имел в виду, говоря о трудностях выполнения дипломатического поручения в Тегеране.

После подписания мира с Ираном полковник Вольховский продолжал служить в Отдельном Кавказском корпусе, стал участником русско-турецкой войны. Грибоедов был послан в Петербург с текстом Туркманчайского договора. Однако вскоре он снова был направлен в Иран полномочным министром России. Новое назначение Грибоедова вызвало одобрение прогрессивных кругов русского общества[139]. Несмотря на все трудности внутриполитического и международного характера, в которых проходила дипломатическая деятельность Грибоедова в Иране, ему удалось в короткий срок достичь известных успехов. В октябре 1828 г. в Тавризе он вручил Аббас-Мирзе подписанный Николаем I мирный трактат. В Тегеране Грибоедов должен был урегулировать с шахом отдельные вопросы по Туркманчайскому договору. Большой дипломатический талант проявил Грибоедов, чтобы не допустить заключения иранским шахом союза с турецким султаном, что могло бы привести не только к осложнениям в начавшейся в 1828 г. войне России против Турции, но и к фактическому разрыву Ираном Туркманчайского мирного договора.

Находясь в Тегеране, Грибоедов явственно ощутил усиливавшиеся враждебные России настроения шаха и его придворного окружения. Существенную роль в этом играла английская дипломатия, встревоженная упрочением положения России в Закавказье, недовольная ростом русского влияния в Иране, проявлением склонности к ориентации на Россию у наследника престола Аббас-Мирзы. 30 января 1829 г. Грибоедов и почти все сотрудники российского посольства были злодейски убиты в Тегеране. Советскими исследователями глубоко проанализированы и раскры-

ты дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова в Иране и обстоятельства его трагической гибели [140].

Воспользовавшись русско-иранским конфликтом, турецкие войска предприняли в феврале 1829 г. наступление на ахалцихском направлении с целью вторжения в Грузию. Султан надеялся на военную поддержку Ирана. Но эти надежды не увенчались успехом. Дипломатические отношения между Россией и Ираном были сохранены. К тому же на шаха отрезвляюще подействовали новые победы русских в войне против Турции. Так окончилась неудачей новая попытка турецкой, иранской и английской дипломатии сколотить антирусский блок на Среднем Востоке. Русско-турецкая война завершилась Адрианопольским миром.

Трагическая гибель Грибоедова потрясла передовую Россию. Отдавая дань большого уважения дипломатической деятельности Грибоедова, современники подчеркивали, что во всех своих действиях он имел «в виду честь, пользу и славу России» [141].

Имя Грибоедова неразрывно связано с именами тех передовых представителей России, которые даже в трудные военные годы пытались облегчить положение народов Кавказа, искали пути и средства поднятия экономики края, стремились к упрочению дружественных связей между народами России. С болью писали очевидцы «о разоренных армянских селениях Эриванской провинции Ирана», жители которых почти поголовно были согнаны и «уведены за Аракс в горы» по распоряжению шахских властей, опасавшихся «их преданности русским» [142]. Они видели страшные, опустошительные последствия хозяйничанья иранских ханов, когда из-за безлюдья пропадали «богатейшие жатвы», когда «деревни под землей», а кругом голодные, оборванные жители [143].

Вполне понятно, что нелегко было ликвидировать последствия войны на Кавказе, особенно последствия разорения, причиненного армянскому народу шахскими властями. Но тем не менее вскоре после присоединения к России в Восточной Армении стало ощущаться оживление хозяйственной жизни. Еще в октябре 1827 г., вскоре после освобождения Эривани, Е. Е. Лачинов отмечал, что «как муравьи разбрелись жители, чтоб успеть воспользоваться остатком хорошей погоды для окончания дел своих... Приятно было видеть жизнь и деятельность там, где недавно царствовало опустошение... Мир еще не заключен, но большие караваны с товарами давно уже идут из персидских владений в Грузию» [144]. Декабристы и их единомышленники, исходя из своих идейных воззрений, смотрели на национальные окраины России как на равноправные части страны, были противниками колониальной политики царизма на Кавказе. После поражения восстания декабристов, будучи сосланными под надзор официальных властей, они должны были, исходя из реальных условий, обращаться к легальным средствам и путям поднятия жизненного уровня народов Кавказа. Так, некоторые возлагали надежды на результаты деятельности на Кавказе прогрессивно настроенных представителей русской администрации, другие — на результаты преобразования

края по их проектам, созданным в годы ссылки. К числу первых можно отнести И. Г. Бурцова. Его взгляды ярко раскрываются в одном из писем к Н. Н. Муравьеву, на которого он возлагал большие надежды в связи с задачами подъема социально-экономической и культурной жизни Кавказа [145].

Внимание передовых представителей России было привлечено к переселенческой политике, которая велась уже в ходе последних войн, наиболее же широко она развернулась после заключения Россией с Ираном и Турцией мирных договоров. Переселение армян в Россию явилось событием большого международного значения. Рассеянные по разным странам мира, армяне приветствовали вхождение Восточной Армении в состав России, возможность переселения в нее армян из Турции и Ирана. Они прославляли победу русского оружия, героизм и храбрость русского солдата: «Армяне! После многолетнего зимнего заточения прилетела к Вам свобода!» [146]. Восторженностью были пронизаны их многие обращения к известному деятелю национально-освободительного движения армянского народа Нерсесу Аштаракеци. Армяне из Индии сообщали, что освобождение Восточной Армении «праздновано всеми сословиями с живейшею радостью... невыразимо обрадовало всех обитающих в Индии армян...» [147]. Известный писатель, просветитель-демократ Хачатур Абовян призывал армянский народ никогда не забывать «то, что сделали русские», поскольку «они вдохнули жизнь» [148]. Пребывание в Закавказье раскрыло перед декабристами важность хорошей организации переселения армян, налаживания их жизни на новых местах. Лачинов, А. Бестужев, Вольховский и другие декабристы не только выражали свое отношение к задачам переселенческой политики, но и внесли свой вклад в оказание помощи армянским переселенцам. Особенно много сделал для армянского народа А. С. Грибоедов. Именно благодаря его настойчивости в окончательную редакцию текста Туркманчайского договора была включена статья, предусматривающая иммиграцию армян [149]. В составленной в 1828 г. Грибоедовым «Записке о переселении армян из Персии в наши области» (она была передана перед его отъездом в Тегеран Паскевичу) излагались его соображения об организации переселения армян, подчеркивалась важность этого события в международном плане, значение для роста авторитета России у народов Востока. Грибоедов обращал внимание на тяжелое положение переселенцев, оставивших на старых местах скот, жилища, имущество, и призывал местную администрацию помочь им упрочить благосостояние, доказывал, что новоприбывающие в Закавказье хлебопашцы, ремесленники, торговцы принесут огромную пользу краю. Он подчеркивал, что армяне-переселенцы «были единственно движимы доверенностью к России и желанием быть под ее законами» [150].

Передовым представителям России было тяжело ощущать недопонимание царской администрацией важности переселения армян в российские владения. Они обращали внимание Паскевича

на отрицательные стороны деятельности переселенческой комиссии, раскрывали ее инертность, плохое знание природных особенностей края, неумение разместить переселенцев на удобных для жизни землях[151]. А ведь в результате заключения Туркманчайского и Адрианопольского мирных договоров в российские владения Закавказья переселились более 140 тыс. армян[152]. «Записка о переселении армян из Персии в наши области» оказала определенное воздействие на выработку переселенческой комиссией положения о податных льготах: натуральные и денежные подати с армянских крестьян были уменьшены вдвое по сравнению с их платежами эриванскому сардару и шаху. Конечно, царские власти, принимая такое решение, преследовали прежде всего определенные политические цели. Они хотели «дать почувствовать новым подданным милостивое внимание государя императора к их положению»[153].

С большим энтузиазмом участвовал Е. Лачинов в составлении «Статистического описания Эриванской области». Вместе с Нерсесом Аштаракеци он объездил Восточную Армению. В своих материалах для «Статистического описания...» Лачинов привел интересные сведения об экономическом положении Восточной Армении, этнографические заметки об армянах и курдах. Описывая современное состояние ряда армянских селений, в том числе Аштарака, он указал, что во время войны более 900 семейств из него были угнаны шахскими властями. К концу 1827 г. смогли вернуться только 100, найдя развалины вместо жилищ и пепелища вместо садов и виноградников[154]. Лачинов выступал активным защитником мирной жизни кавказских народов. Свои взгляды на послевоенное положение ряда закавказских областей России, на необходимость поднятия их экономического уровня развития он сумел изложить в «Московском телеграфе» — одном из лучших, прогрессивных журналов того времени. Этот журнал высоко оценил А. И. Герцен. Он отметил, что «мы тем более должны признать его заслуги, что печатался он в самые мрачные времена»[155].

В 1828 г. А. С. Грибоедов вместе с П. Д. Завелейским участвовал в составлении проекта учреждения Российской Закавказской компании. Этот проект, который представляет интерес главным образом как комплекс мер, направленных на подъем экономической жизни в закавказских землях России, важен и для раскрытия взглядов передового представителя России на роль Закавказья в развитии внешнеэкономических связей со странами Среднего Востока, в укреплении дружественных, мирных отношений с ними. Идейная направленность проекта одно время вызывала дебаты в кругу его исследователей[156]. Как показали новые работы, построенные на неизвестных ранее материалах о проекте, он отнюдь не являлся «запоздалым отражением старой системы колониальной политики»[157], а «выдвигал на первый план интересы народов Закавказья и являлся поэтому памятником братских чувств русского народа к народам Закавказья. В то же время проект имел в виду, что процветание Закавказья будет благоприятст-

вовать государственным интересам России, способствуя борьбе с проникновением английского влияния в Передней Азии»[158].

Интересные записки по поводу перспектив развития Закавказья, его роли в экономических связях России со странами Среднего Востока, с народами Средней Азии, принадлежат декабристу А. О. Корниловичу. По приговору царского суда он был сослан в Сибирь, но в 1828 г. возвращен в Петербург, заключен в Петропавловскую крепость для снятия дополнительных показаний по доносу на него Ф. В. Булгарина в III отделение. Там Корнилович в конце 20-х годов написал 23 записки, из которых только 7 опубликованы[159]. Среди них — несколько по вопросам экономического состояния Закавказья и торговли России с Востоком. Отдельные его записки направлялись Николаю I, о чем свидетельствуют пометы царя на полях текста. Расправившись с декабристами, царь опасался возможной новой революционной вспышки, искал средства упрочения основ самодержавного строя. Вместе с тем Николай I ощущал необходимость частичного, постепенного усовершенствования «отечественного установления»[160]. По его требованию для него были составлены выписки из политических проектов декабристов. Видимо, определенный интерес для нового царя представляли и записки Корниловича.

Записки Корниловича явились результатом многолетнего изучения разных проблем истории и современной жизни Закавказья, восточного направления внешней политики России. В годы заключения в Петропавловской крепости он получил разрешение пользоваться комплектами некоторых общественно-политических и экономических периодических изданий, что давало ему возможность иметь представление о новейших событиях в Закавказье. Как он писал в феврале 1829 г., «блистательный поход прошлого года, ручаясь за дальнейшие успехи в войне противу турок, подает надежду на благополучное окончание оной выгодным миром. После поземельных приобретений, долженствующих оградить границы наши безопасностию и удовлетворить нас за понесенные издержки, главное внимание правительства обращено будет, без сомнения, на торговлю, как на надежнейшее средство к народному обогащению»[161]. В записках Корниловича широко рассматривались вообще проблемы развития Россией восточного направления ее внешней политики, подчеркивалось значение упрочения мирных, дружественных отношений с азиатскими народами, в достижении которых большая роль отводилась торговым и культурным связям. Так, анализируя внешнюю политику России и современную международную обстановку, он приходил к выводу, что «основанием ее европейской политики есть собственная безопасность; цель же сношений с азиятцами — преимущественно торговля»[162]. Внешнеполитические успехи России конца 20-х годов позволили расширить ее торговлю со странами Востока. Об этом свидетельствует, например, усилившийся приток товаров из Москвы, с Нижегородской ярмарки и даже с Ивановских хлопчатобумажных фабрик в Решт, Тавриз и на другие восточные рынки.

А. О. Корнилович неоднократно подчеркивал, что развитие торговли со странами Востока будет способствовать подъему промышленности как в самой России, так и в ее закавказских владениях, принесет большую пользу экономике страны. Из записки, получившей редакционное название «О расширении азиатской торговли», явно видна его забота о создании условий для развития страны по пути прогресса. «Поелику с распространением торговли усиливается народная промышленность, которая подавляет нищету и водворяет довольство и добрые нравы в многочисленном сословии производителей, то нельзя довольно (т. е. мало.— *О. Ор.*) обращать внимание на сей предмет» [163],— писал Корнилович. Он же отмечал далее, что «теперь нужнее, чем когда-либо, заняться отыскиванием новых путей для нашей торговли, и Азия представляет нам в сем случае двоякие выгоды: забирая наши мануфактурные произведения, она взамен будет отдавать нам свои продукты гораздо дешевле того, что мы платим за них теперь западным европейцам» [164].

Свои размышления о возможных перспективах развития торговли со странами Востока Корнилович подкреплял примерами из истории. Так, он писал, что «сношения России с Азиею были довольно деятельны в XVI-м и особенно в XVII-м веке», высоко оценивал политику Петра I, когда «караваны наши ходили в Пекин, Бухару и Хиву, мы имели купеческие конторы в Реште, на южном берегу Каспийского моря и в других главнейших городах Персии». Корнилович отметил важность для истории развития русско-иранских связей договора 1723 г., заключенного в результате персидского похода Петра I в 1722 г., и сожалел о фактической утрате после его смерти достигнутых по этому договору территориальных приобретений России в Закавказье [165].

В развитии внешнеэкономических связей России со странами Востока Корнилович особенно выделил роль Закавказья и как транзитного пути для товаров из Центральной России, и как важного экономического района страны по торговле собственными промышленными изделиями. И если «левантский торг уже три века обогащает западных европейцев», то, по мнению автора записок, «обладание восточным берегом Черного моря и распространение нашей азиятской границы подают нам возможность принять в оном (торге.— *О. Ор.*) деятельное участие... Закавказский край представляет удобства как для сухопутной, так и для морской торговли с Малой Азией». Он отмечал также, что «Кура с Араксом и Рион с незапамятных времен до конца XV в... были одним из азиятских торговых путей. В древности греки, в средние века венецияне и генуэзцы получали по оным индийские товары, которыми снабжали всю Европу» [166]. Корнилович наметил и обосновал разные маршруты, по которым могла развиваться через Закавказье торговля между Востоком и Западом. Автор записок понимал, что развитие восточной торговли России — это процесс длительный, зависевший как от внутренних условий, так и от международной обстановки. Он отмечал, что, «конечно, нельзя

по младенчеству наших мануфактур ожидать этого вдруг». Декабрист тонко, но убежденно проводил мысль о необходимости перестройки социально-экономических основ России, утверждения в ней новых производственных отношений[167].

Как и другие его единомышленники, Корнилович высказывался против колониальной политики царизма на Кавказе и методов ее проведения. Естественно, что Корниловичу приходилось выражать свое мнение о правительственной политике, как правило, в приглушенной, а то и в завуалированной форме. Но иногда его критические высказывания звучали весьма резко и без всяких оговорок. Так, выражая свое возмущение по поводу жестокостей усмирения царизмом выступлений в Грузии, он писал, что является противником тех «кровавых, истребительных войн, каких тот край был позорищем в течение целых семи лет»[168]. Большое значение он придавал просвещению края, мирным путям его освоения. В связи с этим он призывал к «кротости и справедливому обращению местное начальство».

Большие знания Корниловича помогли ему подвергнуть весьма основательной критике (конечно, насколько это было возможно в его условиях) ведение восточной политики Александром I. Декабрист подчеркивал слабую изученность в России некоторых стран Среднего Востока и среднеазиатских народов, писал, что «все известия, какие при нынешнем состоянии географии можно собрать о сей обширнейшей полосе земли, нам сопредельной, так неполны, так противуречат одно другому, что нельзя из них извлечь ничего положительного»[169]. В качестве примера Корнилович приводил факты о весьма неясном представлении в недавнем прошлом даже в государственных кругах России об афганских племенах, их государственных образованиях и политической ориентации. Сам Корнилович, как показывают его записи, был хорошо осведомлен в этих вопросах. «Авганцы, обитающие на восточной границе Персии, составляли некогда с нею одно государство,— подчеркивал Корнилович,— но, сделавшись независимыми по смерти Надир-шаха, находятся с того времени в беспрестанной вражде с персиянами... Будучи народом воинственным, они при всяком разрыве с Персиею могут сделаться самыми полезными для нас союзниками... Но мы так мало обращали на них внимания, что в 1813 г., при заключении Гюлистанского договора, когда они прислали посольство к тогдашнему главнокомандующему в Грузии с извещением, что несколько лет уже воюют с персиянами, и с предложением согласить свои действия с нашими, генерал Ртищев, донося о сем в министерство, пишет: „Какие-то авганцы прислали послов и пр... и к удивлению моему прибытие их весьма подействовало на персидских полномочных, которые сделались гораздо уступчивее“, и пр.»[170].

Корнилович был убежден в необходимости уделять гораздо больше внимания Востоку, нежели это делалось российским правительством. Он придавал большое значение экспедициям в страны Востока, ратовал за подбор для дипломатической службы в

них высокообразованных представителей страны, хорошо знающих специфику Востока. «Азиятские сношения, по существу своему и особенно по свойствам тамошних обитателей, столь отличны от европейских, что требуют людей, нарочно для сего приготовленных...»[171] — писал он из Петропавловской крепости.

Так, во взглядах А. О. Корниловича на кавказские дела и, более широко, на внешнюю политику России на Среднем Востоке проявилось много общего с воззрениями других представителей движения декабристов, отразилось воздействие идей «Русской Правды» П. И. Пестеля.

Жизненный путь Корниловича оборвался рано. В ноябре 1832 г. после неоднократных просьб он добился отправления из Петропавловской крепости рядовым в Кавказскую армию[172]. Он умер в 1834 г. на Кавказе.

Откликнулись на кавказские события 20-х годов и сибирские узники. Александр Бестужев-Марлинский в своих письмах из Якутска к брату Петру, сосланному на Кавказ, неоднократно обращался с просьбой присылать описания народов Кавказа, эпизоды из военных действий. При этом он подчеркивал, что война с Ираном — одна из «самых любопытных кампаний и в стороне, совершенно для европейца новой... Персиды — вещь вовсе для меня незнакомая»[173]. Сам А. А. Бестужев настоятельно просил перевода в действующую Кавказскую армию, на что и получил разрешение в 1829 г. А. Бестужев участвовал в сражении за Байбурт, был в Карсе, Эрзеруме, которые описал в своих заметках и письмах. Перу этого талантливого писателя принадлежит ряд произведений о Кавказе, созданных в 30-х годах XIX в.

С присущим М. С. Лунину умением делать аналитический анализ событий им были раскрыты в «Письмах из Сибири» важные последствия для России успешного завершения кавказских войн 20-х годов. «Южная граница наша составляет самый занимательный вопрос,— подчеркивал он в письме № 16.— В стужах сибирских, из глубины ссылки моя мысль переносится часто на берега Черного моря... Каждый новый шаг на север заставляет нас входить в сношения с европейскими державами; каждый новый шаг на юг заставляет эти державы входить в сношения с нами»[174]. Он отмечал, что упрочение России в Закавказье важно «для будущих судеб» страны. Ужасные условия сибирской ссылки не сломили силу и волю Лунина, его веру в светлое будущее своей Родины. Именно с ним он связывал и важность упрочения ее южных рубежей, и освоение Кавказа, и укрепление связей между народами России. Колониальную политику царизма на окраинах России Лунин назвал «ошибочной», им было отмечено, что «она не удалась ни в западных равнинах, ни на юге, в горах», так как не имела «разумного основания»[175]. Видимо, под такими «основаниями» Лунин подразумевал принципы, которые были выдвинуты декабристами при разработке политической программы действия.

Русские революционеры того времени и их единомышленники, критикуя военно-феодальные методы колониальной политики царизма на Кавказе, выражали тем самым и свою непримиримость к самодержавно-крепостническим порядкам в России вообще. Эта критика содействовала более глубокому обоснованию идеи поддержки освободительной борьбы народов. Относясь с глубоким сочувствием к положению народов, угнетенных турецкими и персидскими феодалами, они вдохновлялись идеей освобождения этих народов от гнета азиатских деспотий. Декабристы верили в светлое будущее всех народов России. И даже в первые годы после поражения восстания в ссылке в Сибири и на Кавказе декабристы не переставали размышлять о перспективах развития России, намечали пути подъема экономики и культуры ее окраин.

Передовые люди России с удовлетворением отмечали большое международное значение Туркманчайского и Адрианопольского мирных договоров, завершивших две войны 20-х годов XIX в. Прежде всего они выделяли важность для судеб армянского народа вхождения Восточной Армении в состав России, подчеркивали положительные последствия итогов русско-турецкой войны для балканских народов. Отличившийся в боях за освобождение Восточной Армении и в войне против султанской Турции солдат Ширванского полка декабрист Петр Бестужев в своих «Памятных записках. 1828 и 1829 гг.» замечал, например, что исход русско-турецкой войны, может быть, «потрясет всю Европу». Он был убежден, что, участвуя в этой войне, помогает греческому освободительному движению, так как «угнетенные греки вопияли о мщении»[176]. Е. Е. Лачинов, размышляя над возможными последствиями войн на Кавказе, писал: «Ты, некогда знаменитая Армения, ты, оставившая нам столько памятников могущества, богатства и искусств своих... что предстоит тебе? Явишься ли ты снова на поприще славы, или грустным сынам твоим определено вечно унылое существование... Умы и души всех обращены на Грецию, и с невольным трепетом сердца каждый ожидает развязки великого дела». Осуждая колониальную политику царизма, декабристы в то же время сумели понять те объективно-прогрессивные последствия политики России на Востоке, которые сыграли положительную роль в истории развития ряда народов. К ним относятся результаты русско-иранской и русско-турецкой войн, завершивших Восточный кризис 20-х годов XIX в. Проблема освобождения угнетенных султанскими и шахскими властями народов с точки зрения представителей передовой России была важнейшей в общей сумме политических проблем Восточного вопроса.

В войне за освобождение Восточной Армении от иноземного ига ярко раскрылось боевое содружество русского и армянского народов. Эта совместная борьба, в которой приняли участие декабристы, стала одним из звеньев в истории многовековой дружбы между русским и армянским народами.

Взгляды декабристов на кавказские дела, их отношение к национально-освободительной борьбе народов показывают, что

они подходили с передовых для своего времени позиций к рассмотрению этих проблем. Конечно, нельзя забывать при этом, что их взгляды носили печать классовой ограниченности воззрений дворянских революционеров. Декабристы видели одну из главных задач политики «новой России» на Кавказе в поднятии экономического и культурного уровня края, в создании в нем условий для развития вместе со всей страной по пути прогресса. Наряду с экономическими мотивами политики России на Кавказе декабристы выделяли политические задачи, отмечали важность кавказского региона для связей со Средней Азией, для развития отношений России со странами Ближнего и Среднего Востока, для упрочения ее международного престижа.

Так, исходя из своих взглядов на задачи и цели политики России на Кавказе, декабристы критиковали военно-феодальные методы национально-колониальной политики царизма и противопоставляли им свои идеи освоения Кавказа, развития тесных связей с его народами. И хотя они еще не были глубоко разработаны, содержали некоторые противоречия, главное их достоинство заключалось в антифеодальной и антиколониальной направленности.

[1] *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1, 2; *Она же.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977; *Она же.* Следственное дело А. С. Грибоедова. 2-е изд. М., 1982; *Нерсисян М. Г.* Из истории русско-армянских отношений. Ереван, 1956. Кн. 1; *Он же.* Новые данные о декабристах, сосланных на Кавказ.— Историко-филологический журнал АН АрмССР, Ереван, 1975, № 4; *Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958; *Он же.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960; *Шадури В. С.* Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958; *Садыков М. З.* Писатели-декабристы и Азербайджан. Баку, 1967; *Дзидзария Г. А.* Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970; *Ватейшвили Д. Л.* Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX в. М., 1973; *Гаджиев В. Г.* Декабристы на Кавказе.— В кн.: Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975, т. 3; *Бархударян В. Б., Худавердян К. С.* Декабристы и Армения: (Историографический очерк).— В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981.

[2] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд., с. 240.

[3] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. Пг., 1917, т. 3, с. 35.

[4] Записки А. П. Ермолова. М., 1868, ч. 2. 1816—1827 гг., прил., с. 33.

[5] Там же, с. 38.

[6] Записки Н. Н. Муравьева, ч. 6.— Русский архив, 1886, № 2, с. 144.

[7] Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, т. 6, 1875, ч. 2, с. 183—185. Далее: АКАК; ВПР. М., 1976, т. 10, с. 184—187, 242.

[8] ВПР, т. 10, с. 185.

[9] АКАК, т. 6, ч. 2, с. 183—184; ВПР, т. 10, с. 242.

[10] ВПР, т. 10, с. 790—791, примеч. 182.

[11] Записки А. П. Ермолова, ч. 2, прил., с. 56.

[12] Записка А. П. Ермолова к К. В. Нессельроде, 11 марта 1820 г.— Там же, прил., с. 112.

[13] ВПР, т. 10, с. 186, 189.

[14] Письмо И. Г. Бурцова, 24 июля 1816 г.— Из эпистолярного наследства декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975, с. 52.

[15] Там же, с. 119.

[16] Письмо А. Н. Муравьева, 16 янв. 1817 г.— Там же, с. 100.

[17] Там же, с. 100—120.

[18] Записки Н. Н. Муравьева. 1816 г. Путешествие в Персию.— Русский архив, 1886, № 4, с. 491.

[19] Записки А. П. Ермолова, ч. 2, с. 10.

[20] Записки Н. Н. Муравьева..., № 4, с. 486.

[21] Там же, с. 485.
[22] Записки А. П. Ермолова, ч. 2, с. 11.
[23] Там же, с. 63.
[24] Записки Н. Н. Муравьева..., № 4, с. 488—489.
[25] Там же, № 5, с. 10.
[26] Там же, № 4, с. 491.
[27] Там же.
[28] Там же, с. 519.
[29] Там же.
[30] АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1816 г., д. 1, п. 2, л. 17; Записки А. П. Ермолова, ч. 2, с. 2. См. также: *Агаян Ц. П.* Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978, с. 202.
[31] Записки А. П. Ермолова, ч. 2, с. 2.
[32] Записки Н. Н. Муравьева..., № 5, с. 13.
[33] Там же, с. 14.
[34] *Агаян Ц. П.* Указ. соч.; *Нерсисян М. Г.* Из истории русско-армянских отношений, кн. 1.
[35] *Басаргин Н. В.* Записки. Пг., 1917, с. 250—257.
[36] Записки Н. Н. Муравьева..., № 4, с. 451.
[37] *Лачинов Е. Е.* Дневник следования посольства/Вступит. статья М. Г. Нерсисяна. — Историко-филологический журнал АН АрмССР, Ереван, 1967, № 1, с. 106. Записки Лачинова о 1817 г. стали известны благодаря публикации их академиком АН АрмССР М. Г. Нерсисяном. Оригинал находится в Институте рукописей АН ГССР в Тбилиси (ф. Е. Г. Вейденбаума).
[38] *Лачинов Е. Е.* Указ. соч., с. 106.
[39] Записки А. П. Ермолова, ч. 2, с. 10; Записки Н. Н. Муравьева..., № 4, с. 486.
[40] *Лачинов Е. Е.* Указ. соч., с. 113.
[41] Записки А. П. Ермолова, ч. 2, с. 39.
[42] Из эпистолярного наследства декабристов..., с. 301.
[43] Записки Н. Н. Муравьева..., № 5, с. 23.
[44] Отрывки из путешествия Морица фон Коцебу в Персию.— Русский инвалид, 1822, № 32, 33, 51, 52; *Бороздный В.* Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 г. СПб., 1821.
[45] *Ермолов А. П.* Записки из журнала российского посольства в Персию 1817 года.— Отечественные записки, 1827, ч. 32, № 92; ч. 33, № 93—95. Оригинал «Журнала» А. П. Ермолова хранится в ОР ГБЛ (ф. 231. М. П. Погодин, разд. 1, оп. 15, д. 36).
[46] Из эпистолярного наследства декабристов..., с. 109.
[47] Там же.
[48] *Грибоедов А. С.* Соч. Л., 1940, с. 396—397. Курсив мой.— *О. Ор.*
[49] Там же, с. 399.
[50] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 228.
[51] ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 102, л. 104
[52] *Азадовский М. К.* О литературной деятельности А. И. Якубовича.— В кн.: Литературное наследство. М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 272—274.
[53] Там же, с. 272.
[54] Там же.
[55] Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. 3, с. 420.
[56] *Мухина С. Л.* Безвестные декабристы (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев).— Исторические записки, М., 1975, т. 96, с. 231—251.
[57] Северный архив, 1823, ч. 7, № 13, с. 60—64.
[58] Из эпистолярного наследства декабристов..., с. 190.
[59] Записки Н. Н. Муравьева.— Русский архив, 1886, № 12, с. 434.
[60] Там же, 1888, № 7 с. 327.
[61] Там же, 1886, № 11, с. 327.
[62] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч., Пг., 1917, т. 3, с. 34.
[63] История Кабарды. М., 1957, с. 83; *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в., с. 319
[64] Восстание декабристов. М., 1953, т. 10, с. 124.
[65] *Грибоедов А. С.* Соч., Л., 1945, с. 498.
[66] Сборник Русского исторического общества. СПб., 1891, т. 78, с. 71. Далее: Сб. РИО.
[67] См.: Восстание декабристов. М., 1958, т. 7; ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 10, л. 59—314; ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 17184.
[68] ЦГВИА СССР, ф. 958, оп. 1, д. 590, л. 5.
[69] *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982, гл. 3. «Господин проконсул Иберии».
[70] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд., с. 231; *Нерсисян М. Г.* Из истории русско-армянских отношений. Ереван, 1961, кн. 2, с. 305; *Сакварелидзе Р. Д.* К вопросу о существовании «Кавказского

тайного общества».— История СССР, 1959, № 5, с. 126—127.

71 ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 6. См. также: ЦГВИА СССР, ф. 36, оп. 4/ /847, св. 12, д. 13; ф. 217, оп. 1, д. 1—15; ф. 3545, оп. 3, д. 508; ф. ВУА, д. 4288, 17269.

72 Восстание декабристов. М., 1953, т. 10, с. 176.

73 Показания П. И. Пестеля от 13 января 1826 г.— В кн.: Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. 4, с. 117.

74 *Шильдер Н. К.* Имп. Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1905, т. 4, с. 330; Русская старина, 1881, № 1, с. 187—190.

75 *Парсамян В. А.* А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения. Ереван, 1947; *Ениколопов И. К.* Грибоедов и Восток. Ереван, 1954; *Сакварелидзе Р. Д.* Указ. соч.; *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в.; *Богомолов И.* В. Кюхельбекер и Д. Эристави.— Вопросы литературы, 1963, № 10; *Ватейшвили Д. Л.* Указ. соч.; *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд.

76 Цит. по кн.: *Тресков И.* Творческое содружество. Нальчик, 1956, с. 40.

77 АКАК, т. 6, ч. 2, № 344.

78 *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд., с. 441—442, 452—481.

79 *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 239.

80 Там же, с. 215.

81 Там же, с. 51.

82 *Берже А. П.* А. С. Грибоедов в Персии и на Кавказе 1818—1828 гг.— Русская старина, 1874, № 10, с. 229—230.

83 *Ениколопов И. К.* Указ. соч., с. 22—25.

84 *Грибоедов А. С.* Полн собр. соч., т. 3, с. 45.

85 Там же, с. 143.

86 Записки Н. Н. Муравьева.— Русский архив, 1888, кн. 2, с. 105.

87 АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1822 г., д. 9201, л. 72; АКАК, т. 6, ч. 2, с. 241—242.

88 ЦГАОР СССР, ф. III Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 79, л. 146.

89 Там же, л. 146—146 об.

90 Там же, л. 147.

91 Каджарская династия правила в Иране с 1796 по 1925 г.— *О. Ор.*

92 АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, 1822 г., д. 9201, л. 48—49, 71—72; 1824 г., д. 9205, л. 5—6 об.; 1826 г., д. 9209, л. 2—17; АКАК, т. 6, ч. 2. с. 229—232, 241—242, 260, 283—284; ВПР. М., 1976, т. 11, с. 419, 532, 537; 1980, т. 12, с. 197, 461; 1982, т. 13, с. 474—477.

93 ЦГВИА СССР, ф. 37, оп. 1/191, св. 44, д. 501, л. 11.

94 Записки Н. Н. Муравьева.— Русский архив, 1888, № 11, с. 391.

95 Там же, с. 393—394.

96 Восстание декабристов, т. 7, с. 316—317.

97 Там же, с. 317.

98 Там же.

99 Восстание декабристов, т. 4, с. 160.

100 Восстание декабристов, т. 7, с. 120.

101 См. гл. 5 книги.

102 ЦГВИА СССР, ф. 36, оп. 6/849, св. 45, д. 66, л. 5—21.

103 Там же, ф. 14719, оп. 1, д. 77, л. 1—469.

104 *Нерсисян М. Г.* Из истории русско-армянских отношений, кн. 1, 2; *Он же.* Новые данные о декабристах, сосланных на Кавказ; *Шадури В.* Декабристская литература и грузинская общественность; *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. 2, с. 411—416, 491, сн. 29.

105 *Нерсисян М. Г.* Из истории русско-армянских отношений, кн. 2, с. 194; *Он же.* Новые данные о декабристах, сосланных на Кавказ, с. 39—44.

106 ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 1457, л. 4 (без даты).

107 Там же, л. 22.

108 ЦГВИА СССР, ф. 14719, оп. 2, д. 831, л. 1, 51—54.

109 ЦГВИА СССР, ф. 90, оп. 1, д. 151, л. 1; *Ватейшвили Д. Л.* Указ. соч., с. 237; *Гангеблов А. С.* Воспоминания.— Русский архив, 1886, № 6, с. 257.

110 Русская старина, 1903, июнь, с. 486.

111 *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 309—310.

112 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М., 1957, т. 6, с. 675—676.

113 Северная пчела, 1828, 18 и 21 февр.; Московский телеграф, 1828, № 1, 2; Тифлисские ведомости, 1829, 4 и 8 февр.

114 Отрывок из «Исповеди» Лачинова.— В кн.: Кавказский сборник. Тифлис, 1876, т. 1.

115 *Нерсисян М. Г.* Из истории русско-армянских отношений, кн. 1, с. 312—396.

116 Там же, с. 190—191.

117 Восстание декабристов. Л., 1925, т. 8; ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 147; ф. III Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 135; ЦГВИА СССР, ф. 36, оп. 6/849, св. 45, д. 66.

118 Отрывок из «Исповеди» Лачинова, с. 155.

119 *Нерсисян М. Г.* Из истории русско-армянских отношений, кн. 1, с. 382.

120 ЦГАОР СССР, ф. III Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 135, л. 4.

121 *Гангеблов А. С.* Воспоминания, с. 244.

122 Тифлисские ведомости, 1829, 8 февр.

123 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М., 1957, т. 6, с. 690.

124 *Нерсисян М. Г.* Письма декабристов Д. Искрицкого и В. Вольховского о Кавказе.— Историко-филологический журнал АН АрмССР, Ереван, 1963, № 2, с. 222.

125 Тифлисские ведомости, 1829, 1 февр., с. 4.

126 Военный журнал, 1818, кн. 4—6; 1819, кн. 2; *Бескровный Л. Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957, с. 260—261.

127 Следственное дело И. Г. Бурцова не издано. Оно хранится в ЦГАОР СССР (ф. 48, д. 95). О службе Бурцова на Кавказе подробнее см.: ЦГВИА СССР, ф. 36, оп. 6/849, св. 45, д. 66, л. 6 об.; ф. 14719, оп. 1, д. 77, л. 354, 435 и др.

128 Записки Н. Н. Муравьева.— Русский архив, 1889, № 11, с. 298.

129 *Андреев В.* Воспоминание из кавказской старины.— В кн.: Кавказский сборник. Тифлис, 1876, т. 1, с. 83—84.

130 Тифлисские ведомости, 1828, 16 окт.

131 Там же.

132 Из эпистолярного наследства декабристов..., с. 227.

* «1 курур туманов» соответствовал 2 млн. руб. серебром.— *О. Ор.*

133 Там же, с. 230.

134 *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 256.

135 Там же.

136 *Семенов Л. С.* К вопросу о значении Туркманчайского договора для истории Армении.— Историко-филологический журнал АН АрмССР, Ереван, 1959, № 4/7, с. 113 и след.

137 АКАК. Тифлис, 1878, т. 7, с. 587.

138 *Нерсисян М. Г.* Письма декабристов Д. Искрицкого и В. Вольховского о Кавказе..., с. 233.

139 *Медведев М. М.* Новое о Грибоедове и декабристах: Грибоедов под следствием и надзором.— В кн.: Литературное наследство. М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 486—487; *Он же.* Грибоедов и декабристы: Новые документы.— Неделя. (Воскресное приложение «Известий»), 1960, 19—25 июня, с. 18.

140 *Пашуто В. Т.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова.— Исторические записки, 1947, т. 24; *Ениколопов И. К.* Указ. соч.; *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность Грибоедова. М., 1960; *Попова О. М.* Грибоедов-дипломат. М., 1964.

141 АКАК, т. 7, с. 624.

142 Отрывок из «Исповеди» Лачинова, с. 132.

143 Письмо А. А. Бестужева братьям Петру и Павлу Бестужевым, 20 авг. 1830 г.— Русская старина, 1896, т. 87, с. 499—500.

144 *Нерсисян М. Г.* Из истории русско-армянских отношений, кн. 1, с. 360—361.

145 Из эпистолярного наследства декабристов..., с. 230.

146 АКАК, т. 7, с. 266.

147 Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1838, ч. 2, с. 225—226.

148 *Абовян Х.* Произведения. Ереван, 1948, т. 2, с. 61.

149 *Семенов Л. С.* Указ. соч., с. 113 и след.

150 *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 267.

151 Там же.

152 *Агаян Ц. П.* Указ. соч., с. 234.

153 АКАК. Тифлис, 1881, т. 8, с. 516.

154 Московский телеграф, 1828, № 2, с. 562.

155 *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956, т. 7, с. 215.

156 Подробнее см.: *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд., с. 706—708.

157 *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.; Л., 1949, с. 54—55 и след.

158 *Маркова О. П.* Новые материалы о «Проекте Российской Закавказской компании» А. С. Грибоедова и П. Д. Завелейского.— Исторический архив, М.; Л., 1951, т. 6, с. 324; *Неч-*

кина М. В. Грибоедов и декабристы, 3-е изд., с. 708.

159 ЦГАОР СССР, ф. III Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 79, л. 1—297; *Корнилович А. О.* Сочинения и письма. М.; Л., 1957, с. 477 (в книге неточно указано, что будто бы в деле А. О. Корниловича находится 21 записка); *Серман И. З.* Александр Корнилович как историк и писатель.— В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 142—164.

160 Манифест 15 июля 1826 г.— Русский инвалид, 1826, 15 июля.

161 *Корнилович А. О.* Указ. соч., с. 221.

162 Там же, с. 229.

163 Там же, с. 229—230.

164 Там же, с. 230.

165 ЦГАОР СССР, ф. III Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 79, л. 189. (Записка от 26 марта 1830 г.); *Корнилович А. О.* Указ. соч., с. 230—231.

166 *Корнилович А. О.* Указ. соч., с. 221, 222.

167 Там же, с. 223.

168 ЦГАОР СССР, ф. III Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 79, л. 153 об.

169 Там же, л. 189—189 об.

170 *Корнилович А. О.* Указ. соч., с. 231—232. В тексте описка автора: вместо 1813 г. (год заключения Гюлистанского договора) Корнилович ошибочно написал 1812 г. Исправлено нами.— *О. Ор.*

171 ЦГАОР СССР, ф. III Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 79, л. 189 об.

172 Подробно о его службе в Кавказской армии см.: *Грумм-Гржимайло А. Г.* Декабрист А. О. Корнилович на Кавказе.— В кн.: Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925, с. 307—335.

173 Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951, с. 531—532. (Письмо от 10 апр. 1828 г.).

174 *Лунин М. С.* Сочинения и письма. Пг., 1923, с. 45.

175 Там же.

176 Воспоминания Бестужевых, с. 341.

Глава четвертая

Декабристы о политике России в Средней Азии и на Дальнем Востоке

1. Участие передовых представителей России в изучении Казахстана и Средней Азии

Во внешней политике России, кроме главных направлений — Западная Европа и Ближний Восток, немалое внимание уделялось отношениям с соседними странами вдоль азиатской границы — Ираном, среднеазиатскими ханствами, Китаем. Активизация политики в Средней Азии явственно прослеживается в период развития Восточного кризиса 20-х годов XIX в., когда выявились и обострились сопутствующие ему проблемы. Одной из них стали русско-иранские противоречия на почве столкновения интересов в бассейне Каспийского моря и в Средней Азии. Тогда же полнее раскрылись далеко идущие политико-экономические стратегические цели Британской империи на Кавказе, на Среднем Востоке и в среднеазиатских государствах. После Венского конгресса значительно усилилось влияние России на международной арене. И если в европейской политике ею проводился курс на подавление революционных выступлений против феодально-абсолютистских режимов и самодержавие становилось одним из оплотов политической реакции в Европе, то на Востоке, несмотря на субъективно экспансионистскую сущность политики царизма, в конечном счете проявлялось прогрессивное влияние России на соседние народы. Объективно Россия содействовала развитию национально-освободительного движения на Балканах, борьбы народов Закавказья против угнетения азиатскими деспотиями. Своей политикой в Средней Азии Россия способствовала развитию ее экономической жизни, сдерживанию экспансионистских устремлений хивинских, бухарских, кокандских и других феодальных правителей, постоянные войны которых наносили огромный урон трудовым народным массам, а также сдерживанию далеко идущих планов на Среднюю Азию иранского шаха и Британской империи. Россия сыграла важную роль в консолидации отдельных народов, прежде всего казахского народа, добровольное присоединение значительной части которого к ней произошло еще в 30-х годах XVIII в. и окончательно завершилось в 60-х годах XIX в. Противоречия политики царизма, вызванные внутренним состоянием страны, связанные с международными отношениями, а также с определенными сло-

жившимися традициями в отношении балканских народов, находившихся под гнетом Османской империи, были раскрыты основоположниками марксизма-ленинизма, которые отметили прогрессивную роль России на Востоке[1].

Передовые представители страны поддерживали активизацию политики на Востоке, отмечали ее объективно прогрессивные последствия для соседних с Россией азиатских народов. Наиболее ярко тогда такие взгляды были выражены декабристами. Разрабатывая свою политическую программу действия, готовя революционное выступление против царизма, декабристы уделяли большое внимание внешнеполитическим задачам «новой России». Наряду с европейскими к числу актуальных на Востоке ими были отнесены задачи расширения связей с народами Средней Азии, развития мирных дружественных отношений с Китаем, упрочения на дальневосточных рубежах страны и на океанских просторах.

Возросшее влияние России на международной арене, а также ее выход на мировые морские пути позволили декабристам наметить в широкой исторической перспективе эти большие и важные задачи. К решению некоторых из них правительство относилось в ту пору недостаточно внимательно. Они отвечали национальным интересам страны, были связаны с шедшим процессом разложения феодализма и развития капиталистических отношений, объективно за упрочение которых выступали декабристы в своих политических программах. Выражая передовые для своего времени взгляды, декабристы при определении широкого круга вопросов в восточной политике уделяли немалое внимание задачам помощи народам Востока в развитии национально-освободительной борьбы, в подъеме их экономики и культуры.

Значительную роль в активизации внимания будущих декабристов к дальневосточным вопросам сыграли открытия России на Тихом океане. Большое значение имели кругосветные плавания начала XIX в. под командой И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, а также других русских мореплавателей. Но в то же время интеллигенция России остро ощущала недостаточность сведений, знаний о народах Сибири, а также об отдельных государствах Востока, в том числе о среднеазиатских ханствах. Проявляя интерес к Востоку, она приветствовала снаряжение новых экспедиций, внимательно следила за их результатами, а также за деятельностью русской духовной миссии в Пекине.

Познание своего Отечества было вменено в обязанность уже членам Союза благоденствия. В период развития движения декабристов, а затем во время их ссылки в Сибирь, в Казахстан и на Кавказ декабристы обогатили науку многими ценными исследованиями и наблюдениями, внесли свой вклад в изучение огромных пространств России — от ее западных границ до Дальнего Востока. Уже в период действия тайных антиправительственных обществ декабристов некоторые из их деятелей приняли участие в научных экспедициях, в сопровождении торговых караванов в Среднюю Азию, исследовали самые отдаленные уголки Закав-

казья и Сибири. Декабристы стали участниками ряда кругосветных плаваний, исследователями морей России. Как справедливо заметил академик А. П. Окладников, «нет такого материка или океана, на котором не побывали бы декабристы. Константин Петрович Торсон участвовал в открытии Антарктиды и островов в Южном Ледовитом и Тихом океанах. Михаил Карлович Кюхельбекер, Дмитрий Иринархович Завалишин, Федор Гаврилович Вишневский обогнули земной шар, изучали страны и народы Северной и Южной Америки, наблюдали атмосферные и магнитные явления на просторах Мирового океана. Николай Александрович Бестужев, Кондратий Федорович Рылеев, Владимир Павлович Романов и другие декабристы внимательно изучали проблему Северо-Западного морского пути из Тихого океана в Атлантику. Николай Чижов, Михаил Кюхельбекер исследовали Новую Землю, а Владимир Романов выполнил опись Черноморского побережья Кавказа. Николай Бестужев картировал берега Англии, Франции, Гибралтарского пролива, острова Балтийского моря. Павел Иванович Пестель и Никита Михайлович Муравьев обогатили отечественную географию новыми принципам районирования России, нашедшими воплощение в важнейших политических документах декабристов»[2].

Но и этот весьма обширный список имен далеко не полон. Нельзя не отметить большую деятельность по изучению природных богатств и народонаселения юго-западных окраин России и Закавказья А. П. Юшневского и Е. Е. Лачинова, по исследованию Средней Азии — А. А. Жемчужникова и В. Д. Вольховского, по изучению Сибири — Г. С. Батенькова.

Насущная необходимость развития наук подчеркивалась в «Русской Правде» Пестеля. Революционному правительству России вменялось в обязанность поощрять развитие науки, создавать для этого благоприятные социальные и материальные условия. Наука, просвещение в программных документах декабристов рассматривались как одни из важных средств в борьбе против самодержавно-крепостнического строя, за развитие страны по пути прогресса. Большая роль отводилась исторической и географической наукам. И это не случайно. Разработка плана основных революционных преобразований России требовала четкого представления о всем государстве. Степень познания таких вопросов, как формирование российского государства, современный территориальный и национальный состав, внутреннее административное деление, внешние границы, природные условия, социально-экономическое, культурное состояние его отдельных частей и многих других, отразилась в трудах отдельных декабристов, нашла проявление в политических проектах: Конституции Н. М. Муравьева и в «Русской Правде» П. И. Пестеля. Работа над этими конституционными проектами декабристов совпала по времени с интенсивным изучением географии России, а также с совершением ряда кругосветных плаваний и установлением больших географических открытий, которые значительно углубили научные знания русской

интеллигенции в области физической и экономической географии, естествознания и этнографии. Только в 1815—1826 гг. были предприняты 15 кругосветных плаваний, 10 экспедиций в Арктику и более 20 путешествий в разные места России и земного шара. То был своего рода «географический взрыв», последствия которого ощущались в течение многих десятилетий. Географические открытия и результаты многих исследований в разных областях географии освещались в отечественной печати, в специальных исследованиях. Довольно регулярно публиковали статьи по географии и путешествиям «Исторический статистический и географический журнал», «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Северный архив», «Сибирский вестник», а также такие ведомственные издания, как «Горный журнал», «Азиатский вестник», «Записки, издаваемые государственным Адмиралтейским департаментом» и др. Авторами ряда интересных трудов по разным вопросам географии были и представители движения декабристов.

Работы по географии, принадлежавшие перу декабристов, несмотря на различие тематики, объединяла общая идейная направленность. Она проявлялась в их понимании географии как науки государственной, призванной служить «к пользе наук и славе Отчизны». Эта идея проходит ярко и в работах, посвященных экономической географии России, и в трудах о географических открытиях и кругосветных плаваниях. Как писал декабрист А. О. Корнилович, кто знает географию (статистику), тот знает государство. Не случайно, он призывал изучать экономическое состояние страны как процесс длительного предшествовавшего развития, «следить с самого начала, знать как оно родилось, росло и пришло в тот возраст, в каком теперь его видим; какие причины замедляли его ход или способствовали развитию»[3]. Эту мысль Корнилович предполагал углубить при критическом обзоре трудов русских авторов по экономической географии, что ему не удалось, однако, осуществить из-за запрещения военного ведомства, в котором он служил в конце 10 — середине 20-х годов. Разные вопросы географии нашли отражение в опубликованных в годы движения декабристов работах А. О. Корниловича, Г. С. Батенькова, В. П. Романова, Н. А. Чижова, Д. И. Завалишина, А. П. Беляева, Н. А. Бестужева и многих других[4].

В предшествующих разделах книги нами рассматривались участие декабристов в изучении природных богатств и социально-экономического развития окраин европейской части России, их взгляды на территориальный состав государства и его границы. Как свидетельствуют документальные материалы, в среде декабристов также ощущался весьма значительный интерес к народам Средней Азии и к политике России в отношении этих народов, к окраинам Сибири и к Дальнему Востоку. Это проявилось во взглядах отдельных представителей движения декабристов, нашло отражение в «Русской Правде». Труды по истории и географии стали одним из источников для написания Пестелем разделов «Русской Правды», посвященных определению восточных границ будущей

российской республики, политики Временного революционного правительства в отношении народов окраин страны, а также тех, переход которых под покровительство или в состав России становился делом недалекого будущего.

Ценные сведения о народах Средней Азии содержали отчеты и отдельные труды участников научных экспедиций, дипломатических миссий. Они поступали с возвращавшимися в Россию русскими купеческими караванами. Их немало было снаряжено в разные части Средней Азии в первую четверть XIX в. В первые два десятилетия азиатскими вопросами занимался в России Комитет министров по представлению Министерства иностранных дел. В 1819 г. в этом министерстве был создан специальный орган, ведавший восточной политикой,— Азиатский департамент (во главе с К. К. Родофиникиным). В том же году Комитетом министров было решено сформировать Азиатский комитет — для рассмотрения разных вопросов, в особенности же относящихся к Средней Азии и Казахстану. После некоторых преобразований по решению царя в него вошли начальник Главного штаба, министры финансов, иностранных и внутренних дел; управление делами должен был вести директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел. На отдельные заседания приглашались оренбургские военные губернаторы и М. М. Сперанский. Включенный первоначально в число членов Комитета, А. П. Ермолов с 1820 г. в нем уже не упоминается. Одной из главных задач Комитета были изучение состояния торговых отношений со среднеазиатскими ханствами и организация дальнейшего развития торговли.

Созданный высший в Российской империи орган, который был призван направлять восточную политику страны, однако за весь период своего существования (вплоть до фактического прекращения деятельности в 1847 г.[5]) так и не разработал широкого перспективного плана политики в Средней Азии. В основном он решал текущие вопросы среднеазиатской политики. В заслугу деятельности Азиатского комитета следует отнести поощрение предложений проведения новых экспедиций, оказание помощи в организации и охране торговых караванов в Среднюю Азию. Предложения об отправке новых экспедиций принадлежали не только отдельным государственным ведомствам, но довольно часто отдельным военным и государственным деятелям, представителям торгового капитала в России.

Научные экспедиции, дипломатические миссии и торговые предприятия первой половины XIX в. в Среднюю Азию получили довольно полное освещение в современной советской исторической литературе[6]. Основательно исследованы результаты проведенных с конца 10-х и в течение 20-х годов XIX в. двух экспедиций с Кавказа в Туркмению и Хиву под руководством Н. Н. Муравьева, русского посольства ко двору эмира Мир Гейдер-хана Бухарского во главе с А. Ф. Негри; изучены причины неудачи каравана С. Т. Циолковского, направлявшегося из Оренбурга в Бухару. В двух последних предприятиях участвовали декабристы

В. Д. Вольховский и А. А. Жемчужников. Участники этих путешествий в Среднюю Азию внесли немалый вклад в изучение истории, географии, экономики и культуры среднеазиатских народов, а также в развитие интереса к ним в кругах русской интеллигенции. Их труды, вышедшие в свет в первой половине 20-х годов, изучались в декабристских кругах. Они оказывали влияние на формирование отношения к среднеазиатскому направлению политики России, к перспективам его развития. Все работы, принадлежавшие перу декабристов — участников экспедиций в Среднюю Азию, являются ценным источником для изучения их идейных воззрений, особенно их взглядов на внешнюю политику.

Одним из инициаторов в правительственных кругах активизации политики России на Кавказе и в Средней Азии был Н. С. Мордвинов. Будучи сторонником буржуазных реформ в области экономики, возможность проведения которых он возлагал на царское правительство, Мордвинов уделял большое внимание развитию торговых связей России с народами Кавказа и Средней Азии. Он выступал против признания военной силы, военных методов одним из решающих факторов упрочения влияния России на эти народы. Свои взгляды Мордвинов изложил в ряде «мнений», представленных для обсуждения в Комитет министров в 1816 г. и в последующие годы [7]. Призыв Мордвинова к проведению мирной политики по отношению к кавказским народам, к расширению торговых связей с ними,— что, по его мнению, должно было принести «не единовременную токмо безопасность и ограждение соседних своих нив и пастбищ», но способствовать созданию прочных и длительных связей,— разделялся в декабристских кругах. Рассматривая политику России на Кавказе и в Средней Азии, декабристы выступали прежде всего за расширение мирных инициатив, за доброжелательную политику по отношению к нерусским народам. Большое значение они придавали развитию торгово-политических связей, раскрытию полезности для отдельных народов, находившихся под гнетом отсталых азиатских деспотий, покровительства со стороны России и даже присоединений к ней. В своих проектах внешнеполитической программы отношение с народами окраин России и сопредельных с нею стран декабристы предполагали строить на новых принципах, которые должны были быть провозглашены Временным революционным правительством после свержения самодержавного строя в России. В этом внешнеполитические взгляды декабристов существенно отличались от взглядов прогрессивно мыслящих представителей официальной России, стремившихся к проведению отдельных буржуазных преобразований в рамках феодально-крепостнического строя.

Высказанные соображения Н. С. Мордвинова относительно важности кавказского региона для дальнейшего развития политических и экономических связей России с азиатскими народами были поддержаны рядом других деятелей. После одобрения Александром I подготовленного Мордвиновым «Мнения о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказ-

ских жителей, чем покорять их силой оружия» последовал царский указ Комитету министров (от 20 июля 1816 г.). Генералу А. П. Ермолову Александр I предписывал принять во внимание выводы Мордвинова при разработке планов кавказской и среднеазиатской политики. В значительной степени этот указ был ответом и на представленную Ермоловым в Комитет министров записку о разных недостатках, имеющих место в управлении Грузией, а также Астраханской и Кавказской губерниями. Эта записка обсуждалась в Комитете министров почти одновременно с запиской Мордвинова. В дальнейшем Ермолов осуществил ряд мер по расширению мирных экономических связей с кавказскими народами.

А. П. Ермолов обратил внимание на предложение Н. С. Мордвинова активизировать политику в отношении народов Средней Азии, использовав для этого как плацдарм Кавказ и восточный берег Каспийского моря. По инициативе Ермолова летом 1819 г. была снаряжена экспедиция в Туркмению и Хиву, возглавленная Н. Н. Муравьевым. В задачи экспедиции входили сбор сведений о туркменском населении восточного побережья Каспия, убеждение туркмен в расположении к ним российского правительства, завоевание их доверия к России, изучение туркмено-хивинских отношений, а также отношений Хивы с другими народами Средней Азии. Предполагалось в случае удачного завершения экспедиции в Туркмению прибытие Н. Н. Муравьева в Хиву и ведéние переговоров с ханом относительно восстановления дружественных отношений, развития двусторонней торговли.

Экспедиция 1819—1820 гг. под руководством Муравьева прошла успешно. В своей записке Ермолову «Замечания о трухменцах и хивинцах и мысли об устроении крепостцы на восточном берегу Каспийского моря и о распространении нашей торговли с Хивой» от 12(24) апреля 1820 г. руководитель экспедиции отметил дружественное расположение туркменских племен восточного побережья Каспийского моря к России, их просьбы о покровительстве с ее стороны. Он подчеркнул, что их согласие на сооружение русской крепости в Красноводском заливе будет способствовать развитию торговых связей России с Хивой, Бухарой, Кашмиром, Индией и Афганистаном, а также укреплению позиций страны в отношении Персии[8].

Трудной и опасной была миссия Н. Муравьева в Хиву. После убийства в Хиве в 1717 г. кн. А. Бековича-Черкасского, он стал первым посланцем России к хану. Как писал Ермолов гр. А. А. Закревскому о поездке Н. Муравьева в Хиву и о достигнутых им результатах при переговорах с ханом, несмотря на все сложности миссии (заточение в крепости и угрозу быть убитым), «он имел твердость, все вытерпев, ничего не устрашиться». Ермолов отмечал, что Муравьев «есть первый из русских в сей дикой стороне» и что «сведения, которые передаст нам о ней, чрезвычайно любопытны»[9]. Помимо официального отчета о поездке в Хиву, Н. Муравьев подробно ее описал в своих записках. Он отмечал, что

ханские власти сначала полагали, будто бы он «прислан был ходатаем за русских, страждущих в жесточайшей неволе, или для востребования удовлетворения за два купеческие судна, сожженные несколько лет тому назад на Трухменском берегу, или ответа за убиение князя Бековича»[10]. Из-за ведения Муравьевым поденных записок его посчитали чуть ли не лазутчиком, и его могла ждать самая печальная участь. В конечном итоге он добился визита к хану и вел с ним переговоры. Заверения Муравьева в стремлении России к мирным дружественным отношениям с Хивой и к развитию торговых связей ханом были восприняты одобрительно. Однако доводы русского посланца о целесообразности изменения караванных путей из России по землям Средней Азии, а именно проведение их к Красноводской пристани, вместо более долгой езды безводной степью через Мангышлак, а оттуда в Астрахань, не получили поддержки хана Хивинского. Одним из мотивов этого послужили опасения хана продвижения через земли неподвластных ему племен туркменов-иомудов и, видимо, его боязнь усиления влияния на них России. Урегулирование этого вопроса было важным для дальнейшего развития торгово-политических связей России со среднеазиатскими ханствами. Изменение караванного маршрута могло способствовать облегчению продвижения караванов в Хиву, Бухару, Кашмир, Кабул.

Результаты экспедиции в Туркмению и поездки Н. Муравьева в Хиву были положительно оценены Ермоловым. На основании представленного отчета Муравьева им была составлена официальная записка К. В. Нессельроде «О совершении экспедиции в Хиву капитаном Муравьевым» (21 апреля 1820 г., Тифлис). Основываясь на мнении Н. С. Мордвинова, Ермолов подчеркивал важность прежде всего для экономических интересов России упрочения на восточном берегу Каспия, основания там крепости. Ермолов отмечал: «Торговля с Хивою, Бухариею и далее, как говорит господин адмирал Мордвинов, с северною частию Индии есть беспрекословно главнейшая цель устроения заведения на восточном берегу Каспийского моря, и для того почитаю необходимым, в обеспечение привозимых нами товаров и хлеба, устроить в Красноводском заливе крепостцу с достаточным гарнизоном и артиллериею»[11]. В своей записке Ермолов, отражая официальные позиции царской дипломатии в отношении Средней Азии, писал, что, хотя овладение Хивою и Бухарией и не ставится в задачи современной политики России, но тем не менее упрочение на берегах Восточного Каспия будет иметь и несомненное военно-стратегическое значение. Сам же Ермолов считал, что в перспективе присоединение этих среднеазиатских ханств было бы полезно для России, хотя и «чрезвычайно трудно»[12].

В конце июня 1820 г. результаты экспедиции рассматривались в Азиатском комитете. Положительно оценив ее итоги, он отметил мнение А. П. Ермолова о пользе «учреждения на восточном берегу Каспийского моря российского заведения, с тем чтобы, снабжая трухменцев хлебом, в коем они всегда нуждаются, открыть сим

способом новый путь торговле нашей с Хивою, Бухарнею и даже северною частию Индии»[13]. Азиатский комитет решил ассигновать 35 тыс. руб. на покупку хлеба для торговли с туркменами и выразил заинтересованность в отправке на восточный берег Каспийского моря новой экспедиции с целью подыскания удобного места для сооружения небольшой крепости и магазина[14]. В 1821 г. туда была снаряжена вторая экспедиция под руководством Н. Н. Муравьева. В ее результате были составлены: «1. Общий план Балнанского залива*. 2. План Красноводской косы. 3. Подробный план оконечности Красноводской косы. 4. План острова Челекеня»[15].

Из участия в экспедиции Н. Н. Муравьев вынес твердое убеждение в важности в интересах России и соседствующих с ней народов развития взаимных связей. В официальных донесениях о результатах экспедиций он убедительно доказывал целесообразность скорейшего закрепления письменными документами установления «с трухменцами-иомудами твердых и постоянных сношений, как дружественных, так и торговых», подчеркивал большое значение этой акции для туркмен, подвергавшихся нападениям войск хана Хивинского, а также для упрочения влияния России в этом регионе Средней Азии, имевшем для нее немалое военно-стратегическое значение. Он же считал все это важным и для противодействия возможным проискам иранского шаха против России в Средней Азии, который использовал для этого находившихся под его влиянием местных ханов.

Однако те большие задачи и планы, которые выдвигались некоторыми государственными и военными деятелями России, тогда не были поддержаны царским правительством, хотя и проявлявшим внимание к отдельным вопросам среднеазиатской политики. Так, и в последующие годы российское правительство поощряло изучение восточного побережья Каспийского моря. «Для осмотра Мертвого Култука и Северо-западных частей Туркмении» в 1832 г. из Гурьева была отправлена новая экспедиция под начальством титулярного советника Министерства иностранных дел Карелина[16]. В связи с ее подготовкой Н. Н. Муравьев составил обширную содержательную записку об истории изучения Закаспия со времени Петра I по 20-е годы XIX в. В ней раскрыто значение поисков наиболее выгодных для страны торговых путей в Бухару, Хиву и Индию[17]. При обсуждении результатов этой экспедиции в 1833 г. вновь был поставлен вопрос о построении военных укреплений и складочных магазинов на восточном берегу Каспийского моря[18]. Однако практических сдвигов почти не было сделано. И только в 1869 г. в Красноводском заливе высадились русские военные отряды, упрочились позиции России на восточном побережье Каспия, были заложены основы для продвижения в глубь Туркмении. Но и в 1872 г. на заседании «Общества для содействия русской промышленности и торговли» при рассмотрении вопроса о путях «из Москвы в Северную и Среднюю Азию» «самый дешевый и короткий путь... по Волге и Каспию и на Крас-

новодск до Хивы» был назван составляющим «пока еще простую идею». При рассмотрении перспектив освоения этого пути отмечалась необходимость «сделать нивелировку от Красноводска до Аму-Дарьи, которая решит главный вопрос об удобстве этого пути»[19]. Так, более чем за 50 лет после экспедиции Н. Н. Муравьева царское правительство не предприняло сколько-нибудь существенных практических мер для освоения этого более удобного для страны торгового пути в Среднюю Азию. В то же время в торговых и промышленных кругах России все отчетливее понимали, что «линия от Красноводска через Хиву и Бухару до Самарканда представляет для России самый удобный путь для эксплуатации всех среднеазиатских наших рынков»[20].

Широкие перспективные планы, выдвигаемые некоторыми прогрессивно-настроенными военными и государственными деятелями России, получили отклик и одобрение в кругах передовой русской общественности. Так, декабристы высоко оценили результаты экспедиций Н. Н. Муравьева, его практические предложения и планы по активизации политики России в Средней Азии. Выражая настроения своих единомышленников, И. Г. Бурцов, например, писал Муравьеву 22 февраля 1820 г. из Тульчина в Тифлис: «Как не равнодушен век наш к подобным делам, но не умолчит о тебе история. Суди же, какою радостию исполнены сердца друзей твоих»[21].

Н. Н. Муравьев по делам службы в мае 1820 г. находился в Петербурге. Здесь он воочию столкнулся с равнодушием ряда высших чиновников Министерства иностранных дел к среднеазиатской политике, особенно к задачам использования Кавказа и восточного берега Каспийского моря для упрочения связей России с туркменскими племенами, для освоения новых, более удобных торговых путей в Среднюю Азию. Н. Н. Муравьев приложил немало усилий для привлечения внимания Азиатского комитета к результатам экспедиции. В кругу же участников Союза благоденствия Муравьев нашел понимание важности выводов, сделанных им в результате изучения восточного берега Каспийского моря, поездки в Хиву. Не случайно, в Союзе благоденствия с нетерпением ждали сначала его писем с выдержками из дневниковых записок периода экспедиции 1819 — начала 1820 г., а затем выхода его книги. «За обещание копии с записок твоих премного тебя благодарю, и прошу оное выполнить,— писал, например, 26 марта 1820 г. из Москвы брату в Тифлис А. Н. Муравьев и добавлял: — Взялся за гуж, не говори, что не дюж!»

Е. Е. Лачинов, участвовавший вместе с Муравьевым в российском посольстве 1817 г. в Иране, писал в одном из своих писем из Тульчина о большом интересе к экспедициям в Туркмению и Хиву. «Где вы теперь, почтеннейший Николай Николаевич? Скоро ли возвратитесь из-за моря, где много, думаю, трудов и опасностей видеть случается... — спрашивал Лачинов. — Я хотел бы видеть ваш журнал, думаю, он очень растолстел. Скажите, почтеннейший Николай Николаевич, неужели вы ничего не издадите?—

— Вы видели край, который так мало известен; имели случай рассмотреть нравы и обычаи жителей, и пр. и пр.— неужели описания ваши останутся только у вас?» [22]

В 1822 г. в Москве вышла книга Муравьева об экспедиции в Туркмению и Хиву [23]. Она была посвящена его отцу — Н. Н. Муравьеву, «основателю Московского учебного заведения для юношества» (Школы колонновожатых), получившей признание среди прогрессивно настроенной военной молодежи, ставшей одним из центров распространения свободолюбивых идей и настроений. Книга была быстро распродана подписчикам, а весь денежный сбор от ее реализации предполагалось передать городским властям для благотворительных целей [24]. Уже в начале 1822 г. из 600 экземпляров книги 400 были распроданы, а на остальные тоже было очень много требований [25]. По свидетельству Н. И. Тургенева, эта книга была не только с большим интересом прочитана им самим, но и отправлена брату Сергею Ивановичу в числе ценнейших новейших изданий («посылается также к тебе сочинение Муравьева, две части, а третья доставится после») [26]. Книга привлекала внимание общественных кругов и научного мира, однако сам автор был не вполне доволен изданием. Более развернутое описание экспедиции с характеристиками его участников, с критическими замечаниями в адрес Ермолова и других государственных деятелей им были даны в записках, опубликованных в «Русском архиве» уже в 80-х годах XIX в.

Экспедиция под руководством Муравьева и отношение к намеченным ею задачам правительственных кругов дали еще один повод для критических размышлений в декабристских кругах о внешнеполитическом курсе Александра I и, более широко, о косности самодержавно-крепостнических порядков вообще. Это весьма выразительно раскрылось, например, в словах А. Н. Муравьева, адресованных к брату, Николаю Николаевичу, в связи с отправлением его в новую экспедицию в Туркмению: «Предприятие твое, сколь оно ни благородно, не будет, вероятно, поддержано теми, которые после тебя сим заведывать будут. Ибо мало честных людей и просвещенных патриотов, которые бы решились ехать в столь дальнюю и опасную сторону, а будут там всякого рода алчущие денег и богатств люди, которые притеснениями своими ожесточат собранные тобою племена...» [27]. История дальнейшего проникновения в Среднюю Азию и ее завоевания царизмом подтвердила правильность наблюдений, сделанных участником движения декабристов еще в начале 20-х годов XIX в.

Определенных успехов достигла отправленная в 1820 г. из Оренбурга в Бухару дипломатическая миссия А. Ф. Негри [28]. При переговорах с эмиром Бухарским были рассмотрены вопросы, относившиеся к обеспечению безопасности русских торговых караванов и касавшиеся учреждения в Бухаре российского консульства. Бухарская сторона обязалась соблюдать условия нового азиатского тарифа, введенного в России с 1819 г. Одной из задач миссии был сбор сведений о Бухарском ханстве, его отношениях с

Турцией, Ираном, Афганистаном, с Хивинским, Кокандским и другими ханствами, а также об отношениях Хивы с казахами. Подробные отчеты Негри были направлены оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену и статс-секретарю И. А. Каподистрии [29]. Негри был удовлетворен итогами миссии. Но бухарские власти, согласившиеся с основными предложениями Негри, не торопились проводить их в жизнь. Как верно отметил Н. А. Халфин, «местные феодальные правители, мало знакомые с буржуазным правопорядком, не всегда придавали существенное значение итогам переговоров даже тогда, когда они были документально зафиксированы» [30]. В данном же случае никаких договоров в письменном виде заключено не было. Только в 1825 г. в Петербург прибыло ответное посольство «для представлений по предметам торговли Бухарии с Россией».

Участники миссии собрали ценные сведения о природе, населении, политическом строе и внешнеполитических отношениях Бухарского ханства. В результате русская наука обогатилась интереснейшими новыми материалами. Этому способствовало включение в состав миссии известных ученых, талантливой молодежи. Специалисты-энтузиасты разного профиля — Э. А. Эверсман, Х. Пандер, Е. К. Мейендорф, В. Д. Вольховский, А. К. Тимофеев — опубликовали вскоре же после возвращения в Россию ряд статей в отечественных журналах, а также отдельные труды, в том числе изданные и за рубежом [31]. О большом интересе к миссии в Бухару в кругах прогрессивной русской общественности свидетельствует переписка бывшего лицеиста, друга А. С. Пушкина, декабриста, впоследствии известного русского мореплавателя Ф. Ф. Матюшкина с В. Д. Вольховским. В 1820—1824 гг. Матюшкин участвовал в научной экспедиции по исследованию северных берегов Ледовитого океана, которую возглавлял бар. Ф. П. Врангель. В письмах из экспедиции к Вольховскому Матюшкин спрашивал о результатах посольской миссии в Бухару, сообщал о своих успехах. Так, к письму от начала июня 1823 г. Матюшкин приложил карту движения северной экспедиции, отмечал некоторые общие трудности и большие различия условий обеих экспедиций. «Велика разница между вашей учено-военной экспедицией и нашей — вы имели много, много таких удовольствий... о коих мы не могли думать... — у нас собаки, у вас — верблюды, у нас море, у вас степь. С каждым днем мы продвигались в страны... ужаснейшие, необитаемые, бесплодные, в царство зимы, а вы с каждым шагом приближаетесь к плодоносной, благорастворенной Бухарии...» [32]

В. Д. Вольховский был включен в состав новой, военно-топографической экспедиции 1826 г. полковника Ф. С. Берга, которая должна была провести топографическое изучение Аральского перешейка, от Уральской линии до низовий Аму-Дарьи, провести геологическое исследование плато Устюрт [33]. Однако участвовать до конца в ней Вольховскому не пришлось. По требованию Николая I Оренбургский военный губернатор П. К. Эссен отозвал

его из экспедиции в связи с подозрением в участии «в злоумышленных обществах». Отправляя в марте 1826 г. Вольховского под конвоем на допрос в Петербург, П. К. Эссен писал начальнику Главного штаба бар. И. И. Дибичу: «Во исполнение высочайшей воли, объявленной мне Вашим превосходительством по секрету от 8 января с. г. за № 30м, вытребованный мною из отряда полковника Берга, в Киргизской степи находившегося, Гвардейского Генерального штаба капитан Вольховский при сем с нарочным Оренбургского пехотного полка сотником Шубиным препровождается»[34].

Участник первых тайных антиправительственных обществ декабристов и член Северного общества В. Д. Вольховский после суда был отправлен в действующую армию на Кавказ. Там он, как мы показали выше, проявил себя как герой в боях за освобождение Восточной Армении.

До сих пор еще полностью не изданы, а до недавнего времени были почти неизвестны исследователям, записки о Казахстане и Средней Азии декабриста А. А. Жемчужникова, который сопровождал в конце 1824 — начале 1825 г. торговый караван в Бухару. Имеется только небольшая публикация о записках Жемчужникова историка В. З. Галиева[35].

Одним из основных инициаторов снаряжения торгового каравана из Оренбурга в Бухару был П. К. Эссен, весьма озабоченный упадком среднеазиатской торговли. «А торговля столь упала,— доносил Эссен К. В. Нессельроде 2(14) ноября 1821 г.,— что в Оренбург не вышло в сем году ни одного каравана, равным образом и из Оренбурга ни одного не отправлено»[36]. Одной из причин ослабления торговых связей со Средней Азией были феодальные распри среди ханов Младшего жуза, что делало опасным продвижение по их землям торговых караванов. Введение в 1822 г. устава «О сибирских киргизах» позволило обеспечить охрану их внутреннего и внешнего спокойствия. После отмены в 1822 г. ханской власти в Среднем жузе, а в 1824 г.— в Младшем жузе внутренняя обстановка в них стала более спокойной, их внешнеполитическое положение стабильнее. В мае 1824 г. в Петербург прибыла депутация «от киргиз-кайсаков Большой орды» с выражением желания тоже присоединиться к России[37]. Непосредственная угроза Среднему и Старшему жузам шла тогда от Хивинского и Кокандских ханств, правителей которых к тому же пытались использовать британские колонизаторы для воспрепятствования продвижения России в Среднюю Азию.

После успешных экспедиций в Хиву и Бухару в начале 20-х годов и урегулирования обстановки в Младшем жузе П. К. Эссен был полон надежд на активизацию торговых связей с Бухарой, добивался выделения правительством значительного военного конвоя для торгового каравана. Идея отправки большого торгового каравана из Оренбурга в Бухару в целом была одобрена российским правительством, и в начале ноября 1824 г. караван во главе с полковником С. Т. Циолковским двинулся в путь.

В числе военных, откомандированных для сопровождения каравана, был гвардейского Генерального штаба поручик А. А. Жемчужников. В 1818 — начале 1821 г. он принимал участие в Союзе благоденствия, а после его роспуска стал членом Северного общества. Участие Жемчужникова в Северном обществе не было активным из-за его длительных разъездов по делам службы. Так, известно, что с 1824 г. по лето 1825 г. он находился в Оренбургском крае. Но незадолго до восстания 14 декабря 1825 г. связи Жемчужникова с Северным обществом окрепли. Декабрист П. П. Титов в показаниях Следственному комитету раскрыл, что в ноябре 1825 г. он посвятил приехавшего в Петербург Жемчужникова в планы общества — «доставить государству конституцию, подобную Американским штатам... освободить крестьян от рабства... идти с своею командою туда, куда будет приказано» — и получил от него согласие на вхождение в возглавляемую им «полууправу» [38]. Участие Жемчужникова в декабристских обществах подтверждали П. И. Пестель, С. П. Трубецкой, К. Ф. Рылеев. В декабре 1825 г. Жемчужников находился в Москве. После завершения следствия по делу декабристов состоявший в 1825 г. «при Главной квартире 1-й армии свиты его величества по квартирмейской части поручик Жемчужников» был назван «прикосновенным к злоумышленным обществам», но за недостаточностью улик был взят только под надзор полиции и выслан в Оренбургский край [39]. Впоследствии, так и оставаясь под надзором полиции, он стал участником Хивинского похода 1839 г., инициатором закладки Эмбенского укрепления, военных действий против казахских и хивинских феодалов в районе Аральского моря [40].

Торговый караван в Бухару, на который возлагало большие надежды российское купечество, не достиг намеченной цели. В середине января 1825 г. близ горы Биш-Тюбе (примерно, в 300 верстах от Бухары) он был атакован большим отрядом хивинцев. К этому времени огромный обоз из Оренбурга соединился с отправленным обозом из Троицка. В конце декабря караван намного увеличился за счет присоединившихся казахов, гнавших на продажу большие отары скота. Как отмечал Жемчужников в своем рапорте от 27 декабря 1824 г. И. И. Дибичу, «надеясь на защиту русских войск, многие из киргизцев погнали своих баранов вслед за караваном (числом до 40 000) для мены в Бухарию» [41]. Огромному, далеко растянувшемуся каравану, двигавшемуся в Красных песках, было трудно обороняться от отрядов хивинского хана, пытавшихся «разграбить или по крайней мере не пропустить отправленный караван из России». Безуспешными оказались результаты переговоров Циолковского с хивинскими военачальниками, потому что, как писал Жемчужников, «все разговоры их клонились к тому, чтобы мы с караваном следовали не в Бухарию, а в Хиву, ибо на то есть воля хана» [42]. Караван отбивался две недели, после чего был вынужден, бросив многие товары, повернуть обратно. Так тогда потерпела неудачу новая

попытка активизировать торговые связи России со среднеазиатскими ханствами.

Некоторые участники этого путешествия вели обстоятельные записи по пути следования. На основании таких записей, например, караванным начальником Е. Кайдаловым была написана книга «Караван-записки, во время похода в Бухарию российского каравана...», изданная в 1827 г. в Москве. Регулярно составлял рапорты в Главный штаб А. Жемчужников. Он же вел путевой журнал, начатый 1 ноября 1824 г. и оконченный 17 апреля 1825 г. Материалы Жемчужникова о Казахстане и Средней Азии хранятся в ЦГВИА [43]. Из рапорта Жемчужникова И. И. Дибичу от 1 августа 1825 г. из Царского Села явственно предстают те задачи, которые ставил перед собой автор путевого журнала, и те обязанности, которые на него были возложены при командировании в конвой каравана. Жемчужников докладывал, что он находился в составе военного отряда, прикрывавшего купеческий караван на пути от Оренбурга до горы Биш-Тюбе и обратно, до крепости Орской. За это время им были составлены «топографический маршрут военного отряда», «журнал, генеральная карта и план оборонительного положения и ретирады отряда при нападении на него хивинских войск в январе текущего года» [44]. Все материалы были представлены Жемчужниковым в Главный штаб. При составлении журнала Жемчужников пользовался не только своими наблюдениями, но и тщательно собирал все сведения, которые мог получить в пути. Невзирая на трудности перехода, военные действия, он «тщательно расспрашивал бухарцев, хивинцев, ташкентцев и киргизцев, при караване следовавших, также тех ордынцев, коих рассеянные аулы встречались по пути» [45]. Жемчужников вместе с другими участниками торгового каравана весьма сожалел о неудавшемся предприятии, а также о том, что не смог приобрести достаточно полные «статистические и политические сведения относительно Бухарии и Хивы» [46]. Но, несмотря на это, путевой журнал Жемчужникова содержит большой интересный материал и является одним из ценных источников по изучению истории народов Средней Азии.

В кожаный переплет большого формата вплетена рукопись, озаглавленная А. А. Жемчужниковым «Сведения, собранные на пути из Оренбурга в Бухарию. 1824 и 1825 годов». Из оглавления этого путевого дневника видно, какие вопросы наиболее интересовали автора и нашли в нем отражение. Это: «О Малой киргизской орде», «О Хиве», «О распрях Хивы с Бухарией и стеснении торговли сей последней», «О препятствиях ходу караванов через киргизские степи от Оренбурга до Бухарии». Значительное внимание автор дневника уделял освещению политических отношений внутри Младшего жуза, его отношениям с Хивинским и Кокандским ханствами. Ценные сведения им были собраны о народах, зависимых от Хивинского хана, раскрыто его стремление к расширению сферы влияния в Средней Азии: «Узбеки и сарты суть два поколения, обитающих в Хиве, кои именуются хивинцами: 1-ое есть гос-

подствующее и заведывающее правлением; 2-ое — народ, занимающийся исключительно торговлею. Каракалпаки и туркменцы суть народы, признающие власть Хивинского хана и платящие ему подать, обязанные вспомогать войсками и пользующиеся его покровительством»[47]. Меньше зависели от Хивинского хана казахи, живущие в приграничной с Россией полосе. Они также меньше были подвержены нападениям со стороны других кочевых народов. По наблюдениям Жемчужникова, большие «претерпевают притеснения от хивинского хана киргизцы, кочующие вблизи Сыр-Дарьи». Во избежание нападений и грабежей они были вынуждены платить хану дань (занат). «В таком положении мы находили Киргизскую орду в глубине степей,— писал Жемчужников,— и удостоверились, что хивинский хан Мухамет-Рахим имеет сильное на нее влияние и успел совершенно подчинить множество народу киргизского». В своих записках Жемчужников отмечал, что «хан хивинский уничтожил совершенно мену киргизцев с Бухариею, воспретив им всякое сообщение с оной»[48]. Действительно, торговые связи казахов Младшего и Среднего жузов с Бухарой ко времени разрыва отношений между Хивой и Бухарой ослабли.

«Для удержания киргизцев в совершенной зависимости» в низовьях Сыр-Дарьи «хивинский хан вместе с союзником своим, владельцем Кокана и Ташкента, вознамерились строить крепости», в которых помещались отряды численностью от 300 до 500 чел.[49] Одно из таких укреплений Жемчужников видел на переправе у реки Куван-Дарьи, на караванном пути в Бухару. Он верно отметил, что постройка такого укрепления затрудняла прохождение торговых караванов в Бухару и из казахских земель, и из российского государства, «ибо караваны, которым удастся пройти пески Кизил-Кум, будут всегда разграблены гарнизоном хивинским, находящимся в крепости»[50].

Нападение отрядов хивинского хана на русский торговый караван стало еще одним убедительным свидетельством его хитрости и коварства, нежелания следовать призыву России к мирным дружественным отношениям. «Хивинский хан не только не старается прекратить вражду с Бухариею и воспользоваться выгодами от торговли... но еще старается уничтожить все сношения оной (Бухары. — *О. Ор.*) с Россиею и прекратить совершенно все торговые связи; грабит все караваны, ходящие чрез степь Киргиз-Кайсацкую, и таким образом... уничтожает покушения бухарцев и русских купцов производить оную чрез Киргизскую степь...»— так характеризовал Жемчужников политику хивинского хана в Средней Азии. Автор путевого дневника убедительно показал также, что «хивинский хан не только одним оружием старается вредить Бухарии, но лишает ее всех выгод, которые она получала от мены с киргизцами и от торговли с Россией... Она не имеет куда сбывать собственные произведения и получает с величайшим трудом и очень дорого иноземные, необходимые для жизни»[51].

Материалами и картами А. А. Жемчужникова, отправленными из Главного штаба в Военно-топографическое депо, пользовались исследователи Средней Азии и Казахстана. Они представляют несомненную ценность и сегодня при изучении исторического прошлого народов нашей страны.

Записки Жемчужникова, как и работы других передовых русских людей — участников экспедиций и путешествий в Среднюю Азию в 20-х годах XIX в., давали ценный материал для размышлений о важности для России активизации политики в Средней Азии, о ее связи с политикой на Кавказе. Рассмотренные нами выше взгляды декабристов на кавказский регион в политике России свидетельствуют о понимании ими его связи с политикой на Среднем Востоке и в Средней Азии. Участники экспедиций в Среднюю Азию своими наблюдениями и выводами подтвердили правильность таких суждений, еще основательнее аргументировали необходимость активизации среднеазиатской политики с кавказского направления. В их работах раскрыты отношение к национальной политике, интерес к историческим судьбам народов Казахстана и Средней Азии, желание упрочения дружественных связей между народами.

2. Взгляды на восточное направление внешней политики

Отношение декабристов к восточному направлению внешней политики раскрылось в работах отдельных представителей декабристского движения, в том числе в подготовительных материалах П. И. Пестеля к «Русской Правде» и в ней самой — этом важнейшем политическом документе декабристов. Автором одних из интереснейших работ по вопросам политики России в Средней Азии и на Дальнем Востоке был А. О. Корнилович. Огромный интерес Корниловича к разным внешнеполитическим вопросам, поиски путей разрешения, по его представлению, наиболее важных из них заставляют нас неоднократно обращаться к его трудам. Перу Корниловича принадлежит много как опубликованных при жизни, так и долго остававшихся неизданными трудов по разным проблемам внешней политики России. Некоторые из них рассмотрены нами в предшествовавших главах книги. Взгляды Корниловича на восточное направление политики России в значительной степени отражают и воззрения других декабристов, можно сказать, являются типичными для декабристского круга.

Корнилович хорошо знал документальные материалы, которые он изучал как профессиональный историк, весьма интересовавшийся внешнеполитическими проблемами. Анализ его работ позволяет считать, что им были основательно исследованы давние дипломатические и торговые связи среднеазиатских государств с Россией, этнический состав населения Средней Азии, вопросы политических отношений между среднеазиатскими государствами. Ценные сведения по этим вопросам давали новейшие книги и статьи отечест-

венной и зарубежной печати. Сам Корнилович тоже издал в первой половине 20-х годов XIX в. несколько статей по отдельным вопросам восточного направления политики России. Однако результатам его долголетнего, глубокого изучения политики России именно в Средней Азии не суждено было увидеть свет. Они были изложены Корниловичем в записках, в период заточения в Петропавловской крепости, и поэтому надолго оказались погребенными в архиве III Отделения с.е.и.в. канцелярии.

В серии записок, составленных Корниловичем в крепости, значительное место занимают работы по проблемам политики России в Средней Азии, освоения Сибири, Дальнего Востока, а также по вопросам отношений с Китаем. Написанные в крепости после поражения восстания декабристов, адресованные по требованию шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа ему лично, они тем не менее не утратили остроты и смелости мысли, содержат критические суждения относительно курса царского правительства в восточной политике. В них чувствуется воздействие идей «Русской Правды», с которой, по всей вероятности, Корнилович познакомился после вступления весной 1825 г. в Южное общество. По поручению руководителей общества он побывал летом того же года в Кишиневе, Одессе, Каменке, Василькове, Тульчине и других местах Южной России, связанных с деятельностью декабристов. Во время пребывания в Тульчине и Линцах Корнилович «познакомился с полковником Пестелем и генералом Юшневским»[52]. Вероятно, он приезжал туда для представления руководителям Южного общества и для получения некоторых материалов для руководства Северного общества. Так, известно, что Корниловичу было поручено передать кн. С. П. Трубецкому копию письма южан к польскому тайному антиправительственному обществу, в котором освещались переговоры о подготовке совместного вооруженного выступления против царизма. 12 декабря 1825 г. в Петербурге Корнилович вручил документ южан С. П. Трубецкому; на следующий день был у К. Ф. Рылеева, вел с ним разговоры по делам Южного общества. Во время восстания 14 декабря Корнилович помогал в осуществлении связи между восставшими полками и еще не вышедшим на площадь Лейб-гренадерским полком[53].

В Петропавловской крепости заключенным Корниловичем было составлено несколько записок по вопросам политики России в Средней Азии. В одной из них — «О расширении азиатской торговли» (от 28 марта 1829 г.) — он дал свое определение этнического и территориального состава Средней Азии: «Разумею под Средней Азией ту часть оной, которая населена народами магометанского исповедания и известную у некоторых новейших путешественников под общим названием *Туркестан*. Они разделяют его на три части: на *Южный*, заключающий в себе независимые ханства Хиву, Бухару, Кашмир, Балх и пр., на *Восточный* (или Малая Бухария), содержащий в себе магометан, ‹...›, и на *Северный*, состоящий из степей, в коих обитают киргизы, признающие верховничество России. Для краткости и

большого удобства я удержал сие разделение»[54]. В другой записке — «О способах сношения с народами Средней Азии» (от 26 марта 1830 г.) — им приведено описание соседствующих с Россией азиатских народов, населяющих огромное пространство — «от Каспийского моря и до Восточного океана». По представлению автора, население этой территории «состоит из трех главных народов, различных происхождением, верою, языком, обычаями, а именно: из жителей Туркестана — магометан; монголов и тибетцев — ламистов, и из манчжуров, следующих шаманскому учению»[55].

Из текста записок Корниловича также видно, что он хорошо был осведомлен о результатах «посольства... г. Негри в Бухарию и экспедиции Муравьева в Хиву», о вышедших о них трудах. Особенно им отмечены сочинения Е. К. Мейендорфа и Н. Н. Муравьева, как содержащие много ценных новых сведений о Средней Азии[56].

Основательное знание Корниловичем исторического прошлого и современного состояния отдельных государств Средней Азии способствовало аргументированному изложению его соображений и по поводу значения для них укрепления связей с Россией. Развитие этих связей он считал также находящимся в русле первейших интересов своей страны на Востоке. Как и в записках, посвященных вопросам торговли России на Кавказе и на Среднем Востоке, в работах о связях России со Средней Азией Корнилович не выдвигает экспансионистских задач. Его идея — развивать мирные торговые и культурные отношения с восточными народами[57]. Это мнение разделялось другими декабристами, как правило считавшими, что именно такой должна быть политика страны на Востоке, что она наиболее отвечает интересам народов России и Средней Азии. Все это очевидно из следующего рассуждения Корниловича: «Чем более размышляю, тем более убеждаюсь в выгодах, какие принесет нам расширение нашей деятельности в Азии. К тому же нам нет нужды прибегать для сего к двуличию и махиявелизму, какой являли англичане в Ост-Индии: наши виды на Азию — суть единственно торговые, основанные на взаимности выгод и могущие исполниться только во время мира»[58].

А. О. Корнилович не переставал верить в возможность помощи со стороны России народам Средней Азии в подъеме их экономической и культурной жизни. Более того, в своих записках он стремился привлечь внимание к этим задачам политики России на Востоке, надеялся на то, что «непременным последствием влияния России в тех странах будет водворение общественного порядка, промышленности и просвещения»[59]. Несомненно, что, ставя такие обширные задачи, автор записок связывал их осуществление с освобождением самой России от гнета феодально-крепостнического строя.

Из записок Корниловича раскрываются его негативное отношение к английской политике на Среднем Востоке и в Центральной Азии, его критика «двуличия и махиявелизма» англичан в

Индии. Корнилович знал и о происках англичан в среднеазиатских государствах, о чем свидетельствует его упоминание о недавней смерти «англичанина Муркрофта, который был отправлен Ост-Индскою компаниею для заведения торговых сношений с Среднею Азиею»[60]. Этот высокопоставленный чиновник компании еще в 1812 г. направил в Среднюю Азию группу разведчиков, которые побывали в Восточном Туркестане, Бухаре, Коканде и в других местах, собирая сведения о политическом строе, экономике и природных условиях, вели проанглийскую пропаганду. В 1820—1825 гг. У. Муркрофт посетил Бухару официально по торговым делам, в действительности же с целью военно-политической разведки, в которой важное место отводилось изысканию средств для полной ликвидации торговли России с ханствами[61].

Корнилович выступал в поддержку идей, получивших распространение в прогрессивных кругах России, о целесообразности более интенсивного освоения караванных путей в Среднюю Азию, в том числе новых. По мнению Корниловича, заслуживал внимания вопрос об «установлении прямого сообщения между восточным берегом Каспийского моря и Хивою, откуда удобно будет проникнуть в другие города Средней Азии». Важным шагом к освоению этого пути должно было явиться «учреждение колонии в Мангишлаке, на восточном, пустынном берегу Каспийского моря... Сие поселение принесет следующие выгоды: 1. Более удобства в следовании наших караванов... 2. Удобство доставки товаров из Нижнего, средоточия нашей внутренней промышленности, и из Тифлиса... 3. Усилит плавание по Каспийскому морю — отрасль промышленности, которая до сих пор еще в младенчестве»[62]. Одной из задач утверждения на восточном берегу Каспийского моря должна была стать охрана астраханских рыбных промыслов и рыбаков, прибиваемых в осеннее ненастье к туркменским берегам, которых обычно захватывали и продавали в рабство в Хиву или Бухару. Основание русского поселения и укрепления на восточном берегу Каспийского моря должно было облегчить сближение с Хивою, «сообщение с Бухарою, Самаркандом, Гератом и другими главнейшими торговыми городами Средней Азии».

Корнилович возлагал большие надежды на торговые караваны из Оренбурга, а особенно из Тифлиса в Среднюю Азию, видя в них парламентеров мира и дружественного отношения. Он даже считал, что они смогут принести гораздо бо́льшую пользу в налаживании политических отношений между Россией и среднеазиатскими ханствами, нежели официальные посольства (посылаемые к тому же нерегулярно), к которым ханские власти относились с недоверием, подозревая их в преследовании, помимо официально изложенных, и иных, неизвестных целей. Свои взгляды по этим вопросам Корнилович изложил в записке «О расширении азиатской торговли». Он писал: «Составится компания среднеазиятского торга, или частные предприятия умножатся, и сим способом, без видимого содействия правительства, которого в сем случае избегать должно, торговые связи заведутся сами собою, и когда они

довольно распространятся, тогда можно будет для обеспечения и доставления новых выгод нашим купцам приступить к заключению торговых договоров...»[63]. Корнилович полагал, что положительные последствия такой торговой экспедиции проявятся также в пополнении наук, особенно географии, новыми сведениями о Средней Азии, окажут влияние на промышленность Западной Сибири. Конечно, такие предложения Корниловича были интересны, отражали возросшую потребность в развитии торгово-политических связей России со Средней Азией. Но реализация их в той конкретно-исторической обстановке была весьма трудной. И одно из свидетельств этому — неудача торгового каравана 1824—1825 гг. из Оренбурга в Бухару. Видимо, Корнилович об этом знал, так как замечал в одной из записок, что «одно неудачное покушение не должно отвлекать нас от принятого намерения»[64].

В целом в основе оценок Корниловичем политики России в Средней Азии, его предложений о путях дальнейшего развития торгово-политических связей были большое знание вопроса, солидное его изучение. «Мысль о торговой поездке в Среднюю Азию занимает меня уже несколько лет. Я столько уверен был в пользе и успехе оной, что в то время жизни, когда мне все казалось возможным, сам готовился принять в ней участие, а потому сколько можно старался ознакомиться с теми странами. Мечты мои рушились, но с ними, благодарю бога, не погасло во мне желание общественного добра»[65],— так резюмировал Корнилович мотивы изложения своих взглядов и соображений по поводу политики России в Средней Азии, оценивал роль для экономики страны развития торговых связей со среднеазиатскими государствами, перспективы их развития.

Наряду с постановкой широких перспективных задач в политике России в Средней Азии Корнилович предлагал в текущей политике проведение ряда мероприятий, которые бы способствовали улучшению понимания жизни и быта народов Средней Азии. К ним он относил составление русской стороной истории «наших сношений с сею частию света, приняв за основание дела Московского и Петербургского архивов иностранных дел. Сочинение сие, кроме того, что прольет новый свет на историю, географию и политический быт тех стран, послужит надежным руководством для наших будущих дипломатов»[66]. Значительное внимание он уделял подготовке хорошо образованных, знающих специфику Востока дипломатических чиновников, участие которых в посольских миссиях в государства Средней Азии могло бы принести для России несомненную пользу. Эти вопросы Корнилович специально рассмотрел в записках от 30 марта 1830 г.

Так выразил А. О. Корнилович свое отношение к политике России в Средней Азии, к возможным перспективам ее развития. Автор записок проявил хорошее знание экономических проблем своей страны, понял потребность дальнейшего развития экономических связей с сопредельными с Россией народами. Именно эко-

номические мотивы занимают доминирующее место в обосновании Корниловичем и его единомышленниками целесообразности упрочения связей России со среднеазиатскими государствами. Выдвижение на первый план этих мотивов свидетельствовало об известном совпадении взглядов передовых представителей России, объективно носивших буржуазный характер, с воззрениями той части правящих кругов России, которая искала пути более интенсивного развития отечественной торговли и промышленности, стояла за усовершенствование политического строя (М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов и др.). Основное же различие в их взглядах и позициях заключалось в отношении к самому феодально-крепостническому строю. Декабристы, намечая широкую внешнеполитическую программу действия, связывали возможность ее претворения на практике с перестройкой революционным путем старого строя. Только за известное усовершенствование старого строя, приспособление его к новым историческим условиям и потребностям времени, но не за его коренную ломку, выступали отдельные прогрессивно настроенные государственные деятели России.

Надежды на утверждение в будущем в России нового строя не покидали декабристов и после поражения восстания. Вполне понятно, что в работах, которые (как, например, записки Корниловича) имели официальное назначение, они звучали приглушенно или в завуалированной форме.

Интерес декабристов к дальневосточной политике проявился в изучении ими вопросов заселения и хозяйственного освоения земель Сибири и Дальнего Востока русскими людьми, складывания русско-китайских отношений, разграничения пограничных владений между Россией и Китаем. Значительное внимание ими также было уделено деятельности Российско-Американской компании; представляют интерес их взгляды на будущее Русской Америки. Все эти вопросы находили отклик в декабристских кругах, особенно среди членов Южного и Северного обществ. По отдельным вопросам дальневосточной политики писали Г. С. Батеньков, А. О. Корнилович, Д. И. Завалишин, К. Ф. Рылеев, Н. А. Бестужев, В. И. Штейнгель, А. П. Беляев и др.; они нашли отражение и в «Русской Правде» П. И. Пестеля.

Ряд декабристов были непосредственно связаны с деятельностью Российско-Американской компании: К. Ф. Рылеев занимал должность правителя канцелярии, на службе компании находились Г. С. Батеньков и В. П. Романов. Еще в 1814 г. был готов отправиться в Русскую Америку Н. А. Бестужев. Он был приглашен капитан-лейтенантом Д. В. Макаровым принять участие «в кругосветном вояже на остров Ситху, куда он был назначен управляющим делами Американской компании». Уже в 1809 г. на выпускных экзаменах в Морском кадетском корпусе Н. Бестужев показал блестящие знания, был отмечен специалистами по морским наукам. В Морском кадетском корпусе он познакомился с будущим известным полярным исследователем и впоследствии

тоже декабристом К. П. Торсоном. Выбор Макаровым Н. Бестужева был не случайным. Увлеченность науками, морским делом, пытливость ума выделяли молодого офицера, впоследствии ставшего автором многочисленных географических работ и «Опыта истории Российского флота»[67]. Н. А. Бестужев, по воспоминаниям его брата Михаила, согласившись отправиться в кругосветное плавание, «оставил корпусную службу», но «несогласие Макарова с директорами Американской компании остановило отправку экспедиции. Макаров был сменен, а с ним вместе и все офицеры, им выбранные»[68]. В 1822 г. Бестужев был назначен историографом русского флота. В январе 1825 г. он был избран почетным членом Адмиралтейского департамента. В его избрании участвовали известные русские мореплаватели, ученые Г. А. Сарычев, Ф. Ф. Беллинсгаузен, В. М. Головнин, И. Ф. Крузенштерн и др.[69] В конце 1824 г. Н. Бестужев и в начале 1825 г. К. Торсон стали членами Северного общества[70].

В годы сибирской ссылки Н. Бестужев изучал историю освоения Сибири русскими людьми и ее современное состояние. Его весьма интересовали вопросы внутренней и внешней торговли, в том числе через Кяхту с Китаем. Из его записок видно, что он специально рассматривал характер русско-китайских торговых отношений, объем торговли, социальный состав торговцев, их конкурентную борьбу и другие вопросы. Ссыльные декабристы сумели понять и верно оценить важность для подъема экономической и культурной жизни Сибири вообще более интенсивного и широкого развития ее связей с азиатскими государствами, а также с «новыми республиками на Американском континенте»[70а].

До поступления на службу в Российско-Американскую компанию ряд лет прослужил в Сибири Г. С. Батеньков. После участия в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах 1813—1814 гг., выйдя по болезни в отставку и сдав экзамены на звание инженера путей сообщения, он уехал в Сибирь. Его, уроженца г. Тобольска, привлекала Сибирь своими просторами, богатством природы и неизведанностью недр. Службой в Сибири Батеньков надеялся принести посильную пользу этому краю. В Сибири он служил под начальством М. М. Сперанского, тогда сибирского генерал-губернатора. На направленного в Сибирь М. М. Сперанского правительством была возложена ответственная задача ревизии края и подготовки «Сибирского уложения» — широкого по охвату вопросов свода законов, целью которого были реформация аппарата управления и определение правительственной политики в отношении коренных сибирских народов. Сперанский оценил знания, ум и пытливость молодого инженера Батенькова, который вскоре стал, по его собственным словам, «первым сотрудником» сибирского генерал-губернатора, его помощником при подготовке сибирской реформы. Под руководством Сперанского он «сделался знатоком в теории законодательства»[71]. В архивных фондах Сперанского, а также в фондах Батенькова, хранящихся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени

М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, находится много материалов по экономике, административно-территориальному делению и управлению Сибирью, а также документов, содержащих ценные сведения о народах окраин Сибири, о малоизученных в ту пору территориях, примыкающих к восточным границам России, и о самих границах[72]. Некоторые вопросы Батеньковым были освещены в печати.

Г. С. Батеньков участвовал в разработке ряда проектов проведения новых дорожных путей, в укреплении берегов Ангары. Особенно большой и плодотворной была его деятельность по подготовке сибирской реформы. В 1820—1821 гг. им было составлено несколько документов, в том числе «Положение о приведении в известность земель в Сибири». Эти работы Батенькова имели важное значение для изучения народонаселения, его размещения по отдельным областям, состояния экономики, районирования, климата, природных богатств Сибири[73].

Наряду с другими Батенькова весьма интересовал вопрос о внешних границах государства. Понятие границы на Дальнем Востоке в ту пору в известной степени отличалось от принятого в Европе, где пограничная линия отделяла одно государство от другого. Наличие обширных неразграниченных земель в Приамурье и необоснованность притязания на них цинского правительства Китая составляли одну из особенностей международных отношений в этом регионе, отношений России с Китаем[74]. Батеньков, изучая территориальный состав и районирование Сибири, обращал внимание на необходимость дальнейшего и более систематического описания ее окраинных земель. Поэтому в своих материалах по Западной и Восточной Сибири он специально останавливался на характеристике их географического положения, на их внутренних и внешних границах. Так, при подготовке документа «Положение о приведении в известность земель в Сибири» в записке «О географическом положении и административном делении Сибири» он писал: «Западная Сибирь граничит к северу с Ледовитым морем, к западу — с губерниями Архангельскою, Вологодскою, Пермскою и Оренбургскою и с Малою ордою киргиз-кайсаков; ‹...› к востоку — с Восточной Сибирью, от которой отделяется пограничною чертою, идущею по хребту гор, разделяющих на юге системы вод реки Оби и Енисея; на Севере же — по возвышенности между рек Таза и Пура.

Западная Сибирь содержит в себе: 1) губернию Тобольскую 2) губернию Томскую и 3) область Омскую»[75].

Его важнейшим географическим трудом, опубликованным в 1822—1823 гг. в нескольких частях «Сына Отечества», является «Общий взгляд на Сибирь»[76]. В нем же рассматривается вопрос и о внешних границах страны.

Большая работа была проведена Батеньковым по изучению расселения народов по Сибири и количественного состава сибир-

ских народностей. Деление Батеньковым народов Сибири по образу их жизни и роду занятий на три разряда — оседлые, кочевые (полуоседлые) и бродячие — было проведено для оказания им с большей эффективностью помощи в поднятии уровня жизни, ликвидации отсталости. Царское же правительство отнюдь не было заинтересовано в осуществлении таких задач. Об этом свидетельствует содержание «Устава об управлении инородцами», приобретшего с 1822 г. по указу Александра I силу закона. Согласно Уставу, только оседлые («татары» и частью алтайцы) были приравнены к русским государственным крестьянам. Кочевые народы (буряты, эвенки, хакасы, якуты и др.) подчинены «родовым управлениям» и стоявшим над ними «инородным управам». «Бродячие инородцы» (ненцы, юкагиры и др.) получили только родовое управление. Утверждение такой системы управления царским правительством было основано на стремлении закрепления отсталости отдельных народов, разъединении их, что создавало более удобные условия для проведения национально-колониальной политики. Естественно, такие цели не могли найти одобрения и поддержку как самого Батенькова, так и других декабристов.

Идея Батенькова разделения коренных сибирских народов на отдельные группы[77] была воспринята Пестелем и нашла отражение в «Русской Правде». По мысли Пестеля, дифференцированный подход к народам Сибири должен был помочь им преодолеть социально-экономическую и культурную отсталость. Оказание помощи этим народам в преодолении отсталости было зафиксировано «Русской Правдой», стало одной из основ намечаемой ею национальной политики.

Г. С. Батеньков также провел изучение заселения русскими Сибири, численности населения в отдельных губерниях, в Якутской области, в Охотском и Камчатском приморском управлениях. Он пришел к выводу, что за полтора столетия русские землепроходцы изведали всю Сибирь и к тому же открыли все омывающие ее моря с Севера и с Востока[78]. Выводы Батенькова, сделанные в начале 20-х годов прошлого века, о нескольких этапах заселения Сибири в XVII—XVIII вв., о сочетании «самовольной» и «смешанной формы колонизации» не утратили своей научной значимости и в настоящее время[79]. Его материалы о заселении Сибири служат одним из ценных источников для изучения этого вопроса[80].

Трудясь над составлением «Сибирского уложения», Батеньков верил, что М. М. Сперанский обладает большой силой власти, что он сумеет преобразить Сибирь. В действительности же Сперанский не располагал возможностями и средствами для осуществления всех своих широких замыслов. Но при подготовке сибирского законодательства, по словам Батенькова, он успел «высказать много добрых начал и оставил нам очерки великого здания, которыми наука воспользоваться может»[81]. Реформаторские планы Сперанского в Сибири положительно оценивались декабристами,

особенно в период их сибирской ссылки. По отзывам С. Г. Волконского о Сперанском, «его память живет до сих пор в Сибири: он возродил ее в гражданском быте»[82].

Декабристы надеялись при подготовке планов революционного переустройства старого строя России на поддержку наиболее дальновидных государственных деятелей, отличавшихся определенной оппозиционностью взглядов. Они намеревались ввести в состав Временного революционного правительства некоторых «пользовавшихся общим доверием». Среди называемых имен были М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов, А. П. Ермолов. Выбор Сперанского был связан с его стремлением провести в Российской империи хотя бы некоторые реформы, которые бы позволили придать стране вид современного буржуазного государства. Учреждение Государственного совета (1810 г.) и преобразование министерств (1811 г.) стали единственными проведенными правительством мерами, связанными с планами Сперанского. Однако даже такие меры показались крамольными реакционному дворянству. Их возмутили также правительственные распоряжения, разработанные Сперанским, о придворных званиях (согласно которым все числившиеся на службе должны были действительно служить) и об экзаменах на чин. Этот последний указ вызвал смятение и недовольство массы столичного и провинциального чиновничества, в целом отличавшегося крайней невежественностью и неподготовленностью к службе. Недовольство реакционного дворянства стало основной причиной отставки Сперанского и отправки его весной 1812 г. в ссылку, а впоследствии на службу в Сибирь (1819—1821 гг.).

При разработке политической программы декабристы учитывали реформаторский опыт Сперанского и его уроки[83]. Возможно, неудача его попыток стала «одним из исторических условий, способствовавших возникновению мысли декабристов о необходимости совсем другого способа преобразовательной деятельности»[84]. Это предположение, высказанное Г. В. Плехановым, поднимает важный вопрос о различных истоках революционной идеологии декабристов. Анализ декабристами причин неуспеха реформаторской деятельности Сперанского, широко известной в их кругах, мог оказать определенное воздействие на выработку ими революционной тактики.

Так, задачи интенсивного изучения Сибири, поиски путей поднятия уровня жизни сибирских народов нашли отражение во взглядах и деятельности отдельных представителей движения декабристов еще до их отправления на сибирскую каторгу. Выдающийся вклад в изучение Сибири, Казахстана и Дальнего Востока был внесен ссыльными декабристами. Этой огромной самостоятельной теме посвящены многие работы советских исследователей.

О том, насколько актуальными представлялись П. И. Пестелю задачи упрочения России на дальневосточных рубежах, развития океанского судоходства, расширения торгово-политических связей со странами Восточной и Южной Азии, Латинской Америки и с США, свидетельствуют отдельные положения в набросках его

большого трактата — «Записки о государственном правлении», над которой он работал в конце 10-х годов[85]. Сама «Записка», которая представляет немалый интерес для рассмотрения взглядов Пестеля по некоторым вопросам теории внешней политики, более подробно анализируется в следующей главе нашей книги. Здесь же отметим только, что отдельные положения «Записки» — о принципах внешней политики, а также по некоторым конкретным внешнеполитическим вопросам — в углубленном и доработанном виде вошли в «Русскую Правду» или были подготовлены для включения в ее отдельные главы.

Выражая свое отношение к необходимости активизации действий России на морских просторах, Пестель — тогда член Союза благоденствия — подчеркивал в «Записке о государственном правлении»: «Плавнев (флотов.— *О. Ор.*) составил бы я три: первой плавень был бы балтийской, главная пристань оного в Кронштате; второй — черноморской, главная пристань в Севастополе, а третий — восточной, главная пристань в Петропавловске... Что касается до восточного плавня, то оной мог бы быть один из важнейших, ибо Россия посредством сего плавня могла бы иметь первенствующее влияние на всю восточную и южную Азию: предмет, заслуживающий тщательного внимания»[86].

Пестель стремился не только убедить читателя («Записка» была задумана как легальная) в возможности для национальных интересов России упрочения на дальневосточных берегах, на Тихом океане, но и вскрыть недостатки в дальневосточной политике царских властей. Так, в одной из редакций «Записки» он писал: «Мало обращали внимания на Восточный океан, которой не менее того чрезвычайно быть может важен»[87].

Поставленные Пестелем вопросы и задачи затем были включены в политический документ декабристов — в «Русскую Правду», вошли в круг важнейших политических планов будущего революционного правительства в России. Внимание руководителя Южного общества к дальневосточным проблемам — одно из ярких свидетельств широты и перспективности политической мысли декабристов, выражавших национальные интересы страны, заботившихся об упрочении ее престижа на международной арене.

Наряду с Г. С. Батеньковым, П. И. Пестелем в годы декабристского движения серьезно изучал проблемы Сибири и Дальнего Востока А. О. Корнилович. Он же стал одним из исследователей отношений России с Китаем, писал о задачах решения пограничных вопросов. Корнилович изучал эти вопросы на основе архивных материалов и опубликованных работ. Свои соображения, помимо изложенных в названных выше статьях, он развил в серии записок из Петропавловской крепости. Корнилович наметил целую систему мероприятий, проведение которых, по его мнению, должно было поднять экономический и культурный уровень жизни народов Сибири. Им же была отмечена важность развития внешнеторговых связей Сибири через дальневосточные порты. Так, им специально был рассмотрен вопрос о повышении значения в

торговых связях порта Охотск, с XVIII в. ставшего «окном» в Тихий океан — на Камчатку, Курилы, в Америку. Долгое время из него отправлялись суда в Русскую Америку, к нему шли обозы из Якутска и приплывали корабли с диковинными грузами из далеких краев. Корнилович считал важной задачей привлечение в Охотск гораздо больше «жителей Соединенных штатов и англичан, торгующих на Восточном океане с дикими северо-западного берега Америки», развитие через этот порт большего внешнеэкономического оборота. Сложность осуществления этой задачи он видел в недостаточно интенсивном освоении края, в трудностях снабжения порта продовольственными товарами, которые нужны судам в дальних переходах. «Охотск зависит по большей части в отношении к продовольствию от средств, какие доставляются сему городу извнутри Сибири. Хлеба там не сеют, не потому, чтоб он не мог родиться... а по той причине, что некому сим заняться»[88]. Население Охотска составляли в основном портовые рабочие, «служители Российско-Американской компании», окрестные местные жители — якуты и тунгусы — земледелием не занимались. Стремясь решить эту проблему, Корнилович предлагал больше селить вокруг Охотска русских крестьян-земледельцев, оказывать им всемерную помощь в налаживании хозяйств. Он же аргументированно обосновал предложение более интенсивно развивать торговые связи через Охотск с новыми независимыми государствами — бывшими колониальными владениями Испании в Америке. Им была подчеркнута важность развития внешнеторговых связей для развития экономики Сибири. Корнилович писал: «Теперь, когда там (в Америке.— *О. Ор.*) образовались самобытные государства, открывшие свои гавани для судов всех наций, весьма выгодно было бы *завести торговые сношения между Охотском и сими новыми республиками.* Сии сношения будут иметь самое благотворное влияние на весь тот край. Главный недостаток Сибири есть недостаток промышленности. Заграничная торговля исторгнет умы от настоящего усыпления; пробудит в них деятельность и, усилив существующую промышленность, создаст многие новые отрасли оной»[89].

В записках М. О. Корниловича был поставлен вопрос о дальнейшем освоении Приамурья, изучении реки Амур. Корнилович выступал в поддержку высказанной им еще раньше идеи снаряжения амурской экспедиции «для собрания сведений о течении Амура, до сих пор мало известном, сведений, которые со временем могут принести нам немалую пользу»[90], предлагал использовать для этого знания и помощь русских и тунгусских охотников, которые для промысла белки «отправляются часто дней на 10 или 15 пути вдоль по берегам Амура».

В 40—50-х годах XIX в., когда проблема решения амурского вопроса стала особенно острой, ссыльный декабрист В. И. Штейнгель посвятил ссыльного М. А. Бестужева в свои сокровенные думы по проблемам освоения Амура. В 1849 г. в одном из писем к Бестужеву он заметил, что «мысль об Амуре меня занимала с

1809 года, когда я в первый раз увидел Ингоду и Шилку. В 14-м году я говорил об этом с Ник. Сем. Мордвиновым и он не противуречил желанию моему о возможности предварительной экспедиции на Амур, без потревожения китайцев, для описи его и, особенно устья, которое, несмотря на посещение Крузенштерна и Голов[н]ина, остается в неизвестности»[91]. Выводы Крузенштерна, повторившего неправильные утверждения руководителей предшествовавших морских экспедиций в конце XVIII в.— француза Ж.-Ф. Лаперуза и англичанина У. Р. Браутона — о том, что якобы устье Амура теряется в песках и непригодно для выхода судов в океан, сдерживало дальнейшее изучение и освоение Амура.

Отметим, что еще в середине XVII в. русские землепроходцы, ведя интенсивное освоение Приамурья, совершали плавания по Амуру и знали о его судоходности. Однако в результате длительного перерыва в освоении и исследовании Приамурья после Нерчинского договора 1689 г. прежние представления о географическом положении приамурских земель, а также достоверные сведения об Амуре стали забываться или искажались. И только в середине XIX в. Амурская экспедиция под руководством Г. И. Невельского положительно решила вопрос о судоходности всего Амура, она доказала и островное положение Сахалина. Географические открытия Невельского явились важной предпосылкой «для пересмотра статей Нерчинского договора 1689 г., насильственно навязанных России, являвшихся препятствием на пути развития экономики Восточной Сибири и не позволявших обеспечить оборону владений России на Тихом океане от вторжения европейских держав»[92].

Заключению этого первого договора между Российским государством и маньчжурской Цинской империей предшествовали вторжение ее войск на русскую территорию, угрозы новых вторжений и применения силы к посольству во главе с Ф. А. Головиным. В результате Нерчинского договора Приамурье было надолго отторгнуто от России, что привело к тяжелым последствиям для края. Шедшее в XVII в. освоение Приамурья русскими людьми было насильственно прервано и более полутора веков территория фактически оставалась неосвоенной.

В прогрессивных кругах России весьма остро ощущали важность для страны упрочения ее позиций на дальневосточных рубежах, возвращения земель, принадлежавших ранее по праву открытия и освоения. Не стояли в стороне от обсуждения этих проблем и декабристы. Одно из свидетельств — обращение к ним в своих записках М. О. Корниловича. Из них видно, что решение вопроса о приамурских землях он тесно связывал со всей дальневосточной политикой России. Корнилович верно оценивал договор 1689 г. как приблизительно определивший лишь направления будущего размежевания пограничных земель между Россией и Китаем к востоку от реки Горбицы. Громадная территория фактически не была разграниченной. Он отмечал, что «граница наша с Китаем в Даурии, начиная от Стрелкового редута к Востоку,

не определена», и в связи с этим обращал внимание на факты встречи на берегах Амура русских, тунгусских и маньчжурских охотников, которые вместе промышляли белку и затем мирно делили между собой добычу [93].

Комплекс таких мероприятий, как заведение в Иркутске и Красноярске практических школ сельского хозяйства, при гимназиях — курсов по астрономии, морской геодезии, навигации, создание специальных морских училищ, должен был, по мнению А. О. Корниловича, служить делу укрепления позиций России на Дальнем Востоке и «на Восточном океане».

При отсутствии постоянных дипломатических отношений между Россией и Китаем значительную роль играла деятельность русской духовной мисссии в Пекине. В 1820 г. на смену девятой русской духовной миссии в Пекине во главе с архимандритом Иакинфом (Н. Я. Бичуриным), известным русским китаеведом, отправлялась новая, десятая миссия во главе с архимандритом Петром (П. И. Каменским). Предшествовавшая миссия находилась в Пекине с 1807 по 1821 г. Начало деятельности русской духовной миссии в Пекине относится к началу XVIII в. По Нерчинскому договору 1689 г. для попавших в плен албазинцев было разрешено в Пекине строительство русской церкви, регулярное же действие миссий началось только в 1715 г. О том, что на русскую духовную миссию российским правительством возлагались не только просветительные, религиозные задачи, но и дипломатические, свидетельствует инструкция К. В. Нессельроде от 9 (21) марта 1820 г. приставу миссии Е. Ф. Тимковскому. В ней предписывалось проявление сдержанности в беседах, но в случаях вопросов с китайской стороны об отношениях России к Китаю рекомендовалось подчеркивать стремление российского правительства к доброму согласию, его верность «всегдашней своей миролюбивой системе», заинтересованность в развитии торгово-политических связей [94].

О длительном и сложном пути следования русской духовной миссии в Китай подробно написал Е. Ф. Тимковский, путешественник и дипломат, сопровождавший десятую миссию в Пекин и девятую — из Пекина. Его книга «Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах» (СПб., 1824. Ч. I—III) получила резонанс в кругах русской общественности. Ей была посвящена рецензия А. О. Корниловича, отметившего, что книга находится в ряду ценных изданий заметок исследователей-путешественников по Востоку. Рецензируя первую часть книги, посвященную пути миссии от Кяхты до Пекина, Корнилович отмечал важность собранных автором сведений о Монголии. «Познания наши о Монголии... были до сих пор ограничены»,— писал Корнилович, поскольку «сочинения французских миссионеров XIII века и современников их, купца Марко Паоло и армянского царя Геттума... не могут быть приспособлены к теперешнему состоянию Монголии, тогда населенной воинственным, победоносным народом, а ныне мирными, побежденными племенами, занимающимися скотоводством» [95].

Интересные сведения были собраны и опубликованы Тимковским о Китае, несмотря на то что, по справедливому замечанию автора, «ни об одной стране Азии не было писано европейцами столь много, сколько об отдаленном Китае. Говоря ныне о сей земле, весьма трудно открыть какие-либо предметы совершенно новые, подробности необыкновенные: ибо ни одно государство, в течение веков, не подвергалось меньшему изменению в своих обычаях, законах и языке, как сия империя»[96]. Изучение книги Тимковского, а также официальных документов о результатах деятельности девятой русской духовной миссии в Пекине шире раскрыло перед Корниловичем значение развития торгово-политических связей с Китаем, более внимательного отношения российского правительства к дальневосточной политике вообще. Не случайно Корнилович, рассматривая в одной из своих записок вопрос «О недостатках работы русской духовной миссии в Китае и о ее реорганизации», специально остановился на политических целях миссии. Исходя из своих представлений об основных задачах восточной политики России, он подчеркивал: «Поелику все наши желания в рассуждении Китая ограничиваются распространением нашей торговли, которое будет состоять в проложении новых путей и установлении прямых сообщений с магометанскими народами, подвластными сей империи, то стараться о сближении наших миссионеров с особами, составляющими китайское правительство, дабы сии общественные связи споспешествовали достижению наших коммерческих видов»[97]. Важное значение декабрист уделял также ученой стороне деятельности миссии — сбору «известий точных о нравственном, политическом и умственном состоянии сих обширных стран, мало известных, но весьма любопытных»[98]. Интерес к этим вопросам был проявлен декабристами еще в период обсуждения ими «Русской Правды», о чем свидетельствуют подготовленные проекты ее отдельных статей.

В сфере интересов декабристов находилась деятельность Российско-Американской компании, представлявшей торговое объединение для освоения Русской Америки[99]. Положение компании к концу 10-х годов XIX в. и достигнутые ею результаты раскрывает обширное «Обозрение состояния и действий Российско-Американской компании с 1797-го по 1819 г.», представленное Главным правлением министру внутренних дел О. П. Козодавлеву 29 апреля (11 мая) 1819 г.[100] Оно было составлено в связи с истечением 20-летнего срока «высочайше дарованных привилегий» компании (1799 г.). Подводя итоги ее деятельности, Главное правление отмечало, что наряду с промысловыми успехами компания добилась значительных результатов по развитию внешнеторговых связей России, в том числе с США, Латинской Америкой и Китаем, а также в развитии русского мореплавания. Подчеркивалась значительная роль компании в организации и субсидировании географических исследований. По инициативе компании в 1803 г. была организована, например, первая русская морская экспедиция вокруг света под руководством И. Ф. Кру-

зенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Одним из поводов организации кругосветных плаваний военных кораблей была необходимость охраны Русской Америки. В 1807 г. в кругосветное плавание отправился военный шлюп «Диана» под командованием В. М. Головнина. Наряду с исследовательскими задачами — изучением южных Курильских островов — он должен был защищать русские колонии на американском континенте, конвоировать судно Российско-Американской компании «Нева», направлявшееся в Бразилию. С начала XIX в. началось регулярное движение русских торговых и военных кораблей из Балтики в Тихий океан[101].

Защита русских селений у американских берегов была вызвана нередким появлением там иностранных судов с явными недружественными намерениями. Так, английские и американские суда доставляли соседствующим с русскими селениями индейцам огнестрельное оружие, подстрекали их к столкновению с русскими.

Немалое значение для русского мореплавания на Тихом океане имело строительство судов на верфях компании. В 15 поселениях в Русской Америке имелись магазины, склады, крепости, редуты. В Ново-Архангельске — центре компании на острове Баранова (Ситха), у форта Росс, составлявшем «15-ую оседлость» компании, в Калифорнии при «малом заливе Румянцева», были основаны судостроительные верфи. Проведенные с помощью или по инициативе Российско-Американской компании плавания и экспедиции способствовали открытию и в XIX в. ряда новых островов и земель[102].

Промысловое освоение Русской Америки началось с 40-х годов XVIII в. и стало естественным продолжением великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах в XVII—XVIII вв. Этому предшествовали начало активного продвижения русских землепроходцев в Сибирь, освоение русскими огромных сибирских пространств.

Несмотря на сложность условий, в которых проходило освоение Русской Америки, там возникли стойкие очаги русской культуры, оказавшие благотворное влияние на местное население. Оно проявилось в приобщении его к новым формам быта и хозяйства, к европейской культуре, элементом которой в глазах аборигенов было православие[103]. Демократический состав населения русской Аляски, Алеутских островов способствовал установлению трудовых контактов с местным населением, которые, правда, подчас затруднялись из-за произвола отдельных представителей администрации Российско-Американской компании.

Состав и численность населения Русской Америки (переселенцев из России, местных жителей) приводится в ряде исследований, результаты которых специально анализируются в монографии Н. Н. Болховитинова[104]. Эти исследования, особенно работа С. Г. Федоровой о русском населении Аляски и Калифорнии[104а], показали, что в первые десятилетия численность русского населения была сравнительно невелика и довольно стабильна. Российское правительство намеренно ограничивало приток крестьян из

метрополии, основную группу переселенцев составляли выходцы из мещанского сословия Сибири. Так, например, за шесть лет (с начала 1818 по 1823 г.) «природное русское население» возросло с 385 чел. (по подсчетам В. М. Головнина[105]) до 500 чел. (по подсчетам Главного правления компании): «По составленным в Америке в конце 1823 года спискам, состоит в ведомстве Компании по всем занимаемым ею местам, кроме островов, к ведомству Ахтинского отдела принадлежащих, разного звания людей, как-то: природных русских: мужского пола — 474, женского — 14...»[106].

Немалый вклад в хозяйственное освоение Русской Америки, в развитие контактов с аборигенами внесли отдельные деятели Российско-Американской компании, такие, как А. А. Баранов, Н. П. Резанов, К. Т. Хлебников и др. «Записки о Русской Америке» правителя Ново-Архангельской конторы компании (1818—1832 гг.), впоследствии директора Главного правления компании и члена-корреспондента Петербургской Академии наук К. Т. Хлебникова по праву считаются летописью Русской Америки. Построенные на личных наблюдениях, а также на основе скрупулезного изучения широкого круга документального материала (архива компании) и опубликованных работ, они содержат интереснейшие и ценнейшие сведения по разным вопросам жизни и быта местного населения Аляски и Алеутских островов в XVIII — первой трети XIX в., дают глубокое представление о климате, природных богатствах этих мест. Рукопись «Записок» в целом была подготовлена автором к 1827 г., в дальнейшем она дополнялась и уточнялась. Однако в силу разных обстоятельств, в том числе цензурных препон, только в 1861 г. были опубликованы две части работы Хлебникова в приложениях к № 1—4 прогрессивного издания «Морской сборник». В настоящее время советскими исследователями опубликованы оставшиеся неизданными четыре части «Записок» К. Т. Хлебникова[107] и таким образом полностью введен в научный оборот этот интереснейший источник по истории Русской Америки.

Настоящее состояние далеких владений России, будущее Русской Америки интересовали и даже весьма волновали многих представителей русской общественности, внимательно следивших за географическими открытиями в Тихом океане, за деятельностью Российско-Американской компании. В первой половине 20-х годов XIX в. интерес к делам компании нашел значительное проявление в кругу декабристов Северного общества. Этому немало способствовала служба (с 1824 г.) К. Ф. Рылеева правителем канцелярии РАК, в ведении которой находились русские владения в Америке. Деятельность Рылеева в компании была положительно оценена его директорами, отмечена М. М. Сперанским и Н. С. Мордвиновым.

По долгу службы Рылеев был хорошо осведомлен о делах компании. Некоторые, наиболее острые вопросы компании становились предметом обсуждения в среде декабристов. Наряду с положительными результатами, которые выступали из «Обозрения

состояния и действий Российско-Американской компании с 1797-го по 1819 г.», в ее деятельности было немало негативных сторон. Это проявлялось и в незаконных притеснениях аборигенов, и в хищническом истреблении пушных зверей, и в плохой организации хранения, отправки пушнины на продажу, а также в доставке продуктов питания и промышленных товаров в Русскую Америку. Обо всем этом нередко говорили у Рылеева, жившего в доме Главного правления компании, находившегося на Мойке. В его квартире бывали Г. С. Батеньков, В. И. Штейнгель, Е. П. Оболенский, Д. И. Завалишин, Н. А. Бестужев, О. М. Сомов и другие, связанные с деятельностью компании или интересовавшиеся ее дальнейшей судьбой, как и судьбой всей Русской Америки. О ней велись разговоры при встречах Рылеева с другими руководителями Северного общества. Так, из показаний С. П. Трубецкого Следственному комитету видно, что он слушал рассказы Рылеева о том, «как стреляют бобров и котов морских, и о селении нашем в Америке, называемом Росс»[108].

Рылеев разделял взгляды наиболее реально мыслящей части руководства Российско-Американской компании, которая стремилась действительно упрочить ее позиции в Русской Америке, намечала перспективы дальнейшего успешного промыслового освоения этого российского владения. Однако позиция этой части руководства Российско-Американской компании далеко не всегда встречала поддержку царского правительства. Это весьма явственно проявилось, например, при обсуждении в правительственных кругах в 1819—1821 гг. предложений компании по расширению ее прав и привилегий. Утвержденные Александром I 13 (25) сентября 1821 г., они значительно отличались от проекта предложений, составленного руководителями компании[109]. Не желая обострения отношений с правительством США из-за указа от 4 (16) сентября 1821 г., закрывавшего иностранцам доступ к природным богатствам Аляски и определявшего южные границы Русской Америки, Александр I затем решил сделать уступку, что наносило новый удар по правам компании. Так, по условиям конвенции России с США 1824 г. американцам были предоставлены равные права с компанией в торговле с местными жителями на северо-западном берегу Америки.

Условия соглашений с Соединенными Штатами, а также содержание подготовляемой русско-английской конвенции 1825 г.[110] вызвали протест в Главном правлении компании, в торгово-промышленных кругах, с нею связанных. Негативное отношение к этим акциям царского правительства проявили и деятели тайных антиправительственных обществ. Сделанные К. В. Нессельроде уступки при подписании обеих конвенций расходились с интересами компании, ставили ее в весьма сложное положение. И не случайно, что, не желая мириться с политикой уступок США и Англии, с изменениями границ владений компании на северо-западном берегу Америки (которых добивалась Англия), директора Главного правления И. В. Прокофьев, А. И. Северин и правитель

дел Рылеев направили 17 февраля 1825 г. отношение министру финансов гр. Е. Ф. Канкрину, в котором обосновывали право компании на ее владения. Рассмотренное в Министерстве финансов и сначала поддержанное Канкриным, оно затем было отклонено Нессельроде. Подписание 16 (28) февраля 1825 г. русско-английской конвенции показало подлинное отношение царского правительства к компании и к Русской Америке в целом.

В связи с тем что после ареста К. Ф. Рылеева Главное правление компании уничтожило его служебные записки, сохранилось мало документов о его взглядах на деятельность компании и политику по отношению к ней царских властей. Поэтому немалую ценность представляют сохранившиеся черновой автограф Рылеева и беловой экземпляр служебной «Записки о недопущении иностранных купцов к занятию промыслами на территории, управлявшейся Российско-Американской компанией»[111]. Эта записка была подготовлена в июне 1824 г.[112] и, видимо, была использована при составлении отношения Е. Ф. Канкрину. В ней Рылеев критиковал политику беспрепятственного хозяйничанья иностранцев у берегов Русской Америки, доказывал, что это наносит губительный урон российским интересам, ведет к хищническому истреблению природных богатств края. Автор записки намечал широкую программу дальнейшей деятельности Российско-Американской компании, в которой немалое значение должны были играть задачи распространения просвещения и культуры среди аборигенов, развития связей с народами Северной и Южной Америки, новые географические исследования. Как подчеркивал Рылеев, «цель Компании, кроме исполнения видов правительства, на основании дарованных ей привилегий, суть: приобретение возможных выгод для участников в оной, расширение общеполезной торговли, распространение мореплавания и прочее»[113]. Он обращал внимание на то, что открытые русскими мореплавателями новые острова и земли Северо-Западной Америки являются достоянием России, раскрывал возможность уделения российским правительством большего внимания этим землям, охране их внешней безопасности, а также большему покровительству Российско-Американской компании. Выражая отрицательное отношение к условиям заключенной в 1824 г. конвенции России с США, Рылеев писал: «Охранение земель и островов Северо-Западной Америки, добытых кровию, полувековыми трудами и столь важными пожертвованиями, просвещение св[ятою] верою народов, оные населяющих, водворение между ними гражданственности и образования, содержание крепостей, распространение мореплавания, полезные открытия,— словом все, что доныне было обязанностью Компании и на что она каждогодно употребляла важные издержки, при всем желании, при всем усердии ее к общественному благу, при утрате средств и способов, доставляемых ей правом исключительной ловли,— должно будет обратиться на попечение правительства»[114].

Однако царское правительство, о чем свидетельствовали его внешнеполитические акции того времени, отнюдь не собиралось

столь решительно поддерживать компанию и тем более заниматься благотворительной деятельностью. Публикация новых документальных материалов, ценных исследований по истории международных отношений в первой четверти XIX в. и внешней политике России, ее отношений с Соединенными Штатами Америки (среди работ выделяются своей фундаментальностью монографии Н. Н. Болховитинова[115]) позволяет глубже раскрыть и понять политику Александра I в отношении Русской Америки. Они дают также основание подвергнуть сомнению некоторые выводы С. Б. Окуня, сделанные им в книге «Российско-Американская компания» (М.; Л., 1939) относительно будто бы особенно активного стремления России к экспансии на Тихом океане и на северо-западном побережье Америки, для чего царским правительством была будто бы использована Российско-Американская компания. Представляется, что введенные в научный оборот новые документы, в том числе и из американских архивов, помогли раскрыть и подлинную политику России, и политику других государств, в том числе США, в отношении северо-западной части Америки.

Весьма беспокоила руководство компании судьба крепости Росс в связи с неоднократными требованиями с 1823 г. мексиканского правительства оставить ее. Компания приводила подтверждения права России на обладание селением Росс на западном побережье Америки на месте проживания индейцев, «никому не подвластных», у которых это место и земли, около него лежащие, были куплены и с согласия которых оно было «застроено и заселено»[116]. Александр I, исходя из принципов легитимизма, не желал входить в переговоры по этому вопросу с правительством добившейся независимости Мексики, так как его он не считал законным. Политика уступок, осуществленная царем при заключении конвенций с США и Англией в 1824 и 1825 гг., тоже отрицательно сказалась на положении форта Росс, вела к снижению его большой положительной роли в Русской Америке[117].

Не случайно в среде декабристов не только обсуждались, но и поддерживались основные требования Российско-Американской компании, а также критически оценивалась официальная правительственная политика в отношении Русской Америки. Так, вопрос о судьбе селения Росс в Калифорнии волновал не только Рылеева. К Калифорнии проявляли внимание и другие деятели Северного общества. Они высоко оценивали выгодность ее географического положения, подчеркивали важность упрочения там русского влияния для тихоокеанского судоходства страны, ее торгово-политических связей с островами Тихого океана, а также с Китаем.

Наряду с К. Ф. Рылеевым одним из инициаторов расширения русского влияния в Калифорнии стал Д. И. Завалишин. Посетив в 1823 г. на фрегате «Крейсер» русские колонии в Америке, он в 1824—1825 гг. разработал проект территориального расширения владений России в Калифорнии, намечал пути поднятия экономического состояния этого края. В качестве одной из мер он предлагал развитие в нем интенсивного земледелия, основанного на тру-

де переселенных из России и освобожденных от крепостной неволи крестьян. Зная о притязаниях на российские владения в Калифорнии мексиканского правительства, Завалишин даже выдвинул идею провозглашения независимости Калифорнии от Мексики. Более того, в своих сокровенных планах, известных только некоторым декабристам, он надеялся сделать форт Росс «ядром русской свободы». Как писал впоследствии его друг А. П. Беляев, это было мечтой о строительстве воздушных замков[118]. Действительно, во взглядах и других проектах Завалишина нашли отражение явно несбыточные и неисполнимые идеи, которые воспринимались критически уже его современниками. Но в целом стремление Завалишина поднять социально-экономический и культурный уровень жизни Русской Америки находило поддержку в декабристских кругах. Осуществление этих идей они связывали, как о том свидетельствует «Русская Правда» Пестеля, с переустройством старого строя России революционным путем.

Представленные Д. И. Завалишиным проекты царскому правительству были рассмотрены специальной комиссией, куда вошли К. В. Нессельроде и Н. С. Мордвинов. Последний был заинтересован аргументацией автора целесообразности расширения русских владений в Калифорнии[119]. Но в целом царское правительство, относясь весьма сдержанно к предложениям Российско-Американской компании, еще меньше внимания уделяло другим проектам. Это было отмечено и подчеркнуто Завалишиным в его письмах Николаю I и Следственному комитету по делу декабристов, отправленных им в 1826 г. из Петропавловской крепости. В них же Завалишин еще раз обращал внимание на важность развития дальневосточного направления внешней политики России, высказывал опасения за судьбу Русской Америки[120]. Объясняя значение своих предложений, Завалишин, в частности, писал: «Калифорния, поддавшаяся России и заселенная русскими, осталась бы навсегда в ее власти. Приобретение ее гаваней... позволяло содержать там наблюдательный флот, который бы доставил России владычество над Тихим океаном и китайской тоговлей... ограничило бы влияние Соединенных Штатов и Англии»[121].

Большой интерес к Русской Америке проявил член Северного общества, морской офицер В. П. Романов. После плавания в 1818—1819 гг. к берегам Испании он отправился в 1820 г. на корабле «Кутузов» к берегам Северо-Западной Америки. Собрав обширный материал по истории открытия русскими отдельных островов в Тихом океане, об их населении, природе и климате, Романов намеревался подготовить к изданию большое описание. Однако ему удалось опубликовать только одну статью об индейцах племени «колоши», живших на северо-западном берегу Америки[122]. После поражения восстания декабристов почти все материалы Романова о кругосветном плавании пропали. Видимо, они были им уничтожены перед арестом. Из следственного дела декабриста известно, что в 1823 г. по просьбе Романова с его ма-

териалами познакомился Н. А. Бестужев, который ими очень заинтересовался и рекомендовал их издать[123].

Во время пребывания в Ново-Архангельске Романов сблизился с тогдашним главным правителем русских владений в Америке М. И. Муравьевым — человеком прогрессивных взглядов и большой инициативы. Он принадлежал к той части руководства компании, которая считала важным наряду с осуществлением компанией своей первоочередной — торгово-промышленной — функции выполнение ею в Русской Америке просветительных задач, организацию новых исследовательских экспедиций. Именно невозможность осуществления компанией всех задач, неподдержка ее инициатив со стороны царского правительства и даже больше — расхождение позиций руководства компании и царских властей по важнейшим для компании вопросам — стали одними из основных причин ухода М. И. Муравьева с поста главного правителя русских владений в Америке. Так, в «Записке о состоянии колоний Русско-Американской компании», составленной в Главном правлении в 1824 г. и направленной Н. С. Мордвинову, приводились выдержки из официального письма Муравьева с мотивировкой невозможности оставаться далее на занимаемом им посту. В своем письме в Главное правление компании М. И. Муравьев заявлял: «Повторяю, что не намерен оставаться в колониях далее сроку. Признаюсь, что не отдаленность от России, болезнь и скука причиною сего желания оставить Америку, но разрушение прекрасных моих надежд видеть благосостояние компании и колоний к тому меня побуждают»[124]. Далее он прямо выражал свое несогласие с проводившейся царским правительством политикой уступок иностранцам (прежде всего, американским зверопромышленникам и торговцам); это привело к тому, что «американцы не заходят только в наши селения, но в заливах при берегах наших производят с дикими торговлю по-прежнему, следовательно, запрещение послужило во вред одной только Компании»[125].

М. И. Муравьев отнесся с пониманием к предложениям В. П. Романова организовать с помощью компании экспедиции для изучения северного побережья Америки, Гудзонова залива, что могло иметь не только чисто научное, но и практическое значение, так как могло дать немалые выгоды для развития торговых связей между Российско-Американской и Гудзонской компаниями. Однако проект Романова не получил поддержку директоров В. В. Крамера, А. И. Северина, М. М. Булдакова и правителя канцелярии Зеленского, а затем и вовсе был отклонен Адмиралтейским департаментом[126]. Впоследствии проект был изучен К. Ф. Рылеевым, ставшим правителем дел компании после очередной смены директоров. Рылеев высоко оценил проект Романова, познакомил с ним близкого к декабристским кругам директора И. В. Прокофьева, так как считал, что «от выполнения оного принесется Компании не только слава, что первые русские рассмотрят тот край, ибо ни одна европейская нога не была в оном, но и польза, что заведется сношение с Гудзонскою компаниею, а мо-

жет быть, еще откроется новая ветвь промышленности»[127]. Рылеев даже надеялся с помощью Прокофьева убедить правительство в целесообразности научной экспедиции на север Америки.

Но этим надеждам не суждено было осуществиться. После кровавого подавления царизмом восстания декабристов Главное правление компании поспешило ликвидировать следы контактов с участниками тайных антиправительственных обществ. От осуждения на каторгу в Сибирь В. П. Романова спасли показания братьев А. А. и Н. А. Бестужевых, которые не назвали его в числе членов Северного общества. Поэтому после окончания следствия «по делу о злоумышленных обществах» Романов через несколько месяцев был переведен из Петропавловской крепости на службу в Черноморский флот и взят под особый надзор военных властей.

После поражения восстания декабристов, начавшихся массовых арестов участников декабристского движения в Следственный комитет была доставлена «Русская Правда» П. И. Пестеля, с трудом разысканная царскими властями. Наряду с другими вопросами, относившимися к внешнеполитическим проектам декабристов, в ней был поднят вопрос о будущем Русской Америки. Подвергнув критике колониальную политику царизма, Пестель попытался сформулировать в «Русской Правде» наиболее радикальное, по его представлению, решение вопроса о судьбе заокеанских владений России. Их судьбу он самым тесным образом связывал с революционным переустройством старого строя в своей стране, с новыми принципами внешней политики.

Взгляды декабристов на восточное направление политики России раскрывают широту и смелость их внешнеполитических воззрений, их стремление к решению внешнеполитических задач в Средней Азии, в отношениях с Китаем, а также с США и другими американскими государствами мирными средствами, их желание оказания помощи и поддержки коренным народам Русской Америки. Проявление декабристами большого интереса к разным направлениям и проблемам внешней политики России, к международным отношениям свидетельствовало о понимании ими важности внешнеполитических задач для революционной России, наиболее актуальные из них были специально выделены и обоснованы в их политических документах.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27, с. 241.

[2] Академик Окладников А. П. От редактора.— В кн.: Пасецкий В. М. Географические исследования декабристов. М., 1977, с. 3—4. См. также: *Давыдов Ю. В.* В морях и странствиях: Жизнь Ф. Ф. Матюшкина. 2-е изд. М., 1956; *Шур Л. А.* К берегам Нового Света. Л., 1971.

[3] *Пасецкий В. М.* Указ. соч., с. 23.

[4] *Корнилович А. О.* Рец. на кн.: Броневский С. Новейшие известия о Кавказе. М., 1823, ч. 1.— Северный архив, 1823, № 13; *Он же.* Рец. на кн.: Тимковский Е. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. СПб., 1824, ч. 1.— Там же, 1824, № 11; *Он же.* Рец. на кн.: Известие об экспедициях в Северо-Восточную Сибирь флота лейтенантов Врангеля и Анжу в 1821, 1822 и 1823 годах.— Там же, 1825, № 3; *Он же.* Рец. на кн.: Начертание Всеобщей географии, составленное Константином Арсеньевым, СПб., 1823, ч. 1.— Там же, № 5; *Батеньков Г. С.* Общий взгляд на Си-

бирь.— Сын Отечества, 1822, ч. 81; *Он же.* Примечание к статье о населении Сибири.— Там же, 1823, ч. 85; *Романов В. П.* О калюжах и калошах вообще.— Северный архив, 1825, № 17; *Он же.* Предначертание путешествия от западных берегов Северной Америки до Ледовитого океана и Гудзонского залива.— Московский телеграф, 1825, ч. 18; *Чижов Н. А.* О Новой Земле.— Сын Отечества, 1823, ч. 83; *Он же.* Одесский сад: Отрывок из воспоминаний о Черном море.— Там же, ч. 84; *Бестужев Н. А.* О электричестве в отношении к некоторым воздушным явлениям.— Там же, 1818, ч. 49; *Он же.* Выписка из журнала плавания фрегата «Проворного».— Зап. гос. Адмиралтейского департамента, СПб., 1825, ч. 8; *Бестужев А. А.* Листок из дневника гвардейского офицера.— Соревнователь просвещения и благотворения, 1823, ч. 22, № 6.

5 Очерк истории Министерства иностранных дел, 1802—1902. СПб., 1902, с. 130—132 и след.

6 *Маслова О. В.* Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию.— В кн.: Материалы к истории изучения Средней Азии. Ташкент, 1955, ч. 1. 1715—1856 гг.; *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии: (Первая половина XIX в.). М., 1974; Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. М., 1981.

7 Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902, т. 5, с. 148—155 и след.

8 АКАК. Тифлис, 1875, т. 6, ч. 2, с. 713—716.

9 Записки Н. Н. Муравьева-Карского. 1820 год.— Русский архив, 1887, № 11, с. 394. Помимо собственных записок Муравьева-Карского, его миссия в Хиву наиболее полно раскрыта в кн.: *Дружинин Н. М.* В страну туркмен и узбеков. Л., 1927; *Халфин Н. А.* Указ. соч.

10 Записки Н. Н. Муравьева-Карского. 1820 год, с. 394.

11 Записки А. П. Ермолова. М., 1868, ч. 2 (1816—1827), прил. с. 122.

12 Там же, прил. с. 124.

13 ВПР. М., 1979, т. 11, с. 439.

14 АКАК, т. 6, ч. 2, с. 722—723.

* Балканский (Балханский) залив.— *О. Ор.*

15 Записки А. П. Ермолова, ч. 2, прил. с. 157.

16 АВПР, Главный архив, I—9, д. 10, л. 1—133.

17 Там же, л. 123—132.

18 Там же, л. 62—69.

19 Из стенографического отчета заседания 28 ноября 1872 г.— В кн.: Тр. Общества для содействия русской промышленности. СПб., 1873, с. 228.

20 Там же.

21 Из эпистолярного наследства декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975, с. 165.

22 Там же, с. 181.

23 [*Муравьев Н. Н.*] Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. Ч. 1, 2.

24 Из эпистолярного наследства декабристов..., с. 175.

25 Письмо М. Н. Муравьева брату Н. Н. Муравьеву, 24 февраля 1822 г.— Там же, с. 188.

26 Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату. С И. Тургеневу. М.; Л., 1936, с. 300.

27 Письмо от 3 июля 1821 г.— Из эпистолярного наследства декабристов..., с. 182.

28 АКАК, т. 6, ч. 2, с. 722—723 и след.; Русский архив, 1914, № 12; 1915, № 4—6; ВПР, т. 11, с. 453—454, 458; М., 1980, т. 12, с. 125, 176 и след.

29 ВПР, т. 11, с. 708; т. 12, с. 125.

30 *Халфин Н. А.* Указ. соч., с. 169.

31 Там же, с. 171—175.

32 *Руденская М., Руденская С.* Они учились с Пушкиным. Л., 1976, с. 103. Оригинал письма хранится в ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом).

33 *Берг Ф. С.* Аральское море. СПб., 1908, с. 68—89 и след.

34 ЦГВИА СССР, ф. 36, оп. 4/847, св. 12, д. 15, л. 2, 3.

35 *Галиев В. З.* Записки декабриста А. А. Жемчужникова о Казахстане и Средней Азии.— В кн.: Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. Алма-Ата, 1978, с. 93—105.

36 Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.). М.; Л., 1940, т. 4, с. 374—376.

37 Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв. (1771—1867). Алма-Ата, 1964, с. 214.

[38] Восстание декабристов. Л., 1925, т. 8, с. 82, 316.
[39] ЦГВИА СССР, ф. 36, оп 4/847, св. 25, д. 440, л. 24—25.
[40] *Мейер Л. Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, с. 50—61; *Макшеев А. И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890, с. 154—156 и след.
[41] ЦГВИА СССР, ф. 35, оп. 8, д. 27, л. 26 об.
[42] Там же, л. 29.
[43] Там же, ф. ВУА, д. 19236.
[44] Там же, ф. 35, оп 8, д. 27, л. 59.
[45] Там же, л. 58 об.
[46] Там же.
[47] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19236, л. 8 об.
[48] Там ж, л. 2—2 об., 3 об.
[49] Там же, л. 5.
[50] Там же, л. 5 об.
[51] Там же, л. 19 об.
[52] *Корнилович А. О.* Сочинения и письма. М.; Л., 1957, с. 420.
[53] *Нечкина М. В.* День 14 декабря 1825 года. М., 1975, с. 260.
[54] *Корнилович А. О.* Сочинения и письма, с. 230—231. Здесь и далее заголовки записок даны составителями книги.— *О. Ор.*
[55] ЦГАОР СССР, ф. III Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 79, л. 189 об.
[56] *Корнилович А. О.* Сочинения и письма, с. 232, 240—242 и след.
[57] Там же, с. 239—244; ЦГАОР СССР, ф. III Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 79, л. 189—190 об.
[58] ЦГАОР СССР, ф. III Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 79, л. 190 об.
[59] Там же.
[60] *Корнилович А. О.* Сочинения и письма, с. 237.
[61] История дипломатии. М., 1959, т. 1. 2-е изд., с. 617; *Халфин Н. А.* Указ. соч., с. 97, 204—205.
[62] *Корнилович А. О.* Сочинения и письма, с. 241.
[63] Там же, с. 237, 244.
[64] Там же, с. 238.
[65] Там же.
[66] ЦГАОР СССР, ф. III Отд. с.е.и.в. канцлярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 79, л. 190 об.
[67] При жизни Н. А. Бестужева были опубликованы только «Введение» и одна из глав «Опыта истории...» («Сражение при Ганго-Удде 1714 г.»). См.: Соревнователь просвещения и благотворения, 1822, ч. 20, кн. 2, с. 137—144, 151—152, 288—297. Впервые полностью труд опубликован в кн.: *Бестужев Н. А.* Опыт истории российского флота. Л., 1961, с. 31—151.
[68] Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951, с. 261—262.
[69] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 604, д. 4, л. 79—80об. («Копии материалов по баллотировке Н. А. Бестужева в почетные члены Адмиралтейского департамента по ученой части»).
[70] *Аксенов К.* Северное общество декабристов. Л., 1951, с. 142—144, 154, 210, 227; *Шешин А. Б.* «Морская управа» Северного общества.— Вопросы истории, 1979, № 2, с 116.
[70a] *Бестужев Н. А.* Статьи и письма. М., 1933, с. 67—74, 262; *Шатрова Г. П.* Декабристы и Сибирь. Томск, 1962, с. 125.
[71] Восстание декабристов. М., 1976, т. 14, с. 94; *Семенова А. В.* М. М. Сперанский и декабристы.— Исторические записки, М., 1978, т. 102, с. 204—211.
[72] ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 731, д. 484, 526, 547—551, 553, 557—558, 1878, 1984, 2021, 2053, 2111 и др.; ОР ГБЛ, ф. 20, картон 1—4.
[73] Подробнее см.: *Карцов В. Г.* Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965; *Пасецкий В. М.* Указ. соч.
[74] Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1. (Главы 1—3 (XVI—XIX вв.) написаны академиком А. Л. Нарочницким).
[75] ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 731, д. 484, л. 1—1 об.
[76] Сын Отечества, 1822, ч. 81, 83; 1823, ч. 84—85.
[77] *Дамешек Л. М.* «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского и Г. С. Батенькова.— В кн.: Памяти декабристов. Иркутск, 1975.
[78] *Батеньков Г. С.* Общий взгляд на Сибирь.— Сын Отечества, 1823, ч. 83, с. 53—56.
[79] *Быконя Г. Ф.* Взгляды Г. С. Батенькова на русское заселение Сибири в XVII—XVIII вв.— В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977; *Он же.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск, 1981.

[80] Рукопись «Записок о заселении Сибири» Г. С. Батенькова хранится в ОР ГБЛ (ф. 20, картон 1, д. 17—26).

[81] *Батеньков Г. С.* Данные: Повесть собственной жизни.— В кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933, т. 2, с. 108.

[82] *Волконский С. Г.* Записки. СПб., 1901, с. 145.

[83] Н. И. Тургенев, например, располагал копиями проектов М. М. Сперанского (1802 и 1809 г.) с его собственноручными замечаниями. Они были отобраны у Сперанского в 1812 г. Брат Н. И. Тургенева — Александр Иванович Тургенев, служивший в Комиссии по составлению законов, пользовался копиями проектов Сперанского и мог их оставить у себя. Он же познакомил с ними Н. И. Тургенева. В настоящее время эти документы хранятся в ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом) в фонде братьев Тургеневых (ф. 309).

[84] *Плеханов Г. В.* Соч. М.; Л., 1925, т. 20, с. 317.

[85] Восстание декабристов. М., 1958, т. 7, с. 20—22, 528—529 и др.

[86] Там же, с. 262—263.

[87] Там же, с. 608.

[88] Записка А. О. Корниловича от 28 февр. 1830 г.— ЦГАОР СССР, ф. III Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 79, л. 173.

[89] Там же, л. 173 об.— 174.

[90] Записка А. О. Корниловича от 11 июля 1830 г.— Там же, л. 210 об.

[91] Общественные движения в России в первую половину XIX в. СПб., 1905, с. 377; ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 604, д. 14, л. 174.

[92] Русско-китайские отношения в XVII веке (1686—1691): Сб. док. М., 1972, т. 2, с. 54; *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982, с. 41—62.

[93] ЦГАОР СССР, ф. III Отделения, с.е.и.в. канцелярии, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 79, л. 210.

[94] ВПР, т. 11, с. 329.

[95] Северный архив, 1824, июнь, № 12, с. 317.

[96] *Тимковский Е.* Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 гг. СПб., 1824, ч. 1, с. II.

[97] Записка А. О. Корниловича от 5 февр. 1829 г.— В кн.: Корнилович А. О. Сочинения и письма, с. 226.

[98] Там же, с. 227.

[99] Подробнее о ее деятельности см.: *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания. М.; Л., 1939; К истории Российско-Американской компании: Сб. док. материалов. Красноярск, 1957; *Алексеев А. И.* Судьба Русской Америки. Магадан, 1975; *Он же.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки.

[100] Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1835, № 1—3, отд. IV, с. 12—124; ВПР, т. 11, с. 11—15, 722—724.

[101] *Эндаков Д. Н.* О роли Российско-Американской компании в развитии русского мореплавания.— Вопросы истории, 1979, № 1, с. 169.

[102] Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв.: Сб. док. М.; Л., 1944; *Алексеев А. И.* Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX в.). М., 1976.

[103] *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии: Конец XVIII в.— 1867 г. М., 1971, с. 163, 245—247; *Окладников А. П.* От Анги до Уналашки: Удивительная судьба Ивана Попова.— Вопросы истории, 1976, № 6, с. 121—129.

[104] *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения 1815—1832 гг. М., 1975, с. 133—134 и след.

[104a] *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии...

[105] *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения 1815—1832 гг., с. 133.

[106] ЦГИА СССР, ф. 994, оп. 2, 1824 г., д. 848, л. 1.

[107] Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. Л., 1979.

[108] Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. 1, с. 21.

[109] *Тихменев П. А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861, ч. 1, прил., с. 41—46; *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения 1815—1832 гг., с. 179, 282.

[110] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1895, т. 11, с. 316—322.

[111] Литературное наследство. М., 1954, т. 59, с. 166—168; *Окунь С. Б.* Указ. соч., с. 87, 88.

[112] Об уточнении даты написания Записки К. Ф. Рылеевым см.: *Болховитинов Н. Н.* Декабристы и Америка.— Вопросы истории, 1974, № 4, с. 99.

[113] Литературное наследство, т. 59, с. 166.

[114] Там же, с. 167.

[115] *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М., 1966; *Он же.* Русско-американские отношения 1815—1832 гг.

[116] ВПР, т. 11, с. 140.

[117] *Алексеев А. И.* Судьба Русской Америки, с. 186—198.

[118] *Беляев А. П.* Воспоминания о пережитом и перечувствованном.— Русская старина, 1881, № 3, т. 30, с. 492.

[119] *Завалишин Д. И.* Дело о колонии Росс.— Русский вестник, 1866, т. 62, март, с. 60.

[120] Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. 3, с. 228, 352.

[121] Письма Завалишина Николаю I, 24 янв. (5 февр.) 1826 г.— Там же, с. 228. Ряд статей Завалишина о Русской Америке появился в печати в 60-х годах XIX в., после амнистии осужденных на каторгу декабристов. Их публикация была связана с возросшим вниманием общественности России к истории освоения Русской Америки и ее судьбе в связи с готовившейся царским правительством продажей Аляски США.

[122] Северный архив, 1825, № 17. «Колоши», «колюжи»— русское название северной группы индейцев северо-западного побережья Америки. См.: Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова, с. 267.

[123] *Пасецкий В. М.* Указ. соч., с. 56.

[124] ЦГИА СССР, ф. 994, оп. 2, 1824 г., д. 848, л. 2.

[125] Там же, л. 2 об.

[126] *Пасецкий В. М.* Указ. соч., с. 60—62.

[127] Литературное наследство, т. 59, с. 230.

Глава пятая

Разработка новых принципов внешней политики

1. Теоретическое обоснование и начало разработки новых принципов внешней политики

Внешнеполитическая программа декабристов, т. е. определение ими ключевых задач России в области внешней политики после ликвидации в стране революционным путем самодержавных порядков, определение ее внешнеполитического курса строились на новых внешнеполитических принципах, развиваемых декабристами на основе их идейно-теоретических воззрений. При анализе факторов, оказавших влияние на формирование их «революционных мыслей и правил», декабристы обращали внимание прежде всего на внутренние причины, а затем и на значение внешних факторов — освободительного движения зарубежных народов, западноевропейской антифеодальной идеологии. Большое значение имело знание декабристами учений русских просветителей XVIII в., революционных взглядов А. Н. Радищева. Теоретическое наследие просветителей XVIII в. изучалось и критически осмысливалось декабристами.

После Великой французской революции, в обстановке бурных политических событий начала XIX в. обоснование утверждения буржуазного строя требовало нового взгляда на историю и ее движущие силы, нежели это было выражено просветителями. В острой идеологической борьбе того времени проблемы истории заняли большое место. Это отчетливо ощущали и декабристы. Не случайно, отмечая разногласия, имевшие место в их среде по ряду политических вопросов, они связывали их и с разным подходом к историко-философским проблемам[1].

Поиски скрытых пружин общественного развития, которые привлекали внимание уже некоторых просветителей (а в России прежде всего А. Н. Радищева и радищевцев), в первой четверти XIX в. были продолжены декабристами[2]. В своем понимании причин и движущих сил исторического процесса декабристы сделали попытку выйти за рамки чисто «философского» направления общественной мысли, распространенного в XVIII в. Так, ими было воспринято понятие «дух времени», которое применительно к XIX в. они трактовали как «сила общественного мнения» антифеодально настроенных классов и сословий. Новое в содержании этого понятия проявилось в процессе исторического развития народов,

важным событием в котором стала Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Это было значительным завоеванием передовой европейской мысли, хотя и не преодолевшей на том этапе развития идеалистической сущности.

Если Вольтер, проповедовавший, что миром должен править разум, считал, что на земле его может олицетворять «просвещенный монарх», то некоторые другие просветители XVIII в. уже полагали, что верховный разум должен олицетворяться в общественном разуме народа. Эти идеи проповедовали Ш. Монтескье и Ж. Ж. Руссо, а в России — А. Н. Радищев. Он показал, что «самодержавство» есть «наипротивнейшее человеческому естеству состояние», ибо оно разрушило принципы естественного равенства и «общественного договора». Отстаивая, как и Руссо, идею суверенности народа, Радищев проводил мысль о народном правлении. Декабристы испытали влияние идейных воззрений Радищева, но так и не поднялись до радищевского понимания роли народа в истории, в революции.

Для России идеи «естественного права», суверенности народа имели особенно большое значение, так как самодержавная власть в стране еще со времен правления Екатерины II использовала в качестве одного из идеологических обоснований абсолютизма некоторые идеи западной философии. Так, именуя себя «просвещенным монархом», Екатерина II с помощью авторитетных философов пыталась утвердить мнение о самодержавии как якобы наилучшей форме правления в России.

Идеологи декабристов выступили решительными критиками концепции самодержавия, смелыми проповедниками принципа суверенности наций, который они отождествляли с принципом суверенности народа. Это отчетливо было сформулировано в Конституции Н. М. Муравьева и в «Русской Правде» П. И. Пестеля. Так, Н. Муравьев писал во вступлении к своему конституционному проекту: «Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ; что она несогласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием правительства — произвол одного человека, нельзя согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой... Все народы европейские достигают законов и свободы. Более всех их народ русской заслуживает и то и другое»[3]. Так, понятия «здравого смысла», «здравого рассудка» «естественного человека» связывались декабристами не с индивидуальным «просвещенным разумом», а с «общественным разумом» народа. Именно этот вывод в теоретических исканиях декабристов послужил основой для обоснования важной политической идеи в Конституции Н. Муравьева: «Русской народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностию никакого лица и никакого семейства... Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные постановления* для самого себя»[4].

Как известно, по конституционному проекту Н. Муравьева в России предполагались провозглашение конституционной монархии, строгое разделение законодательной, исполнительной и судебной власти. «Русская Правда» Пестеля, провозглашая республиканское правление, еще решительнее подчеркивала: «Народ российский не есть принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства» [5].

Мысль, что «воля народная» и есть тот закон, который должен быть положен в основу взаимоотношений народов и царей, разделяло большинство деятелей движения декабристов, несмотря на различие их представлений о конкретных формах политического правления в России после низвержения революционным путем самодержавного строя. Она отчетливо выступает, например, из писем П. Г. Каховского Николаю I. Незадолго до казни он писал, что распространенное понятие «здравый смысл», «просвещенный разум» понимается им как «общественный разум», как воля народа. «Противно рассудку винить нации пред правительством,— подчеркивал Каховский.— Правительство, не согласное с желанием народа, всегда виновно, ибо в здравом смысле закон есть воля народная. Цари не признают сей воли, считают ее буйством, народы — своей вотчиной, стараются разорвать самые священные связи природы» [6].

Исторический опыт зарубежных стран и России показал роль народа как в отдельных исторических событиях, так и в процессе исторического развития вообще. Декабристы не могли в своих идейных исканиях не отметить значение народа в истории и революции. Выдвигая эти передовые идеи, которые объективно наносили удар по основам официальной историографии в России, сами декабристы все же не вышли за рамки идеалистических позиций в понимании истории. Их догадки о роли народных масс в истории, о классовой борьбе и ее основе не привели к созданию материалистической концепции общественного развития.

Ставя своей задачей ликвидацию революционным путем старого феодального строя (в чем в первую очередь было заинтересовано крепостное крестьянство России), декабристы в то же время не выступали от его имени, боялись народных движений. По определению В. И. Ленина, были «страшно далеки они от народа» [7]. В. И. Ленина раскрывает одну из главных черт классовой ограниченности дворянской революционности. Особенности исторической эпохи, в которой произошли европейские революции 20-х годов XIX в. и развивалось движение декабристов в России, вызвали к жизни тактику военной революции.

Отмечая классовую ограниченность дворянской революционности декабристов, В. И. Ленин в то же время высоко отзывался о важнейших завоеваниях теоретической мысли декабристов, об их революционной политической программе, оценивал дело декабристов в широкой исторической перспективе [8].

Провозглашение идеи суверенности народа в политических документах декабристов имело важное значение для формирования их внешнеполитических воззрений, для выработки ими новых внешнеполитических концепций. Исходя из принципа суверенности народа, декабристы разрабатывали важнейшие положения Конституции и «Русской Правды». Опираясь на него, они стремились дать определение социальным основам внешней политики «новой России», сформулировать ее важнейшие задачи. Этот принцип ими использовался при классификации войн и раскрытии их происхождения, при определении причин, породивших освободительную борьбу народов, и определении ее исторического значения.

Одним из значительных завоеваний декабристской мысли в области разработки вопросов теории внешней политики было определение внешней политики как государственного дела, направленного на отстаивание и защиту интересов всей нации, на обеспечение развития страны по пути прогресса, на поддержку прогрессивных порядков в других странах. В тех конкретно-исторических условиях, в которых формировалась революционная идеология декабристов, они выступали как выразители интересов и потребностей всей нации в освобождении от оков самодержавно-крепостнического строя. Объективно в их программе нашли воплощение идеи буржуазной революционности. В. И. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?» дал глубокую характеристику специфики той эпохи, в которой складывались идейные воззрения идеологов борьбы против феодального строя в XVIII — первой половине XIX в., раскрыл особенности их идеологии. «Нельзя забывать,— писал В. И. Ленин,— что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»[9]. Вполне очевидно, что характеристика В. И. Лениным искренней веры русских революционеров-демократов (которых он по цензурным соображениям называл «наши просветители от 40-х до 60-х годов») в общее благосостояние народа при новом строе и причин этого вполне может быть распространена и на взгляды декабристов — на их искреннюю веру в благоденствие всего народа после решительной ломки самодержавно-крепостнических порядков в России. В ту пору когда складывалась революционная идеология декабристов, в еще меньшей степени, нежели в 40—60-е годы XIX в., можно было видеть противоречия «в том строе, который вырастал из крепостного» в России.

Как нами уже было отмечено выше, из передовых кругов русского общества вышла работа «О повиновении вышней власти, и какой власти дóлжно повиноваться», написанная под воздействием критического изучения Веронского конгресса и его решений. Ее автор * подверг критике принципы внешней политики, осуществляемой европейскими монархами, и конкретные действия Священного союза. Одно из основных критических положений автора работы заключалось в том, что, по его представлению, внешнеполитическая деятельность европейских монархов не только не выражала интересы народов, но была направлена против них. Именно признание суверенности народа, важности проведения политики в его интересах привело автора к следующему заключению: «Европейская нынешняя политика представляется в самом печальном и пасмурном виде... Право народное потеряло свою силу и достоинство. Нет постоянной системы, определяющей и обеспечивающей достояние каждой нации» [10].

Разделявший это распространенное в передовых кругах России мнение декабрист А. В. Поджио тоже решительно осуждал политику Священного союза, характеризовал ее направленность против «прав народных». Он считал, что эта политика наносит большой вред всем странам, в том числе и России. В связи с таким выводом Поджио критиковал участие Александра I «в этих предпринятых походах против заявления прав народных», подчеркивал, что это — «чужое дело для России» [11]. Вполне понятно, что для декабриста Поджио прежде всего были неприемлемы классовые основы внешней политики, проводимой европейскими монархами, ее антинародный характер, направленность на защиту старых феодальных устоев. Убежденность А. В. Поджио в необходимости решительной ликвидации в России феодально-крепостнических порядков, развития страны по пути прогресса выразилась и в его понимании внешней политики как части государственной политики, призванной выражать и проводить интересы всей страны, всей нации, а не интересы господствующего класса. Именно это и определило его оценку контрреволюционной политики Александра I на конгрессах Священного союза как дела, чужого для России: «Внешние дела политические, вовсе до России не касавшиеся, отклоняли государя от внутреннего управления России..., сия политика обременяла Россию налогами..., усматривали необходимость нового заема в 40 миллионов рублей».

Декабрист П. Г. Каховский резко обличал политику царя как не соответствующую интересам и потребностям нации, в результате которой, по его мнению, «внешняя и внутренняя торговля притеснением, монополиею и частыми тарифами убита. Капиталисты наши обанкрутились, и какая осталась торговля, то и та перешла в руки иностранцев» [12].

Будучи идейно близок к декабристам, брат Н. И. Тургенева — Сергей Тургенев во время пребывания за границей на диплома-

* См. подр. гл. I книги.

тической службе много писал по вопросам современных международных отношений и внешней политики царской России. Он подверг глубокой критике «венскую систему» международных отношений и ее социальные основы. Свою критику он обосновывал тем, что новая система международных отношений зиждилась на феодально-абсолютистских основах, которые все больше вступали в противоречие с объективным процессом исторического развития. С. И. Тургенев раскрыл антинародный характер «теории легитимности», которая уничтожает все надежды народов, обосновывает узурпирование европейскими государями «права народов»[13]. Об этом, как нами показано выше, он неоднократно писал в дневнике за 1817 г. На страницах дневника С. Тургенева появилось большое цельное произведение, в котором раскрылись его воззрения и по некоторым вопросам теории внешней политики.

Особенно значительный вклад в разработку вопросов теории внешней политики и международных отношений внес виднейший теоретик и деятель декабристского движения, глава Южного общества П. И. Пестель. Внешнеполитические взгляды Пестеля формировались на протяжении длительного времени, составляли неотъемлемую часть его политических воззрений. Пестель известен не только интересными высказываниями по важным внешнеполитическим проблемам России и международных отношений, но и разработкой теоретических вопросов.

Еще в годы своего участия в Союзе благоденствия Пестель обратил внимание на актуальность выработки новых принципов внешней политики и их теоретического обоснования. Это выразилось прежде всего в том, что Пестель поставил перед собой самим задачу определения общетеоретических основ новых внешнеполитических принципов и их важнейших компонентов. В ходе работы над этими вопросами Пестель поднял многие другие, имеющие важное значение как для представления о творческой лаборатории этого интереснейшего мыслителя своего времени, так и для понимания всей широты внешнеполитических проблем, привлекавших его внимание.

В одном из споров в Союзе благоденствия по поводу направленности его деятельности, методов борьбы с самодержавием Пестель сформулировал свои совершенно четкие представления о том, что только ломка революционным путем самодержавно-крепостнического строя может направить развитие России по пути прогресса, заявил, что сама жизнь заставляет заострить внимание на разработке конструктивной социально-политической программы. По свидетельству И. Г. Бурцова, стоявшего на весьма умеренных позициях, в 1819 г. Пестель «утверждал, что для образования нравов нужны века, но *надлежало исправить правление*, от коего уже нравы исправляются»[14]. Так, еще в годы действия Союза благоденствия Пестель, исходя из своих воззрений, понял необходимость разработки реальной политической программы действия. Это определило в значительной степени и внимание Пестеля к внешнеполитическим вопросам, в том числе к теоретическим про-

блемам, без разработки которых нельзя было сформулировать основные принципы внешней политики «новой России» и ее важнейшие задачи.

Исследование большого идейного наследия П. И. Пестеля показывает, что он в течение многих лет не только изучал историю внешней политики России и международных отношений, внешнеполитическую деятельность Александра I, критически их анализировал, но также разрабатывал новые принципы ведения внешней политики, определял круг важнейших внешнеполитических задач для Временного революционного правительства. С годами углублялись его идейные воззрения, а вместе с ними и его взгляды по этим вопросам. В числе первых дошедших до нас работ, в которых Пестель рассматривал и некоторые вопросы теории внешней политики, следует отметить его «Записку о государственном правлении» и «Государственный приказ правосудия».

«Записка о государственном правлении» представляла начертание программы для легальной деятельности Союза благоденствия, что не исключало ее использования для агитации за пределами общества в пользу намеченных в ней реформ. Видимо, ее появление было связано с известным оживлением общественных настроений, вызванных намеками Александра I на возможность введения конституции в России. Тогда в передовых кругах было написано немало записок по разным вопросам государственного управления, которые предполагалось направить царю. «Записка» Пестеля сохранилась в отрывках, точный ее адресат неизвестен[15]. Сохранилась 2-я часть «Записки». Ее оглавление указывает на фрагментарность дошедшего до нас текста и в то же время на обширность общего авторского замысла. Значительная ее часть посвящена вопросам теории и практики ведения внешней политики, а также создания на новых основах армии и ведомств по управлению ею. Эти вопросы отражены: в 13-й статье — «Образование государственного приказа внешних сношений»; в 4-й главе — «Образование Государственного приказа военных сил»; в 5-й главе — «Образование Государственного приказа морских сил»[16]. Поскольку «Записка» имела легальный характер, то ее критическая сторона сдержанна, но вместе с тем достаточно глубока и аргументированна, чтобы увидеть несогласие автора с основными принципами, на которых строилась внешняя политика европейских монархов.

В своей «Записке» Пестель поднимает такую важную проблему, как принцип построения отношений с зарубежными государствами. Критикуя иерархическую лестницу феодальных отношений, он выдвигает идею (буржуазную по своему объективному смыслу) равенства «прав и достоинств малых государств наряду с большими». «Все отдельные государства имеют одинаковые права и ровное достоинство, и малые заслуживают столько же уважения, сколько и большие»[17]. Из представлений Пестеля о социальном назначении внешней политики вытекали и его представления о дипломатии как одном из средств внешней политики

государства, а не монархических правителей (что фактически провозглашала и поддерживала реакционная феодальная идеология).

Уже в «Записке о государственном правлении» Пестель выразил свое несогласие с теми принципами, на которых при абсолютистско-феодальных порядках строилась дипломатическая служба. Так, он выступил против иерархии послов и государств, против особых привилегий послам крупных государств и ущемления достоинств послов малых народов и государств. По его мнению, «старшинство, в прежние времена между послами наблюдаемое, есть правило, постановленное одною только гордостью, а, следовательно, и долженствующее быть с полною основательностью заменено тем правилом, что старшинство считается не по государствам, но по времени пребывания при одном и том же правительстве» [18].

Дипломатическая иерархия в Европе в общих чертах установилась примерно с конца XVI в. вместе с утверждением института постоянных дипломатических представительств. Иерархическая система являлась органической частью системы феодальных отношений, вытекала из ее социально-политической сущности. Критика учреждений феодально-абсолютистского строя, их методов действия, в том числе и методов ведения дипломатии в Западной Европе, велась в XVIII в. идеологами Просвещения. В России с передовых для своего времени позиций критиковали основные принципы, на которых строилась внешняя политика и дипломатия самодержавия, в XVIII в.— русские просветители, в первой четверти XIX в.— декабристы и их единомышленники.

В «Записке о государственном правлении» Пестель проводил идею, что в основу внешней политики России должен быть положен принцип мирных и добрососедских отношений с другими государствами. По мнению Пестеля, именно этот принцип ведения внешней политики, если стране не угрожает реальная опасность иноземного вторжения, угроза порабощения, отвечает национальным интересам, который подчас, в связи с подчинением его династическим интересам, подвергался забвению монархами, ввязывавшимися в войны, наносившие ущерб своей стране. В 13-й статье — «Образование Государственного приказа внешних сношений» — он писал: «Цель сего Приказа состоит в сохранении внешней безопасности, или в содержании мирных и приязненных сношений между своим государством и другими державами.— Сношения бывают политические или государственные и гражданские или частные. Первые касаются сохранения безопасности целого государства и поручаются обыкновенно посольствам, вторые касаются безопасности частных лиц и содействия благосостоянию и поручаются обыкновенно консулам» [19].

Этими внешнеполитическими принципами П. И. Пестель и другие его единомышленники руководствовались при выражении своего отношения к важнейшим современным международным событиям, при оценке внешнеполитического курса Александра I. Они же были положены в основу определения основных внешнеполи-

тических задач в «Русской Правде». Исходя из идей революционной солидарности, предполагалось активное участие России в защите революционной борьбы народов других стран.

Еще в своих ранних работах Пестель обратил серьезное внимание на важность расширения между странами культурного и научного общения. Эту мысль он выразил в связи с определением круга полномочий консулов. Он подчеркнул, что придает большое значение их деятельности в области развития торговли, общественных и культурных связей между странами, что должно было укреплять мирные добрососедские отношения, способствовать их развитию по пути прогресса. «Кроме покровительствования нашим соотечественникам, консулы, особенно частные, имеют еще обязанность давать сведения о ходе и потребностях торговли, дабы оные могли быть заблаговременно сообщены нашим соотечественникам, которые с оными потом будут соображать свои спекуляции,— писал Пестель.— Извещения о новых открытиях в науках, художествах и всех частях промышленности, равно как и о усовершенствованиях в оных делаемых, входят подобным же образом в обязанность консулов, особенно генеральных» [20].

В Трактате «Государственный приказ правосудия» и «Гражданский судебник» Пестелем развивались отдельные положения «Записки». Так, в «Трактате», судя по черновым набросам рукописи, автор поставил задачу специально изложить свои взгляды по вопросам организации дипломатических служб и государственной безопасности. Об этом свидетельствует уже название рукописи: «Отделение второе. О частях правления, заведывающих устройством государственной безопасности» [21]. До нас дошла только 1-я глава задуманного Пестелем большого второго отдела «Трактата». Эта глава посвящена вопросам образования судебной власти и Государственного приказа правосудия. Не вдаваясь в рассмотрение этого круга вопросов, отметим только, что и здесь Пестель проводил идеи суверенитета народа, подвергал критике абсолютистское правление и его идеологические основы, определял основную задачу государственной власти и ее законов в защите интересов всей нации, всего народа. Так, он подчеркивал, что «замечания, распространяющиеся на все законы, вообще суть следующие: «Законы должны быть *справедливы*, то есть должны только то запрещать или повелевать, что истинно к цели общественного благоденствия ведет и без чего сия цель не могла бы быть достигнута... Всякое изречение законов, противное общественному благу или даже для оного не нужное или безполезное, есть ничто иное, как одно только зловластие (тирания), на которое никакое правительство ни в каком отношении ни малейшего не имеет права... Из сего явствует, что законы могут быть точно же так зловластны, как и сами действия правительства, но что никогда таковыми быть не должны, если государство предназначено пользоваться благоденствием» [22].

В «Гражданском судебнике» в разделе «Благоденствие государства» были специально выделены подразделы «Частное благо-

денствие» и «Общественное благоденствие». В последнем автором был определен и комплекс мер, которые должны были обеспечивать внешнюю безопасность государства. К ним Пестель относил «сношения с другими народами» и их характер, служение дипломатии интересам благоденствия своей страны[23]. В «Судебнике» даже выделено положение о «незаконных действиях послов»[24], что было вызвано, видимо, несогласием автора с методами ведения дипломатии при самодержавном правлении.

Так, уже из ранних работ П. И. Пестеля вырисовывается его стремление выработать новые принципы ведения внешней политики, отличные от внешнеполитических принципов абсолютистской власти, и дать этим новым принципам идейно-теоретическое обоснование.

Вполне естественно, что Пестель начал разработку новых внешнеполитических принципов с решения важнейших теоретических вопросов. Одним из них был вопрос о суверенности народа, о правительстве и государственных законах, которые предназначены для обеспечения благоденствия государства, приравниваемого Пестелем к благоденствию всего народа, всей нации. Наряду с рассмотрением общетеоретических вопросов Пестель уделял большое внимание изучению и анализу конкретных вопросов, относящихся к внешнеполитической сфере действия государства, и вырабатывал по ним собственные воззрения. Постоянное изучение внешнеполитических вопросов, разработка вопросов теории внешней политики стали важным фактором для подготовки глубоко продуманных и теоретически обоснованных разделов по внешней политике в «Русской Правде».

2. *Проблемы войны и мира*

Разработка декабристами новых принципов ведения внешней политики и их теоретическое обоснование были тесно связаны с отношением декабристов к войнам, со взглядами на природу войн и их социальную сущность, а также с их представлениями о «всеобщем мире» и о путях его достижения.

Недавно отгремевшие сражения Отечественной войны 1812 г. и освободительных походов 1813—1814 гг. остро ставили в декабристских кругах вопрос о классификации войн, об отделении справедливых войн от несправедливых, завоевательных — тех, которые вела наполеоновская империя с начала XIX в. и которые были в целом присущи абсолютистским монархиям.

Интересно заметить, что еще в 1812 г. в периодическом издании «Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света», выходившем под редакцией профессора Московского университета М. Г. Гаврилова, были даны оценки наполеоновским войнам как несправедливым, не отвечающим интересам народа. Этот прогрессивный журнал писал о войнах Наполеона: «Есть ли бы Наполеон производил войну по нужде и необходимости для отражения неприятеля от границ своего госу-

дарства и для защищения подданных своих от неправильного нападения врагов, каковая война по правилам совести одна и есть справедливая и законная:... все источники и способы нашел внутри своего государства, и подданные его охотно понесли бы на алтарь Отечества жертвы и подаяния. Но ... Наполеон решился покорять себе вселенную...»[25].

Контрреволюционная политика Священного союза в отношении народов, борющихся за свое национальное и социальное освобождение, вновь делала вопрос о войнах и оценках их политически актуальным для передовых умов своего времени. Венский конгресс европейских монархов, а затем Ахенский конгресс членов Четверного союза (1818 г.), Карлсбадский конгресс немецких государей (1819 г.), Троппау-Лайбахский (1820—1821 гг.) и Веронский (1822 г.) конгрессы Священного союза раскрыли главную направленность усилий европейских монархов, заключавшуюся в отстаивании феодально-абсолютистских устоев в Европе. Такую направленность своих действий на международной арене европейские монархи обосновывали реакционными феодальными внешнеполитическими принципами, обветшалыми догмами легитимизма. Европейские монархи применяли политику силы по отношению к народам, поднимавшимся на борьбу за национальное и социальное освобождение, нарушали суверенитет малых народов и государств.

В предшествующих главах этой книги мы показали, что декабристы решительно осуждали реакционную политику европейских монархов. Особенно ярко это раскрылось в связи с их отношением к решениям Троппау-Лайбахского и Веронского конгрессов Священного союза, санкционировавших подавление революций в Италии и Испании путем военного вмешательства извне. Декабристы расценивали эти акции как несправедливые, не отвечающие интересам европейских народов, а выражавшие лишь реакционные устремления европейских монархов сохранить устои феодального строя. В то же время декабристы активно выступали в защиту революционных войн, намечали пути революционного единения народов. В процессе разработки новых внешнеполитических планов декабристами были подняты вопросы классификации войн, сделаны попытки определения критериев войн справедливых и несправедливых. Эти вопросы нашли отражение в идейном наследии многих декабристов, особенно в трудах М. Ф. Орлова, П. И. Пестеля, Н. М. Муравьева, И. Г. Бурцова, Ф. Н. Глинки, Н. И. и С. И. Тургеневых и др.

Интересные мысли принадлежат декабристу М. Ф. Орлову, впервые высказавшему их еще в период своей дипломатической деятельности весной и летом 1814 г. в Скандинавии по урегулированию шведско-датско-норвежского конфликта, а затем — в 1819—1820 гг. в связи со сделанными им замечаниями на «Военную историю походов России в XVIII столетии» Д. П. Бутурлина. М. Ф. Орлов — один из известных своей храбростью и большими дипломатическими способностями, участник войн с на-

полеоновской Францией, герой Отечественной войны 1812 г.— высоко оценил подвиг народа в этой войне, назвал ее справедливой, пробудившей лучшие чувства в народах России и других европейских стран. «Мы сражались против целой Европы, но целая Европа ожидала от наших усилий своего освобождения...— писал он 20 декабря 1820 г. из Киева Д. П. Бутурлину.— Тогда-то мы были сильны, тогда-то мы были страшны общему врагу, ибо под знаменами нашими возрастало древо общего освобождения»[26]. Эти строки были написаны М. Орловым тогда, когда во внешней политике Александра I все больше нарастали реакционные тенденции, особенно явственно проявлявшиеся в деятельности царя в Священном союзе. Поэтому Орлов предостерегал Бутурлина от огульного восхваления войн, которые велись царской Россией, призывая смотреть на них «не с поля сражения», а из хижины «бедного россиянина, истощенного от рабства и несчастья»[27]. Орлов, поддерживая в 1821 г. идею войны с Портой за освобождение греческого и других балканских народов и считая ее справедливой войной[28], в то же время выступал решительным противником вмешательства России в дела западноевропейских народов, выступающих за свое национальное и социальное освобождение.

О войнах справедливых, и прежде всего о войне 1812 г. как справедливой, народной, писали также декабристы Ф. Н. Глинка, П. А. Муханов, М. А. Фонвизин, В. С. Норов, В. И. Штейнгель. Вскоре после окончания войны Глинка издал «Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 г.»[29] В «Письмах русского офицера» (с 1812 по 1815 г.) он писал, что после вторжения наполеоновских полчищ в Россию «война народная час от часу является в новом блеске»[30]. На страницах журнала «Сын Отечества» Глинка подчеркивал, что это было такое время, «когда внезапный гром пробудил дух великого народа, когда народ сей, предпочитая всем благам в мире честь и свободу... с беспримерным мужеством пожинал лавры на пепле и снегах своего Отечества»[31].

Освещая в поэтической форме историческое прошлое русского народа, справедливую борьбу против иноземных поработителей воспевал поэт-декабрист К. Ф. Рылеев. Как о величайшем событии в истории борьбы русского народа против чужеземного ига писал член Союза благоденствия С. Д. Нечаев о Куликовской битве. Именно там, на Куликовом поле, по словам Нечаева, «после долгого порабощения России раздались в первый раз победные клики наших предков... родилась утешительная надежда освободить Отечество от ига иноплеменного»[32]. Интересно отметить, что Нечаев не только способствовал пропаганде со страниц русской печати исторического значения этого крупнейшего события в справедливой, освободительной борьбе русского народа, но и немало сделал для увековечивания в памяти народной Куликова поля. Так, он публично проводил идею о необходимости «увековечить память героев прошлого, призывал к сбору пожертвований на сооружение монумента на месте Куликовской битвы». Много сил

потратил Нечаев, чтобы добиться у правительства разрешения на установление памятного обелиска в честь славных подвигов русских войск в 1380 г., а также на постройку памятного храма «над прахом воинов, избиенных на Куликовом поле». В бумагах С. Д. Нечаева также «сохранился проект памятника на Куликовом поле, составленный Мартосом, и два письма его по сему делу»[33]. Но имя Нечаева, члена Союза благоденствия, патриота и гражданина, к сожалению, еще очень мало известно[34].

В большом, но неоконченном труде «Теория политики» (1820 г., ч. II) Н. И. Тургенев рассматривал природу войн, их связь с политическим строем, с государственной политикой. Этот труд был задуман Тургеневым в связи с подготовкой им материалов для нового журнала «Архив политических наук и российской словесности», который декабристам не удалось издать. «Война справедлива и необходима тогда,— писал Н. Тургенев в „Теории политики",— когда государство в опасности и нет другого средства отвратить оную. Государства слабейшие всегда имеют более повода и права объявить войну; потому что сильные всегда стремятся к распространению посредством завоеваний»[35]. Вполне очевидно, что он имел в виду и опыт Отечественной войны 1812 г. и других национально-освободительных войн своего времени.

Справедливыми войнами Н. Тургенев считал и те, которые диктовались жизненно важными потребностями государства, как, например, войны России первой четверти XVIII в. «Все завоевания Петра I,— писал Н. Тургенев,— носят на себе печать справедливости и пользы государственной». В то же время интервенционистская политика европейских монархов в отношении Польши, ее разделы были оценены автором негативно, отмечены их отрицательные последствия для польского народа, подчеркнуто, что «печально для друга человечества видеть уничтожение Польши»[36].

Руководитель Северного общества Н. М. Муравьев так определил зависимость войн от политики: «Можно определить войну насильственным состоянием народа, цель которого есть приобретение некоторых преимуществ или сохранение своей безопасности. В первых случаях правительства ведут войну за выгоды торговли, колонии и т. д., во втором дело идет о существовании народа или о его внешней безопасности»[37]. В качестве иллюстрации этого своего второго положения Н. Муравьев приводил пример борьбы русского народа против татаро-монгольского ига, подчеркивал ее огромное историческое значение для судеб других европейских народов и государств. В своих черновых набросках работы «Мысли об Истории государства российского Н. М. Карамзина», написанных в 1818 г. (сама работа предназначалась для широкого обсуждения в декабристских кругах), Н. Муравьев так оценивал историческое значение борьбы русского народа против чужеземных завоевателей: «Никакой народ не может гордиться, что претерпел столько бедствий, не был столь испытан судьбой... Он был избран оплотом Европы против кочующих народов»[38].

Декабрист В. К. Кюхельбекер, столь резко критиковавший контрреволюционные акции Священного союза, уже в годы своей учебы в Царскосельском лицее, совпавшей со временем Отечественной войны и освободительных походов, вкладывал в понятие справедливые и несправедливые войны глубокий социальный смысл. Об интересе к этим вопросам свидетельствуют изучение им произведений передовых мыслителей XVIII в., рассматривавших вопросы природы войны и искавших пути ко «всеобщему миру», выписки, сделанные им из их работ. Среди них заслуживает особого внимания приведенное Кюхельбекером высказывание ученика Руссо Ф. Р. Вейсса: «*Война прекрасная.* Как благородною была бы война, предпринятая противу деспотических правительств для того, чтобы освободить их рабов» [39]. Это изречение было внесено Кюхельбекером в составляемый им «Словарь».

В отличие от идеологов Священного союза декабристы и их единомышленники использовали понятую ими связь — зависимость войны от целей государственной политики — для критики контрреволюционных походов Священного союза, определенных ими как несправедливые, не отвечающие интересам и потребностям народов. «Отныне не будет уже войн за народы, а только за царей» — так характеризовал близкий к декабристским кругам П. А. Вяземский политику Священного союза. Передовые люди России резко высказывались по поводу провозглашенного Священным союзом права «законности» вмешательства во внутренние дела народов, поднявшихся на борьбу за свое освобождение. Декабристы подвергли критике как саму контрреволюционную политику Священного союза, так и его теоретические основы.

«Век славы кончился с Наполеоном. Теперь настало время освобождения народов от угнетающего их рабства» — так в обобщенной форме выразил главные задачи революционеров М. П. Бестужев-Рюмин в речи, произнесенной в 1825 г. на совместном заседании членов «Общества соединенных славян» и Южного общества. Ведение войн в защиту социально-политических завоеваний народов было признано декабристами справедливым делом, вошло во внешнеполитические задачи революционной России.

Прогрессивный характер таких войн в эпоху борьбы народов против феодальных порядков и его остатков, против «чуженационального гнета» отметил В. И. Ленин. Он назвал их национальными войнами, так как их главная задача — «сплотить национальную территорию... смести докапиталистические остатки» [40]. К прогрессивным войнам той эпохи В. И. Ленин относил и те, которые были направлены против национального порабощения, за создание собственной государственности и национальной независимости. В статье «О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“» В. И. Ленин писал: «*Если* „действительная сущность“ войны состоит, *например*, в свержении чуженационального гнета (что *особенно* типично для Европы 1789—1871 гг.), то война прогрессивна со стороны угнетенного государства или нации» [41].

Внимание передовых умов человечества издавна привлекали не только причины войн, но и пути достижения прочного «всеобщего мира» на земле. Завоевательная политика всегда вызывала у них осуждение. Ей противопоставлялись идеи мирного сотрудничества между народами, идеи «всеобщего мира»[42]. В XVIII в. новое слово о развитии идей «всеобщего мира» внесли французские просветители. Так, Ж.-Ж. Руссо обосновывал возможность установления на земле «всеобщего мира» только после устранения деспотизма, введения демократических свобод, создания новых социальных основ. Ш. Монтескье подчеркивал, что «огромность завоеваний порождает деспотизм» и что Францию «погубили люди войны»[43]. Русские просветители XVIII в. Р. М. Цебриков, Я. П. Козельский и особенно выдающийся мыслитель-революционер А. Н. Радищев также подвергли всесторонней критике завоевательные войны, выступили, основываясь на идеях «естественного права», против порабощения народов, доказывали несостоятельность теорий, обосновывающих неизбежность войн[44]. В начале XIX в. видный просветитель-демократ В. Ф. Малиновский, рассматривая причины возникновения войн, подверг критике «великих завоевателей», очертил возможные, по его мнению, пути к «общему миру»[45]. Эти идеи получили отклик в передовых кругах русского общества, находили поддержку и одобрение у декабристов.

Взгляды декабристов на войны и их природу, на связь политики и войны тесным образом связаны с их отношением к идее «всеобщего мира», к условиям, которые, по их представлениям, могли гарантировать существование действительно прочного мира на земле.

После победоносного завершения Россией Отечественной войны 1812 г. и начала освободительных походов 1813—1814 гг. в русском обществе усилилась вера в решающую роль России в деле установления в послевоенной Европе действительно устойчивого политического равновесия, прочного мира. Одним из первых этот вопрос на страницах русской периодической печати поднял В. Ф. Малиновский. В 1813 г. в статье «Общий мир», напечатанной в «Сыне Отечества», он писал: «И ныне предлежит ей (России.— *О. Ор.*) увенчать сей великой подвиг и обезпечить освобожденные народы общим их союзом между собою...»[46]. Малиновский, как и некоторые другие мыслители — его современники, надеялся тогда на возможность претворения в жизнь Александром I его либеральных обещаний, в которых видел одну из важных гарантий действительно прочного мира и политического равновесия в Европе. Эти надежды некоторое время подогревались деятельностью Александра I на международной арене. О стремлении упрочить политическое равновесие в Европе после крушения наполеоновской империи, освобождения из-под ее власти европейских государств было заявлено и в акте о создании Священного союза, в I—II статьях договора о создании Четверного союза. Как известно, в подготовке этих документов российская

дипломатия и сам Александр I принимали самое деятельное участие. Вопросы гарантий политического равновесия нашли отражение в ряде дипломатических документов российского правительства [47]. Они занимали значительное место в декларациях Четверного и Священного союза [48].

Публикация в русской и зарубежной печати некоторых дипломатических документов, статей на международные темы давала материал для размышлений о перспективах политического равновесия, базировавшегося на венских договорах.

О том, что «венская система» не являлась в глазах передовых умов человечества надежной гарантией всеобщего и прочного мира в Европе, свидетельствуют взгляды и позиции представителей европейского утопического социализма А. Сен-Симона и Р. Оуэна. Обеспокоенный состоянием Европы, к главам правительств, присутствовавшим на Ахенском конгрессе, обратился Р. Оуэн. Он подал записку, в которой излагались идеи создания мирной ассоциации народов, ликвидации военной угрозы, возможности войн. Оуэн считал, что основой этого должно было стать создание такой системы воспитания, которая «объединила бы всех людей и все народы с помощью общего чувства, языка, интереса и тем самым подводила жителей земли к вечному духовному братству — подлинной основе сплочения людей и государств, прочной базе мира и доброй воли, которые на деле станут всеобщими». При определении всей совокупности компонентов, которые, по его представлению, могли составить «базу мира», он выделял благосостояние «трудящихся классов», рост «производительной силы» и «распространение знаний» [49]. Еще раньше, на Венский конгресс была представлена записка другого социалиста-утописта — А. Сен-Симона, в которой обосновывались принципы ведения внешней политики, а выработка этих принципов ставилась под контроль общественного мнения и в зависимость от него. «Мы полагаем, что политика, которая когда-то была уделом кабинетов, принадлежит теперь народам. Общественное мнение отныне — активная сила: оно не только контролирует, но и диктует, не только регулирует, но и дает определенный импульс». Сен-Симон в реорганизации Европы в интересах всех народов немалые надежды возлагал на усилия философов и писателей, призванных разработать «новую философскую систему». Оба автора выделяли роль России в реорганизации жизни европейского общества, в достижении всеобщего мира. Они надеялись на возможность мирным соревнованием народов, «мирным соперничеством», «борьбой без насилий» добиться мира и сотрудничества в Европе.

Поиски путей достижения подлинного всеобщего мира между народами, ведения внешней политики на новых принципах были присущи декабристам и их единомышленникам. В декабристских кругах неверие в возможность устойчивости «венской системы» международных отношений основывалось на их понимании разных задач и целей, которые ставили перед собой монархи (после окончания войн с наполеоновской империей и Венского конгресса) и

народы, ценой своей крови завоевавшие установление мира в Европе: народы стремились к национальному и социальному раскрепощению, к ликвидации феодально-абсолютистских порядков, ставших тормозом на пути прогресса; монархи же стремились сохранить феодальные устои, подавить освободительные устремления народов. Это приводило к потрясениям существующей международной обстановки, к военным конфликтам и столкновениям на международной арене. К этим основным противоречиям присоединялись растущие противоречия между европейскими державами, которые в борьбе за упрочение политического влияния на международной арене, за сферы этого влияния, за рынки сбыта и колонии наносили удар по «венской системе» международных отношений, подрывали представления о возможности прочного «международного мира» при существовавшем строе. Не случайно те представители декабристского движения, которые размышляли над идеями «всеобщего» и «вечного мира», высказанными аббатом Сен-Пьером в начале XVIII в., подвергали сомнениям возможность их осуществления в условиях антагонистического строя. Фактически идеи «вечного мира» Сен-Пьера и пути их достижения критиковал М. Ф. Орлов в связи с рассмотрением военной истории Д. П. Бутурлина[50]. Н. И. Тургенев полагал, что только заключение подлинно «дружественных союзов», на «взаимных выгодах договаривающихся сторон»[51], могло гарантировать стабильность политического равновесия, отвести угрозу войны. Вполне понятно, что «венская система» не удовлетворяла исследователя этого вопроса. Он, как и другие декабристы, считал, что новая «венская система» чревата потрясениями, новыми революционными взрывами, контрреволюционными войнами и не может создать основу для всеобщего мира.

Идеи «вечного мира» и пути его установления волновали А. С. Пушкина, тесно связанного с декабристами и близкого к ним по своим идейным воззрениям. Среди черновых набросков, записей всякого рода, сделанных Пушкиным для себя, содержащих суждения о книгах, людях, событиях, есть немало мест, ждущих своего истолкования. Раскрытие многих из них, как показал кропотливый труд исследователей-пушкинистов, позволило глубже проникнуть в творческие замыслы поэта, в его идейные настроения. В одном из черновых набросков Пушкина содержатся его интересные размышления по поводу войн и перспектив установления «вечного мира». Они отражают раздумья поэта по этим вопросам в связи со спорами, которые велись в 1821 г. в Кишиневе в доме М. Ф. Орлова[52]. Поводом для них послужил «Проект вечного мира» Сен-Пьера, напечатанный в 1716 г. По всей вероятности, в Кишиневе обсуждали не сам проект аббата, а его краткое резюме, сделанное в 1760 г. Ж.-Ж. Руссо. Именно на замечания Руссо о «вечном мире» ссылался Пушкин, набрасывая свое мнение по вопросам спора[53]. Как нами уже отмечалось выше, М. Ф. Орлов критически относился к идеям Сен-Пьера, так как считал, что предложенный им проект создания международной

ассоциации для установления и защиты «вечного мира» способствовал бы навечному закреплению феодальных порядков, господства абсолютизма.

А. С. Пушкин, размышлявший о проблемах войны и мира в широком философском плане, приходил к выводу, что просвещенный разум человека поймет необходимость мира на земле, выступит против войн и их жестокостей. Выступая союзником идеи «вечного мира», поэт не видел возможности ее воплощения в «венской системе» международных отношений, основывавшейся на феодальных устоях и защищавшей их. Он связывал ее воплощение с будущим народов, освободившихся от тирании монархов. Именно тогда, по мнению Пушкина, будет ликвидировано представление об извечности войн, утвердится идея «вечного мира», для воплощения которой действительно создадутся условия. «Невозможно, чтобы люди со временем не уразумели смешную жестокость войны,— писал Пушкин в 1821 г.,— как они уразумели существо рабства, королевской власти и т. д. Они увидят, что наше предназначение — есть, пить и быть свободными» [54]. Высоко оценивая освободительную борьбу народов, их революционные завоевания, Пушкин надеялся, что они послужат «крупным шагом» на пути к ликвидации войн, огромных армий и что, «возможно, что менее чем через 100 лет не будет больше постоянных армий» [55]. Утопизм представлений передовых людей того времени о «вечном мире» не вызывает сомнения. Однако следует отметить, что их воззрения на идеи «вечного мира», связанные с будущим народов, с ликвидацией классового антагонизма в обществе, были прогрессивными, отражали поиски передовой мыслью путей и средств защиты человечества от войн и истребления, создания условий для мирного труда и благоденствия.

Взгляды декабристов и их единомышленников на проблемы войны и мира наносили удар по реакционным воззрениям идеологов деспотизма, защитников феодально-абсолютистского строя и войн, направленных на его поддержание. И прежде всего по реакционным концепциям идеологов легитимизма Л. Г. Бональда, А. Мюллера, Жозефа де Местра, которые были взяты на вооружение Священным союзом. Один из ярых апологетов деспотизма — Жозеф де Местр в своей последней работе «Петербургские вечера» (вышедшей уже после его смерти, в июне 1821 г.) обосновывал, наперекор всем завоеваниям передовой общественной мысли и революционным устремлениям народов к свободе и миру, извечность войн. В ней же он развивал свое ультрареакционное, фанатическое учение о «божественности войны» как «искупительной жертвы», как «неизбежного, постоянного жертвоприношения» [56]. Эта работа де Местра получила распространение и в России. Вполне вероятно, что она обсуждалась в начале 20-х годов в декабристских кругах. Естественно предположить, что ее идеи находили там резкую отповедь. В то же время они заостряли внимание передовых умов России на теоретических вопросах этих важнейших для человечества проблем.

Так, декабристы внесли свой немалый вклад в развитие передовых взглядов на вопросы войны и мира. В своих воззрениях на войны, их природу, на пути их искоренения и утверждения на земле «всеобщего мира» они не только опирались на идеи предшественников — русских и западноевропейских просветителей, но и развивали их дальше. Значительным завоеванием декабристской мысли, в целом не преодолевшей своей идеалистической сущности, было проникновение в нее материалистических тенденций. Во взглядах декабристов на войны это проявилось прежде всего в том, что при раскрытии связи войны и политики они вплотную подходили к выявлению социальной природы войн. При определении критериев справедливой войны они исходили из защиты ею интересов народов — их национальной независимости, социальных завоеваний. Стремление декабристов учитывать влияние внутренней политики на характер войн, попытки раскрыть ее социальную направленность — одно из важных свидетельств дальнейшего развития передовой русской мысли в XIX в. Однако у декабристов в силу классовой ограниченности их идейных воззрений не сложилось подлинно научного представления о классах, классовой природе войн. Они не смогли при определении социальной сущности войн раскрыть всю совокупность социально-экономической и политической деятельности классов. Эти вопросы привлекали внимание последующих поколений российских революционеров, пытавшихся дать им научную трактовку. И только на пролетарском этапе освободительного движения В. И. Ленин с подлинно научных позиций проанализировал вопросы войны, мира, раскрыл связь войны и политики, выявил социальную сущность войн.

3. Вопросы защиты революционных завоеваний во взглядах декабристов

Защита новых порядков, которые декабристы стремились утвердить революционным путем, осуществление идей революционного единения народов, принципа «покровительственной системы» со стороны России революционным завоеваниям других народов требовали разработки целого комплекса мер, наличия в стране вооруженных сил, хорошо подготовленных для выполнения всех этих задач. Вопросы о вооруженных силах России, о методах их комплектования заняли значительное место в отдельных трудах и в политических проектах декабристов. Это определялось и тем, что декабристы, приняв тактику военной революции, готовили открытое вооруженное выступление против царизма силами армии. В период деятельности тайных антиправительственных обществ будущие декабристы выступали за улучшение положения солдат в царской армии, критиковали рекрутчину, военные поселения. Изменение принципов создания армии и сроков солдатской службы предполагалось обнародовать сразу же после низвержения ре-

волюционным путем царского правительства изданием революционного манифеста к русскому народу.

По определению декабристов, армия должна была служить «безопасности, чести и славе государства». Эта мысль, единодушно поддержанная деятелями декабристского движения, была высказана Пестелем еще в 1818 г. в «Записке о составе войск»[57]. Она была развита и в других его сочинениях по военным вопросам, написанным в первой половине 20-х годов. Некоторые из них не опубликованы и хранятся в архивах нашей страны[58].

В «Записке об общей реформе военного дела» П. И. Пестель наметил некоторые переходные меры по формированию армии на новых основах: «Срок службы нижним чинам определяется 15 лет. В рекруты должны поступать молодые люди от 18 до 20 лет, следовательно, в 33-м или 35-м году может всякий в отставку выходить и любое себе избирать состояние. Для наборов определяются новые правила, основанные на соединении правил нынешнего нашего рекрутского с правилами конскрипции». Важной была его мысль о том, что «за наказание людей отдавать в солдаты воспрещается совершенно; ибо сие звание воинское столь почтенно, что от всякого недостойного человека удалено быть должно»[59].

В дальнейшем представления Пестеля о способах комплектования армии значительно изменились, что нашло отражение в «Русской Правде».

О необходимости изменения способа комплектования армии, о введении принципа всеобщей повинности говорили и писали также Н. М. Муравьев, И. Г. Бурцов, Ф. Н. Глинка, Н. И. Тургенев и другие деятели тайных антиправительственных обществ. Н. И. Тургенев этим вопросам посвятил, например, специальный раздел «О средствах защиты государственной» своего труда «Теория политики». В нем Тургенев поднял и такую важную проблему, как зависимость армии и принципов ее формирования от политического строя. Интересные соображения им также были высказаны по поводу того, чьи классовые интересы призвана защищать армия при феодально-крепостническом строе. Он писал, что существующие при феодальном строе огромные армии не только «отвлекают знатное число граждан от занятий, выгодных для государства, и через то ограничивают успехи благосостояния народного», но и «представляют верховной власти удобные средства вести войну для завоеваний... могут способствовать утверждению деспотизма»[60]. Так, по мнению Н. Тургенева, «от политического состояния государств», «от образа правления» зависят военно-политические и социальные задачи, стоящие перед армией.

Выступая против содержания огромной постоянной армии, Н. И. Тургенев поддерживал идею создания «милиционной армии». «Постоянная армия... по его мнению, должна состоять только из регулярной кавалерии и артиллерии. В случае войны кавалерия и артиллерия не могут быть вдруг сформированы; милиция же может всегда заступить место обыкновенной регулярной пехоты»[61]. Уничтожение рекрутчины и провозглашение всеобщей

воинской повинности, однако, по мнению Н. Тургенева, еще не решали полностью вопроса об отношении солдата к военной службе. Здесь большую роль играли его отношение к политическому строю, который он призван был защищать, воспитание в солдате чувства патриотизма и гордости за свое Отечество. Н. Тургенев считал также важным, чтобы в армии «состояние солдата было соответственно благородному своему предназначению, чтобы число лет служения было весьма ограниченное, чтобы дисциплина военная не имела ничего унизительного»[62].

Роль армии в «новой России», ее военно-политические и социальные задачи отразили политические проекты декабристов. Так, в Конституции Н. Муравьева, в главе «О состоянии, личных правах и обязанностях русских», заявлялось, что долг каждого гражданина «носить общественные повинности, повиноваться законам и властям Отечества и явиться на защиту Родины, когда востребует того закон»[63]. Конституция провозглашала немедленную отмену всех военных поселений, насажденных А. А. Аракчеевым. Формулировку положений о новом принципе набора в армию, ее социальном составе Конституция оставляла до собрания Народного веча. Неразработанность этого вопроса вызвала критические замечания со стороны некоторых ее рецензентов, в том числе декабриста К. П. Торсона[64]. По Конституции император не имел права лично командовать войсками (хотя он оставался «верховным начальником сухопутной и морской силы»), что должно было служить гарантией невозможности использования армии в контрреволюционных целях, обеспечить ее служение охране интересов всей нации, нового социально-политического строя в России.

С наибольшей силой удар по старой, феодально-крепостнической системе взглядов на армию и ее назначение в государстве был нанесен «Русской Правдой». И совсем не потому, что в ней этому вопросу уделено какое-то особое внимание. Суть в другом — в идейной направленности политического документа. Поставив своей главной целью достижение «благоденствия всего общества» и определение круга первоочередных задач, которые должны были способствовать этому, Пестель в «Русской Правде» провозгласил республиканское правление, сформулировал положение о равных правах и обязанностях всех граждан новой России. «Гражданское общество, как и всякое другое, имеет свою цель и должно избирать средства для достижения оной,— провозглашала „Русская Правда“.— Цель состоит в благоденствии всего общества вообще и каждого из членов оного в особенности. В сей цели все согласны. Для достижения оной нужны средства или действия... Общим действием называется то, которое касается всего общества, а следовательно, и производится от лица всего общества»[65]. Пестель относил «к числу самых важнейших и необходимейших действий для утверждения благоденствия России» провозглашение революционной властью отмены сословий и привилегий дворянства, равенства всех граждан перед законом, отмены крепостного права. Это равенство должно было, согласно «Русской Правде», распро-

страняться и на обязанность всех мужчин, достигших призывного возраста и не располагающих отсрочкой, служить в армии. Всеобщей повинности Пестель противопоставлял рекрутчину и систему военных поселений, которые подвергал беспощадной критике. «Одна мысль о военных поселениях...— писал Пестель в „Русской Правде",— наполняет каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом... Одна из первейших обязанностей Временного верховного правления состоит в уничтожении военных поселений...» [66].

Подобные суждения о военных поселениях и необходимости их уничтожения, как об одной из первоочередных задач революционного переустройства России, высказывал М. С. Лунин. Называя тайные антиправительственные общества декабристов «глашатаем выгод народных», Лунин в числе их основных задач считал, «чтобы военные поселения, коих цель несбыточная, учреждение беззаконно, были уничтожены к предотвращению ужасов, там совершенных и пролитой крови» [67].

«Русская Правда», намечая проведение военной реформы, обращала внимание на принцип связи армии с народом, на главное назначение армии — защиту его интересов: «Никакое правительство не может никогда право иметь отделить от общей массы народа часть оного с тем, чтобы на сию часть возложить, за исключением остальных, самую тягостнейшую и жесточайшую повинность, какова есть военная» [68].

Содержание большой постоянной армии в государстве в мирное время Пестель тоже считал нецелесообразным. Отрицательный пример тому давала огромная армия царской России. Поэтому он выдвигал вопрос о создании народной милиции, или «внутренней народной стражи». Мобилизация всех военных сил должна была происходить лишь при угрозе безопасности страны. Эта идея Пестеля, обсуждавшаяся в тайных обществах, была им ранее высказана в «Записке о составе войска» [69].

Провозглашение принципа всеобщей воинской повинности явилось значительным достижением военной мысли декабристов, имело большое прогрессивное значение, так как утверждало новые, буржуазные по своей природе принципы, разрушало основы комплектования феодальной армии, делало новую армию массовой. Царская армия комплектовалась на основе рекрутской повинности, распространявшейся на податное сословие России. Рекрутчину отбывали русские, украинцы, белорусы. Неславянские народы должны были выставлять иррегулярные войска. Некоторые народности Кавказа и Сибири были вообще освобождены от военной службы. Офицерский состав комплектовался из дворян.

«Русская Правда» уделила большое внимание принципам формирования армии, вопросу комплектования офицерского состава. Согласно положениям этого политического документа декабристов армия должна была стать народной. Ее военное руководство, выдвигаемое по уму, достижениям в науках, а не по дворянскому званию, должно было обеспечить осуществление новой армией задач охраны народных, а не династических интересов, защиты

Отечества от контрреволюционных сил европейских монархов. В «Русской Правде» провозглашался и аргументировался новый принцип комплектования армии: «Набор ратников в войско есть учреждение, необходимое для государственной безопасности, а следовательно, и для государственного бытия, и потому должно оно неминуемо существовать. Но поелику польза, от военной силы происходящая, на всех членов гражданского общества распространяется одинаковым образом, то и должны все сословия одинаковым образом в составлении сей силы участвовать, руководствуясь очередью и жребием, как то объяснено будет в главе осьмой, то есть одинаковыми для всех россиян правилами, на сей щет. А по сему и не может дворянство от сей личной повинности быть освобождаемо и должно сие преимущество его быть уничтожено»[70].

Как видно из приведенного выше текста, в специальной главе «Русской Правды» эти вопросы должны были найти еще более обстоятельное и детальное освещение.

Взгляды декабристов на армию и ее роль в государстве, нашедшие воплощение в Конституции и в «Русской Правде», получили отражение в «Манифесте к русскому народу». Сохранившийся его черновик был написан 13 декабря 1825 г. К. Ф. Рылеевым и С. П. Трубецким. Сама же идея издания «Манифеста» принадлежала П. И. Пестелю, была развита им на петербургских совещаниях Южного и Северного общества в 1824 г. Вводная часть к «Манифесту», которая должна была содержать объяснение сложившейся внутриполитической обстановки и обосновать необходимость коренного изменения существовавшего строя, была поручена ряду лиц, но была подготовлена только В. И. Штейнгелем. и Н. А. Бестужевым. Они оба после поражения восстания 14 декабря уничтожили свои тексты введения к «Манифесту». Предполагалось обнародовать «Манифест» после того, как Сенат уговорами, или силой оружия, заставят объявить царское правительство низложенным, что предусматривалось по первоначальному плану восстания в Петербурге.

«Манифест» — это один из важнейших документов декабризма, разъясняющий широким народным массам цель восстания. Он становился как бы «первым идейным плацдармом революции»[71]. В нем объявлялись «уничтожение бывшего правления», созыв учредительного собрания — «Великого собора», ликвидация крепостного права, уравнение всех сословий перед законом. Объявлялась свобода печати, свобода вероисповеданий, гласность суда. «Манифест» также провозглашал проведение военной реформы: уничтожение рекрутчины и военных поселений, введение всеобщей воинской повинности, образование «внутренней народной стражи» (милиции), «уничтожение постоянной армии»[72]. Вопрос о сроке воинской службы был только намечен декабристами, но не решен окончательно. «Манифест» объявлял его сокращение на 10 лет. Предполагалось и дальнейшее сокращение срока службы «по уравнении воинской повинности между всеми сословиями».

В краткой форме «Манифест» раскрывал перед народом основную программу реформ, намеченную для осуществления декабристами после свержения самодержавного строя. Из содержания «Манифеста» видно, что в нем провозглашалась гораздо более радикальная программа социально-политических преобразований, нежели это намечала Конституция Н. Муравьева. Основные идеи «Манифеста» шли в русле идей «Русской Правды», хотя в нем и был опущен вопрос о земле, оставленный на решение «Великого собора».

Все декабристы отмечали важность создания армии с высокими боевыми качествами. Большое внимание воспитанию высокого морального духа в армии уделяли П. И. Пестель, М. Ф. Орлов, И. Г. Бурцов, Н. М. Муравьев, Ф. Н. Глинка. Прежде всего они считали важным воспитание патриотизма, уважения к героической истории русского народа, к его самоотверженной борьбе против чужеземных поработителей. Эти задачи были, например, выделены в первых приказах генерала М. Ф. Орлова в связи с получением им в командование в 1820 г. 16-й пехотной дивизии. Представления декабристов о том, что после свержения революционным путем самодержавия солдат станет защитником подлинно национальных интересов, накладывали отпечаток на их взгляды о характере воспитания и обучения войск. Решительно отвергая палочную дисциплину, бездумное отношение к солдату в царской армии, призванной защищать самодержавный строй, декабристы считали, что общественное назначение новой армии требует установки иного воинского уклада, внутренних отношений в армии. Так, М. Ф. Орлов в своих приказах по дивизии подчеркивал обязанность офицеров помнить, «что солдаты такие же люди, как и мы, что они могут чувствовать и думать, имеют добродетели, им свойственные, и что можно их подвигнуть ко всему великому и славному без палок и побоев». Он призывал офицеров «быть часто с солдатами, говорить с ними, внушать им все солдатские добродетели, пещись о всех их нуждах, давать им пример деятельности и возбуждать любовь к Отечеству, поручившему им свое хранение и свою безопасность» [73].

В «Приказе по дивизии» от 8 января 1822 г., изданном в связи с волнением солдат Охотского пехотного полка (в ответ на жестокость офицеров), Орлов высоко отзывался о русском солдате — этом «достойном сыне Отечества», резко осуждал палочную дисциплину. «Обратимся к нашей военной истории,— подчеркивал он в приказе.— Суворов, Румянцев, Потемкин, все люди, приобретшие себе и Отечеству славу, были друзьями солдат и пеклись об их благосостоянии. Все же изверги, кои одними побоями доводили их полки до наружной исправности, все погибли или погибнут...» [74].

Засилие иностранцев в военной верхушке царской армии, особенно в свите е.и.в. по квартирмейской части и в Гвардейском генеральном штабе, привилегированное положение иностранцев генералов и офицеров вызывали резкий протест со стороны деятелей декабристского движения.

После победоносного завершения Отечественной войны 1812 г. и освободительных походов 1813—1814 гг. у декабристов, многие из которых стали их участниками, было весьма обострено чувство национальной гордости. Вся же послевоенная политика Александра I наносила удар по этому чувству. Так, И. Д. Якушкин с гневом вспоминал о том, что «при смотре при Вертю, во Франции, на похвалы Веллингтона устройству русских войск император Александр во всеуслышание отвечал, что в этом случае он обязан иностранцам, которые у него служат»[75]. А. Н. Муравьев в 1817 г. резко отзывался о господствующем в столице «подлом и низком подражании иностранцам»[76]. Письма И. Г. Бурцова к товарищам за 1815—1819 гг. тоже полны критических высказываний в связи со сложившимся положением в армии. Он справедливо подчеркивал, что, отдавая дань деловым качествам некоторых офицеров из иностранцев, нельзя не отметить отсутствия у них патриотической настроенности, стремления к отстаиванию национальных интересов России. «Дивлюсь до крайности,— писал Бурцов 17 ноября 1815 г. в Гвардейский генеральный штаб Н. Н. Муравьеву,— что немецкая династия у вас так вверилась»[77]. Такое отношение к засилью иностранцев в армии не распространялось на боевых офицеров, с которыми будущие декабристы вместе сражались, освобождая европейские народы от наполеоновского порабощения.

На важность укрепления высокого морального духа, патриотических настроений в армии обращали внимание все декабристы. Некоторые из них сумели провести эти идеи на страницах периодической печати, в отдельных изданиях: Ф. Н. Глинка в уже отмеченной выше статье «Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года»[78], в отдельной брошюре «Краткое начертание „Военного журнала“» (СПб., 1817 г.) и в других произведениях[79], Н. М. Муравьев в статье «Рассуждения о жизнеописаниях Суворова»[80], а также М. Ф. Орлов, И. Г. Бурцов, С. Д. Нечаев и другие декабристы в своих разных трудах[81]. Ф. Н. Глинка и И. Г. Бурцов, сделавшись фактическими руководителями «Военного журнала», превратили его в трибуну для пропаганды героического прошлого русского народа, подвигов русских войск. Редакция журнала сумела пропагандировать полководческое искусство А. В. Суворова и М. И. Кутузова даже в комментариях к переводам исторических работ Тита Ливия, печатавшихся в «Военном журнале». Несомненны заслуги этого журнала в критическом рассмотрении консервативных по своим идеям военных концепций, одним из представителей которых был восхваляемый в придворных кругах Александра I А. Жомини. В его трудах сознательно искажалась история развития русского военного искусства, замалчивалась выдающаяся роль Суворова и Кутузова, поднималось на щит наполеоновское военное искусство[82].

Понимание декабристами необходимости иметь высоко боеспособную армию ставило задачу развития военного искусства и военной теории. Глубокий след оставили декабристы в истории отечественной военно-теоретической мысли. Рассмотрение в широ-

ком плане военных взглядов декабристов выходит за рамки настоящей темы. Они обстоятельно анализируются в специальных исследованиях[83]. Здесь отметим только то, что передовые для того времени воззрения особенно ярко прослеживаются в трудах Пестеля, Бурцова, Глинки, М. Орлова. Так, Пестель в одной из незавершенных работ — «Военные науки» — специально выделял важность рассмотрения вопросов военного искусства, истории войн. Для их изучения он использовал широкий круг научной литературы и источников — от античности до новейшего времени[84]. В другой работе — «Замечания на лагерную службу» — Пестель писал: «Для руководства в действиях ратных существуют военные науки или *теории* по разным частям военных познаний. Главное различие между уставом и теориею состоит в том, что устав определяет правила непременные, от обстоятельств независимые и могущие всегда быть исполняемы. Между тем как теории определяют правила, коим обстоятельства делают часто изменения и кои не всегда принаравлены быть могут»[85].

Мысль, что теоретические основы военных наук не являются застывшими и неизменными, а развиваются вместе с политическими науками, была высказана также И. Г. Бурцовым. В статье «Мысли о теории военных знаний», опубликованной в 1819 г. в «Военном журнале», он подверг критике взгляды военного теоретика А. Жомини о якобы «вечных принципах» теории, не зависящих «ни от рода оружия, ни от времени, ни от места»[86].

Так декабристы раскрывали и отстаивали основы передовой для того времени военной теории, выступали против насаждения в армии устаревших идей теоретиков А. Жомини, К. Клаузевица и других, против замалчивания военно-теоретических взглядов и полководческого опыта Суворова и Кутузова. Они выступили за создание массовой демократической армии, главной задачей которой должна была стать защита революционных завоеваний. Наряду с разработкой военно-теоретических вопросов, новых принципов формирования армии большое внимание ими было уделено подготовке военных сил к защите от внешних и внутренних контрреволюционных сил. Одним из примеров этого являются записки П. И. Пестеля «Распределение крепостей по округам», «Заметка о распределении войск по границам государства» и его «Проект первых распоряжений по армии после переворота», написанный в 1822—1824 гг.[87]

4. «Русская Правда» П. И. Пестеля и Конституция Н. М. Муравьева о новых внешнеполитических принципах и задачах революционной России

Вполне естественно, что новые внешнеполитические принципы декабристов, взгляды на задачи внешней политики революционной России, а также отношение к вопросам войны и мира должны были

найти наиболее полное раскрытие в конституционных проектах декабристов. Но, как известно, эти политические проекты окончательно не были завершены. Накануне восстания 14 декабря 1825 г. в русле идей «Русской Правды» составлен «Манифест к русскому народу», а ранее для знакомства «Общества соединенных славян» с политической программой Южного общества — «Конституция — государственный завет», представлявшая краткое изложение первой редакции «Русской Правды».

«Русская Правда» дошла до нас в двух редакциях. Первая была представлена Пестелем в 1822 г. на обсуждение руководителей Южного общества. В результате обсуждения работа над конституционным проектом была продолжена. Новое обсуждение состоялось в 1823 г.— на следующем съезде руководителей Южного общества в Киеве. Принятые голосованием положения «Русской Правды» стали идейной платформой этого общества. Над второй ее редакцией Пестель работал с 1824 г. Именно она была так озаглавлена автором: «Русская Правда, или Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного революционного правительства»[88]. «Русская Правда» не раз обсуждалась также на заседаниях Северного общества. Особенно острым было весеннее петербургское совещание 1824 г., на котором Пестель страстно отстаивал все ее положения. Не став тогда общей идейной платформой всего движения декабристов, она все же оказала значительное влияние на идеологию северян, в результате чего укрепились республиканские идеи в планах будущих совместных действий. «Русская Правда» — это не только результат личного творчества Пестеля. Определенное участие в работе над подготовкой этого политического документа принимали Н. И. Тургенев, А. П. Юшневский, С. И. Муравьев-Апостол, Н. А. Крюков, Е. П. Оболенский, М. И. Муравьев-Апостол и другие декабристы. Они участвовали в ее обсуждении на заседаниях Южного и Северного обществ, вносили свои редакционные поправки и замечания. По свидетельству декабриста А. Е. Розена, «много лет трудился он (Пестель.— *О. Ор.*) над „Русскою Правдою“... Весь труд свой сообщил он сам Алексею Петровичу Юшневскому, бывшему интенданту 2-й армии, мужу большого ума, с самыми строгими правилами нравственности. Отдельные части «Русской Правды» сообщал он и посторонним, и П. Д. Киселеву, и многим членам, от которых мог ожидать дельных примечаний или дополнений»[89]. Высказывания ряда декабристов по поводу направленности несохранившихся глав «Русской Правды» свидетельствуют об их глубоком знании документа, всей его структуры. Они также помогают реконструировать его отдельные положения, в том числе и по внешнеполитическим вопросам.

«Русская Правда» представляет гораздо бо́льшие трудности для исследования, нежели Конституция, поскольку от ее первой редакции сохранилась лишь та часть текста, которая еще не была на-

писана для второй редакции. Совсем по-иному обстоит дело с политическим проектом Н. М. Муравьева, где возможны анализ и сравнение всех трех вариантов[90]. К первой редакции «Русской Правды» Пестель составил краткое оглавление всего проекта и пространное оглавление пяти глав, по плану которого затем велась работа над текстом второй редакции.

Краткое оглавление «Русской Правды» включало: «Основные понятия. Глава 1. Земельное пространство государства. Глава 2. Племена, Россию населяющие. Глава 3. Сословия, в России состоящие. Глава 4. Политическое состояние народа. Глава 5. Гражданское состояние народа. Глава 6. Образование верховной власти. Глава 7. Образование государственного управления. Глава 8. Мероприятия для безопасности. Глава 9. Мероприятия для благосостояния. Глава 10. Состав государственного уложения»[91].

В пространном оглавлении намечались конкретные вопросы, которые предполагалось раскрыть в отдельных главах этого политического проекта. Так, в его 1-й главе («Земельное разделение государственного пространства») должны были излагаться принципы, на основе которых «пределы государства определяются»; указывалось, что новое правительство России должно было ими руководствоваться при выработке политики и ее проведении в отношении отдельных народов страны. В этой главе была поставлена задача определения самого территориального состава Российской республики и ее границ, намечалось ее внутреннее административно-территориальное деление[92].

В задачи 2-й главы входили изложение критериев «разделения племен, Россию населяющих, на три главные разряда», определение политической линии в отношении отдельных народов.

Ко второй редакции «Русской Правды» Пестелем было написано только краткое оглавление. Так, в § 13 Вступления («Разделение „Русской Правды“ на главы») указывается, что она будет состоять из 10 глав. Среди них: «*Первая глава* рассуждает о границах государства и о разделении земельного пространства оного: она показывает, где обретается Российское государство. *Вторая глава* рассуждает о народе в отношении к различным племенам, Российское государство населяющим... *Осьмая глава* рассуждает о правительстве в отношении к устройству безопасности в государстве...»[93].

Во второй редакции «Русской Правды» Пестелем были написаны 1-я, 2-я и часть 3-й главы, 4-я и 5-я — вчерне, «а последние пять состояли в разных отрывках»[94]. Частично содержание 8-й главы восстанавливается на основе других документов декабристов, а также ответов самого Пестеля на вопросы Следственного комитета. В одном из них (от 13 января 1826 г.) он подробно охарактеризовал назначение «Русской Правды» и ее состав. Здесь же он дал и более подробное описание состава 8-й главы: «Намеревался же я мое сочинение представить, по окончании оного, на суд общества. Оно долженствовало состоять из десяти глав... *Глава осьмая* долженствовала рассуждать о частях правления,

устроивающих государственную безопасность как внешнюю, так и внутреннюю, то есть об юстиции, полиции, внешних сношениях, военных силах и морских силах; говоря при том особенно о каждой из главных отраслей, каждой из сих частей правления»[95].

В «Русской Правде» намечались задачи, непосредственно относящиеся к защите как национальных интересов страны, ее территориальной целостности, так и интересов народов других стран. Пестель мыслил «новую Россию» сильным независимым государством, которое могло бы не только отстоять революционные завоевания своей страны, но и оказывать помощь и покровительство другим народам в их освободительной борьбе.

Внешнеполитические задачи, основанные на новых политических принципах, которые должны были быть зафиксированы «Русской Правдой» в соответствующих главах и параграфах, явственно предстают из показаний ряда декабристов Следственному комитету. Так, М. П. Бестужевым-Рюминым были четко сформулированы новые принципы внешней политики революционной России, которые провозглашала «Русская Правда». На следствии по делу декабристов он привел одно из положений «Русской Правды», которое не вошло в дошедшие до нас редакции этого документа. Оно гласило: «Министр внешних сношений должен был все способы давать народам европейским для введения у них представительного правления. В Азии же он должен был распространять просвещение и поощрять народы к перемене правления»[96]. А. А. Бестужев, излагая в письме к Николаю I из Петропавловской крепости «исторический ход свободомыслия в России и вообще многих понятий, составляющих нравственную и политическую часть предприятия 14 декабря», обращал внимание и на разработку декабристами своих внешнеполитических принципов. Он же подчеркнул, что декабристы считали правилом в области внешней политики «действовать открыто, жить со всеми в мире», но «не позволяя вступаться в свои дела»[97].

Новые принципы внешней политики, которые должны были найти отражение в «Русской Правде», поскольку они были обсуждены и приняты членами Южного общества, кратко, но предельно ясно охарактеризовал Пестель. В своем ответе 6 апреля 1826 г. Следственному комитету он писал: «Что касается до внешней войны, долженствовавшей и умы занять, и чрез возстановление Греции в независимом состоянии доказать отклонение России от завоевательной системы, имеющей замениться покровительственною, то сие предположение справедливо»[98]. Подполковник А. В. Поджио подчеркивал стремление декабристов изменить принципы ведения внешней политики. В качестве подтверждения он приводил высказывания Пестеля о некоторых планах будущего революционного правительства в России, в их числе — «обратить внимание на какую-нибудь внешнюю меру, как-то: объявить войну туркам и возстановить Восточную республику в пользу греков. И таким образом на поприще политическом явиться с самыми благонадежнейшими видами для прочих народов Европы»[99]. Эти положения

отражали вполне конкретные задачи, которые (как, например, оказание помощи греческой революции) могли сразу же встать перед революционной Россией.

Значительное место в «Русской Правде» отведено определению территориального пространства будущей Российской республики, ее границ, взаимоотношений с сопредельными странами и населяющими их народами. Большое значение Пестель придавал разработке государственной политики в отношении народов, недавно вошедших в состав России, а также тех, вхождение которых в будущем в состав страны становилось для них делом большой прогрессивной значимости. «Русская Правда» при определении «границ государству, столь пространному и великому, какова Россия есть», отмечала не только важность, но и сложность этой задачи. Одной из них была разновременность формирования территории Российского государства, многонационального по своему составу. «Есть ли бы каждое государство из одного только племени или народа состояло, то границы его сами собой определялись бы пространством, на котором бы тот народ был поселен,— заключала „Русская Правда",— но так как все почти большие государства, а тем паче Россия, содержат в своем составе много различных племен, то и определение границ соделывается труднейшим»[100].

«Русская Правда» выдвинула идеи права некоторых народов на самоопределение, вплоть до отделения и создания самостоятельного государства. Идеи политического самоопределения народов, создания национальных государств получили широкое распространение в «новый период» всемирной истории, в эпоху, по определению В. И. Ленина, «буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности», в эпоху «быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»[101]. Огромную роль в развитии этих процессов сыграла Великая французская революция конца XVIII в. В России в начале XIX в. идеи политического самоопределения народов, а также планы создания федеративных союзов на основе равноправных национальных государств выдвигал В. Ф. Малиновский. В «Русской Правде» Пестеля право народов на самоопределение обосновывалось исторической закономерностью стремления народов к национальной независимости, к созданию самостоятельной государственности. Ярким примером тому служили национально-освободительная борьба балканских народов против османского ига, освободительные войны европейских народов против наполеоновской тирании, национально-освободительное и революционное движение в конце 10-х — начале 20-х годов XIX в. в Европе и в Латинской Америке. Как подчеркивала «Русская Правда», «народы, подвластные большому государству и происходящие не от господствующего в оном, но от других племен, желают всегда для себя независимости и отдельного политического существования: утверждаясь на праве составлять особые государства и называя оное *правом народности*»[102]. Мысль о внутренней непрочности

Австрийской империи, угнетавшей многие входившие в ее состав народы, ярко выразил П. Г. Каховский. Он прозорливо писал: «Дряхлая глыба Австрии столь ненадежна, что малейший ветр способен разнести ее. Держава, составленная из клочков разноплеменных народов, ненавидящих правление свое и не любящих друг друга, может ли быть прочной?» [103].

Формулируя понятие «право народности», Пестель в то же время подчеркивал, что оно в тех исторических условиях не могло быть осуществленным на практике всеми народами, стремившимися к национальной независимости и самостоятельности. Эту мысль он обосновывал тем, что «право народности существует истинно для тех только народов, которые, пользуясь оным, имеют возможность оное *сохранить*... Племена, подвластные большому государству, не могущие, по слабости своей, пользоваться самостоятельною политическою независимостью и долженствующие, следовательно, непременно состоять под властью или покровительством которого-либо из больших соседственных государств, не могут ограждаться правом народности, ибо оно есть для них мнимое и не существующее» [104]. «Русская Правда» констатировала, что «маленькие народы, между большими находящиеся, служат всегдашним поприщем военным действиям, разорениям и гибельным бедствиям всякого рода». Исходя из этого заключения, Пестель считал целесообразным для таких народов соединение «духом и обществом с большим государством». Конечно, автор «Русской Правды» мыслил соединение народов с государством, освободившимся от феодально-абсолютистских порядков, которое могло бы обеспечить им развитие по пути прогресса.

Наряду с «правом народности» «Русской Правдой» было выдвинуто и обосновано «право благоудобства». Им определялись правительственная политика, направленная на охрану территориальной целостности и независимости, взаимоотношения с народами, входящими в многонациональное государство. «Русская Правда» заключала, что «большое государство» стремится «к установлению границ крепких местным положением и сильных естественными оплотами, а вместе с тем стремится и к тому, чтобы силы маленьких народов, его окружающих, умножали силы собственные его, а не силы какого-либо другого соседственного большого государства: основывая сие стремление и старание на праве безопасности и называя оное *правом благоудобства*» [105]. Это право, издавна известное как «raison d'état», по представлению Пестеля, в условиях нового строя России, который должен был утвердиться после революционного переворота, было призвано обосновать политику в интересах не какого-то отдельного класса, а в интересах всей нации. Им также руководствовался Пестель при определении «земельного пространства государства» и его границ. Одним из положений «Русской Правды» было провозглашение «обязанности не распространять своих пределов для пресыщения одного только тщеславия», а исходить из национальных интересов, из обязанности прежде всего крепить территориальную

целостность и независимость Российской республики, ее границы: «Для правильного и положительного установления границ надлежит непременно руководствоваться тем соображением, что право народности должно брать верх для тех народов, которые могут самостоятельною политическою независимостью пользоваться, а что право благоудобства должно брать верх над теми народами, которые сею самостоятельною политическою независимостью пользоваться не могут...»[106]. Так, на основе провозглашенных «Русской Правдой» «права народности» и «права благоудобства» ею намечалось решение таких важных задач, как «определение земельного пространства и границ российского государства», а также характера отношений с отдельными народами, входившими в состав Российского государства.

Исходя из анализа реально сложившейся международной ситуации, из состояния развития и положения окраинных народов России, Пестель в «Русской Правде» делал вывод, что всем нерусским народам, населяющим окраины страны, за исключением польского народа, угрожают в случае отделения от России поглощение соседними государствами, лишение тех социально-политических преимуществ, которые они могли иметь, находясь в составе Российской республики. К тому же земли этих народов, захваченные другими государствами, могли стать плацдармом для военного нападения реакционных сил европейских монархов и азиатских правителей на «новую Россию». Распространение «права народности» на поляков «Русская Правда» мотивировала рядом причин: наличием польско-русских революционных связей, разработкой совместного плана свержения самодержавия революционным путем, совместной политической программы, а также и тем, что в прошлом Польша была самостоятельным государством, уничтоженным в результате ее разделов европейскими монархами, что получило в декабристских кругах резко отрицательную оценку. Однако, как нам представляется, автор «Русской Правды» и другие его единомышленники недооценивали возможность в перспективе использования «права народности» другими народами окраин России, как, например, финским народом.

Так, провозглашение «Русской Правдой» внешнеполитических принципов, которые обосновывались взглядами на внешнюю политику как на часть государственной политики, проводящей и защищающей интересы всей нации, имело прогрессивное значение. Однако в применении «права народности» и «права благоудобства» декабристами при определении ими некоторых политических задач революционного правительства России явно проявились и черты классовой ограниченности идейных воззрений дворянских революционеров.

На основе сформулированных П. И. Пестелем и одобренных в декабристских кругах принципов «благоудобства» и «права народности» в «Русской Правде» была поставлена задача перед революционным правительством России раздвижения границ республики до «естественных пределов». Но как известно, это не оз-

начало, что Российская республика предполагала вести широкую завоевательную политику. В «Русской Правде» заявлялось, что надо «не о распространении пределов помышлять, но о возведении благоденствия в сих обширных владениях». При этом в документе подчеркивалось, что выполнение таких задач возможно при прочных границах, при прекращении пограничных конфликтов. Эти конфликты нередко создавали, например, султанская Турция и шахский Иран в Закавказье, претендуя на отдельные земли, вошедшие в состав России. «Русская Правда» среди других внешнеполитических задач выделяла следующие: «Поелику от хороших границ много зависит безопасность государства, а следовательно, и благоденствие оного, то и надлежит пределы обстоятельно рассмотреть и с точностью постановить»[107].

Как справедливо отмечает В. М. Пасецкий, осветивший участие декабристов в географических исследованиях, при создании Конституции и «Русской Правды» «их авторы опирались как на достижения общественно-политической мысли, так и на успехи географической науки. Более того, первая глава „Русской Правды", рассуждающая „о границах государства, о разделении земельного пространства оного" и показывающая, „где обретается Российское государство", в основе своей является географическим исследованием»[108]. Постановка в «Русской Правде» задач определения территории и границ государства была подготовлена изучением декабристами истории образования Российского государства, географии страны, истории ее отношений с соседними странами и народами, хорошим знанием современных отношений с ними. Декабристы внимательно следили за всеми современными им внешнеполитическими акциями российского правительства, за международной обстановкой в Европе и в Азии. Они придавали большое значение углублению своих познаний о жизни сопредельных с Россией народов, в том числе восточных. Особенно ценный материал по всем этим вопросам содержится в творческом наследии П. И. Пестеля, Г. С. Батенькова, А. О. Корниловича, А. А. Бестужева, Е. Е. Лачинова, В. Д. Вольховского, А. А. Жемчужникова, М. С. Лунина и других декабристов, а также члена Священной артели Н. Н. Муравьева. Дальнейшее изучение всех этих вопросов было продолжено декабристами уже в годы ссылки, когда многие из них были сосланы в Сибирь, другие отправлены в действующую армию на Кавказ.

Принимая за основу существующие внешние границы России, П. И. Пестель предполагал их частичное изменение и давал этому свою мотивировку. В «Русской Правде» при определении будущей территории страны предполагалось включение в нее всего Закавказья, Северного Кавказа, Молдавии, «Киргизских земель», а также решение пограничных вопросов с Китаем на Дальнем Востоке. Будучи решительным противником федеративного устройства новой России, Пестель проводил идею централизации по отношению ко всем частям Российской республики.

В «Русской Правде» были сформулированы принципы установления пограничных линий: «Внешние границы тем бывают лутчими, чем бóльшее количество препятствий представляют для перехода через оные и для сообщений между государствами, исключая тех мест, которые для сего предмета самим правительством назначены»[109]. В «Русской Правде» намечалось конкретное проведение линии границ и давалась ей своя аргументация[110]. По замечанию академика М. В. Нечкиной, однако, «нельзя в деталях сопоставить представление о границах России в более ранней и более поздней редакциях „Русской Правды", поскольку ранняя редакция не дошла до нас в главе, трактующей о границах государства, а „Конституция Государственный завет", дошедшая до нас в копии П. Борисова, опускает перечисление границ, заменяя их рядом точек»[111]. Представление о намечаемых «Русской Правдой» европейских и закавказских границах дает приложенная Пестелем к своему политическому проекту «Карта европейской России». На этой контурной карте, составленной в 1818 г. в Военно-топографическом депо, Пестелем были намечены возможные внешние границы «новой России», а также границы областей, округов и губерний. Видно, что в целом внешние границы соответствуют содержанию статей «Русской Правды» о землях «племени молдавского», «народов кавказских» и пр., а также отражают идею отделения Польши и превращения ее в самостоятельное государство.

В тексте самой «Русской Правды» заявлялось, что «обнародываются следующие границы Российскому государству: на север: Ледовитое море. На восток: Большой океан. На юг: Китай, Саянские и Алтайские горы, Туркестан, Бухария, непроходимые пески между Каспийским и Аральским морями, Персия, Турция, Черное море, Дунай и Валахия. На запад: Венгрия, Польша, Пруссия, Балтийское море, Ботнический залив и Швеция»[112]. И далее подчеркивалось, что «подробности сего границоположения предоставляются благоусмотрению Временного Верховного правления, обязанного из общих сих назначений не выходить»[113].

Вопрос о границах между Россией и Польшей был одним из важных и к тому же дискуссионным на встречах руководителей Южного и польского Патриотического тайных обществ. Он не был окончательно решен и во второй редакции «Русской Правды», и в 1825 г., когда Пестель вносил в нее дополнения о внешних границах Российской республики[114]. Трудность его решения в значительной мере определялась политической платформой руководителей Патриотического тайного общества. К объединительному съезду Южного и Северного обществ, намеченному на 1826 г., который должен был утвердить единую политическую программу, Пестель намеревался представить свои соображения о линии границы между Польшей и Россией. Он предполагал пересмотреть свою позицию в отношении территориальных уступок полякам и, учитывая мнения других членов декабристских тай-

ных обществ, определить территорию польского государства, исходя из этнографического принципа.

В Конституции Н. М. Муравьева, которая не рассматривала так детально, как «Русская Правда», вопросы о границах России, тем не менее тоже совершенно отчетливо проходит идея о предоставлении территориальной самостоятельности Польши и отделении ее от Российского государства[115]. По-видимому, Конституцией проектировалось создание личной унии между Россией и Польшей.

Политические мотивы возможности присоединения Молдавии к России были высказаны декабристами при разработке проектов освобождения балканских народов от национального гнета Османской и Австрийской империй, при поисках путей оказания им помощи и поддержки со стороны России. Определенное значение при постановке в «Русской Правде» вопроса о целесообразности включения Молдавии в состав Российской республики имела задача укрепления границ. Введение в Молдавию турецких войск после начала греческого восстания под руководством А. Ипсиланти осложнило обстановку на южной границе России, подвергло опасности жителей пограничной полосы и даже делало возможным вторжение турецких войск на территорию России. П. И. Пестель, хорошо знавший обстановку лета 1821 г. в приграничной полосе, обратил особое внимание в «Русской Правде» на этот вопрос. В освобожденной с помощью России от османской зависимости Молдавии (по планам «Русской Правды») предполагалось установление прогрессивных общественных порядков. В тех конкретно-исторических условиях их сохранение и упрочение могло обеспечить вхождение Молдавии в состав России после ликвидации в ней самодержавно-крепостного строя.

На Кавказе «Русская Правда» считала целесообразным включить в состав России «те земли горских кавказских народов, России не подвластных, которые лежат к северу от границ с Персиею и Турциею, а в том числе и западную приморскую часть Кавказа, Турции ныне принадлежащую»[116]. При определении кавказских владений и закавказских границ в «Русской Правде» принимались во внимание не только стратегические и экономические интересы, но и интересы самих закавказских народов, их жизненные потребности развития по пути прогресса, что было невозможно при их порабощении азиатскими деспотиями — Османской империей и шахским Ираном. В документе обращалось внимание и на этнографический фактор. Так, наряду с другими мотивами целесообразность присоединения причерноморской полосы обосновывалась этнической общностью народов, там обитающих и вошедших ранее в состав России. В «Русской Правде» подчеркивалось, что «западная, приморская часть Кавказа, Турции принадлежащая, населена теми же племенами, которые жительствуют и в частях Кавказа, России принадлежащих»[117]. Критикуя национально-колониальную политику царизма на Кавказе,

декабристы разрабатывали планы подъема экономики края, придавали большое значение развитию через Закавказье экономических связей с восточными странами, что, по их мнению, должно было способствовать и усилению престижа Российской республики в Азии, и «обогащению государства» [118].

Напряженная международная обстановка на Среднем Востоке в связи с расширением региона Восточного кризиса 20-х годов, использование ее султанским и шахским правительствами в своих реваншистских замыслах по отношению к некоторым закавказским землям России, их стремление к пересмотру Бухарестского (1812 г.) и Гюлистанского (1813 г.) мирных договоров — все это наложило свой отпечаток на взгляды Пестеля по кавказскому направлению внешней политики Российской республики, активизировало к нему внимание «Русской Правды». Однако в документе задачи были сформулированы более ограниченно, чем это намечал Пестель в своих других работах. Это объяснялось прежде всего тем, что «Русская Правда» являлась наказом Временному революционному правительству, полномочия которого ограничивались конкретным сроком. В подготовительных материалах для «Русской Правды» Пестель изложил свои представления о задачах политики России на Кавказе в широкой исторической перспективе.

К середине 1825 г., когда Пестель вносил некоторые коррективы в отдельные статьи и положения «Русской Правды», в ней были уточнены задачи «новой России» в восточном направлении ее внешней политики, сформулированы принципы, которые должны были лечь в основу этой политики. Тогда же рукопись «Русской Правды редактировалась А. П. Юшневским, который «правил» введение и самое начало 1-й главы («О земельном пространстве государства») [119]. Юшневский заострил отдельные формулировки Пестеля, усилил обоснование намеченных границ.

Декабристами была поставлена задача обеспечения безопасности казахского и киргизского народов. В XVIII в. добровольно подданство России приняли казахи Младшего и Среднего жузов, занимавших территорию современного Центрального и Западного Казахстана. Присоединение к России спасло их от физического истребления Джунгарским ханством. Кочевья Старшего жуза (Южный Казахстан) располагались на обширной территории, в том числе в Семиречье [120–121]: в его южной части кочевали киргизы. Этническое ядро киргизов формировалось на Тянь-Шане. Одним из компонентов киргизской народности являются северные киргизы, бо́льшая часть которых под натиском Джунгарского ханства в конце XVII в. передвинулась в Семиречье и южные районы Сибири. В начале XIX в. часть северных киргизов была сосредоточена в Семипалатинской области. «Русская Правда» предполагала составить из территорий, населенных казахами и северными киргизами, «особенный удел, наподобие Донского», что, по мнению ее автора, могло дать «России большие преимущества и твердую с сей стороны безопасность» [122].

Отдельные казахские правители в Младшем и Среднем жузах, подстрекаемые хивинским ханом, вели борьбу за восстановление своих прежних привилегий и даже за отторжение некоторых земель от России. Однако их реставраторские намерения не получали одобрения и поддержки со стороны широких народных масс. Отряды, возглавляемые враждебными России казахскими феодалами, были немногочисленны, терпели поражение и рассеивались. Центростремительные силы, направленные на прочное единение с Россией, поддерживались трудящимися массами казахского народа, были значительно сильнее сил центробежных[123]. «Русская Правда» четко формулировала задачи защиты казахского и киргизского народов от внешней опасности, предполагала оказание помощи краю в его экономическом и культурном развитии, что отвечало интересам этих народов и всей страны в целом. «Русская Правда» определяла такое направление политики «касательно киргизских земель потому, что сии прекрасныя места, изобилуя всеми произрастениями, могли бы обратиться в отличную страну, которая бы обогащала Россию многими произведениями природы и многими способами для самой выгоднейшей и деятельнейшей торговли... К тому же находятся сии народы под покровительством России и, следовательно, не имеет на них права никакая другая держава; они же сами не могут иметь самостоятельную независимость»[124]. Этот вывод «Русской Правдой» был сделан на основе сформулированных ею (рассмотренных нами выше) «права народности» и «права благоудобства».

В «Русской Правде» был затронут и такой важный вопрос, как разграничение земельных владений России и Китая в Приамурье. Как свидетельствуют приведенные нами выше высказывания декабристов, вопрос о пересмотре условий Нерчинского договора 1689 г. весьма волновал представителей передовой России. Они единодушно отмечали, что условия этого договора по территориальным вопросам были насильственно навязаны России, что сам договор был заключен в крайне неблагоприятной обстановке для российского посольства. Из-за отсутствия достоверных географических представлений о местности к востоку от реки Горбицы договор о мире между Россией и Китаем, однако, лишь приблизительно определял контуры будущего размежевания земель. Эта огромная территория фактически оказалась неразграниченной. Представители передовой России в первой четверти XIX в. выступали с требованием возвращения России левобережья Амура. Эти вопросы ставила и «Русская Правда»: «чтобы все течение Амура, начиная от озера Далая, принадлежало России»[125].

Так, во взглядах передовых представителей России отразилось понимание важности для страны упрочения позиций на восточных рубежах, возвращения в ее состав русских территорий, отторгнутых Цинской империей по Нерчинскому договору, а также оставшихся тогда неразграниченными. Эти земли были открыты русскими землепроходцами еще в первой половине XVII в. и тогда

же активно осваивались и заселялись русскими поселенцами. Пестель подчеркивал, что эти приамурские земли «находятся под мнимым владением Китая... а следовательно, для Китая бесполезны»[126]. Декабристы остро ощущали потребности страны в освоении Приамурья и Приморья, в создании дальневосточного флота, в развитии и упрочении широких политических и экономических связей со странами Азии. Обосновывая в «Русской Правде» позиции декабристов по этим вопросам, Пестель писал, что освоение Приморья и Приамурья доставило бы «России выгоды и преимущества для ее торговли, а равно и для устроения флота на Восточном океане»[127].

Одним из источников для разработки декабристами, и в первую очередь Пестелем, вопроса о сибирских народах, присоединенных к России, о ее восточных границах и народах этой приграничной полосы стали труды декабриста Г. С. Батенькова. Известен был также П. И. Пестелю «Устав об управлении инородцами», получивший с 1822 г. силу закона. И если Пестель в «Русской Правде» при перечислении «различных племен, к России присоединенных», употребляет принятые официальные названия («народы кочующие», «племя татарское»), то отношение к ним, взгляд на управление ими глубоко отличны от подхода царизма. Пестель называет эти народы «нашими братьями», распространяет на них общегражданские права и ставит задачу подъема их жизненного уровня и культуры. «А по сему,— подчеркивает он,— священная возлагается обязанность на Временное верховное правление, обязанность глубокое обратить внимание на сии народы». Им же намечается широкий круг мероприятий, направленных на подъем их благосостояния.

Признавая целесообразным некоторое расширение территории Российской республики, включение в ее состав новых народов, «Русская Правда» заявляла отказ от национально-колониальной политики, проводимой царизмом. Все новые окраинные земли должны были стать равноправными частями государства, а не ее колониальными владениями. «Что же касается до колоний, то не имеет Россия других, кроме однех Северо-Американских...» — писал Пестель. Предполагалось, что сначала Временное революционное правительство при управлении ими будет проводить политику, аналогичную политике в отношении восточносибирских народов: «по сходству их (народов Русской Америки.— *О. Ор.*) с восточными народами сибирскими подлежат они одинаковым с ними мероприятиям»[128]. Обосновывая это положение, Пестель подчеркивал, что состояние колониальных народов всегда особенно тяжелое, примером чему для России является жизнь народов, находящихся под властью Российско-Американской компании. Он писал, что «должны непременно сии народы от нея быть совершенно освобождены»[129]. Богатый материал для таких заключений Пестеля давали официальные отчеты Российско-Американской компании, публиковавшиеся в русской печати, и, что особен-

но важно, наблюдения тех декабристов, которые, как К. Ф. Рылеев, служили в Главном правлении компании или в какой-то мере, как Д. И. Завалишин, были непосредственно знакомы с ее деятельностью.

Негативное отношение Пестеля к национально-колониальной политике царизма стимулировало выработку им иных принципов, основываясь на которых, по его представлениям, должна была строиться политика «новой России» в отношении колоний. Так, он подчеркивал, что «общее же правило в отношении колоний состоит в том, что ими надо управлять таким образом, чтобы возможность была даровать им независимость, есть ли оне достаточно сделаются сильными, дабы оною пользоваться, и потому надо ими управлять более в виде покровительства, чем в виде полного обладания» [130].

Декабристы критически оценивали не только национально-колониальную политику царизма, но и правящих кругов других европейских государств. Особенно явственно это прослеживается на их отношении к колониальной политике Англии, а также к политике национальной дискриминации, проводимой правительством Соединенных Штатов Америки. Еще в 1817 г. Н. И. Тургенев, например, характеризуя внешнюю политику английского кабинета, писал, что Англия использовала в прошлом и использует в настоящем любое осложнение международной обстановки в Европе в своих внешнеполитических целях, не заботясь об урегулировании отношений между европейскими государствами. Эту цель он видел в стремлении Англии к господству на морских просторах, к расширению колониальных владений. Так, освещая политику Англии во время Великой французской революции конца XVIII в. и в период наполеоновских войн начала XIX в., Н. И. Тургенев замечал: «Поведение английского кабинета во время революции, конечно, более соответствовало частным выгодам сего государства, нежели общим выгодам Европы. Война во время революции была неоспоримо выгодна для Англии... Никогда владычество англичан на море не было столь велико, как в сию эпоху; никогда они не приобрели столько в колониях, как тогда... Во всех предприятиях Питт имел в виду исключительную пользу Англии, а не общую пользу государств европейских. Такая тесная политика споспешествовала завоеваниям французов на твердой земле» [131].

«Русская Правда» приводила в качестве одного из примеров хищнического отношения к природным богатствам колоний, жесточайшей эксплуатации местного населения деятельность Ост-Индской компании. Эта компания английских купцов была основана в 1600 г. в основном для торговли с Индией и некоторыми другими странами Южной и Юго-Восточной Азии. Постепенно она превратилась в государственную организацию по управлению английскими владениями в Индии и их эксплуатации. Формулируя «правила, утверждающие свободный ход промышленности и опре-

деляющие хозяйственные действия», «Русская Правда» декларировала запрещение постоянных компаний, подобных «английской Ост-Индской» или «нынешней Американской». Поскольку Ост-Индская компания являла собой наглядный пример превращения частного предприятия в государственное по эксплуатации колоний, то в политическом проекте декабристов было особо подчеркнуто, что «правительство должно от всяких монополий непременно отказаться и таковые частным людям всемерно воспрещать»[132].

Декабристы резко осуждали рабство негров в США, считая его еще более позорным явлением, чем крепостное право. Положение негров в США специально изучал Н. И. Тургенев во время своего проживания во Франции в качестве политического эмигранта, заочно осужденного Верховным уголовным судом в 1826 г. в связи с участием в движении декабристов. Из сибирской ссылки М. С. Лунин гневно писал о рабовладении в Америке: «Рабство, несовместное с духом времени, поддерживается только невежеством и составляет источник явных противоречий по мере того, как народы успевают на поприще гражданственности. Прискорбный, но полезный пример этой истины предоставляют Американские штаты, где рабство утверждено законом». Раскрывая и бичуя лицемерие американской конституции, он продолжал: «Признав торжественно равенство людей пред законом как основное начало их Конституции, они виселицею доказывают противное и приводят оттенки цвета в оправдание злодейств, оскорбляющих человечество»[133].

«Русская Правда» намечала разработку и проведение мер по подъему экономической и культурной жизни окраин страны, которые должны были стать ее неотделимой частью, а их народы пользоваться правами и обязанностями, одинаковыми с другими народами, населяющими Россию.

Пестель ощущал трудность соединения «права народности» с «правом благоудобства». Он отдавал предпочтение последнему, высказывался за централизованное многонациональное государство, но в котором, согласно «Русской Правде», должны были действовать одинаковые «государственные и гражданские законы». Они, по представлению Пестеля, «произведут ту совершенно крепкую и истинно тесную связь в государстве, коея существование столь благодетельно». Идея уравнивания в гражданских правах всех народов России была важным завоеванием общественно-политической мысли декабристов. По «Русской Правде» декларировались для всех народов основные свободы — свобода печати, вероисповедания, гласность суда, и др. Каждая вера могла свободно исповедоваться в государстве, запрещались же «вредные обычаи», как многоженство у мусульман, работорговля; раскрепощалась восточная женщина. Сразу же после революции Пестель предполагал создание возможно более благоприятных условий для избавления ряда нерусских народов от нищеты и невежества, для их скорейшего просвещения.

Вместе с тем во взглядах Пестеля на национальный вопрос в весьма существенной форме проявились и черты классовой ограниченности его воззрений дворянского революционера[134]. Так, провозглашение им идеи объединения всех народов, населяющих Российское государство, в один народ, свидетельствовало об игнорировании им национальных особенностей, самобытной культуры и многих других сторон жизни этих народов. По представлению Пестеля, подъем отсталых народов и включение их в общий поток развития страны по пути прогресса могли произойти только в результате утраты национальных особенностей народов и слияния «своей народности с народностью господствующего народа», только при составлении единого народа. Пестель в силу классовой ограниченности своих воззрений не мог найти путей к подлинно демократическому решению национального вопроса[135]. Взгляды Пестеля и других декабристов на национальный вопрос, поиски ими путей его решения свидетельствуют также о трудностях развития передовой общественно-политической мысли, о сложности процесса выработки правильной революционной теории.

Проведение нового внешнеполитического курса после переустройства старого общественно-политического строя России революционным путем должны были осуществлять специальные государственные ведомства. Декабристы уделяли большое внимание планам создания этих ведомств. Наряду с П. И. Пестелем значительный вклад в разработку этих вопросов внес Н. М. Муравьев. По Конституции Н. Муравьева (в ее 2-й редакции, законченной в 1824 г.), законодательная власть в стране должна была принадлежать двухпалатному парламенту, называемому Народным вечем. Исполнительная власть осуществлялась наследственным императором, который провозглашался «верховным чиновником Российского государства». По сути дела он не располагал законодательными полномочиями, имея лишь право отсрочки, но не отозвания законов.

Считая целесообразным создание в послереволюционной России федерации держав, Н. Муравьев в то же время разрабатывал систему их прочной связи. Анализ разных вариантов его Конституции показывает, как творчески он работал над этими вопросами, продумывая пределы компетенции Народного веча и «правительствующей власти каждой державы». Охватывая своей деятельностью разные стороны государственного управления и общественной жизни, Народное вече приобретало право «издать для России уложение гражданское, уголовное, торговое и военное», объявлять военное положение во всей стране, а также назначать регента или провозглашать наследника императора. Все это свидетельствовало о том, что державы находились в юридической зависимости от центральной государственной власти, что способствовало прочному объединению всей федерации. Это было необходимо прежде всего для решения огромного круга задач, которые намечались после свержения старого строя, а также для обеспе-

чения бо́льшей безопасности страны от возможных контрреволюционных акций внешнеполитических сил, для укрепления международного престижа в Европе. Опыт Великой французской революции, европейских революций начала 20-х годов XIX в. показал актуальность решения внешнеполитических проблем.

Критическое изучение опыта и исхода западноевропейских революций указало Никите Муравьеву и его единомышленникам на необходимость выдвижения также ряда таких положений, которые бы ограничивали полномочия императора в области ведения внешнеполитических дел. «Кроме мирных трактатов, отчетов, представляемых Народному вечу о состоянии России, предложение мер или издание законов, грамот посланникам, чиновникам империи и законов, учрежденных Народным вечем, император не подписывает ни одной бумаги», — так говорилось в X главе этой Конституции. В ней же заявлялось о запрещении императору выезжать за пределы Отечества. «Выезд императора из России не иначе поставляется, как оставлением оной и отречением от звания императорского...» [136]. Излагались мотивы этого положения: одним из «важных неудобств» его отъезда из страны становилась возможность действовать во вред интересам российского народа. Примером тому было предательство короля Обеих Сицилий Фердинанда I по отношению к своей стране на Лайбахском конгрессе Священного союза. Реакционный внешнеполитический курс Александра I, его частые выезды из страны для участия в конгрессах Священного союза также стали одной из причин столь пристального внимания членов Северного общества к этим вопросам.

Без согласия Верховной думы Народного веча император не мог при переговорах с другими державами включать пункт об объявлении войны третьей державе или об уступке каких-либо земель, принадлежащих России. Мирные трактаты и другие акты могли быть подписаны императором только при одобрении их двумя третями представителей Верховной думы [137]. Такие положения Конституции наносили удар старым представлениям о дипломатии как тайне тайн, которою она была при абсолютизме. В дипломатии абсолютных монархий большую роль играли не только династические интересы, но и личные склонности самого монарха или его клевретов, что подчас наносило значительный урон национальным интересам страны. Как это видно из рассмотренных выше работ П. И. Пестеля, им были также разработаны новые основы ведения дипломатии, высказаны интересные соображения по поводу круга обязанностей дипломатических представителей разных рангов. Все они сводились к тому, чтобы дипломатия как часть политической надстройки, как одно из средств ведения внешней политики государства служила национальным интересам, «благоденствию народа».

По Конституции Н. М. Муравьева император считался начальником сухопутных и морских сил, но он не должен был иметь права личного командования войсками, что было оговорено, на-

пример, в действующей тогда английской конституции. В замечаниях на Конституцию декабриста К. П. Торсона специально выдвигалось это условие, дабы не дать возможности внутренним и внешним контрреволюционным силам в случае их выступления против революции объединиться под командованием императора. В замечаниях В. И. Штейнгеля на положение Конституции об императоре как «верховном начальнике сухопутной и морской силы» было выражено его неодобрение и подчеркнуто, что «худо вверять такую силу такому человеку, с которым надобно быть в беспрестанной борьбе»[138].

Анализ Конституции Никиты Муравьева позволяет сделать также вывод, что провозглашаемая ею конституционная монархия по своим основным принципам была близка принципам республики с президентом во главе. Видимо, идея наследственной монархии отстаивалась Муравьевым больше по тактическим соображениям (традиции, привычка народа к такой форме политического правления).

Идея «республиканской монархии», как назвал ее Мабли, имела вообще широкое распространение в XVIII—XIX вв. Руссо писал, например, что он считает «республикой всякое государство, управляемое законами, в какой бы то ни было административной форме»[139]. И в период Французской буржуазной революции, и после нее замечалось еще нечеткое противопоставление конституционно-монархического строя и республиканского правления. Главное, что объединяло в представлениях обе формы правления,— власть, ограниченная законом. В то же время это было одним из свидетельств и весьма ограниченного характера той формы республиканского правления, идеи которой получили значительное распространение.

Один из руководителей Северного общества, К. Ф. Рылеев, защищая республиканские принципы политического строя, в то же время считал возможным сохранение названия «монархия». Как он говорил Пестелю, «удобнейшим для России кажется областное Северо-Американской республики [правление] при императоре, которого власть не должна много превосходить власти президента Штатов». В этом же Рылеев убеждал Муравьева, считая полезным «сделать в написанной им Конституции некоторые изменения, придерживаясь Устава Соединенных Штатов, оставив, однако, формы монархии».

После петербургских совещаний 1824 г., целью которых было объединение всех сил декабристов для готовившегося открытого выступления против царизма, в Северном обществе рылеевское направление значительно упрочило свои позиции. Рылеев и рылеевцы сыграли большую практическую роль в том, что при выработке совместного плана действий обоих обществ была принята идея республиканской по своему содержанию конституции.

Так, хотя Конституция Муравьева была ограниченнее «Русской Правды», но и она наносила существенный удар самодержавно-

крепостническим порядкам, расчищала дорогу новому строю.

Конституция Муравьева — это оригинальный политический документ, отражавший представления автора и его единомышленников о характере возможного будущего государственного устройства страны. Она внесла также немалую лепту в разработку передовой общественной мыслью России внешнеполитических вопросов.

Защита территориальной целостности и национальной независимости революционной России, оказание всесторонней помощи и поддержки другим народам в их борьбе за социальное и национальное освобождение, упрочение престижа государств с новым общественным строем на международной арене становились одними из важнейших задач высших законодательных и исполнительных органов страны. Формирование Приказов внешних сношений, сухопутных сил (Военное министерство), морских сил (Морское министерство) намечала Конституция Муравьева в главе X («О верховной исполнительной власти»). По свидетельству М. П. Бестужева-Рюмина, «Русская Правда» намечала создание 10 министерств, в число которых входили Министерства внешних сношений, военных сухопутных сил и морских сил [140]. Они являлись высшими исполнительными органами «новой России» в проведении внешнеполитического курса, обеспечении ее обороноспособности. Основной круг задач этих министерств был определен Пестелем еще раньше — в «Записке о государственном правлении». Их деятельность должна была стать подотчетной высшему выборному законодательному органу — однопалатному Народному вечу.

Помимо выполнения Министерством внешних сношений основных политико-дипломатических функций, «Русская Правда» предусматривала также его широкую деятельность по развитию научных и культурных зарубежных связей, оказание помощи в подъеме культуры и просвещения других народов, прежде всего народов Балканского полуострова, Среднего и Ближнего Востока. Ответы Бестужева-Рюмина Следственному комитету помогают реконструировать некоторые (намеченные «Русской Правдой») задачи министерства в этой сфере деятельности. Так, «Русская Правда» предполагала требовать «от послов и прочих агентов, чтобы они сообщали ему (министру внешних сношений.— *О. Ор.*) все те сочинения и открытия, одним словом, все то, что может быть полезно народу или содействовать его просвещению, а он передавал бы это министру просвещения. Так же все люди, чем-либо полезным себя ознаменовавшие, должны быть приглашены в Россию. Для сего предоставлялись им всевозможные выгоды» [141]. П. Г. Каховский в письмах из Петропавловской крепости Николаю I подчеркивал, что декабристы в круг внешнеполитических задач революционного правительства включали оказание помощи народам, в том числе в развитии у них культуры и просвещения. По убеждению Каховского, это было особенно важным потому, что

реакционные «правительства, огражденные миллионами штыков, силятся оттолкнуть народы в тьму невежества»[142].

Специально развитием культурных связей с восточными народами должно было заниматься Министерство духовных дел. Оно должно было узнавать о положении этих народов и оказывать им помощь прежде всего через действия миссионеров, «но только людей самых просвещенных и способных, чтобы они могли сообщать Министерству сведения о степени образования, мыслях и наклонностях тех народов, у которых они будут находиться»[143]. Постановка таких задач была подготовлена проведением ряда научных экспедиций (в том числе в годы формирования декабристского движения), публикацией новых сведений о народах Востока. Значительную роль в этом сыграли представители передовой России, участники движения декабристов. Отражение в политических проектах декабристов культурно-просветительских задач обусловливалось пониманием ими важности развития контактов со странами Востока, оказания помощи и поддержки восточным народам Россией. Обращение особого внимания на эти вопросы со стороны декабристов объяснялось еще и их неудовлетворенностью имевшимися формами контактов, проводимыми царским правительством, методами их осуществления. Значительное место в политических планах декабристов отводилось подъему жизненного уровня коренного населения Русской Америки.

[1] Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921, т. 3, вып. 5, с. 114—115; *Лунин М. С.* Соч. и письма. Пг., 1923, с. 82; Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. 1, с. 9, 430; 1927, т. 4, с. 105; Литературное наследство. М., 1954, т. 59. Декабристы-литераторы, с. 582.

[2] *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958; *Он же.* На путях исторического познания.— В кн.: Декабристы и русская культура. Л., 1975, с. 58—79.

[3] *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, прил. III, с. 303.

[4] Там же, с. 304.

[5] Восстание декабристов. М., 1958, т. 7, с. 116.

[6] *Каховский П. Г.* Из писем.— В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. 1, с. 504.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

[8] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 319; т. 13, с. 356; т. 21, с. 261; т. 26, с. 107; т. 30, с. 315, 318.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

[10] Голос минувшего, 1916, № 10, с. 149.

[11] *Поджио А. В.* Записки декабриста. М., 1930, с. 89.

[12] *Каховский П. Г.* Из писем, с. 508.

[13] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 21, л. 31, 34.

[14] ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 95, л. 12—12 об.; *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 281. Курсив мой.— *О. Ор.*

[15] *Нечкина М. В.* «Русская Правда» и движение декабристов.— В кн.: Восстание декабристов, т. 7, с. 22; *Калягин В. А.* К характеристике ранних политических проектов П. И. Пестеля.— В кн.: Освободительное движение в России. Саратов, 1978, № 7, с. 13—23.

[16] Восстание декабристов, т. 7, с. 235—263.

[17] Там же, с. 237.

[18] Там же, с. 238.

[19] Там же, с. 235.
[20] Там же, с. 236.
[21] Там же, с. 268—273.
[22] Там же, с. 269.
[23] Там же, с. 283.
[24] Там же.
[25] Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света. М., 1812, ч. 4, с. 28.
[26] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 63.
[27] Там же, с. 62.
[28] Там же, с. 228—229, 232.
[29] Сын Отечества, 1816, ч. 27, № 4, с. 138—162.
[30] *Глинка Ф.* Письма русского офицера. М., 1870, с. 15.
[31] Сын Отечества, 1816, ч. 27, № 4, с. 140.
[32] *Нечаев С. Д.* Отечественные известия.— Московский телеграф, 1825, ч. 1, № 4, с. 377.
[33] Старина и новизна, 1905, кн. 9, с. 1—6.
[34] Подробнее см.: *Мухина С. Л.* Безвестные декабристы.— Исторические записки, 1975, т. 96, с. 242—249.
[35] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 1117, л. 26; Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921, т. 3, вып. 5, с. 396.
[36] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 1117, л. 26 об.— 27; Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 396, 397.
[37] Цит. по: *Прокофьев Е. А.* Военные взгляды декабристов. М., 1953, с. 100.
[38] *Дружинин Н. М.* Указ. соч., с. 102.
[39] Цит. по: *Руденская М., Руденская С.* Они учились с Пушкиным. Л., 1976, с. 67.
[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 28, 363, 383.
[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 82.
[42] Трактаты о вечном мире. М., 1963.
[43] Цит. по: История дипломатии. 2-е изд., М., 1959, т. 1, с. 407.
[44] *Радищев А. Н.* Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952, с. 140—141.
[45] *В. М.* [*Малиновский В. Ф.*]. Рассуждения о мире и войне. СПб., 1803, с. 24—58.
[46] Сын Отечества, 1813, ч. 10, № 51, с. 242.
[47] ВПР. М., 1972, т. 8; 1974, т. 9.
[48] *Мартенс Ф. Ф.* Сборник трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1885, т. 7, с. 311—314, 321—323 и след.
[49] Цит. по: *Кучеренко Г. С.* Идеи мирной ассоциации народов в критически-утопическом социализме Сен-Симона и Оуэна.— В кн.: Международные отношения и внешняя политика СССР: История и современность. М., 1977, с. 277—278.
[50] *Алексеев М. П.* Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 188—189.
[51] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 1117, л. 25; Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 396.
[52] *Алексеев М. П.* Указ. соч., с. 160—207.
[53] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М., 1958, т. 7, с. 525—526.
[54] Там же, с. 525.
[55] Там же.
[56] *Алексеев М. П.* Указ. соч., с. 205.
[57] Восстание декабристов, т. 7, с. 385.
[58] ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 473—480.
[59] Восстание декабристов, т. 7, с. 322.
[60] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 1117, л. 21; Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 394.
[61] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 1117, л. 22 об.— 23; Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 395.
[62] ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом), ф. 309, д. 1117, л. 22; Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 394.
[63] *Дружинин Н. М.* Указ. соч., прил. IV, с. 322.
[64] Там же, с. 351—352.
[65] Восстание декабристов, т. 7, с. 114.
[66] Там же, с. 162, 164.
[67] *Лунин М. С.* Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 г.— В кн.: Соч. и письма. с. 61, 62.
[68] Восстание декабристов, т. 7, с. 163.
[69] Там же, с. 385. Мысль о необходимости перестройки армии в новом обществе, о введении всеобщей воинской повинности прозвучала в «Сне» А. Д. Улыбышева — этом «важном документе передовой политической идеологии эпохи „Союза

благоденствия"» (*Нечкина М. В.* Декабристская «утопия».— В кн.: Из истории социально-политических идей. М., 1955, с. 376—384).

70 Восстание декабристов, т. 7, с. 158.

71 *Нечкина М. В.* День 14 декабря 1825 года. М., 1975, с. 44.

72 *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955, т. 2, с. 230—235; *Прокофьев Е. А.* Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953, с. 167.

73 Литературное наследство. М., 1956, т. 60, кн. 1, с. 9; *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма, с. 70.

74 *Орлов М. Ф.* Указ. соч., с. 76.

75 *Якушкин И. Д.* Из «Записок».— В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1, с. 100.

76 Из эпистолярного наследства декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975, с. 100.

77 Там же, с. 72.

78 Сын Отечества, 1816, ч. 27, № 4.

79 *Глинка Ф.* Песнь русскаго воина при виде горящей Москвы.— Сын Отечества, 1818, ч. 45, № 17; *Он же.* Подарок русскому солдату. СПб., 1818.

80 Сын Отечества, 1816, ч. 27, № 6; ч. 29, № 16; ч. 34, № 46.

81 *Орлов М. Ф.* Краткое обозрение военной истории со времен Людовика XIV до наших дней...— Благонамеренный, -1825, № 10; *Нечаев С. Д.* Указ. соч.

82 *Прокофьев Е. А.* Военные взгляды декабристов. М., 1953, с. 108—110.

83 *Прокофьев Е. А.* Указ. соч.; *Мещеряков Г. П.* Русская военная мысль в XIX в. М., 1973; *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974.

84 ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 473, л. 486—487 об.

85 Там же, л. 24.

86 *Жомини А.* Общие правила военного искусства. СПб., 1817, с. 3.

87 Восстание декабристов, т. 7, с. 316—317, 339.

88 Там же, с. 111.

89 *Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1907, с. 100.

90 *Дружинин Н. М.* Указ. соч., прил. III—V, с. 303—366.

91 Восстание декабристов, т. 7, с. 170.

92 Там же, с. 210.

93 Там же, с. 120.

94 Восстание декабристов, т. 4, с. 115.

95 Там же, с. 114.

96 Восстание декабристов. М., 1950, т. 9, с. 59.

97 Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906, с. 42.

98 Восстание декабристов, т. 4, с. 160.

99 Там же, с. 212.

100 Восстание декабристов, т. 7, с. 121.

101 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.

102 Восстание декабристов, т. 7, с. 121.

103 Из писем и показаний декабристов, с. 14.

104 Восстание декабристов, т. 7, с. 121.

105 Там же.

106 Там же, с. 122.

107 Там же, с. 121.

108 *Пасецкий В. М.* Географические исследования декабристов. М., 1977, с. 17.

109 Восстание декабристов, т. 7, с. 136.

110 Там же, с. 124, 424.

111 *Нечкина М. В.* «Русская Правда» и движение декабристов.— Там же, с. 71.

112 Там же, с. 125.

113 Там же.

114 Там же, с. 123—125, 417—418.

115 *Дружинин Н. М.* Указ. соч., прил. IV, с. 325.

116 Восстание декабристов, т. 7, с. 124.

117 Там же (примеч. 7 к с. 124), с. 424.

118 Там же, с. 144.

119 Там же, с. 418.

120–121 Семиречье — обширная территория, обводняемая семью реками: Чу, Талас, Или, Каратал, Аксу, Лепса и Аягус.— *Примеч. автора.*

122 Восстание декабристов, т. 7, с. 124—125.

123 ВПР. М., 1979, т. 11, док. 28, 71, 116, 159—161; *Бекмаханова Н. Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII — 60-е годы XIX в. М., 1980, с. 227.

124 Восстание декабристов, т. 7, с. 124.

125 Там же, с. 124. Оз. Далай (Далайнор) связано протокой с р. Аргунь, которая после слияния с р. Шилкой образует р. Амур.— *Примеч. автора.*

126 Там же, с. 125.

127 Там же.

128 Там же, с. 140, 145—146.

129 Там же, с. 146.

130 Там же, с. 140.

131 Архив братьев Тургеневых, т. 3, вып. 5, с. 55.

[132] Восстание декабристов, т. 7, с. 206.

[133] *Лунин М. С.* Письма из Сибири.— В кн.: Соч. и письма, с. 49.

[134] Подробнее см.: *Нечкина М. В.* «Русская Правда» и движение декабристов, с. 70.

[135] Печать ограниченности классовых воззрений декабристов на пути разрешения национального вопроса лежит и на Конституции Н. М. Муравьева. В его Конституции фактически проводилась не идея создания федерации держав, которые бы строились по национально-территориальному принципу, а идея разделения страны на естественно-хозяйственные комплексы. И хотя во второй редакции Конституции был внесен ряд поправок в определение территорий отдельных держав, в целом национальный принцип в ней до конца не был соблюден. Так, оставалась раздробленной Украина. Из нее выделялась Украинская держава со столицей в Харькове, и Черноморская — со столицей в Киеве.: См.: *Дружинин Н. М.* Указ. соч., прил. IV, с. 325.

[136] Там же, с. 338—339.

[137] Там же, с. 336.

[138] Там же, с. 335.

[139] *Руссо Ж.-Ж.* Общественный договор. М., 1906, с. 27.

[140] Восстание декабристов, т. 9, с. 58—59.

[141] Там же.

[142] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1, с. 502.

[143] Восстание декабристов, т. 9, с. 59.

Заключение

Движение декабристов было порождено насущными потребностями и задачами своей страны, явилось выражением подъема общественного сознания в России. Оно имело огромное значение для дальнейшего формирования освободительной борьбы в России, для развития революционных традиций. Характеризуя «три поколения, три класса, действовавшие в русской революции» [1], В. И. Ленин дал глубоко научный анализ последующих этапов революционной борьбы в России, вскрыл разницу между «дворянской революционностью декабристов,— разночинно-интеллигентской революционностью офицеров-народовольцев,— и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века» [2]. И в то же время В. И. Ленин показал, что все последующие поколения российских революционеров сохраняли, отстаивали и развивали те лучшие традиции освободительного движения, которые были заложены их предшественниками, в том числе декабристами.

Политические задачи, поставленные декабристами, объективно были задачами буржуазной революции. Но декабристы не выступали как идеологи буржуазии, что нашло отражение и в их внешнеполитических воззрениях. Новые принципы внешней политики и дипломатии, разработка которых была начата декабристами, отражали изменения в исторической эпохе, главным содержанием которых был процесс смены феодализма более прогрессивным для того времени буржуазным строем. На основе сформулированных в декабристской среде, и прежде всего идеологами движения декабристов, новых принципов внешней политики в программных документах декабристов был определен внешнеполитический курс и намечена внешнеполитическая программа страны после ее освобождения революционным путем от оков самодержавно-крепостнического строя. Их передовой для своего времени характер наиболее отчетливо проявился в ряде политических сочинений декабристов, в социально-политической программе П. И. Пестеля, оформившейся в духе республиканских и демократических требований, а также в идеях «Общества соединенных славян». Определяла передовой характер внешнеполитических воззрений декабристов их антифеодальная направленность. Декабристы рассматривали внешнюю политику, призванную регулировать взаимоотношения между государствами и народами на международной арене, как политику, направленную на обеспечение целостности и независимости «новой России», «благоденствия» ее народа, на поддержание освободительной борьбы зарубежных народов, на под-

держание условий для их развития по пути прогресса. Конечно, нельзя не учитывать разные точки зрения среди декабристов на отдельные внешнеполитические вопросы и, главное, то, что взгляды декабристов носили печать классовой ограниченности воззрений дворянских революционеров. Во взглядах декабристов на внешнюю политику, в их внешнеполитических проектах проявились общедемократические идеи, сочетавшиеся с утопическими воззрениями, а также с идеями дворянского либерализма. Все эти черты весьма характерны для дворянской революционности, которая в дальнейшем прошла сложный и трудный путь развития.

Задачи защиты революционных завоеваний в своей стране, оказания помощи и поддержки в освободительной борьбе народам других стран заняли одно из центральных мест во внешнеполитических взглядах декабристов. Позиции декабристов в связи с европейскими революциями, национально-освободительным движением балканских народов, критика ими контрреволюционной политики Священного союза, поиски путей единения революционных сил — одно из важнейших свидетельств прогрессивности внешнеполитических взглядов и планов первых русских революционеров.

Проблемы войны и мира, издавна волновавшие умы человечества, также нашли свое отражение во взглядах декабристов, сделавших попытку рассмотреть эти вопросы в теоретическом плане и наметить пути к достижению «всеобщего мира».

Декабристы подвергли критике военно-феодальные методы политики царизма на Кавказе, противопоставили им политику мирного освоения Кавказа (путем развития с его народами торгово-экономических и культурных связей) и намечали, исходя из уровня своих представлений о возможности решения кавказских дел, проекты разных планов. Декабристы показали понимание объективно-прогрессивных последствий присоединения Восточной Армении к России, внесли свою немалую лепту в борьбу за ее освобождение от владычества империи Каджаров. Проблема освобождения народов имела в представлениях декабристов решающее значение в широком комплексе вопросов, составлявших в совокупности так называемый Восточный вопрос, рост международных противоречий вокруг которого привел к Восточному кризису 20-х годов XIX в.

Деятели декабристского движения, прежде всего его идеологи, показали широкую перспективность мышления при постановке задач дальнейшего развития восточного направления внешней политики России, возвращения ей насильственно отторгнутых в конце XVII в. Цинской империей русских приамурских земель. При обосновании задач России в области внешней политики декабристы уделяли значительное внимание экономическим вопросам, развитию внешнеэкономических связей России, а также упрочению ее научных и культурных отношений со странами Запада и Востока.

В истории российского освободительного движения важную роль играли международные связи передовой России, идеи солидарности народов. В исследовании этих проблем большое значение имеет выявление воздействия опыта декабристов, их идеологии на процесс формирования революционной мысли в России, на развитие интернациональных традиций в революционном движении. Внешнеполитические взгляды декабристов, их проекты внешнеполитических планов углубляют представления об идейно-политических воззрениях декабристов, о месте и роли декабризма в общем потоке развития передовой общественной мысли человечества.

Историческая эпоха, в которую жили и действовали декабристы, исторические особенности российской действительности, на почве которой формировались их идейные воззрения, наложили на взгляды этих представителей дворянской революционности в России свой отпечаток. Но, как указывал В. И. Ленин, «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»[3]. Декабристы, опираясь на идеи передовых русских и зарубежных мыслителей XVIII — начала XIX в., внесли свой вклад в разработку теоретических вопросов внешней политики. И если новые принципы внешней политики, взаимоотношений с народами, на которых строились внешнеполитические проекты декабристов, как и сами эти проекты, не могли быть тогда воплощены в жизнь, то они имели большое значение для деятельности последующих поколений российских революционеров, в их поисках путей освобождения России от пут старого строя, защиты революционных завоеваний в своей стране и в других странах, в постановке задачи единения революционных сил.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 356.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 178.

Принятые сокращения

АВПР — Архив внешней политики России Историко-дипломатического управления МИД СССР

АКАК — Акты Кавказской Археографической комиссии

ВПР — Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея

ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина

ОР ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ОР ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом) — Отдел рукописей Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

РИО — Сб. Русского Исторического общества

ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР

ЦГВИА СССР — Центральный государственный военно-исторический архив СССР

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР

Указатель имен

Аббас-Мирза 129, 132—134, 152—156, 168, 169
Абовян Х. 171, 181
Авенариус А. А. 126
Агаян Ц. П. 13, 179, 181
Азадовский М. К. 143, 179
Аксенов К. 223
Акулов Н. П. 160
Александр I 17—19, 21—24, 27, 28, 32, 37, 38, 44, 45, 58, 62—65, 68—72, 79—82, 85, 86, 88, 93, 96, 100, 108, 110, 112, 122, 126, 127, 129, 142, 148, 149, 151, 153, 156, 175, 180, 188, 189, 193, 207, 216, 218, 230, 232, 233, 237, 240, 241, 250, 267
Алексеев А. И. 224, 225
Алексеев М. П. 271
Али-паша Тепелена 91, 110
Анджелони Л. 30, 73
Андреев В. 166, 181
Анжу П. Ф. 221
Аракчеев А. А. 21, 246
Арическу К. 95
Арсений Гагович 102
Арсеньев К. И. 68, 221
Арш Г. Л. 88, 122, 123
Аслан-бей 148
Ахатес 92
Аштаракеци Н. 171, 172

Бажова А. П. 122
Базар С.-А. 43
Байрон Д. Г. 63, 75
Баранов А. А. 214, 215
Бартенев П. И. 132
Бархударян В. Б. 178
Басаргин Н. В. 22, 72, 107, 179
Батеньков Г. С. 12, 70, 185, 186, 204—207, 209, 216, 221, 223, 224, 258, 263
Баффо Дж. 66
Бекмаханова Н. Е. 272
Бекович-Черкасский А. 189, 190
Беллинсгаузен Ф. Ф. 205
Беляев А. П. 50, 70, 186, 204, 219, 225
Бенкендорф А. Х. 163, 200
Берг Ф. С. 194, 195, 222
Бересфорд У. Ч. 47
Берже А. П. 180
Беррийский, герцог 42
Берти Дж. 56, 74
Бескровный Л. Г. 73, 181, 272
Бестужев А. А. (Бестужев-Марлинский) 42, 162, 164, 171, 176, 181, 221, 222, 254, 258
Бестужев М. А. 25, 50, 205, 210
Бестужев Н. А. 75, 185, 186, 204, 205, 216, 220—223, 248
Бестужев Павел А. 163, 164, 181
Бестужев Петр А. 160, 163, 164, 176, 177, 181
Бестужев-Рюмин М. П. 54, 58, 108, 109, 114, 115, 117, 118, 120, 239, 254, 269
Бестужевы, братья 12, 182, 223
Богомолов И. 180
Бодиско Б. А. 160, 162
Болховитинов Н. Н. 9, 13, 214, 218, 224, 225
Бональд Л.-Г. 19, 243
Борисов А. И. 40, 115
Борисов П. И. 40, 113—115, 259
Боровков А. Д. 150
Бороздный В. 179
Браутон У. Р. 211
Броневский С. М. 101, 145, 221
Брут М.-Ю. 59
Булгаков А. Я. 75
Булгарин Ф. В. 173
Булдаков М. М. 220
Бурбоны 30
Бурцов И. Г. 10, 11, 66, 96, 104, 105, 107, 130, 131, 140, 145, 146, 149, 160, 162—164, 166, 167, 171, 178, 181, 192, 231, 236, 245, 249—251
Бутурлин Д. П. 104, 105, 107, 236, 237, 242
Быконя Г. Ф. 223
Бюше Ф. 43

Васильчиков И. В. 48, 65
Васильчиков Н. А. 160
Ватейшвили Д. Л. 178, 180
Веденяпин Ал. В. 160
Вейденбаум Е. Г. 179
Бейсс Ф. Р. 239
Веллингтон А. 64, 250
Вельтман А. Ф. 91
Вентури Ф. 56
Виктор-Эммануил I 28

Виллок 153
Витгенштейн П. Х. 96, 98
Вишневский Ф. Г. 160, 185
Вишницер М. 73
Владимиреску Т. 68, 86, 100
Власопуло И. Н. 81
Воейков Н. П. 128, 135, 137, 138
Волк С. С. 75, 76, 270
Волконский С. Г. 26, 30, 58, 59, 73, 85, 147, 150, 151, 208, 224
Волконский П. М. 48, 65, 98, 136
Вольтер (Ф. М. Аруэ) 19, 66, 227
Вольховский В. Д. 11, 162—164, 166, 168, 169, 171, 181, 185, 188, 194, 195, 258
Воронцов М. С. 32
Ворцель Н. 121
Врангель Ф. П. 194, 221
Вяземский П. А. 6, 31, 65, 66, 75, 180, 239

Гаврилов М. Г. 235
Гаджиев В. Г. 178
Гален Х., ван 51
Галлер Л. 19
Галиев В. З. 195, 222
Гангеблов А. С. 163, 165, 180, 181
Гарибальди Дж. 72
Гарт 133
Герман К. Ф. 67
Герцен А. И. 72, 172, 181
Геттум 212
Гибер 106
Глинка Ф. Н. 42, 66, 68, 75, 104, 236, 237, 245, 249—251, 271, 272
Голицын Д. В. 144
Головин Ф. А. 211
Головнин В. М. 205, 211, 214, 215
Горбачевский И. И. 113, 114, 124
Грибовский М. К. 48
Грибоедов А. С. 6, 31, 126, 140, 141, 146, 147, 150—154, 156, 163, 167—172, 178—182
Громыко А. А. 11
Грумм-Гржимайло А. Г. 182

Давыдов В. Л. 59, 92, 150
Давыдов Д. В. 66, 106, 163, 166
Давыдов Ю. В. 221
Д'Аламбер Ж. Л. 66
Дамешек Л. М. 223
Даниелов И. 110
Дашков Д. В. 122
Дебидур А. 72
Демосфен 138
Дзидзария Г. А. 178
Дибич И. И. 162, 195—197
Дмитриев-Мамонов М. А. 27, 28
Додолев М. А. 56, 72, 75
Достян И. С. 9, 12, 88, 94, 101, 122, 123
Дружинин Н. М. 8, 19, 60, 61, 73, 124, 222, 270—273
Дьяков В. А. 12

Екатерина II 106, 227
Ениколопов И. К. 180, 181
Ермолов А. П. 49, 75, 93, 126—130, 132—134, 136—138, 140—142, 146—151, 153, 154, 156, 157, 161, 178, 179, 187, 189, 190, 193, 208, 222

Жемчужников А. А. 11, 185, 188, 195—199, 222, 258
Живкович С. 86
Жомини А. 104, 106, 250, 251, 272
Жуковский В. А. 12

Заблоцкий-Десятовский А. П. 123
Завалишин Д. И. 12, 98, 185, 186, 204, 216, 218, 219, 225, 264
Завелейский П. Д. 172, 181
Зайончковский П. А. 123
Зак Л. А. 25, 72, 73
Закревский А. А. 75, 93, 148, 189
Занд К. 37, 42
Зеленский 220

Иакинф (Бичурин Н. Я.) 212
Инзов И. Н. 98
Иовва И. Ф. 88, 122
Ипсиланти А. 4, 52, 57, 68, 79, 80, 84—86, 88—92, 94, 95, 97—101, 110, 142, 260
Ипсиланти Д. 95
Ипсиланти Н. 95
Искрицкий Д. А. 160, 162—164, 166, 181

Каджары 180, 275
Кайдалов Е. 197
Кайсаров А. С. 101, 102
Калягин В. А. 270
Канкрин Е. Ф. 217
Каннинг Дж. 70, 81
Каподистрия И. А. 32, 33, 37, 70, 81, 194
Карагеоргий 103
Карамзин Н. М. 19, 71, 72, 76, 238
Карл-Юхан (Бернадот Ш.) 22, 24
Карно 106
Карцов В. Г. 223
Катакази К. А. 98
Катон (младший) 59
Каховский Н. А. 154
Каховский П. Г. 59, 69, 76, 92, 103, 108, 123, 126, 151, 228, 230, 256, 269, 270
Квирога (Кирога) 43, 52, 57, 74
Кестльри (Каслри) Р. С. 21, 26, 29
Киняпина Н. С. 72

Киселев П. Д. 11, 12, 26, 30, 73, 93, 98, 100, 104, 105, 123, 146, 148, 149, 151, 252
Клаузевиц К. 251
Коваленко Г. М. 73
Ковальская М. И. 9, 13, 56, 73—75
Кожевников А. Л. 160
Кожевников Н. П. 160
Козельский Я. П. 240
Козодавлев О. П. 213
Колокотронис Т. 97
Колошин Павел И. 130
Колошин Петр И. 130
Комаров Н. И. 104
Коновницын И. П. 160
Коновницын П. П. 160, 162, 163
Констан Б. 53, 72
Константин Павлович, вел. кн. 58, 64, 118, 120
Копылов Г. И. 126
Кормик Дж. 133
Корнилович А. О. 11, 106, 145, 154, 155, 173—176, 182, 186, 199—204, 209—213, 223, 224, 258
Коцебу А. Ф. 37, 42
Коцебу М. фон 179
Кочубей В. П. 45, 65
Крамер В. В. 220
Крузенштерн И. Ф. 184, 205, 211, 214
Крупенский М. Е. 98
Крюденер В.-Ю. 19
Крюков Н. А. 252
Крыжановский С. 117, 118, 121
Куницын А. П. 68
Кутузов М. И. 79, 107, 250, 251
Кучеренко Г. С. 271
Кюхельбекер В. К. 42, 48, 49, 92, 126, 151, 180, 239
Кюхельбекер М. К. 185

Ланда С. С. 61, 124
Ланжерон А. Ф. 93
Лаперуз Ж.-Ф. 211
Лаппа М. Д. 160
Лаферронэ П.-Л.-О. 63, 80
Лачинов Е. Е. 10, 11, 126, 128, 134—138, 157, 160, 163—165, 170—172, 177, 179—181, 185, 192, 258
Лелевель И. 121
Леман П. М. 160, 162
Лендисей Г. 133
Ленин В. И. 6, 7, 12, 14, 21, 39, 57, 61, 71, 72, 74, 75, 228, 229, 239, 244, 255, 270—272, 274, 276
Лещиловская И. И. 123
Ливий Тит 250
Лисянский Ю. Ф. 184, 214
Лихарев В. Н. 162
Лорер Н. И. 96, 123
Лувель П. Л. 42, 49, 74
Лукасинский В. 117
Лунин М. С. 40, 108, 120, 121, 124, 176, 182, 247, 258, 265, 270, 271, 273
Лысенко Н. Н. 124
Люблинский Ю. 114
Людовик XVIII 27, 30, 41, 74, 86

Мабли Г. Б. 268
Мазарович С. И. 152—154
Макаров Д. В. 204, 205
Макинтош 133
Макшеев А. И. 223
Малиновский В. Ф. 101, 102, 240, 255, 271
Мамед Али-Мурза 129, 132
Манфред А. З. 72
Маркова О. П. 181
Маркс К. 15, 27, 71—74, 77, 122, 123, 221
Мартенс Ф. 73, 74, 224, 271
Мартос И. П. 238
Маслова О. В. 222
Матюшкин Ф. Ф. 194, 221
Махмуд II 110
Медведев М. М. 181
Медведская Л. А. 12, 124
Мейендорф Е. К. 194, 201
Мейер Л. Л. 223
Меншиков А. С. 156
Местр Ж., де 19, 27, 28, 72, 243
Меттернних К.-Л. 20, 26, 27, 29, 34, 37, 38, 64, 70, 72
Мещеряков Г. П. 272
Миклашевский А. М. 162, 166
Милош Обренович 86, 87
Минаева Н. В. 61, 72
Минчаки М. Я. 87
Мир Гейдер-хан (Хайдар-хан) 187, 193
Мироненко С. В. 75
Монтейф 133
Монтескье Ш. 19, 227, 240
Мордвинов Н. С. 11, 143, 188—190, 204, 208, 211, 215, 219, 220
Мордвиновы 222
Муравьев А. Н. 130, 131, 138, 178, 192, 193, 250
Муравьев М. И. 220
Муравьев М. Н. 56, 66, 68, 85, 104, 130, 138
Муравьев Н. М. 8, 40, 60, 61, 75, 92, 109, 117, 124, 140, 142, 185, 227, 228, 236, 238, 245, 246, 249—251, 253, 260, 266—270, 273
Муравьев (Карский) Н. Н. 6, 31, 96, 123, 128, 130—138, 140, 145—147, 154, 156, 157, 166, 171, 178—181, 187, 189—193, 201, 222, 250, 258, 272
Муравьев Н. Н. (старший) 106, 135, 193
Муравьев-Апостол М. И. 54, 252

Муравьев-Апостол С. И. 16, 54, 57, 58, 108, 117, 120, 150, 252
Муркрофт У. 202
Мусин-Пушкин Е. С. 160, 162
Мухамет-Рахим (Мухамед Рахим-хан) 198
Муханов П. А. 126, 144, 237
Мухина С. Л. 179, 271
Мюллер А. 19, 243

Навроцкий С. Г. 99
Надир-шах 175
Наполеон Бонапарт 14, 15, 18, 22, 27, 28, 33, 37, 52, 74, 235, 236, 239
Нарочницкий А. Л. 9, 11, 12, 70, 72, 76, 223
Невельской Г. И. 211
Негри А. Ф. 128, 187, 193, 201
Непенин А. Г. 94
Нерсисян М. Г. 9, 13, 163, 178—181
Нессельроде К. В. 23, 29, 45, 62, 70, 73, 87, 93, 96, 129, 148, 152—154, 190, 195, 212, 216, 217, 219
Нечаев С. Д. 144, 145, 179, 237, 238, 250, 271, 272
Нечкина М. В. 8—10, 12, 41, 61, 72, 74, 113, 122, 124, 152, 178, 180, 181, 223, 259, 270, 272, 273
Николай I 82, 107, 150, 151, 156, 160, 161, 163, 169, 173, 194, 219, 225, 228, 254, 269
Николай Михайлович, вел. кн. 75, 122
Новосильцев Н. Н. 21, 65
Норов В. С. 237

Оболенский Е. П. 40, 216, 252
Одоевский А. И. 162
Окладников А. П. 185, 221, 224
Окунь С. Б. 124, 218, 224, 225
Олизар Г. 120
Ольшанский П. Н. 9, 12, 124
Оржицкий Н. Н. 160
Орлик О. В. 9, 13, 72, 75, 122
Орлов М. Ф. 11, 16, 23—25, 27, 28, 52, 55, 66, 68, 73, 85, 94—96, 98, 104, 123, 140—142, 151, 179, 236, 237, 242, 249—251, 271, 272
Оуэн Р. 241, 271
Охотников К. А. 94

Павлищев Н. 106
Павлов-Сильванский Н. П. 124
Павлова Л. Я. 24, 73
Пандер Х. И. 194
Парсамян В. А. 13, 180
Пасецкий В. М. 221, 223, 225, 258, 272
Паскевич И. Ф. 151, 161, 162, 168, 169, 171
Пашуто В. Т. 181
Пепе К. 45, 57
Пестель П. И. 11, 16, 17, 28, 30, 40, 52, 53, 55, 56, 58, 60—62, 66—68, 71, 85, 91, 94, 97—101, 103—106, 108—112, 117—119, 123, 124, 130, 148—150, 157—159, 176, 180, 185, 186, 196, 199, 200, 204, 207—209, 219, 221, 227, 228, 231—236, 245—249, 251—261, 263—270, 274
Петр Великий (Петр I) 104, 123, 174, 191, 238
Петр (Каменский П. И.) 212
Петр I Петрович Негош 102
Петров Н. В. 106, 107
Пизани А. Н. 99
Питт У. (младший) 50, 264
Плеханов Г. В. 208, 224
Погодин М. П. 179
Поджио А. В. 55, 56, 69, 75, 76, 109, 230, 254, 270
Полев А. 101
Поло М. 212
Полторацкий С. Д. 31
Попов И. 224
Попова О. М. 181
Порох И. В. 124
Потемкин Г. А. 249
Предтеченский А. В. 75
Пресняков А. Е. 72
Прокофьев Е. А. 9, 12, 271, 272
Прокофьев И. В. 216, 220, 221
Пугачев В. В. 61, 74
Пушкин А. С. 6, 31, 37, 48, 51, 74, 91, 92, 100, 122, 123, 163, 165, 180, 181, 194, 242, 243, 271
Пущин И. И. 40, 54
Пущин М. И. 162, 163
Пущин П. С. 91, 98, 104, 107

Радищев А. Н. 12, 101, 226, 227, 240, 271
Раевская Е. Н. 95
Раевский А. Н. 94, 142
Раевский В. Ф. 52, 55, 56, 75, 92, 94, 122
Раевский Н. Н. (младший) 151, 161—163, 165
Резанов Н. П. 215
Риего Р. 43, 45, 50, 57, 59
Рогинский В. В. 73
Родофиникин К. К. 152, 187
Рожкова М. К. 181
Розен А. Е. 252, 272
Розенкранц Н. 23
Романов В. П. 49, 185, 186, 204, 219—222
Ртищев Н. Ф. 175
Руденская М. 222, 271
Руденская С. 222, 271
Руликовский Ю. 120
Румянцев Н. П. 214

Румянцев П. А. 249
Руссо Ж.-Ж. 66, 227, 239, 240, 242, 268, 273
Рылеев К. Ф. 42, 57, 59, 92, 185, 196, 200, 204, 215—218, 220, 221, 237, 248, 264, 268

Садыков М. З. 178
Сакварелидзе Р. Д. 179, 180
Салега-Мирза 154, 155
Салтыков-Щедрин М. Е. 12
Самборский А. А. 101
Сарычев Г. А. 205
Северин А. И. 216, 220
Семевский В. И. 60, 68, 75
Семенов Л. С. 168, 181
Семенова А. В. 179, 223
Семичев Н. Н. 162
Сен-Пьер, аббат 242
Сен-Симон А. 241, 271
Сен-Флориан 105
Сенявин Д. Н. 102
Серман И. З. 182
Сироткин В. Г. 12, 72, 123
Соколов А. Е. 128, 138
Солтык С. 117
Сомов О. М. 216
Сперанский М. М. 11, 187, 204, 205, 207, 208, 215, 223, 224
Спиридов А. М. 101
Старынкевич Н. А. 31
Степанов М. 72, 73
Столыпин Д. А. 151
Строганов Г. А. 24, 148
Суворов А. В. 75, 249—251
Сухоруков В. Д. 160
Суццо М. 99
Сыроечковский Б. Е. 9, 12, 61, 75, 113, 123, 124

Талейран Ш. М. 27, 72
Тарле Е. В. 54, 56, 72, 75
Татищев Д. П. 80
Теплова В. А. 74
Тимковский В. Ф. 150
Тимковский Е. Ф. 212, 213, 221, 224
Тимофеев А. К. 194
Титов П. П. 196
Тихменев П. А. 224
Тиховской 145
Торсон К. П. 185, 204, 205, 246, 268
Тресков И. 180
Трубецкой С. П. 16, 40, 54, 58, 85, 196, 200, 216, 248
Тургенев А. И. 12, 33, 37, 224
Тургенев Н. И. 12, 15, 16, 26—33, 37, 39—42, 51, 52, 54—56, 58, 66—68, 71, 73, 74, 92, 96, 97, 103, 122, 193, 222, 224, 230, 236, 238, 242, 245, 246, 252, 264, 265
Тургенев С. И. 6, 11, 12, 31—37, 71, 74, 92, 123, 193, 222, 230, 231, 236
Тургеневы, братья 71, 73—75, 123, 270—272
Тынянов Ю. Н. 75

Уиллок 133
Улыбышев А. Д. 271
Устимович П. М. 126

Фадеев А. В. 9, 12, 13, 72, 88, 122, 178—180
Федорова С. Г. 214, 224
Файерштейн С. М. 61
Фердинанд I 45, 59, 267
Фердинанд VII 43, 44, 50, 58, 59
Фетх Али-шах 127, 128
Филимон И. 88, 95
Фонвизин М. А. 30, 68, 75, 237
Франц I 19, 72
Фридрих-Август 27
Фридрих-Вильгельм III 19, 27

Халфин Н. А. 194, 222, 223
Хитрова Н. И. 123
Хлебников К. Т. 215, 224, 225
Ходкевич А. 118
Христиан-Фредерик 22, 24, 25
Худавердян К. С. 178

Цебриков Н. Р. 160
Цебриков Р. М. 240
Циолковский С. Т. 187, 195, 196
Цицерон М. Т. 138

Чаадаев М. Я. 52
Чаадаев П. Я. 50, 52
Чатам, лорд 50
Черевин П. Д. 179
Чижов Н. А. 185, 186, 222

Шадури В. С. 178, 180
Шатрова Г. П. 124, 223
Шаховской Ф. П. 54
Штейнгель В. И. 55, 204, 210, 216, 237, 248, 268
Шебунин А. Н. 8, 12, 72, 122
Шешин А. Б. 75, 223
Шильдер Н. К. 72, 75, 76, 180
Шостакович С. В. 181
Шпаро О. Б. 88, 122
Штейн К.-Г. 26, 27, 29, 73
Шубин 195
Шур Л. А. 221

Эверсман Э. А. 194
Энгельс Ф. 14, 18, 30, 36, 71—74, 77, 78, 82, 122, 123, 221
Эндаков Д. Н. 224
Эссен П. К. 194, 195

Юшневский А. П. 40, 104, 149, 185, 200, 252, 261

Яблоновский А. 117, 120, 121
Якубович А. И. 59, 126, 143, 144, 146, 150, 151, 179
Якушкин Е. Е. 69
Якушкин И. Д. 25, 54, 69, 73, 76, 92, 250, 272

Angeloni L. 73
Aricescu C. 123

Bernardin de Saint-Pierre 72
Bonald L. 72

Chateaubriand F. A. 72
Constant B. 72

Krudener J. 72

Ley F. 72
Luciani G. 124

Näf W. 72

Prokesch-Osten A. 122

Stael A. L., de 72

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава первая

ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 20-Х ГОДОВ XIX В. И КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА 14

1. Отношение к «венской системе» и созданию Священного союза 14
2. Опыт и уроки западноевропейских революций в оценке декабристов. Критика контрреволюционной политики Священного союза 39

Глава вторая

ДЕКАБРИСТЫ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БАЛКАНАХ. ПОИСКИ ПУТЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ 77

1. Роль Балкан во внешней политике России. Основы развития связей между русским и балканскими народами 77
2. Начало Греческой революции 1821—1829 гг. и позиция декабристов 84
3. В поисках единения революционных сил 101

Глава третья

ОТНОШЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ К ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА КАВКАЗЕ 125

1. Представители первых декабристских обществ о Кавказе . . . 125
2. Политика царизма на Кавказе в оценке декабристов и других прогрессивных деятелей России; взгляды на роль кавказского региона в развитии Восточного кризиса 20-х годов XIX в. 139
3. Участие декабристов в освобождении Восточной Армении. Их взгляды на пути развития народов Кавказа 159

Глава четвертая

ДЕКАБРИСТЫ О ПОЛИТИКЕ РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ 183

1. Участие передовых представителей России в изучении Казахстана и Средней Азии 183
2. Взгляды на восточное направление внешней политики 199

Глава пятая
РАЗРАБОТКА НОВЫХ ПРИНЦИПОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 226
1. Теоретическое обоснование и начало разработки новых принципов внешней политики 226
2. Проблемы войны и мира 235
3. Вопросы защиты революционных завоеваний во взглядах декабристов 244
4. «Русская Правда» П. И. Пестеля и Конституция Н. М. Муравьева о новых внешнеполитических принципах и задачах революционной России 251
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 274
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 277
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 278

Ольга Васильевна Орлик
Декабристы
и внешняя политика
России

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории СССР
АН СССР

Редактор издательства
М. М. Медведев

Художник
Г. М. Чижевский

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Ф. М. Хенох

Корректоры
В. С. Шварцер, Е. В. Шевченко

ИБ № 28459

Сдано в набор 21.02.84.
Подписано к печати 31.05.84
Т-13306. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага типографская № 1
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 21,4. Усл. кр. отт. 18
Тираж 6 750 экз. Тип. зак. 3775
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7 Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В издательстве
«НАУКА»
выходят
из печати
следующие
книги

Л. Н. Пушкарев

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ:
ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА.
— 16 л.— 1 р. 60 к.

Книга рассказывает о жизни и творчестве выдающегося просветителя, провозвестника идеи славянского единства, видного деятеля общественно-политической мысли России второй половины XVII в. Автор описывает драматичную и полную неожиданных поворотов жизнь Крижанича; переданы впечатления от его пребывания в России; дана оценка его взглядов и основых его трудов. Подобный биографический очерк создан впервые не только в советской, но и в зарубежной литературе и науке.

РУССКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ
СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.
— 30 л.— 3 р. 50 к.

Сборник документов является первым томом шеститомной серии «Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в.» В книге собраны документы, освещающие деятельность Первой и Второй Камчатских экспедиций,— яркой страницы в истории географических открытий. Материалы тома показывают вклад русских людей в исследование и освоение северной части Тихого океана, подтверждают их приоритет в целом ряде открытий в данном регионе. Большая часть документов тома публикуется впервые.

117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
320093 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»)
142292 Пущино, Московская обл., МР, «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).